

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин

От автора

(Вместо предисловия)

Из клочков моих признаний в дневнике в конце концов должна выйти книга «Дорога к другу» (дневник писателя).

Весь путь мой был из одиночества в люди.

Мелькает мысль, чтобы бросить все лишнее, машину, ружья, собак, фотографию и заниматься только тем, чтобы свести концы с концами, т. е. написать книгу о себе со своими всеми дневниками.

О себе я говорю не для себя: я по себе других людей узнаю и природу, и если ставлю «я», то это не есть мое «я» бытовое, а «я» производственное, не менее рознящееся от моего индивидуального «я», чем если бы я сказал «мы».

Мое «я» в дневнике должно быть таким же, как и в художественном произведении, т. е. глядеться в зеркало вечности, выступать всегда победителем текущего времени.

Что же касается нескромных выходов с интимной жизнью, то разобраться в том, что именно на свет и что в стол, можно только со стороны. И еще есть особая смелость художника не слушаться этого голоса со стороны. Примером возьму Ж-Ж. Руссо: если бы он слушался этого голоса, у нас бы не было «Исповеди».

Таких примеров могу дать бесчисленное множество.

Дорога к другу

1946 год

Ищем, где бы нам свить гнездо.

В Поречье

Вчера с утра зима рванулась было с морозом и ветром, нарушила было спокойное чередование одинаковых мягких дней. Но среди дня явилось богатое солнце, и все укротилось.

Вечером опять воздух после мороза и солнце были, как летом на ледниках.

Завтра отправляемся в Поречье, под Звенигородом— дом отдыха Академии наук.

В 9 часов выехали из Москвы и в 11 приехали, хорошо, как и не мечтали. Тихий, теплый и крупный снег падал весь день.

С утра на солнце деревья покрылись роскошным, инеем, и так продолжалось часа два, потом иней исчез, солнце закрылось, и день прошел тихо, задумчиво, с капелью среди дня и ароматными лунными сумерками под вечер.

Денек просверкал

Какой денек вчера просверкал! Как будто красавица пришла «ослепительной красоты». Мы притихли, умалились и, прищулив глаза, смотрели себе под ноги. Только в овраге в тени, деревьям осмелились поднять глаза на все белое в голубых тенях.

Ночь была звездная, и день пришел пасмурный, и слава богу, а то со сверкающим мартовским днем не справишься, и не ты, а он делается твоим хозяином.

Березам зябко

Всю ночь бушевал ветер, и слышно было в доме, как вода капала. И утром не пришел, мороз: то солнце выглянет, то сомкнутся тучи и тряхнет крупой, как из мешка. И так быстро мчатся облака, и так зябко белым березкам, так они качаются!

Тихий снег

Говорят о тишине: «Тише воды, ниже травы». Но что может быть тише падающего снега! Вчера весь день падал снег, и как будто это он с небес принес тишину.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Этот целомудренный снег в целомудренном мартовском свете младенческой пухлотой своей создавал такую обнимающую все живое и мертвое тишину. И всякий звук только усиливал ее: петух заорал, ворона звала, дятел барабанил, сойка пела всеми голосами, но тишина от всего этого росла.

Какая тишина, какая благодать, как будто чувствуешь сам благодетельный рост своего понимания жизни, прикосновение к такой высоте, где не бывает ветров, не проходит тишина.

Живая елка

Сверху снег и снег, но от лучей солнца капельки невидимые проникли вниз к месту соприкосновения веточки со снегом. Это водица подмывает, снег с еловой лапки падает на другую. Капельки, падая с лапки на лапку, шевелят пальчиками, и вся елка от снега и капли, как живая, волнуясь, шевелится, сияет.

Особенно хорошо смотреть сзади елки против солнца.

Река под снегом

Река до того бела, до того вся под снегом, что узнаешь берега только по кустикам. Но тропинка через реку вьется заметная, и потому только, что днем, когда под снегом хлюпало, проходил человек, в следы его набежала вода, застыла, и теперь это издали заметно, а идти колко и хрустко.

Теплая поляна

Как все затихает, когда удаляешься в лес, и вот наконец солнце на защищенной от ветра полянке посылает лучи, размягчая снег.

А вокруг березки волосатые и каштановые, и, сквозь них новое чистое голубое небо, и по небу бирюзовому проносятся белые прозрачные облачка, одно за другим, будто кто-то курит, стараясь пускать дым колечками, и у него колечки все не удаются.

Скворцы прилетели

Утро ясное, как золотое стеклышко. Забереги все растут, и уже видно, что лед лежит на воде и незаметно для глаза поднимается.

На деревьях в Дунине скворцы, прилетели и маленькие птички – чечетки, во множестве сидят и поют.

Мы ищем, где бы нам свить гнездо – дачу купить, и так всерьез, так, кажется, вправду, и в то же время где-то думаешь тайно в себе: я всю жизнь ищу, где бы свить гнездо, каждую весну покупаю где-нибудь дом, а весна проходит, и птицы сядут на яйца, и сказка исчезает.

Чем краше день, тем настойчивей вызывает и дразнит нас природа: день-то хорош, а ты какой! И все отзываются – кто как.

Счастливей всех в этом художники.

Вода

<...> Большая вода выходит из своих берегов и далеко разливается. Но и малый ручей спешит к большой воде и достигает даже и океана.

Только стоячая вода остается для себя стоять, тухнет и зеленеет.

Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону.

И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже, как стоячая вода.

Последу

Случается, пролезет один какой-нибудь человек по глубокому снегу, и выйдет ему, что недаром трудился. По его следу пролезет другой с благодарностью, потом третий, четвертый, а там уже узнали о новой тропе, и так благодаря одному человеку на всю зиму определилась дорога зимняя.

Но бывает, пролез человек один, и так останется этот след, никто не пройдет больше по нем, и метель-поземок так заметет его, что никакого следа не

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru останется.

Такая нам всем доля на земле: и одинаково, бывает, трудимся, а счастье разное.

Восхищенный человек

Зорька нежнее щечки младенца, и в тиши неслышно падает и тукает редко и мерно капля на балконе... Из глубины души встает и выходит восхищенный человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая!» И она ему отвечает.

Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищенный.

Березовый сок

Вечер теплый и тихий, но вальдшнепов не было. Заря была звукоемкая.

Вот теперь больше не нужно резать березку, чтобы узнать, началось ли движение сока. Лягушки прыгают, значит, и сок есть в березе. Тонет нога в земле, как в снегу, – есть сок в березе. Зяблики поют, жаворонки и все певчие дрозды и скворцы – есть сок в березе.

Мысли мои старые все разбежались, как лед на реке, – есть сок в березе.

Счастливым хомут

Сегодня должна совершиться покупка дома. Что-то вроде свадьбы Подколесина! И это вечное: везде и каждому в промежутке между решением и действием хочется убежать в сторону, прыгнуть в окно.

Недоволен я собой: весь я в настроениях, нет смелости, прямоты, нет лукавства достаточного. Боже мой! как я жил, как я живу! Одно, одно только верно – это путь мой, тропинка моя извилистая, обманчивая, пропадающая...

Около времени вечернего чая пришли девушки: предсельсовета и агроном. Они поставили печать к заготовленной нами бумаге, и двухмесячная борьба и колебания были закончены: развалины дачного дома стали нашим владением.

Я подарил Критской книгу с надписью: «Н. А. Лебедевой-Критской на память о счастливом хомуте: я счастливо влез в хомут счастливого 13 мая 46 года, она счастливо из него вылезла».

Глубокая почва

Брожу весь день между липами, и вдруг вспомнилось Хрущеве: там был тоже такой легкий для дыханья воздух. С тех пор я не дышал таким воздухом, я не жил в здоровой природе и мало-помалу забыл, что она существует...

Я жил в болотах, в комарах, понимал такую природу как девственную, как самую лучшую. А разве мать моя жила не тем же чувством благодарности за жизнь, какая она ей пришлась, не имея никакой претензии на лучшую? Та даже и умерла, не испытав женской любви. Да и вся Россия такая жила, в бедной истине, думая о том, что где-то лучше живут и нам бы можно так.

И вот почему, когда я вышел из болот и стал здесь на глубокую почву, где липы растут и нет комаров, мне кажется, будто я вернулся в Хрущево, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете.

Начало любви

Сад цветет, и каждый нагружается в нем ароматом. Так и человек бывает, как цветущий сад: любит всех, и каждый в его любовь входит. Мать моя была такая: любила всех и каждого, но ни на кого не тратилась. Это, конечно, еще не любовь, а скорее всего это таится нетронутый клад души, от которого истекает любовь.

Начало любви – во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва.

Но мне кажется, любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей, – ручей любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан, который так же, как и сад цветущий, существует для всех и каждого.

Зеленое пламя

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Как зеленое пламя, вспыхнула береза в еловом темном лесу, и ветерок уже заиграл всеми ее листиками и будет играть всю весну, все лето и осень, пока все не сорвет и не останется береза опять одна со своими голыми прутиками.

– Ты знаешь, Жулька, – сказал я своей умнице собаке, – эта березка, может быть, также когда-нибудь, как мы с тобой, бегала, но ей понравился ветер и что он играет ее листиками.

Вот она остановилась и отдалась ветру, и с тех пор она стоит так и он ею играет.

Усталость

Шел в лесу долго и, вероятно, стал уставать. Мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой.

Но вдруг я почувствовал себя внезапно радостным и возвышенным, глянул вокруг и увидел, что это лес стал высоким, и стройные прекрасные деревья своим устремлением вверх поднимали меня.

Счастье

Меня вчера окружили в парке женщины и, узнав, начали объясняться в любви.

– У вас, наверно, было счастливое детство? – спросила одна.

– Без обиды не обошлось, – ответил я, – но счастье мне было не в детстве, а в том, что я обиду свою обошел.

Мы все должны зализать свою рану. Заживил – и счастлив, Мы должны сделать свое счастье.

Да, конечно, счастье необходимо, но какое? Есть счастье – случай, – это бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло, – как заслуга.

Вот друг мой, – это, конечно, мое счастье. Но разве я-то не заслужил его! С каких далеких лет я за такое счастье страдал и сколько лет в упорном труде обходил свою личную обиду, достигал признания общества и чего-чего только не терпел.

Нет, нет! Я счастье свое заслужил, и если каждый соберет столько усилий, чтобы обойти свою обиду, то почти каждый будет счастливым.

Я говорю «почти», потому что не вся сила жизни сосредоточена в своих руках, почему и говорят: «не судьба» или что «от сумы и тюрьмы не отказывайся».

Счастье у людей «выходит» иногда, а радость – достигается...

Грибники

Встретил машинист с паровоза: успел набрать корзину белых грибов и теперь бежит на паровоз. Вот этот любит природу!

Опавшие листья уже запахло пряниками. Редки белые грибы, но зато как найдешь, так и набросишься на них коршуном, срежешь и вспомнишь, что обещался, увидев, не сразу резать, а полюбоваться.

Опять обещался и опять забыл.

Один грибник приходит с мелкими грибами, другой – с крупными. Один внимательный и, пользуясь силой внимания, видит грибы. Другой мелочи не видит возле себя, и не он направляет на гриб внимание, а сам гриб, большой, как лампа, обращает на себя его внимание.

У таких грибников большинство грибов – крупные.

Работа нависла

Показались на яблонях яблоки. Ух, какая работища нависла надо мной и тоже, как

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
яблоко, показалась из моей зелени.

В Дунине великой силой взялись белые грибы. Всего трясет – так хочется пособирать, и в то же время думаешь, что все такое не ко времени. Теперь мне не до грибов, не до охоты, не до рыбы, – даже и не до природы.

Недосмотренные грибы
Дует северный ветер, руки стынут на воздухе. А грибы все растут; волнушки, маслята, рыжики, изредка все еще попадаются и белые.

Эх, и хорош же вчера попался на глаза мухомор. Сам темно-красный, и спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны, и даже со складочками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранная, губки округлила, облизывается, мокренькая и умненькая.

А масленок масленку рознь: то – весь дрызглый, червивый, а то попадет такой упругий и жирный, что даже из рук выскочит, да еще и пискнет.

Бог стоит моховичок: вырастая, он попал на прутик, тот разделил шляпку, и сделался гриб похожим на заячью губу.

Один большой гриб стал, как избушка, спустил свою крышу почти до земли – это очень старая сыроежка.

В осиннике до того теснит осинка осинку, что даже и подосиновик норовит найти себе елочку и под ней устроиться посвободней.

Вот почему, если гриб зовется подосиновиком, то это вовсе не значит, что каждый подосиновик живет под осинкой, а подберезовик живет под березой. Сплошь да рядом бывает, что подосиновик таится под елками, а подберезовики открыто сидят на поляне в еловом лесу.

Придут скоро морозы, а потом и снег накроет грибы, и сколько их останется в лесу, недосмотренных, и пропадет, не доросших до семени, и пойдет в общий котел, на общее удобрение, на общий обмен.

Так вот жалко становится недоросшего, недосмотренного гриба в лесу, что так просто пропадут и никому не достанутся.

Грибы тоже ходят
Осень глубоко продвинулась. Еловый подрост ссыпан золотыми монетками берез и красными медалями осин. В лесу ведь и в солнечный день сумерки, а тут еще напала листва и скрывает от глаз серые, красные и желтые шляпки грибов.

– Есть грибы? – спросил я маленькую дочь лесника.

– Волнушки, рыжики, маслята.

– А белые?

– Есть и белые, только теперь начинает холоднеть, и белые переходят под елки. Под березками и не думайте искать – все под елками.

– Как же это они так переходят, видала ли ты когда-нибудь, как грибы ходят?

Девочка оторопела, но вдруг поняла меня и, сделав плутовскую рожицу, ответила, мне:

– Так они же ночью ходят, как их мне ночью увидеть? Этого никто не видал.

Мало встретил хорошего
Утро прохладное и солнечное, после обеда затянулось небо и был дождь. Утром ходил за грибами подальше, по-настоящему. Оказалось, что грибов нет; если и покажутся, то пожирают слизняки. Так что дождик грибам полезен, но при постоянных дождях грибы не растут.

Ходилось нелегко. Мало встретил хорошего, потому что не было в душе равновесия.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Хрустальный день
Есть в осени первоначальной хрустальный день. Вот он и теперь. Тишина! Не шевелится ни один листик вверху, и только внизу на неслышимом сквознячке трепещет на паутинке сухой листик.

В этой хрустальной тишине деревья, и старые пни, и сухостойные чудища ушли в себя, и их не было, но, когда я вышел на полянку, они заметили меня и вышли из своего оцепенения...

Тоска по человеку и страх одиночества, когда я нашел себя, вдруг исчезли: и человек свой родной и близкий оказался на всяком месте.

Человек близкий везде и всюду, только надо быть самому свободным, сильным, здоровым душой. Давайте же помогать и удивляться этим людям в первую очередь, а потом уж пойдем к труждающимся и обремененным. Это маленький вариант милосердия.

Наши дела

Хватил первый мороз, но с неба откуда-то капает. На воде большие капли становятся пузырями и плывут вместе с убегающими туманами вниз по реке.

Так Москва-река умывается.

Долго задумчиво стоял у реки, размышляя о своих зимних делах, и, когда оглянулся, увидел: рядом со мной, тоже у воды, сидел куличок и тоже задумался, наверно, о своем далеком пути.

У меня дела в городе, у него – в теплых краях.

Новоселье

Вчера первый раз переночевал в своем доме.

Начинаю пожинать урожай своего весеннего сева: посеял, все лето боролся, растил – и вот мой дом, как яблоко, как мысль, поспеваает, и звезды небесные, как обстановка души моей, появляются над моими сенями.

Вечером на короткое время вызвездило, и с веранды я увидел Большую Медведицу и другие звезды, с детства так знакомые и родные.

И вся небесная обстановка моего домика была как мебель собственной души моей, и даже сама душа, казалось, досталась мне от первых пастухов...

Как мало я сделал для поэзии, но как чудесно для поэзии создана природой моя душа...

Мне живо представляется время жизни моей на хуторе Бобринского в 1902 году, 44 года тому назад, когда мне было 29 лет. А как ясно вспоминаются даже первые записи. Помню, записывал тогда о границе природы, где природа кончается и начинается человек.

С тех пор прошло почти столетия, и оказывается, что с тех пор я так и не отходил от той темы, и все написанное мною было об этом, и на этой теме я умнел и богател.

В городе

Земля мерзлая, черная. Безразличные дни смотрятся друг в друга, как в зеркальных отражениях. Злой ветер с морозцем наматывает пятнышками мелкий, редкий снежок.

Вижу из Москвы сейчас нашу реку в Лунине. Широкие забереги с мысиками, на мысики намерзают плавающие – льдинки, – проход между мысами все сужается, но все еще пропускает плавающее сало.

И вижу – это не река, а душа моя, невода, а радость моя, и не частые льдинки это, а душа это моя покрывается заботами.

Но я собираюсь подо льдом с силами и верю, что придет моя весна и все мои заботы обратятся в радость.

Из «Дневника шофера»

Научился заводить машину в мороз в нетопленном гараже, без горячей воды, одним движением ноги с лесенки.

Когда научился, то понял, по себе, с годами выступающий ум как заменитель молодости и силы <...>

Ключ счастья

Интерес к машине соединился с интересом к природе, потому что места охоты все отдаляются и к ним надо ехать... Так в природе чудится где-то свобода или счастье, и ключик в кармане от машины представляется ключиком к счастью.

Конь везет

Маленький я боялся своих лет, и мне казалось, что годы мои идут, а я еще ничего не достиг. Так и было мне до семидесяти лет: вечный упрек. Но после семидесяти мне стали все говорить: «Ах, какой вы молодец!» – и я перестал, мне казалось, вовсе бояться убегающих лет. Я думал даже, чем больше мне будет лет, тем чаще мне будут говорить: «Какой вы молодец!»

Но вот случилось, пришла нам помогать пожилая женщина тетя Феня, и мы начали с ней мыть мою машину: – она мыла, а я по мытому сушил металл замшей и полировал.

Работал я хорошо, но пот все-таки выступил у меня на лбу, и старуха, наверно, этот пот заметила и спросила меня:

– А сколько вам лет?

Я поглядел на нее и вдруг испугался: я увидел в глазах простого человека всю беспощадность природы: я почувствовал, что тут уж не спастись музыкой души моей, поэзией, и если я старый гусь и не могу рядом с молодыми лететь в теплые края, меня заклюют.

Я поглядел в глаза старухи и растерянно, смущенно повторил за ней:

– Вы спрашиваете, сколько мне лет?

– Да, хозяин, – ответила она, – сколько вам лет?

За короткую минуту, однако, я успел подавить в себе противный страх и сказал:

– Сколько лет? Вы сами видите: конь везет!

– Вижу, – ответила она, – конь везет хорошо, а все-таки сколько лет-то коню?

– Конь везет, – повторил, я, – а когда на коне едут, то в зубы ему не глядят.

– Это верно! – согласилась тетя Феня и, раздумчиво вглядевшись в мои годы, написанные на моем лице, закончила наш разговор:

– Как все-таки людям жить-то хочется.

Плюшевые дамы

Вспоминаю недавнюю свою охоту за рыжиками в Лунине. Наша местность в Подмоскowie та самая, где дуб – после долгих поисков наконец-то нашел липу, и есть такие уголки в наших лесах, что почти сплошь дуб и липа. Осенью жалко бывает дуба – липа опадет и стоит голая, – а он еще держится. Зато весной липа стоит уже зеленая, а он – в зимней спячке.

Сейчас чудесное время, когда липа облетает и появляется драгоценный для солки гриб, любимый всем нашим народом гриб-рыжик. Кончаются белые грибы, но мне, посчастливилось, и я набрал их целую корзину. Выйдя на просеку, я увидел, что на ней Тузик сидит, и это значило, что кто-нибудь пришел сюда за грибами из дома отдыха. Его избаловали отдыхающие, он разжирел, и когда кто-нибудь идет в лес, он непременно для моциона провожает их.

Скоро я увидел, что Тузик караулит двух старушек: одна боевая, энергичная, другая – тургеневская, усадебная, со следами былой красоты, в лиловом плюшевом

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru пальто, в таком же капоре. Обе они с большим трудом приплелись и пытаются найти грибы, и непременно белые, хотя теперь время волнушек и рыжиков.

Проходя мимо старушек, я нарочно перевесил свою корзинку с одного плеча на другое, им напоказ, и, когда поравнялся, поклонился им.

Они очень обрадовались.

– Где вы нашли столько белых грибов?

– Это случайность, – ответил я, – белые грибы кончаются.

Грустно повторили они за мной:

– Кончаются.

Листик за листиком падают на лиловый капор когда-то красивой женщины, быть может, певицы, быть может, актрисы...

Мне Стало жалко старушек.

– Не горюйте, – сказал я, – через какие-то шесть месяцев на этих голых ветвях острые почки будут прокалывать бирюзовое небо. Вы приезжайте тогда, и я проведу вас на те места, где у нас подснежники, потом будут фиалки, а там сморчки.

Старушки с удивлением глядели на меня, и у них все было написано на лицах: они решали трудный вопрос о том, кем бы я мог быть.

– Вы здесь живете? – спросила меня пытливо энергичная.

– Да, – ответил я, – здесь живу и местность хорошо знаю.

Энергичная кивнула головой, удовлетворенная; я местный простой человек. Но плюшевая, наверно, очень хотела, чтобы я был человеком ее круга. Она лукаво спросила меня:

– Как же вы доставляете себе из Москвы продукты?

– Очень просто: езжу в Москву на машине.

– Вы держите машину и шофера?

Скажи, я одно только «да» – и я бы был принят равным в обществе плюшевых дам, но я ответил:

– Нет, зачем мне держать шофера. – я сам шофер.

Загадка личности моей была решена: я просто служу у кого-то шофером и могу быть полезным без всяких, церемоний.

– Милый мой! – сказала обрадованная энергичная дама, – вы не проведете нас на то место, где растут белые грибы? Мы вам...

– С удовольствием, – поспешил я ответить.

У меня оставалось не досмотренное мною сегодня местечко, и я повел туда старушек на счастье.

Под ногами шумела желтая листва, и так радостно было чувствовать в аромате тления под голыми вершинами лип, что всего через шесть месяцев новые листья опять сядут на свои места и каждая липа в прежней форме своей будет дожидаться времени, когда оденется дуб.

А мы? Да, конечно, и мы той же самой жизнью живем, в глубине души все мы чувствуем единый ствол жизни, на котором сидим и знаем свой срок, свою ветку, знаем, что неминуемо с нею придется тоже расстаться, и только часто забываем, что вся природа хранит в себе, как святой закон: на смену падающим придут

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
молодые, и жизнь смертных в существе своем бессмертна.

Мы, люди, не всегда это помним, как помнят листья, у нас для этого не хватает героического смирения, удобряющего почву творческой природы.

1947 год

Моя поэзия есть акт дружбы с человеком, и отсюда мое поведение: пишу – значит, люблю.

Читатель

Стояла на красивом месте лавочка. От нее теперь остались два столбика довольно толстых, и на них тоже можно присесть. Я сел на один столбик. Мой друг сел на другой. Я вынул записную книжку и начал писать. Этого друга моего вы не увидите, и я сам его не вижу, а только знаю, что он есть: это мой читатель, кому я пишу и без кого я не мог бы ничего написать.

Бывает, прочитаешь кому-нибудь написанное, и он спросит:

– Это на какого читателя написано?

– На своего, – отвечаю.

– Понимаю, – говорит он, – а всем это непонятно.

– Сначала, – говорю, – свой поймет, а он уж потом всем скажет. Мне бы только свой друг понял, свой читатель, как волшебная призма всего мира. Он существует, и я пишу.

Моя поэзия есть акт дружбы с этим волшебным читателем-человеком: пишу – значит, люблю.

Поэзия

Моя поэзия, в том виде, как я даю ее людям, есть результат моего, доброго поведения в отношении памяти моей матери и других хороших русских людей. Я совсем не литератор, и моя литература является образом моего поведения.

Мне думается, что поэзия есть важнейшая душевная сила, образующая личность, и свойственна огромному большинству людей, и каждый из них мог бы сделаться поэтом сродного ему дела.

Однако освободить внутреннюю душевную силу человека невозможно действием извне: к этому благоприятному действию извне силой общественной необходимо соответственное внутреннее поведение каждого в отношении себя самого.

Может быть, то, что мы называем «поэзией», является образом нашего личного поведения, освобождающим творческую силу.

Страх подмены

Рассудка бояться – это просто смешно. И, однако, если только рассудочные решения подменяют собой решения всей цельной личности – тут надо бояться. За все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала меня, все мои ошибки происходили и сейчас происходят только от этого, и только от страха этой подмены я не вышел весь в люди, а только частью вышел и значительной частью остался в себе.

Отсюда длительность моей литературной жизни и черепаший ходом нарастающее лучшее: чем дальше пишу, тем лучше, потому что постепенно умнея и в слове своем, выхожу с этим опытом в люди.

Сила жизнеутверждения

В мыслях у людей бывают сомнения, предваряющие утверждение: человек сомневается лично, а к людям приходит уже со своим утверждением. Так точно и в жизни у людей бывают постоянно несчастья, и сильные люди переносят их легко, скрывая от людей как сомнения.

Но когда после неудачи приходит радость, то кажется всегда, что эта радость нашлась не только для себя, а годится для всех. И радостный счастливый человек бьет в барабан.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так, сомнения, неудачи, несчастья, уродства – все это переносится лично, скрывается и отмирает. А утверждения, находки, удачи, победы, красота, рождение человека – это все сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения.

Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения.

С чего начать?

Бывает, сядешь за стол – и не пишется: мысли прыгают, как в чехарде. От нечего делать тогда возьмешься за приборку на столе, в комнате. И когда все приведешь в порядок, то и мысли тоже построятся, сядешь и работаешь.

Так бывает, но это вовсе не значит, что порядок в мыслях непременно зависит от порядка в квартире.

Значит, с души надо начать, а не с квартиры? Но если устройство души приходит с необходимости принять друга, то нужно непременно и о квартире подумать.

Вот этот «материализм» и является нашим желанным делом: чтобы не с пустыми руками встретить своих друзей.

Рождение прекрасного

Без навоза не вырастишь розу, но поэт все-таки будет славить розу, а не навоз, т. е. удобрение. Надо показывать самую розу и оставить немного навозу, перегнившего, осоломленного, чтобы показать рядом с красотой добро, рядом со свободой и необходимость, из которой она выбралась.

Вот как пишу теперь, что является высоким желанием отдать душу за других людей и самому стать добром истории!

– Идеи, идеи, – сказала мне, студенту, как-то в молодости моей тетушка моя Ксения, – что же в них хорошего?

– А что вы, тетушка, понимаете в этих идеях?

– Что понимаю? Вроде колечка, как пускают изо рта курильщики. Только идеи нужные – их ловят и сажают на стерженек: одно колечко к добру, другое – ко злу. У каждого человека в душе есть такой стерженек, и каждый сажает себе на него колечки добра и зла: дело в стерженьке, а не в одних идеях... Сами же идеи все равно как дым, вот отчего я и сказала тебе: «Идеи, идеи, что в них хорошего?»

Есть сила держать – и самое зло обернется в добро, Жизнь заставит! Нет силы – и добро оборачивается во зло. Понял, друг?

Прочитав мою статью «Школа радости», пришла ко мне девушка и спросила:

– Существует ваша школа?

– Если вы пришли – она существует. Зачем вы пришли?

– Стихи принесла.

– Ну, значит, существует! Вы пишете стихи и этим занимаетесь?

– Нет, я по холодной обработке металла.

Зрелость

Только теперь стал видеть себя. Я думаю об этом так, что, пожалуй, нужно очень долго расти вверх, чтобы получить способность видеть себя не в себе, а отдельно на стороне, как будто человек созрел и вышел из себя.

Тревога о берегу

Вижу ясно теперь, что мать моя, купеческая дочь во дворянском имении, жила как живое сухопутное, существо, брошенное в жизнь, как в воду, с единственным

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru священным заветом: «Плыви!» Она плыла по завету и вдруг умерла, так и не увидев берега.

Есть и во мне эта наследственная тревога о берегу. Мать просто наивно плыла, ждала берега. И вот это смутное стремление к берегу, понимаемое как чувство природы, привлекало ко мне читателей: «Он куда-то плывет, давайте за ним!»

Встреча с детством

Утро пасмурное, а вечером солнце, весна ослепительная. И есть переулочки в Замоскворечье, где сохранилась тишина и в какую-то минуту перед самым вечером в сумраке можно встретить себя самого в детском виде и наслаждающимся счастьем детства под чудесный говорок засыпающих галок.

Апрельский свет

За окном моим под черной железной планкой балкона привесились четыре большие, тяжелые светящиеся капли и светят мне, как посланники весны, и говорят мне по-своему, на понятном только мне языке:

– Мы посланники этой новой весны, приветствуем тебя – старого посланника своих отцов и дедов, и просим тебя – старого человека: возьми нас и покажи нас людям молодым, рожденным любить этой новой весной.

Апрельский свет – это темно-желтый, из золотых лучей, коры и черной, насыщенной влагой земли. В этом свете мы теперь ходим.

Весна

Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь – так хорошо становится.

А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна.

Апрель

Сегодня пришел настоящий апрель. Поле озими еще не омылось и желтое, а лужица на поле ясно голубая, а самый лес вдаль подчеркнут белой полоской. Вдоль реки лежит цепь оставленных водой льдин. <...>

Радость жизни

Чуть нездоровится, но солнце на дворе такое яркое, так празднуют дома, крыши, кресты и всякие цветные тряпки, что я это почувствовал и понял – эту прирожденную радость жизни, как существо здоровья.

Это все было мое здоровье и поэзия в нем, вернее, такое здоровье, что даже и поэзия в нем.

Охотничьи чувства – это и есть чувство здоровья и радости жизни, и поэзия, свойственная охотникам, есть выражение радости жизни.

В здоровье рождается радость жизни и может дойти до поэзии.

Плющ

Прохладно, тихо, пасмурно. Раскрылись почки на березках и остановились. Плотная зелень озимого поля. На пару ходят овцы.

Веточки черемухи, обвитые сухими листьями паразита-плюща. На веточках первые листики. Грустно смотреть на этот союз с паразитом ароматной черемухи. Но ничего: скоро зеленые листья и целомудренные цветы закроют паразита.

А еще и так сказать: тут у черемухи радость жизни побеждает цветами.

Альдонса и Дульсинея

(Из биографии)

Говорили о перевоплощении поэта и трудностях этого перевоплощения. В пример приводили место «Черного араба» и вообще мою природу. Понимаю условие для такого перевоплощения: мое страстное одиночество в пустыне, когда сама земля, природа на ней становится заместителем желанного существа.

Это чувство есть исходящий из себя свет любви, и дело поэта изображать

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
освещенные этим светом предметы.

..Помню, в далекой юности, когда она передала мне письмо к родителям и прочесть его позволила, и я прочел простые слова о том, что она полюбила порядочного человека и намерена выйти за него замуж, я вдруг охладел, смутился, на мгновение увидел ее как очень обыкновенное существо: повязка вдруг спала. Это продолжалось одно какое-то мгновение, но она, по-видимому, поняла меня и вскоре взяла письмо обратно.

И как только она сделала это и снова стала недоступной, я опять начал безумный роман с Альдонсой, обязанной быть Дульсинеей. Вот она, Дульсиней, и стала ее врагом, а за нее она меня возненавидела: она отстаивала в себе Альдонсу.

Она была женщина и содержала в себе богатство жизни, данное всем женщинам и о чем все молчат, потому что это дается всем. Но он коснулся этого впервые, и ему представилось, будто он открыл неведомый великий мир. Из этого чувства и разгорелась его безумная любовь. Он любил всю женщину мира, всю Дульсиней, в этом существе частного случая, в этой Альдонсе.

Ты это чувство к Дульсинее перенес на весь мир я стал о новой открытой для себя стране писать и открывать ее всем. То, чего не хватало тебе самому при открытии страны великой радости, внимания к частному (к этой обиженной твоим обезличением Альдонсе), ты восполнил особенным вниманием к мельчайшим подробностям в открытом мире, сообщением всему живому лица, всеобщим олицетворением, одухотворением. Прикасаясь к самой малой ничтожности мира, сообщая этому всему лицу, ты открываешь для всех позабытое, как забыта всеми великая Дульсиней, заключенная в обыкновенной девке Альдонсе.

Итак, все пятьдесят лет своего писательства ты провел, как образумленный Дон-Кихот, и теперь ты можешь по себе нам сказать, почему именно Дон-Кихот потерял здоровье свое и с ним способность внимания к частному и через это невнимание нанес всем обиду, начиная с мельницы, кончая Дульсинеей.

Тут было вначале, как взрыв, ослепительное обобщение.

Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что Ина мне необходима была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа недоступная женщина, как мнимая величина.

Как будто это было задание набраться духа в одиночку, чтобы малый, слабый ручеек живой воды мог налить живой бассейн и эта скрепленная сила воды потом могла вертеть большую мельницу.

Подлежит анализу явление Фацелии, т. е. как бы вмещение Дульсиней в Альдонсу: «Фацелия» – это как бы склад всех собранных мною за время разлуки богатств сознания.

Итак, чтобы понять мою «природу», надо понять жизнь мою в трех ее периодах: 1) от Дульсиней до встречи с Альдонсой (детская Мария Моревна – парижская Варвара Петровна Измалкова), 2) Разлука и пустынножителство, 3) Фацелия – встреча и жизнь с ней.

И все вместе как формирование личности, рождающей сознание.

Коронный день

Коронный день апреля. Все сбросили зимнюю одежду и вышли по-летнему. Земля начала оттаивать.

На сильно разогретых опушках, усыпанных старыми листьями, невидимо исходящий пар в полной тишине всего воздуха создавал вихревые движения. Сухие листья, поднимаясь вверх, кружились в воздухе, как бабочки. И бабочки и зяблики порхали между листьями: не поймешь, где бабочка, где птичка, где лист.

Утром на еще желтой в зимней рубашке паутинно-плесенного цвета озими зеленели только края луж, а к вечеру вся озимь позеленела.

К вечеру леса вдаль начали синеть и воздух стал как вуаль, почти как туман. Это

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru пар, поднявшийся за день от земли, начал сгущаться. На тяге дрозды пели особенно выразительно, и я слушал на пне в полной чувстве свою литургию.

Первого вальдшнепа я прозевал, второй прошел стороной, третий свалился далеко, я его долго искал, и когда Норка наконец нашла его, показалась звездочка, и тяга кончилась. Но когда я укладывал ружье в чехол, один еще протянул.

В доме отдыха все собрались на кино. Мне пришлось пройти в грязных сапогах и с вальдшнепом между публикой. Все мне аплодировали, и я подарил нашей художнице два краевых пера вальдшнепа.

Творчество

Чувство любви содержит в себе возможность рождения и роста нового человека, и если у любящих и не родится физическое дитя, все равно мы измеряем любовь по делам их, направленным к счастью нового человека.

В таком понимании любовь называется браком. Скорее всего творчество определяется таким же гармоническим соотношением мужских и женских элементов души человека, как и в браке, и рождением долговременных произведений искусства, и их влиянием на потомство.

Когда луч нагревает кору

Перемена в жизни березы с тех пор, как первый яркий и еще холодный предвесенний луч покажет девственную белизну ее коры.

Когда теплый луч нагреет кору и на белую бересту сядет большая сонная черная муха и полетит дальше;

когда надутые почки создадут такую шоколадного цвета густоту кроны, что птица сядет и скроется;

когда в густоте коричневой на тонких веточках изредка некоторые почки раскроются, как удивленные птички, с зелеными крыльшками;

когда появится сережка, как вилочка о двух и о трех рожках;

и когда вдруг в хороший день сережки станут золотыми и вся береза стоит золотая; и когда, наконец, войдешь в березовую рощу и тебя обнимет всего зеленая прозрачная сень;

– тогда по жизни одной любимой березки поймешь жизнь всей весны и всего человека в его первой любви, определяющей всю его жизнь.

В Дунине

После обеда часок вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось – искал того, что у меня было в детстве и что я потерял.

Встреча

Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дождалась увидеть младшую свою сестру землянику, и та поспешила, обе встретились: весенняя сестрица, бледно-голубая фиалка о пяти лепестках, и земляника о пяти лепестках белых, скрепленных в середине одной желтой пуговкой.

«Песнь песней»

<...> Думал о царе Соломоне как о величайшем писателе. «Вот, – думал я, – написал он для всех нас „Песнь песней“, а сам остался ни с чем, и после великой его песни в мире все стало ему суетой: „Суета сует и все суета“».

– А что, великий мудрец, – говорил я Соломону, – нужно ли было тебе эту песнь отдавать людям? Ты отдал в ней все свое лучшее, и после того все вокруг тебя в мире стало суетой. Если бы ты был настоящий мудрец, ты, может быть, сохранил бы себе самому эту свою песнь, и под старость мир бы не стал тебе суетой.

– Конечно, Михаил, – ответил мне Соломон, – ты отчасти и прав: есть вещи, о которых лучше бы помолчать, так жилось бы себе много покойней. На есть вещи, о которых необходимо сказать людям, даже предвидя впереди суету для себя. Моя

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru «Песнь песней» принадлежит к таким вещам, и я должен был ею спасать любовь на земле, обретая себе суету.

Что это за чистота – белое полотно, снег или сахар? Полотно загрязнится, снег разбежится от солнца, сахар растает от воды. Что это за чистота, если, сохраняя ее, самому можно и стареть? Вот чистота, когда сам от нее молодеешь.

Я знаю ее, но не смею сказать сам, вспоминая, как сказано о ней в «Песне песней» царя Соломона.

Сон моей матери

Теплый пар продолженной, измученной холодной земли даже и в Москве можно понять.

После обеда мы выехали и на полпути поставили машину к обочине, сели на опушке леса. Все летние птички пели, и все пахло. Мне было так, будто вся природа спит, как любящая мать, а я проснулся и хожу тихонько, чтобы ее не разбудить.

Но она спит сейчас тем самым сном, как любящая, мать, спит и во сне по-своему все знает про меня, что вот я запер со стуком машину, перепрыгнул через канаву и теперь молча сижу, а она встревожена – куда он делся, что с ним.

Вот я кашлянул – и она успокоилась: где-то сидит, может быть, кушает, может быть, мечтает.

– Спи-спи, – отвечаю я потихоньку, – не беспокойся!

Кукушка далеко отозвалась, и эта кукушка, и зяблики, и цвет земляники, и кукушкины слезки, и вся эта травка так знакомы с детства, все, все на свете – сон моей матери.

Потерянная мысль

В жаркий парной день войдешь в хвойный лес, как под крышу великого дома, и бродишь, бродишь глазами вниз. Со стороны посмотрит кто-нибудь и подумает: «Он что-то ищет. Что? Если грибы, то весенние грибы, сморчки, уже прошли. Ландыши? – еще не готовы. Не потерял ли ты что-нибудь?»

– Да, – отвечаю, – я мысль свою в себе потерял и _ теперь вот чувствую – сейчас найду, вот тут, в заячьей капусте найду...

Благодарность

Точно, как вчера, погожий день вышел из тумана, а ночь была лунная.

Погода и благодарность – родные: одна родилась в природе, другая – в душе человека. И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности.

И вот в это чудесное утро благодарю за чудесные темнеющие стручки акации с ее маленькими птичками, и нагруженные подарками для белок еловые вершины, и за всякую вещь, переданную человеку от человека: за стол, за табуретку, за пузырек с чернилами и бумагу, на которой пишу.

Вопрос к себе

Нам почему-то кажется, если это птицы – то они много летают, если это лани или тигры, то непрерывно бегают, прыгают. На самом деле птицы больше сидят, чем летают, тигры очень ленивые, лани пасутся и только шевелят губами.

Так и люди тоже. Мы думаем, что жизнь людей наполняется любовью, а когда спросим себя и других – кто сколько любил, показывается – вот так мало! Вот как мы тоже ленивы!

Биография

Когда я приходил в деревню в 1919 году, в избу родителей какого-нибудь моего ученика, сидел на лавке прилично и долго в ожидании, когда хозяйка отрежет мне кусок хлеба или сала, это теперь воспоминание мое, как состояние наиболее достойное, в каком только в жизни я бывал..

Царь природы

Небо безоблачное, травы достигли высоты, дошли до своего предела и зацвели,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru кипит жизнь пчел, шмелей, шиповник цветет. Но я, все зная, не смотрю на меру, я царь природы и делаю больше, чем все они.

Не надо смотреть туда, в сторону умирания, – надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплощать его – значит творить.

Возвращение

Долгая жизнь при здоровом сознании позволяет на себя самого поглядеть со стороны и подивиться переменам в себе самом.

Так вот я себя раньше помню в постоянном движении, как будто я все время стремлюсь достигнуть и открыть небывалое. И теперь прежняя радость жизни не оставила меня, но уже не я сам движусь, а вокруг меня все движется.

Раньше я был в поисках «края непуганых птиц» и описывал все незнакомое. Теперь я наконец дома и хочу заниматься микрогеографией, то есть как будто я сам сижу на месте, а мир ходит вокруг меня, и по знакомым, близким предметам я постигаю его движение.

Пар на стекле

Сегодня утром я заметил почему-то с удовольствием легкий налет от нашего дыхания на холодной поверхности стекла.

Через некоторое время солнце пробилось через серые тучи, и я понял, что удовольствие мое от пара на стекле было предчувствием солнца, как это бывает при начале осени, хлопоты кончились

На огороде успокоительно торчат остатки капусты. Кончились наши хлопоты.

Какая погода стоит! Теплая, тихая, ароматная. Солнце дремлет, то глянет, то опять уснет. Та, к хорошо, так чудесно, так слава тебе господи! <...>

Сад

Человек семидесяти пяти лет, жизнь его на волоске. А он сам сажает сирень! И мало того, он не один и, может быть, не было времени, когда бы так страстно не хватались люди за растения: все, кто может, сажают сады.

Это значит, во-первых, что люди живут, как бессмертные, презирая свое знание смерти; во-вторых, это значит, что лучшее у человека есть действительно сад (рай).

Просека

Просека длинная, как дума моя, и поздней осенью жизнь не мешает моей думе.

Грибов уже нет, и муравейник уснул. Душа моя была теперь... (Запись обрывается. – В. И.)..

Человек и природа

В Детгизе вышла «Кладовая солнца» в роскошном издании. Рассматривал иллюстрации Рачева. Сказал художнику, что его пейзажи очень хороши, но нет равновесия с человеком: лица не сходятся.

– А это, – ответил он, – вопрос общего характера: над этим работал Иванов всю жизнь в «Явлении Христа», и вот пейзаж вышел, а Христос не пришел.

– Но ведь в «Кладовой солнца», – ответил я, – дети вполне согласованы с природой?

Зав. отделом иллюстрации на это ответил:

– Это удивительно, но поймут это не скоро.

Вспомнилось, как меня называли «бесчеловечным писателем» (Зинаида Гиппиус).

Итак, надо понять все-таки, что коренной вопрос живописи – гармоническое сочетание человека и природы – каким-то образом стал и моим коренным вопросом в

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
моей литературной записи.

Интимный пейзаж боится свидетеля, и потому так трудно дать гармонию человеческого образа с природой (мне удалось в «Кладовой солнца», а художнику нет).

Мой путь

Еще когда я был в «краю непуганых птиц» и записывал сказки, меня поразили певцы былин верой в своих героев времен Владимира Святого. Нам – это древняя словесность, а они этим живут.

Но какая же внутренняя связь может быть между человеком того времени и человеком современным? На этот вопрос я отвечал себе образом Надвоицкого водопада: сколько существ всевозможных форм образуют струи водопада, падающие на камни, и все-таки водопад един. Так и весь человек, падающий и восходящий, как «царь природы».

И еще после этого – мне приходило о себе: что мой жизненный путь в искусстве слова мне представляется прогрессивно восходящим, и в каждый данный момент я знаю, куда мне надо идти.

И все-таки я не прямо иду, а возвращаюсь домой назад, как певец былин, и оттуда самому себе неведомым путем, как будто огромным прыжком, по воздуху, оказываюсь впереди в своем времени. Вот почему и трудно (расположить свои литературные опыты по непрерывно восходящей линии своих достижений).

Однако внутри себя эта линия существует, я прямо вижу ее как лестницу. На первой ступени этой лестницы, мне казалось, я покидаю свою родину, стремясь найти ее лучшее в какой-то другой стране, в каком-то «краю непуганых птиц», в какой-то земле, где иду я за волшебным колобком,

И всякую новую землю я как бы открывал, рождал, делал то самое, что делают все путешественники всех времен: расширял свою родину.

Мне казалось тогда, что я шел скорее мира, и догонял его, и брал из него то, что мне надо было. Но с некоторого времени, как я правильно где-то записал, у меня переменилось мироощущение, как будто я стал, а мир пошел вокруг меня.

Птицы улетают

Белая изгородь была вся в иголках мороза, красные и золотые кусты. Тишина такая, что ни один листик не тронется с дерева.. Но птичка пролетела, и довольно взмахом крыла, чтобы листик сорвался и, кружась, полетел вниз.

Какое счастье было ощущать золотой лист орешника, опушенный белым кружевом мороза! И вот эта холодная бегущая вода в реке и этот огонь от солнца: вот уже расплавились иголки мороза на крыше, и крупными редкими каплями стала падать вода из желобов.

Но и этот огонь, и эта вода, и тишина эта, и буря, и все, что есть в природе и чего мы даже не знаем, – все входило и соединялось в мою любовь, обнимающую собой весь мир.

Вчера вечером луна была высоко, я вышел из дому и услышал тот звук в небе: «Ау!» Я услышал его на северо-востоке и скоро понял движение его на юго-запад. И вспомнил по прошлому: это цапля улетела от нас в теплые края. А грачи еще здесь.

Дай бог услышать журавлей и гусей.

Талант

Те, кто больше меры, – умные, кто меньше – дураки.

В понятие поведения, исходящего из таланта, включена воля, отличная от разумной, обычной, логической воли. В «Моцарте и Сальери» и показано столкновение этих двух поведений: обычного логического у Сальери и поведения из таланта – сверхлогического.

Сущность таланта, его поведения именно и заключается в отстранении и утрате своей меры, в выходе из этого времени и пространства и замене их новыми мерами:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе.

Мой девиз

Итак, я должен знать о себе, что в мои годы, непременно, как у всех таких людей, в голове собирается перенакопление мыслей, и отсюда судороги речи, стремление их выбросить из себя, отсюда происходит и непонимание другими написанного.

Вот почему «Кладовая солнца» должна быть моим маяком, и я никогда не должен соблазняться старшим возрастом.

Мой девиз – мыслить о всем, но писать понятно для всех.

Путь к другу

Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать-. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи. Есть конец этому сверлению.

Ты скоро почувствуешь, что, из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, – это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе.

1948 год

Вот чему не надо учить никого и что есть тайна – это обращать всерьез жизнь свою в слово.

Зимнее утро

Утро белое, пушистое и радостно светлеет. На заре в далеком высоком здании окна горят, и не можешь сказать: от зари этот свет или свой, домашний остался, забытый.

Трава

В моей борьбе вынесли меня народность моя, язык мой материнский, чувство родины. Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленею и летом к Петрову дню цвету.

Ничего с этим не сделаешь, и меня уничтожат только, если русский народ кончится, но он не кончается, а может быть, только что начинается.

Раны деревьев

Профессор из Тимирязевки прислал поздравление, в котором между прочими прекрасными словами было сказано о том, что природа в первой моей молодости улыбнулась мне и – я об этой улыбке все и пишу.

Так ли?

Помню – смертельные какие-то, кровавые следы в душе оставались от первой любви. И потом я – в природе, и эти кровавые человеческие следы постепенно заменяются следами голубыми каких-то зверушек на снегу весной света. Вот эту боль, переходящую в радость, я и описываю. А когда друг мой пришел на склоне лет, та самая в точности женщина, которую ждал я в юности...

Хорошо помню, что когда она пришла, и я, еще не поняв ее, но с мыслью о ней, пришел в лес и смотрел на милые, мне следы на снегу, то вдруг застал себя на следах, что не о них думаю, а о ней, и что следы как бы отделяются от меня и становятся вовсе не тем, чем были раньше.

Значит, ясно, что радость от природы мне приходила, как бальзам приходит к сосне, когда ее поранишь, что вся красота была для меня, как бальзам у сосны.

Так вот и вы, любители природы, когда в лесу рассеянно берете в руки кусочек смолы и наслаждаетесь ароматом целебного бальзама, то помните, этим бальзамом лечатся деревья, вся жизнь у которых есть постоянное стремление к свету, а у человека есть свой бальзам: поэзия.

Моя борьба

Если я остаюсь, это потому, что я действительно в писаниях своих отдаю свою душу, а не помыслы. И борьба – моя на всем протяжении моего писательства была борьбой за мысль путем-жертвы своей душой. И оттого я остаюсь неистощимым, несмотря на свои годы.

Художественный образ

Предложили выступить на вечере Арсеньева, и как только я принял это предложение, так все завертелось в голове и весь мой хмель стал обвивать ствол умершего Арсеньева.

У Толстого дядя Ерощка получеловек, полуживотное, эпизодическая фигура, приближающая к нам природу Кавказа. Арсеньев бессознательно применил тот же образ в лице Дерсу Узала для изображения дальневосточной тайги. То же самое чувство природы с концентрацией его в получеловеке было и во мне при изображении севера («Колобок»).

Мне вспомнилось, как Н. доказывал мне, что герои мои в этнографических очерках «В краю непуганых птиц» в действительности не такие, какими я их дал, как поэт севера. Меня тогда это потрясло и, наверно, сыграло свою роль в моем освобождении от этнографического груза и в самоутверждении как художника.

Совершенствуясь все больше и больше, я мало-помалу добился признания и права на утверждение создаваемого мною мира образов. На чем же основано признание этих образов? На том, что я извлек их, как мастер, из действительной жизни, то есть что без действительной жизни нет моих образов. И без меня их тоже нет. В моих образах мои близкие, ближние узнают эту жизнь, понимают и оглядывают, себя самих.

Вероятно, так и весь русский «мужик» во всей русской литературе был в таком же соотношении к действительному, как у Толстого Ерощка, у Арсеньева Дерсу, у меня мой помор в «Колобке» и, наверно, много других...

Может быть, это чувство природы в более утонченной форме и ведет меня до сих пор. И я мало-помалу дохожу до его философских корней.

Неведомый друг

Случается каждому писателю на склоне лет среди своих писаний, убегающих в Лету, найти одну страницу необыкновенную. Как будто весенний поток выбросил эту мысль, заключенную в железную форму, как льдину на берег. И вот вода, выбрасывающая льдину, давно уже в море исчезла, а льдина все лежит, лежит и тратится только по капельке.

Когда я у себя в радостный день встречаю такую страницу, я всегда изумляюсь, как это я, ленивый, легкомысленный и вообще недостойный, мог написать такую страницу? После раздумья я отвечаю себе, что это не совсем я писал, что со мной сотрудничали неведомые мои друзья, и оттого у нас вместе получилась такая страница, что совестно становится отнести только к себе одному.

Бессмертие

Сколько раз нужно было дворникам поскрести своими лопатами, пока наконец этот чудесный звук в тишине предрассветного часа не проник в мою душу?

Сколько солнечных лучей пало на землю, пока наконец один не проник в душу человека и зажег в ней любовь?

Сколько умирало людей, один, другой, тысячный, миллионный, пока наконец какой-то следующий так восхотел жить, что заговорил о необходимости человеку добиться бессмертия.

Тоска

Смертельная тоска иногда, очень изредка, навещает меня: хочется или разрядиться в безумном бешенстве, или же уничтожить себя. Так я еще мальчишкой разрядился в Елецкой гимназии на Розанова и вылетел из гимназии. А разрядка в себе кончается вот этой смертельной тоской.

Ию меня от безобразной выходки всегда удерживает память о прошлом: я знаю по опыту, что смертельная тоска кончается ликующей радостью жизни.

В этой борьбе и рождается мой теперь известный всем «оптимизм».

Колодец души

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
До того я привык иметь дело со своею душой и прямо доставать из нее все, как ведром из колодца, что, когда начинается моральный спор возле меня с учеными ссылками на авторитет, я теряюсь и умолкаю, чувствую себя необразованным.

Путем такого молчания, скромности и работы черпания ведром из своей собственной души я и достиг себе долголетия.

Праздник

Стали блестеть, как мокрые, на солнце клейкие листики тополей. Белеют почки вновь посаженных яблонь, груш, вишен. Зацвела черемуха. На такие праздники у нас, людей озабоченных, духу не хватает, и потому в такие дни мы хватаемся за работу.

Вместить такие праздники могут только дети.

Впрочем, у меня еще кое-что сохранилось от детства, и я могу превратить эту радость праздника в слово.

Увы, увы, милые мои почитатели, видящие во мне Великого Пана, – в такие дни, говорят, Фет, чуткий к природе, завешивал окна своей рабочей комнаты и принимался за свою поэтическую работу.

И каждый художник, чем больше он чувствует праздник, тем больше работает.

Одиночество

Сегодня мысль моя вертится вокруг той силы души человека, которая развивается и раскрывается в борьбе с одиночеством: иду с человеком по тропе и говорю ему. Человек ушел – я один на тропе, мне не хватает слушателя, я вынимаю книжку и записываю.

Одиночество неестественно, и человек, царь природы, тем он и царь, что вступает в борьбу со своим одиночеством и, преодолев в себе природу свою, живет со всеми и всем царь.

Люди естественные – это люди семейные, и есть люди, лишенные этого «счастья», люди холостые, и есть люди, преодолевающие зависимость свою от природы (одиночество), люди-цари.

Есть животный путь спасения – борьба за существование, и чисто человеческий – борьба с одиночеством, с природой своей отдельности за всего человека.

Итак, я хочу сказать, что человек делается царем, имеющим власть над природой, в борьбе со своим одиночеством.

Кукушка

Было раз в мае – прилетела кукушка и крикнула:

– Ку?

С другой стороны леса отозвалась другая кукушка, тоже на «ку», и крикнула свое «ку». И пошло у них на весь лес очень живо и весело:

– Ку-ку!

Но пришел другой май, прилетела эта кукушка, крикнула:

– Ку?

И другая ей не ответила.

Еще крикнула, и опять нет, и еще, и еще. Печально стала звать «ку» и «ку» и – нечего делать – сама себе отвечать, и с тех пор у кукушки стало печальное:

– Ку-ку!

Говорят, вся семейная жизнь у кукушки расстроилась, зовет, кукует о своей паре, а яйца свои кладет в чужие гнезда.

Сигналы природы

У меня под окном всю ночь пел соловей, и я думал о соловье и жаворонке у Шекспира в «Ромео»: человечество после Шекспира все повторяет и повторяет эти сигналы природы и о ночи (соловей) и об утре (жаворонок).

И я думал под песню соловья, что у Шекспира этот взятки поэзии из природы был случайным, а я превратил его в свой путь.

Роскошное утро выходило из густого тумана сначала звуками: пели соловьи, кукушки, потом мало-помалу стали выходить ели, и рябина вышла седая от росы, вся как будто в паутине.

Лучше всего

Бывало, очень любил хвастаться тем, что весна для меня хороша: март – весна света и апрель – весна воды, а цвет мая пусть достается дачникам. Теперь нет. Пришло, что лучше всего май – весна цветов.

Рожь колосится

Рожь колосится. Три дня уже появились грибы под-колосники. Далеко еще до цвета, но уже желтенький листик явился, и ветер сейчас же нашел его, и он желтенькой бабочкой по ветру спустился к моему окну. А мне довольно одного желтого листика, чтобы струна моей души попросила настройки на осень! Как ни хорошо в июне, а осень придет...

В смертный час

Теперь моя работа в таком положении, что нестрашно остановиться и заболеть. А то, бывало, чуть насморк – и сейчас же тревога: не умереть бы, не кончив работы. Но придет время, работа от меня оторвется, и, умирая, может быть и скорее всего! я о ней даже не вспомню.

Вот, наверное, в этом смысле моего перехода к людям в положении книги и состоялась моя частичная смерть: я живой перешел в книги людям, и мертвая моя часть, книжный труп, остался таять и тлеть, пока я не буду совсем равнодушен к бывшей когда-то во мне книге.

А разве не так происходит ежедневно со всеми людьми? Мы бессмертную часть свою отдаем людям, и оттого человек, идущий впереди, бессмертен, а смерть – это личное ощущение упадка в том случае, если, закончив какую-нибудь работу, отдал себя и не успел взяться за другую. Я желал бы в последний момент жизни схватиться за новую жизнь, пхнуть ногой в доктора так, чтобы он улетел от меня вместе с бинтами и пузырьками. И это будет воистину: смертью смерть поправ.

И я свидетельствую, что в существе своем мы все бессмертны и беспокоиться об этом нам совсем не стоит. Все же к чему надо готовиться, о чем серьезно беспокоиться – это чтобы тебе в смертный час схватиться за новую мысль и пхнуть ногой в доктора.

Мой друг

В душе и мечте нет времени, но мечта в полете своем встречает препятствия, и их периодическое повторение создает то, что мы называет временем и пространством.

Но не все из души уходит навстречу препятствиям. Есть, как мы говорим, что-то «за душой» у человека, лежащее вне пространства и времени. И это – то самое, на что мы глядим и равняемся, с кем советуемся в глубине нашей и о ком каждый из нас может сказать:

– Это ты, мой друг.

Складываюсь

Если мою вещь забьют, начну энергичнее складываться. Об этом я уже писал, в начале юбилейного года: складываться – значит, перед отходом своим засыпать в закроем зерно свое, сложить в омет солому, отнести мякину (халуй) в половень (елецкое слово), вымести все начисто на гумно воробьям и голубям, а что не успел обмолотить, сложить в скирды, это обмолотят после меня.

Опять начал читать дневник – начало выполнения большого дела: все перечитать и

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru отобрать. Одна из работ, составляющих решение «складываться».

За чтением Тютчева

Вчера с Л. начитались стихов Тютчева о сумраке и хаосе и заговорили о том, что наша смерть для себя – только путь, но для других это «я» свое, как дитя, бегущее с ревом безумным за исчезнувшей матерью: ей-то ничего, она на базар, но ребенок один, и это ему ужасно.

Мы так знаем о себе в отношении смерти – это и не больно, и не трудно, и просто. Некоторые даже для себя этого с рождения ждут. Но близкие люди остаются как заложники: за счет их мук смерть одного сопровождается горем других. Так вот почему самоубийцу осуждают люди: он не считается с горем близких. Вот почему самоубийцу и не хоронят на кладбище, а где-нибудь в стороне.

Обида

Многие, зная свое доброе намерение, полезное для других, обижаются. Вот почему нельзя вообще обижаться и надо считать это в себе пороком и слабостью. В обиде человек чувствует себя исключительным: обида есть маска себялюбия.

Это чувство, подобно смерти, свойственно всем, и каждый из нас обязан одиночество свое преодолеть и, обернувшись в какую-нибудь полезную вещь, распределиться по людям.

Так я, например, обращаясь в книги огромными тиражами, распространил себя всего, после выхода своего оставаясь снова в одиночестве, и опять выхожу, и опять остаюсь.

Знаю, что может выйти мне и такой день, когда после выхода сил не хватит у меня, чтобы начать новую борьбу с обидой. Но, может быть, хватит? Если же нет, тогда и подумаю, как выйти мне из общего положения. Вперед же готовиться и страховать себя от непереносимой обиды не хочу: это мешает мне, ослабляет борьбу мою средствами творчества.

Чистое сердце

В поликлинике М. Шагинян спросила Л.:

– Скажите откровенно, М. М. пьет женьшень?

– Нет, – ответила Л., – у нас была бутылка, но во время войны ее кто-то выпил.

– Так отчего же он в свои годы выглядит таким молодцом?

– Потому что, – ответила Л., – у него чистое сердце.

Этот ответ она взяла из моей книги «Женьшень», где Лувен требует от искателей корня жизни чистого сердца.

– Чистое сердце! – повторила Мариэтта. И села задумчиво в кресло. – Да, – сказала она, – чистое сердце для здоровья тоже имеет некоторое значение.

Жулька очень больна, боюсь, что не выживет.

Но если Жулька – такая собака! – умрет, охота моя будет же продолжаться, и я буду делать себе новую собаку, и с ней на охоте возрождаться душой. На одной стороне позади будет вечная память моей чудесной собаки, на другой – вечная жизнь.

Так мы все и живем, и так всегда будет. Только не надо бы слушать тех, кто в рождении человека встречает забвение прошлого и кто мертвым поручает управление живыми людьми.

Золотой фонд

Звонил дирижер Мравинский и, совсем незнакомый мне, выражал свое признание меня как писателя, сказал даже, что «Лесная капель» его «подподушечная книга». Такие читатели являются моим золотым фондом и даже больше – золотым без содержания лигатуры – и ложатся на душу, как сама правда природы.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Каким счастьем является для меня не полное признание моего творчества, не премии, не большой орден, не даже полноценная статья, а вот такое медленное стекание моих читателей куда-то в большую воду вечности. Вот этот огонек радостной надежды на будущее воскресение из мертвых и приносит мне в душу каждый большой мой читатель, сокровище моего золотого фонда.

Неведомый друг

Как это выходит, что человек бросает всех своих близких, родных, друзей и всю свою душу открывает совсем незнакомому человеку с ясной верой в то, что с близким жизнь изживается, а начинается настоящая жизнь за пределами нашего повседневного опыта и связей?

Искусство как поведение

Итак, в науке – метод, в морали – поведение, а что в искусстве? Умом тут ничего не сделаешь. Добром? Как и в любви, тут добром не возьмешь. А может быть, в науке – метод, в нравственности поведение, а в искусстве – любовь?

Моя жизнь так проста: женщина от меня ускользнула, я собрал в себе всю свою мужскую силу (соловей запел) – и она вернулась ко мне. Вот этот голос жизни, этот зов и заменяет и метод и поведение в искусстве.

И вот именно зов сам по себе, и человек такой рождается для зова (поэт), а не для семьи.

Описать свою жизнь как доведение с вытекающим из этого искусством.

1949 год

Поэзия – это душа подвига, обращающего красоту в добро.

Шоссе

Я шел по шоссе, пронеслась машина, а за ней мчался, догоняя ее, сухой березовый листик, темный, такой заметный на белом. Я соединился душой с этим листиком и подумал о себе, что я тоже такой, когда мне хорошо пишется: как будто весь мир летит, как эта машина, и я мчусь, как листик, в его поднятом вихре.

Больная зима

Снежку чуточку и повыпало, а мороз опять опустился к нулю, и если не поддержит что-нибудь слабенькую больную зиму, то опять все сбежит.

Слегка подморозило, и утром горела заря, еще пока жёлтая, и ветром из-под шапки дружок поглядел.

Смотрите! вот [еще] февраль, а [почти] март на дворе: солнце, голубые снега и капель. Вчера таяло. Облако апрельское, зеленеет осиновая кора, и удивляют розовые веточки каких-то кустов.

Жулька едва поднимается и на ходу падает с грохотом костей на полу... У нее грустные глазки, она безотказна в наших требованиях: сама не ест, но если в рот кладем – жует и проглатывает. В ней совершенно отсутствует эгоизм умирающих. Она прекрасна в умирании, как поздняя осень.

Я долго сижу возле нее, она глядит, и если я улыбнусь и скажу весело: «Жулька!» – она еле заметно ответит хвостом.

Думали, что Жулька безнадежна и ей остается жить день, два. Но пришел ветеринар, усложнил наш уход за больной, и, делая, мы обрели надежду на то, что сделаем, и собака будет жива.

Вот почему дело является источником надежды и любви. И весь секрет, лечения человека – это заставить его забыть в какой-то работе, заставить его выйти из себя.

Жульку спасаем: чем ей хуже, тем больше вкладываем труда в ее спасение. День за

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru днем проходит, и когда придет день поворота, туда или сюда, то если сюда – мы будем счастливы, если туда – мы не будем страдать: мы же все сделали со своей стороны.

Прощание

С Жулькой простился, сохранив навсегда в памяти ее прощальный вид. Поняв по моим шагам в сапогах, что я собираюсь, она заволновалась, забилась и с большим трудом подняла голову, но держать прямо ее не могла и качала мне головой вверх и вниз, то поднимая ее, то опуская, глаза же были расширены, насколько это было возможно, отчего получалось выражение как бы дружеского ужаса, каким любящий, побеждая на мгновение смерть, глядит на любимого.

Как только я к ней подошел, она уронила голову на подушку и смотрела на меня снизу одним полузакрытым глазом, вспоминающим, все помнящим, и я его вижу сейчас, и он останется со мной навсегда.

Было столько сказано нами друг другу в этот миг, что потом перед самым – отъездом я и не зашел даже к ней: мы простились.

Итак, Жулька страдала за близость свою к человеку.

Мартин Иден

Жизненные мысли, в которых растет человек, обращаются, как кометы: придут, почешутся и опять уйдут дозревать. Вчера в разговоре почесалась постоянная моя тема о женщине, сознающей, что поэты любят не ее, а свою мечту.

Прочитал Лондона «Мартин Иден». Был вовлечен в чтение, вспоминал и сравнивал свой роман с В. П. Измаковой.

Меня волновала большая любовь к Рут, совершенно похожая на мою любовь как стимул поэзии и соответствующая поведению.

Мне бы надо написать тоже личный роман в этом духе. Я увидел себя, как в зеркале, как я тогда в Париже тоже влюбился в призрак и потом, стремясь достигнуть этот призрак, стал делать к нему себе путь.

Самое интересное в этом романе было то, что даже в момент разгара моей безумной страсти я сознавал, что простое обладание женщиной, брак и т. п. невозможен и не удовлетворяет меня, что эта женщина – только повод к моему полету.

И только теперь наконец я стал видеть себя самого, как необразованного парня вроде Мартина с нераскрытым и самобытным талантом в душе. Я очень хорошо помню, что стремление напечататься исходило из стремления «выйти в люди», сделаться «как все». И недаром потом я, когда вышел в писатели, свою первую повесть послал «призраку» в Лондон. Теперь я так ясно вижу свое писательство, как лучи народной наивной души моей матери.

Постепенно захватывая душу мою в течение суток, обняла меня тоска и, мало того! – чего со мной никогда не бывало, – скука. Вероятно, это сделала непрерывная жизнь на людях.

Мое состояние было такое, будто я накануне тяжелого заболевания. Каким счастьем казалась мне жизнь где-нибудь в Лунине, у себя в доме, без людей!

Умыслы

Люди воспитываются быть недоверчивыми, но ведь доверие, свойственное детям, ценится, как лучшее качество человеческой души, и говорится даже: «Будьте, как дети».

То же самое в отношении умысла: надо бы мыслить, значит, вызывать мысль и у других, а жизнь учит умыслу.

И так далее в отношении любви, правды, истины.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru Все это я припомнил, раздумывая о своей неспособности в «умысле», т. е. в том, чтобы, мысля, не открывать людям свои находки и затаивать их для ограниченного пользования, что равняется, например, в отношении леса: входя в него думать только о кубометрах древесины.

Помню, у Горького за столом был разговор, я что-то отметил в его поступках несообразное, и он мне на это сказал: «Да я же ведь хитрый». На это я, подумав, ответил: «Ничего, это хорошо, я тоже хитрый». А Горький на это улыбнулся мелкой улыбкой и сказал: «Ну, какой вы хитрый!»

И так всю жизнь среди политиков я хожу дураком, а когда напишу – удивляются и признают во мне мудреца.

Хмель

Сыро и тепло, выше нуля, но ходить в валенках еще можно. Я спустился вниз к Вертушинке и решил пробить себе берегом речки дорогу в глуши зарослей между этими горами, едва расступившимися, чтобы пропустить речушку. Глушь обняла меня, и вдруг где-то за горами, за снегом, за лесом закричал петух. Радовал меня когда-то давным-давно крик петуха, и теперь мне было так, что не за снегами, лесами, горами кричит петух, а за моими годами: оттуда, перелистывая все пережитое, еще мог все-таки пробиться ко мне радостный крик моего детства.

Тогда открылось мое сердце, и мне захотелось поискать чего-нибудь возле себя, не найдется ли и тут чего-нибудь такого веселого.

Вот вижу, как хмель плотно обхватил ольху; и я стал думать, оттого ли это дерево стало сохнуть, что хмель его засушил, или же, наоборот, хмель и явился только потому, что дерево стало сохнуть.

Не имея возможности понять причину и стать на сторону то ли дерева, то ли хмеля, я представил их на суд людей. И воображаемые люди мои разделились: одни стали на сторону дерева и говорили о хмеле:

– Ах, какой паразит, засушил такое славное дерево!

Другие напротив:

– Молодец хмель! сколько бы горя внес в человеческий мир вид умирающего дерева, но явился хмель, взял себе остатки жизни и отдал их на радость людям, и, может быть, оттого-то у иного юноши и выются теперь хмелем кудри.

Я колебался, куда мне стать: за хмель или за дерево. Я уже решил было так, что по человечеству нельзя мне оставить умирающее дерево, я даже взял было рукой за пучок хмеля, чтобы его отодрать, но тут вдруг опять этот петух моего детства из-за гор, и снегов, и лесов, и годов моих закричал. Я обрадовался, вспомнил далекие радости прошлого, – и забыл спор, и оставил хмель подниматься на засыхающем дереве.

Пьер и Люс

За весь вчерашний день прочитал только Роллана «Пьер и Люс». Роман был совершенно такой же, как у меня, и в том же Люксембургском саду, тоже в марте и с теми же воробьями. Но, конечно, я не чувствовал (а ведь в семьдесят пять лет!) прежней боли: место это в себе, конечно, было очень знакомо, ощутимо, но уже не болело, как бывало в снах...

И уж, конечно, в своей «природе» я это свое чувство только и описываю, все собрание моих сочинений есть раскрытие одного этого чувства...

Я в этом мартовском переживании не один, в этом чувстве рождается человек, и оно значительней успехов Цезаря и Александра Македонского: оно есть свет вечности в настоящей минуте, в этом свете зарождается все искусство и еще больше – весь человек.

И вот почему когда это чувство заключено в себе и светит из себя на жизнь неугасимым фонариком, то на всякие великие события, великие дела у человека такого имеется своя спокойная точка зрения, независимая ни от людей, ни от книг и газет.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
К этому нужно сказать, что этот свет в настоящей минуте бывает у всех и, наверное, это и называется любовью. Только не все отдаются вполне служению этому свету, служению, называемому творческим трудом.

– Сущность жизни, – сказала она, – есть любовь, а борьба – только средство: борьба за любовь. Но пусть останется так: на первом месте, в словесном выражении, будет стоять борьба, а в невыразимом молчании будет любовь.

Утренняя мысль о том, что соединяет в человеке дела его и мысли.

Не то ли мы называем любовью, что соединяет в единство дела и мысль человека?

Чем дальше от человека в природу, тем сильнее размножение, – чего стоят рыбы с их икрой, осинки с их пухом! А человек чем дальше совершенствуется в существе человеческом, тем труднее ему множиться, и, наконец, рождается в своем идеале. Когда это еще знал Рафаэль, – вон когда! а я только теперь... И это узнать можно только в редчайшем, труднейшем для мужчин опыте любви.

Светло и тихо

Таких чудесных дней даже и в этом чудесном феврале не было. Вот как светло, вот как тихо, вот как вкусен и ароматен воздух, соединяющий в себе огонь и мороз!

Ну, сегодня-то, наверно, уедем из этого сытного рая, и начнется жизнь, исполненная тревог, забот и, может быть, нечаянных радостей.

Мое желание

Я буду желать в последние мои дни такого сознания, чтобы в болезни и смерти своей видеть свой личный грех и его и скуплять благословением всего живущего.

Я бы желал перед смертью от себя отказаться для утверждения радости жизни: я не могу, а вы, друзья, царствуйте!

Боже мой! как трудно быть писателем! Такая Голгофа!

Завещание

Верно судить о писателе можно только по семенам его, понять надо, что с семенами делается, а для этого время нужно и время.

Так скажу о себе (уже пятьдесят лет пишу!), что прямого успеха не имею, и меньше славен даже, чем средний писатель. Но семена мои всхожие, и цветочки из них вырастают с золотым солнышком в голубых лепестках, те самые, что люди называют незабудками. Итак, если представить себе, что человек, распадаясь после конца, становится основанием видов животных, растений и цветов, то окажется, что от Пришвина остались незабудки.

Милый друг, если ты переживешь меня, собери из листков этих букет и книжечку назови: «Незабудки».

Малиновое пятно

Солнце садилось за березами, а березы поднимались к облакам белым, весенним, принимающим форму кучевых. Было в лесу от солнца малиновое пятно на сосне, солнце садилось, а оно поднималось и гасло.

Я смотрел на пятно и думал о себе, что вот так надо бы тоже себе: погаснуть когда-нибудь непременно на подъеме.

Пиковая дама

Мой взгляд на современную литературу начинает приближаться к тому, как Пиковая дама перед смертью смотрела на изменение нравов светского общества.

Вот я сейчас обижаюсь, а чем оно было хорошо перед революцией? Романы Брюсова очень скучные, Ремизова, Белого, Мережковского, Андреева, Сологуба, – ничего из всего этого сейчас нельзя взять для себя, как берем мы сейчас Чехова, Бунина...

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

А теперь как широко разрослось писательство, еще немного – и будут писать все, а настоящими художниками останутся по-прежнему несколько человек.

Значит, все хорошо, и если сам себя считаешь «настоящим», то настоящим писателям никогда не жилось хорошо, начиная с самого Пушкина.

Ясно вижу себя, корявеньким, неладным топориком, определившим все мои отношения с литераторами.

Мое отношение к некоторым вещам, как у моей собаки к ягодам: если ягода в рот попадет – проглотит, а если мимо, то не наклонится, чтобы с земли поднять.

Страшно...

Плохо спал ночь а; проходив по-вчерашнему четыре часа, ужасно устал.

Р. Н. Зелинская приходила сегодня и сказала, что отцу ее восемьдесят восемь лет. Только в лес уже не может ходить. А мне еще страшно подумать, что когда-нибудь и мне будет невозможно в лес ходить.

И это «страшно» – признак молодости, потому что старение происходит без боли об утраченном: вместо утраченного приходит нечто более ценное. Так вот разве я отдал бы теперь свою нынешнюю способность за мою прежнюю резвость?

Струны бытия

Вот что меня немного смущает в моей печали и моей радости. Если печаль придет, я чувствую не предмет печали, а будто около сердца у меня натягивают, подвигая, колки туже и туже, особую струну печали. И вот она уже поет свою песню... А что приходит в голову под эту песню, то как снопы в молотилку – все обращается в горе: любовь моя, слава, Россия.

И наоборот, если натянуты струны радости, то если погода и плохая, сделаю себе на бумаге хорошую; если в природе хорошо, я иду бродить, и на каждом шагу мне чудеса открываются.

Утром я встаю и чувствую: поет струна радости.

– Встал с правой ноги! – говорит Ириша за дверью.

Или чувствую струну печали.

– Встал с левой ноги, – понимает Ириша.

И так в продолжение дня это бытие определяет мое сознание.

Но я не хочу, нет, нет! я ищу в себе сознание, определяющее мое бытие, я хочу сам распоряжаться струнами бытия, я хочу, чтобы искусство мое стало моим поведением, а не прихотью моего бытия.

С высоты

Март и апрель проходят, как будто спускаются с горной высоты. Я спускался с высоты, повторяя про себя: не хочу высоты, хочу близости и в этом всем близком не хочу тесноты, хочу дружбы.

Вот я сейчас спустился вниз из своего горного марта, и так тут в мае сегодня чудесно: такие сучки в лесу зеленеют, о каких даже и леший забыл и счета им не ведет.

И тут-то вот на одетый лес прилетела кукушка, и каждый теперь ей радуется: кукушка прилетела на одетый лес – по народным приметам, все люди в этом году оденутся.

...И вот полоснуло по сердцу, – как ничтожно и гнусно сопротивление во имя всего такого личного, когда поставлен вопрос о добре для всего человека, – вдруг захотелось стать на его сторону. И тогда вспомнилась горная высота с ледниками, и все нежно-зеленое внизу.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
...Что же это? или только во свидетельство, что высота побеждает? высокое дерево, высокий человек, высокий дух, ледяной холод, инструменты, логический ум, математика, обобщение...

Человек в природе
О первый ландыш! Из-под снега

Ты просишь солнечных лучей.

Фет

Из-под снега выходят подснежники, вот сейчас 10 апреля, их надо ждать, а первый ландыш, дай бог, явился бы через месяц...

Вот, может быть, я и останусь в поэзии, как географическая поправка к туманным мечтам романтиков. И это будет здорово в русском духе.

Неведомая страна

Любовь – это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем.

Доктор

К вечеру повеяло жизнью, и я даже, почувствовал наслаждение своими трудами: возьмусь и заживу.

На ночь доктор звонил.

Услышав, что я сам управляю машиной, говорит: «Отменить!» А я ему шиш!

Презираю такие повелительные обобщения: не отменять надо врачу, а умерять, то есть находить всему в жизни меру, для чего от врача требуется, только внимание к больному.

По-видимому, все чудеса врачей сводятся к их силе внимания к больному. Этой силой поэты одухотворяют природу, а врачи больных поднимают с постели.

О любви

Ночью думал о двух любвях. Одна, как у животных: получил и отпихнул ногой или швырнул, как Стенька швырнул в Волгу свою княжну, как огромное большинство мужчин, не исключая самого Льва Толстого, представляют себе любовь к женщине.

И другая любовь, в которой приходит свое утверждение никому не ведомым каким-то прекрасным чертам любимого человека, любовь, как призвание, как выход одинокого «в люди».

Мы часто видим, что мужчина кое-какой, а женщина превосходная. Это значит, мы не знаем скрытого достоинства этого мужчины, оцененного женщиной: это любовь избирательная, и, вероятно, это-то и есть настоящая любовь.

Любовь на деле проста, а если взять любовь и записать, что проходит в голове, пока наружно хорошо сделается, сколько сомнений и колебаний, сколько всего! А на деле, если со стороны посмотреть, так все просто и непонятно, почему до сих пор люди не возьмутся все вместе по правилам, и обязательным для всех, делать любовь.

<...> Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, я постараюсь быть лучше себя.

Синяя тишина

Вчера десять и больше раз начинался дождь, и я уже не обращал на него внимания и ходил с Кадо по дождю. В промежуток между дождями было так тихо и темно в лесу, что каждое дерево как будто оставалось наедине само с собой, и все можно было видеть у них, даже самое – тайное.

Плакучие березы опустили вниз все свои зеленые косы, а в елках нависла синяя тишина.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вагнер

В консерватории слушали Мравинского: Брамс, Первая симфония и Вагнер. Тридцать лет не слышанный «Тангейзер» открыл мне широкие горизонты жизни, и в то же время я, русский Михаил, был у себя: как будто это я сам и шел с пилигримами и бунтовал за радость жизни на горе Венеры.

Так что выходило ясно, как день: я недаром отдал юность свою Вагнеру.

Вечером будем Новый год встречать, ожидая лучшего. Так и вся Россия, – она учится ждать, и в этом содержится ее мудрость, надежда, вера, любовь. Это ожидание лучшего, накапливаясь, разбивает границу, определяемую смертью.

Мы ожидаем в терпении, чтобы каждому из нас открылся бы большой простор для творчества жизни и, независимо от нас, всем явился бы ясный путь навсегда для мира во всем мире.

1950 год

Повесть моя зарастает, и, я думаю, не больше ли всякой повести эти записи о жизни, как я их веду?

Пuls жизни

Не могу справиться с собой, когда бывает, подкатывается под самое сердце радость ни с того ни с сего. Да ведь как подкатывается! Тут и воздуху радуешься, и что где-то невидимые птички веселые поют, и что из толчи людской какие-то глаза показались.

И даже если и нет ничего и не к чему придраться моей радости из-под сердца, то радуешься просто тому, что живешь.

Там, в глубокой тишине, слышишь движение крови своей: puls жизни. И когда это поймешь, вдруг спохватишься: погляди, рядом с тобой страдает твой друг!

И тогда бросишься искать путей: как бы эту радость жизни людям отдать.

Утверждение жизни

«Ты» – это значит, что я должен для тебя что-то сделать. «Ты» в отношении «Я» – это действие, это значит: я положу душу за друга. И еще это значит утверждение жизни здесь, на земле.

Проходящие годы

Ясно, умеренный мороз, определяется с каждым днем больше и больше весна света. Провел вчера мирно день своего рождения и определил окончательно поворот моего сознания о проходящих днях и годах. Пусть их проходят! Раньше я этого боялся, а теперь горжусь своими годами: подумайте, семьдесят семь, а я ничего: и хожу и пишу. А дальше ведь, если будет здоровье, с каждым годом новая прибавка, новое сознание своих больших лет, своего достоинства.

Вот уж никогда-то не думал, что прибавке лет буду радоваться, что в конце концов годами возьму свою долю жизни!

Вода

Наговорил столько лишнего, что после на улице стонал. И все – от чудовищного одиночества в среде писателей, Говоришь лишнее и этим мучаешься при наличии особой среды, похожей на воду, каждый камешек вода принимает как бы с улыбкой, и каждый в ней тонет. Волнует именно, что тонешь сам, а ей (среде – воде) хоть бы что!

Сказочка о св. Франциске[1]

Согнувшись в три погибели, добрые люди в тяжелых мешках несли в райский сад свое добро. Только один бедный Франциск пришел без добра и держал в руках букет с незабудками. Увидав его, Великий Садовник спросил:

– Франциск, где ты взял эти цветы?

– Добрые люди, – ответил Франциск, – несли в райский сад свое добро, из мешков у них кое-что выпадало, и там, где ложилось на землю удобрение, вырастали незабудки, и я их собирал.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

– Так зачем же они, – воскликнул Великий Садовник, – тащат свое добро в рай, если на земле на нем вырастают цветы?

После того, усердием Франциска, все принесенное в райский сад добро выпало на землю благодатными дождями, и земля покрылась цветами.

Вот моя сказочка, и поверьте, так и будет, и желаю вам до этого счастья в цветах дожить. Но увы! Мне семьдесят семь лет, и до тех благодатных дождей и цветов не дожить мне. А если доживу – приходите тогда и я вам отточу свою сказочку до физической силы.

Здоровье

От холода все остановилось, и в особенности это заметно на липах: листья кучками вышли из печек и не расходятся. Но мне так хорошо теперь идти по лесной тропе! Мне кажется, все существа в природе остановились и обратили на меня внимание, и все, советуясь друг с другом, по-своему говорят:

– Подождем старика, пусть он нас догоняет!

Вот почему я всегда так хорошо себя чувствую в майские холода, весна в ожидании меня задерживается, позволяя мне поближе к ней подойти. Есть у меня для молодежи своя собственная мысль, и я знаю, не без пользы для себя они меня поджидают.

Мне хочется им сказать, что здоровье человека не в сердце, не в почках, не в корнях, не в листве или в спине. Конечно, слов нет, хорошо человеку, если у него, все это тоже здорово, как у быков. Но самая суть чисто человеческого здоровья – это когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне – то должно быть и всем хорошо!

Если поблизости нет человека, чтобы вместе порадоваться, то один пишет другому письмо или поет ему песенку. Так здоровый человек встречает весну, хотя пусть он на костылях или ему много лет, и за молодым бежать он не может.

Это нужно понять молодым, что, при утрате чего-нибудь внешнего в человеческом здоровье, образуется внутри его какая-то замена и часто замена эта ведет его к такому лучшему, что о старом он не горюет и молодым не завидует.

Так и в лесу в майские холода, мне кажется, что молодежь мысль мою о человеческом здоровье понимает и все останавливается и поджидает меня, чтобы я об этом сказал.

Смысл чтения

Книг в своей жизни я перечитал достаточно, и все-таки я был человеком малообразованным. Про себя я этим очень тяготился, и так было до тех пор, пока не встретился мне человек точно такой же, как и я, в отношении образования. Оказалось, это мучит меня никак не моя необразованность, а своеобразное восприятие знаний.

Надо быть очень наивным, чтобы книгу читать из строки в строку, или уж книга должна быть такая, чтобы в каждое слово автор входил целиком. Мы привыкли не читать книгу, а схватывать «смысл». Так можно пробегать и по целым дисциплинам знания, ничего не узнавая в частности, но схватывая как бы ландшафт дисциплины. Так в своих путешествиях я схватывал громадные ландшафты одним броском глаз.

Вот эту способность перебегать и скользить в пространствах природы и мысли я нашел тоже и у Л. Эта способность нечто совсем другое, чем образование: это какое-то самодействующее образование, исходящее не со стороны, а от себя. Но только это никак не «поверхностное», напротив, оно глубже просто образования.

Сила привычки

Нет другой такой силы, закрывающей нам глаза на добро человеческих, достижений, как сила привычки. Вот отчего и радуются путешественники: в походе привычки отпадают, как листья от мороза, и голая веточка нашей души образует новую почку впрок до весны. Эта почка и радуется нас, как будто жизнь опять начинается.

Бит это одно в путешествиях, а другое, что, двигаясь вперед к чему-то чудесному, все плохое оставляешь за собой.

Утверждение

В обыкновенном нашем искусстве есть какая-то слепота, подобная слепоте обыкновенной физической любви. Художники прут куда-то в восторге, а сами и не знают, куда прут.

Но это, однако, не мудрость разнести себя самого в пух и прах. Мудрость, напротив, твердо стоять на своих ногах и удивляться тому, как это мог устоять.

Выход

Вчера запоем делал новую «капель» без всяких дум о печати. На этом надо и остановиться: писать для себя, а если что выйдет подходящее, то печатать.

Из биографии

Пришлось вчера, отвечая на вопросы гостей, рассказать о своей скитальческой жизни и бедности. Мне стало скучно от самого себя, и я вспомнил Руссо: ну, он бился в нищенстве, так уж и было ему из-за чего биться, а из-за чего – я? Нужно лишь удивляться, какая же во мне содержалась масса горячего, если я так долго жил на таком скудном положении.

Только в старости я наконец понял, что у каждого человека почти есть свое счастье и он за него держится. Я тогда впервые получил для себя это маленькое человеческое счастье и впервые без стыда мог взглянуть в лицо человеку. Так бы я и остался скитальцем по грязной воде без калаш.

Но, боже мой, чье же это было «я», когда я писал все «я» да «я»? Так стыдно вспомнить и разбирать, от какого лица я писал! А между тем из этих писаний что-то осело хорошее и осталось. Это удивительно. Это как природа, как свидетельство жизни за пределами разума, за пределами личного.

Двойная радуга

Утро мягкое, росистое, стекла потные, на дереве там где-то за окном на каком-то листике капля дрожит – почему она дрожит в такой тишине? Дрожит и меняется в цветах – почему она все время меняется?

В лесу, куда луч проник, где-нибудь сквозь полог в окошке над поляной пар поднимается. Почему же пауки, как нападут на какое-нибудь дерево, так всего его обвешают паутиной?

Почему в росистое утро прохладное особенно много паутины? Не потому ли, что роса их убирает каплями: делает заметными?

Мелькнула жизнь моя в своей подчиненности чему-то неведомому... и вдруг я подумал: а если б я выбросил из себя подчиненность, если бы я вывернулся и стал сам на то место? Я бы тогда стал Наполеоном, Александром Македонским или... пристроился редактором..

Я бы тогда не видал, как вчера, на лесной вырубке на опушке леса двойную радугу...

Если понадобится этот ключ

За липами, облетевшими, сквозными, золотится небо, на желтом черные все неправильные зубчики леса. Это с далеких времен волнующая тайна с предчувствием какой-то грани человека (помню, это же писал я в свои двадцать девять лет, этими же даже словами).

Вот это вживание в природу и является ключом к моей литературе, если только понадобится кому-нибудь этот ключ.

Без друга

Есть радость, когда никого не надо, и ею насыщаешься сам в одиночку. Есть радость, когда хочется непременно ею поделиться с кем-нибудь другим, и без друга почему-то эта, радость не в радость и может даже обратиться в тоску.

Моя природа

Моя природа есть поэтическое чувство друга – пантеизм далеко позади, – друга-человека, составляющего вместе начало общего дела, начало коллектива.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Туманное небо

Из тумана даже моросило, и, естественно, скука создавала в себе самом из мыслей своих небо туманное. Идешь, будто сам в себе или где-то на небе, не обращая ни на что внимания. Но вдруг (отчего-то всю жизнь стараюсь понять, отчего?) – вдруг с этого неба спустишься на землю, и тут пусть даже капля этого самого тумана, осевшая на последнем листе облетевшего дуба, встретит тебя с необычайной радостью, создавая в тебе жадное внимание.

Не знаю, откуда это берется, но только в этом все мое счастье, и этим «оптимизмом» я даже кормлюсь.

Поза

Когда у меня открылись глаза первого сознания, меня встретили Некрасов и Лермонтов. Однажды я прочитал «Ветку Палестины» и написал свои стихи: «Скажи мне, веточка малины, где ты цвела». Когда домашние мои мне сказали, что стихотворение мое взято у Лермонтова, я был возмущен и понять этого не мог.

Очень возможно, что из этого первого потрясения души родилось во мне такое мнение, что я не Пришвин, а Лермонтов. Я даже сказал это в сердечном признании брату своему Сереже, и тот, ничего не поняв, смотрел на меня большими глазами. Мне кажется, это было началом какого-то порочного пути, по которому же, однако, я потом не пошел: я сделался, какой я ни есть, но сам, а Лермонтов остался тоже сам.

Но благодаря этим первым эксцессам – я теперь все же ясно вижу два рода возможностей поведения человека: одно поведение ведет к самому себе, и раскрытию своего таланта, и через это – к раскрытию широкого понимания природы и людей; другое поведение ведет к отщепенству и демонизму, и не к творчеству, а к позе творчества.

Мне бы хотелось в дальнейшем разобраться, что же именно определило мой путь и образовало мое поведение? Это я задумал поискать для того, что, может быть, мне удастся найти что-нибудь полезное для вступающих на тот путь, по которому я шел.

Снежинка

Снег валил видимо-невидимо, но у нас на земле было +1, и снег, даже такой густой и тяжелый, прикоснувшись, мгновенно превращался в воду, Я думал о том, что, в сущности, каждый из нас тоже снежинка, но мы в этот короткий миг жизни ведем себя (держим себя) как бессмертные. Обессмерчивание мгновения вот наша жизнь, на этом и все искусство построено: не остановись мгновение, как в Фаусте, а продлись навсегда!

Как зарождается в туче кристаллик снежинки, как он соединяется с другим и как растет, тяжелеет и падает и, коснувшись теплой земли, обращается в воду...

Снежинка живет меньше человека, но, может быть, она больше его переживает.

...Так что вот оно и мое «поведение» художника в том, чтобы, как дети, жить бессмертной снежинкой и немощи свои поправлять искусством. <...>

Творческое поведение

Нам кажется, что в человеке историческое поведение определяется сознанием после самого поступка и что на этом пути поведение может быть только воображаемое, а не реальное. Может быть, оно так и есть в истории.

Но мы берем не историю, а творчество во всем его объеме (на войне, на заводе, у художника) и покажем, что всякое настоящее творчество определяется поведением, это значит, гармоническим сочетанием сознания и жизненного действия.

Поступок человека бывает обыкновенно (не хочу говорить, что всегда) раньше сознания, но поступки без участия сознания не могут сложиться в поведение.

В рассказе «Женьшень» я хотел дать поступок, подчиненный сознанию (не схватил за копытце). И тем самым определилось какое-то поведение на фоне аскетизма и страдания.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Теперь я хотел бы дать поведение человека в том, что в момент рождения сознания у героя рождается и действие. Таких героев мы видим на войне, и, может быть, настоящий художник в своем творчестве именно этим и определяется: рождение поступка в одновременном сочетании сознания и действия, и что в этом и есть творческое поведение.

Иван-дурак

Начинаю еще яснее видеть себя, как русского Ивана-дурака, и удивляться своему счастью, и понимать – почему я не на руку настоящим счастливым и хитрецам.

У меня такого ума-расчета, чтобы себе самому было всегда хорошо и выгодно, вовсе нет. Но, если я все-таки существую, и не совсем плохо, это значит, что в народе есть место и таким дуракам.

Цена жизни

– Женщина знает, что любить – это стоит всей жизни, и оттого боится и бежит. Не стоит догонять ее – так ее не возьмешь: новая женщина цену себе знает.

Если нужно взять ее, то докажи, что за тебя стоит отдать свою жизнь.

Золото молчания

Вернуться к молчанию в том смысле, что говорить для себя, а молчать от внимания к другому. Просить молчания, значит, просить внимания к человеку.

Разговор выявляет свое первенство, а внимание рождает друзей. Вот почему разговор серебро, а молчание золото.

Перед рассветом

В лесу не в полночь бывает самое темное время, а перед самым светом.

– Как темно! – скажет кто-нибудь.

И другой ему отвечает, поднимая голову:

– Темно? Значит, скоро будет светать.

На заре

Заря сгорает на небе, и ты сам, конечно, сгораешь, в заре, и тысячи голосов на заре соединяются вместе, чтобы прославить жизнь и сгореть. Но один голосок, или, скорее, шепоток, не очень согласен гореть вместе со всеми.

Ты, мой друг, не слушай этого злого шепота, радуйся жизни, благодари за нее и сгорай, как и я, вместе со всею зарей!

Рождение

Конечно, наше время есть и начало чего-то и конец. Хочется войти в начало, но и конца не хочется переживать: пусть оно кончается без меня, я же войду в начало.

Мало того! мне кажется, я рождаюсь, не имея возможности об этом сказать кому-нибудь, и оттого мне хочется на старости, как ребенку, плакать и жаловаться.

Раздумья

1946 год

В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным путем.

Сторожа правды

Художественный талант – это, как всякая способность и даже как всякая сила людей, возбуждает между собой борьбу роста личностей. Каждый истинный художник не боится этого роста, если он правильный, и думает про себя: «Ладно, если так растет художник, то и я подрасту».

А неправильный рост подавляет и разрушает искусство.

Вот за этим ростом искусства наблюдают особые люди, критики, как сторожа правды.

Редактору

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Всякий может приказать стричь овец под одну гребенку. Хороший хозяин в каждой овечке видит свое, как будто он любит всех, но каждую больше.

Напрямик

Большой навозный с черным отливом жук пустился летать по прямой, развивая большую скорость. С разлету он напоролся на колючую проволоку. Он остался на проволоке, умоляя всеми лапками о помощи. Я снял его и, отпуская, сказал:

– Не летай, дурак, напрямик.

Противоречие

Искренность есть чувство момента преходящего, временного. В этот момент искренний совершил в согласии с моментом ряд поступков, которые для следующего момента будут ложными: искренний лжет.

Тип и личность

<...> Для автора нет типов, есть только личности, из которых читатели должны сделать типы. Так Дон-Кихот начинался у Сервантеса какой-нибудь конкретной личностью.

Автор создает личности, а читатели из личностей делают типы...

Так в природе только индивидуальности, а люди их классифицируют.

Личность и индивидуальность

У древних то, что мы называем теперь «индивидуальностью», называлось «смертными», и «богами» то, что мы теперь называем в человеке – «личностью».

Но надо помнить, что в широкой массе и даже среди философствующих людей индивидуальность и личность есть одно и то же.

Для себя и для всех

Некоторые говорят, что нужно жить для себя, другие учат жить для ближних, а я думаю, каждому следует найти такую точку применения сил, чтобы жизнь для себя сама собой выходила жизнью для ближних, для дальних, для всех.

Да, наверно, так огромное большинство людей и живет для всех под предлогом личного удовлетворения. Особенно, это выразительно ясно в отношениях пола, вначале эгоистических до драки с противником, а потом приводящих к жизни для семьи, для общества, для государства.

Ручеек

Велик океан, но в лесу или в пустынном оазисе маленький ручеек совершает не менее великое дело. И маленький ручеек, перебегая по песочку, не ежится, не останавливается перед большим, а как равный, как брат, весело сливается: сейчас он был ручеек, а вот уже он и сам океан.

Русская школа

– Реализм в искусстве – это есть, иначе говоря, путь к правде: искусство на пути к правде.

Реализм – это, вернее всего, русская школа, тождественная с общим устремлением истории нашей морали в ее движении к правде. Может быть, и ложь-то бывает особенно велика из-за общего направления к правде. Недаром о Гоголе некоторые говорят, будто всех людей своих он выдумал и заставил нас в них поверить.

Но есть какая-то истина в этом движении русского искусства к осуществлению правды, что-то вроде решения богов: «Сотворим человека!» И человек был сотворен.

Начало века

Писатели, начала века никак не были «шалунами». Совсем напротив. Их захватила та самая болезнь, которая по отдельности нападала на крупнейших русских писателей, особенно этим страдали Гоголь, Лев Толстой.

Болезнь эта – в распаде души художника на чувство правды и красоты.

Конь, на котором они ехали, их растрепал, и на коне уже давно едет другой.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Видите, милые люди, есть вера в жизнь, и в свое назначение сделать, для этой жизни что-то лучшее, – такая крепкая вера, что упавший с коня садится на корову и на ней тихонечко продолжает свой путь.

Вот такое преодоление гордости почетнее и труднее...

Искусство

Искусство есть в существе своем движение и начинается от желания лучшего: хочется лучшего, чем данное...

Расширение души

В молодости мы очень богаты жизнью и охотно всем в долг раздаем свои богатства, но когда под старость пойдем долги собирать – никто не дает, и это очень обидно. И вот почему так редко встречаются добрые: в старости видеть добро мешает обида.

Если же постараться и суметь обойти свою обиду, то какие же люди все добрые!

На злое дело! – подсажи только – и всякий способен. На доброе – редкий. Зло сделать много легче добра. И все-таки мы живем и собираемся, жить в будущем лучше в том уповании, что добро побеждает зло.

Мы преодолеваем смерть личную, отдавая душу за друзей: в этом есть назначение смерти.

Поведение

В добро или во зло было творчество, пойдет созданное на жизнь, или на смерть, – остается неизвестным до последнего звена в творчестве: нравственного синтеза, образующего поведение. До сих пор наука в отношении нравственного синтеза слова своего не сказала. Но искусство... сколько великих примеров!

Так почему бы нам сейчас в самый страшный, небывалый, ответственный до невозможности момент осторожно не взять это на себя: мы должны в последний момент сказать свое слово, образующее поведение.

1947 год

Чувство родины в моем опыте есть основа творчества.

Поэзия

В поэзии (искусстве слова) происходит борьба неведомой стихии, похожей на воду, с рассуждением, похожим на берег, и победа бывает только, если вода размочит берег.

Какой чудесный вопрос художнику: видели ли вы в своей жизни красоту, и сколько раз, и при каких обстоятельствах?

Венецианская люстра

В одном музее я заметил венецианскую люстру, похожую на цветок, но такой совершенной формы, какой не бывает в природе и какую мог создать только человек. А бывает, усталый где-нибудь присядешь на опушке леса и влюбишься в какой-нибудь простейший цветок вроде полевой незабудки и думаешь, разглядывая его проникновенно, что никакой человек не создавал и не создаст такой живой красоты.

Придет зима – вернешься к люстре: в хрустальных лепестках загорятся огоньки, и тогда опять думаешь: «Нет, такой совершенной формы не существует в природе!»

Но как же незабудка-то летняя?

И, вспомнив ее, спрашиваешь: «Где она теперь?» И сам себе отвечаешь: «Глубоко под снегом лежат ее истлевшие листочки, и не найдешь их новой весной, и не заменит ее новым летом новый цветок». Напротив, встретив другой, подобный, я загрузу, и отвернусь, и скажу:

– Дайте мне ту мою единственную незабудку, только тогда я и тебе, моя хорошая, тоже обрадуюсь!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru Прелесть живого цветка подчеркнута неперемной и близкой смертью его. Своей красотой он как бы обращается ко мне словами:

«Возьми меня, человек, я тебе отдаюсь и вверяюсь, возьми и спаси меня от неминуемой смерти».

И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрустала.

Пусть он разбит – все равно он не умирает: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию.

Доверяясь перу...

Когда садишься писать и не складывается в голове, как надо, попробуй довериться перу и начинай писать, что придется. И бывает, напишешь, доверяясь перу, такое, чего никогда не придумал бы.

Таков был Шаяпин: такого не выдумаеть.

Общее дарование

Поэтическое дарование имеет судьбу ту же самую, что и любовь: всеобщее дарование. И любовь иных приводит к браку и рождению детей чудесных, и та же любовь является беспутством.

Так и поэзия приводит к браку личности с обществом или тоже к беспутству.

При чтении «Фауста»

Когда я прочитал свой сценарий Кулешову, он признал его отличным художественным произведением, но малограмотным в отношении кинематографа. «Как же быть?» – спросил я. «Нужно, – ответил он, – взять три полоски, вносить на них все сцены, а потом по-новому кинематографически разместить», Я испугался и не дал ему размещать.

Думаю об этом смещении планов и представляю себе, как сеятель, подготавливая почву удобрением и взрыхлением, бросает в нее семена. После того он уходит, предоставляя каждому зерну бороться за жизнь свою самостоятельно. А сила демоническая нарушает эту гармонию, вмешивается и смещает планы творчества.

Вспоминаю о явлении смысла нашей встречи с Кулешовым: формализм, – это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мифистифельская потеха.

В тот момент, когда Кулешов предложил мне все – сцены пьесы моей с помощью ножниц и клея разделить на три полоски и все перестроить по-новому, я понял те сцены из «Фауста», когда он смеялся над всемогущим бессилием Мефистофеля. И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество божественной силы.

Мало того, я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, Фауст все-таки был прощен.

Б. принимает витамины и мятные капли. Ищет долгую жизнь, мечтает о бессмертии. Мы доказывали ему целый час, что бессмертие не в долготе, а в прекрасном мгновении. И когда связали его по рукам и ногам, он сказал:

– Скорее всего, есть два рода людей: для гениальных бессмертие в мгновении, а для обыкновенных – в долготе жизни.

Итак, в жизни есть две силы: одна – размножение, как творчество природы, и вторая – творчество человека, как организация природы, материи в интересах человека. (Вопрос, что есть человек, во имя которого все на свете организуется?)

Материя находится в состоянии непрерывного самотворчества. Напротив, идея нас осеняет, «приходит в голову», говорят: «идея родилась» (фаустовское прекрасное мгновение).

Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в – высший момент восторга –

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru «прекрасное мгновение, остановись» – его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются.

Однако, несмотря на положение Филимона и Бавкиды, Фауст находит себе высшее оправдание точно такое же, как в «Медном всаднике» находит себе оправдание Петр: «Красуйся, град Петров!»

Тут и там проблема личности и общества разрешается в пользу общества, причем исключительно благодаря скачку авторов: Гете скачет через Филимона и Бавкиду, Пушкин – через Евгения.

Целомудрие

Даже и целоваться на людях стыдно. Показывать это можно уже, когда родится ребенок.

Так и в творчестве тоже правило: показывать можно только уже готовую вещь.

Слово жизни

– Если будет вода и в ней ни одной рыбки – я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летает в нем ласточка – я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми – не лес, и жизнь без таящегося в ней слова – все это только материал для кино.

Искусство

Лягушку все знают, как она квакает в теплой воде, когда ей хорошо, но мало кто слышал, как она пищит, когда попадает в зубы собаке. Я первый раз в жизни своей услышал этот звук, быстро оглянулся, освободил несчастную лягушку. Она скакнула в ручей, и быстро вешняя вода унесла ее.

Лягушка исчезла, но панический звук остался во мне. И все в природе, наверное, также умирает и оставляет в душе человека что-то свое. Это все от природы, скоплясь в душе человека, ищет выхода и образует талант, создающий новую природу.

Может быть, затем и существует на земле человек, чтобы данную дикую природу, обреченную на звериную борьбу за существование, переделать на человеческую в единстве закона и милости.

И, может быть, тоска человека по какой-то чудесной природе и есть начало мук его возрождения им новой милостивой и прекрасной природы?

И, может быть, эти муки возрождения и радость явления в мир небывалого мы называем искусством?

Охота

Первым моим охотничьим ружьем была шибалка: так назывался у нас кривой сук, вроде бумеранга.

Однажды этой шибалкой я подбил молодого вялого галчонка, и он попал мне в руки. Он был в таком состоянии, что какое положение ни придать ему – в таком он и остается. Это меня смутило потому, что было против всякого охотничьего естества, в котором одно живое существо убегает, а другое его догоняет. Что тут делать? Я взял галчонка и посадил его на сук липы. После обеда посмотрел – сидит! После чая посмотрел – сидит! После ужина – сидит! Вероятно, я очень мучился за галчонка той ночью, если через всю свою жизнь, как через тысячу лет, пронес это воспоминание. Утром встал, поглядел туда – галчонок лежит на земле мертвый.

Я со слезами вырыл ямку и похоронил галчонка, но охотиться не перестал и до сих пор охочусь, больше сочувствуя всякой симпатичной живой твари, чем тем, кто сам не охотится, но охотно кушает дичь в жареном виде.

И всю-то, всю-то жизнь я как охотник слышу от этих лицемерных людей одни и те же слова: «Как вам не стыдно охотиться, убивать!» И всю жизнь я отвечаю одни и те же слова: «Как вам не стыдно есть то, что для вас убивают?»

Дело в том, что моралисты обыкновенно не обладают охотничьим чувством, и я знаю из них только одного Льва Толстого, который как моралист проповедовал вегетарианство, а как охотник бил зайцев до старости.

Может быть, не только культура, но и сознание человеческое коренится в переходе пассивного страдания в активное. Может быть, и власть в существе своем происходит на почве активного страдания.

Моя подруга ответила на мою мысль:

– Переносить страдание, просто страдать – это, может быть, даже и сладко. А страдать активно, действовать, брать власть в борьбе со злом – вот это настоящее.

Вечерняя заря

Вечерняя заря разгоралась, солнце освещало уже только верхушки деревьев, внизу быстро темнело, и готовая, полная, еще бледная луна приготовилась сменить солнечный свет.

Вот и погас на самом высоком пальчике самого высокого дерева солнечный луч.

Художник положил кисть.

– Чуть-чуть не кончил, – сказал он...

– Что же вы теперь будете делать? – спросили мы.

– Ничего, – ответил он, – придется ждать солнечного вечера: нужно одно только мгновенье.

– Но такое мгновенье в природе не повторяется: – пришло и ушло.

– Конечно, не повторяется, но приходит подобное, я вспомню неповторимое и его удержу.

– Разве так можно?

– А как же! На что же бы тогда человеку и быть человеком, если бы у него не было памяти о неповторимом мгновении.

Первый глаз

Есть материализм потребительский: человек потребляет материю для своего счастья. И есть материализм, когда дух человеческий, как бы страшась своей свободы, хватается за материю, как утопающий хватается за соломинку.

Тогда в этом стремлении удержаться все предметы, охватываемые духом, становятся такими, как будто ты сам только что родился и увидел их первым взглядом.

Вот таким первым глазом Гоголь смотрел на вещи и так создавал свой реализм, похожий на луч рентгена, проникающий сквозь твердые вещи.

Культура и природа

Природа может обойтись и без культуры. Родился Шаляпин – артист по природе, с таким голосом, и пользуется для своих высоких целей культурой, как автомобилем.

Так бывает в природе. Но культура без природы быстро выдыхается. В этом смысле природа науку одолевает.

Большой хозяин

Большой хозяин, если увидит беспорядок и в чужом хозяйстве, вступает: у него духу хватает и на чужое, а хозяин мелкий думает только о себе: на чужое у него духу не хватает.

Искусство наше словесное, живопись, зодчество, скульптура и все другие являются в мелкой жизни маяками, светом большого единого духа.

Небывалое

Человек – это мастер культурной формы вещей. На низшей ступени лестницы этих мастеров стоят те, кто ничего не вносит своего, а возвращает талант свой в том виде, в каком он его получил. На высших ступенях располагаются те, кто всю душу

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru свою вкладывают в творчество небывалого. <...>

Родина

Откуда это взялось у человека, что тянет его, как птицу перелетную, оставить родное гнездо и уйти искать небывалое?

Конечно, есть много разумных ответов, – начиная с нашей догадки о том, что стремление вдаль есть продолжение движения младенца, выходящего из утробы матери.

Не лучше ли, чем просто догадываться о происхождении своего чувства родины, обратиться к личному опыту.

Чувство родины в моем опыте есть основа творчества. И, может быть, всякий творческий талант открывает свое чувство родины, и каждый одаренный из нас открывает свою страну и этим увлекает других. Конечно, и так может быть: звук исходит из разных источников, но мембрана одна, и эта мембрана есть родина.

Лирика

Думал о том, что же в конце концов определяет прочность и сохранность во времени произведений искусства... Первое – какое-то отношение к детству: самое прочное произведение у Горького – «Детство», источник Толстого – «Детство, отрочество и юность», Пришвин – весь в детстве и в родине.

Второе – это чувство родины, культ матери. Третье – личность, то есть слово свое из себя самого, как у царя Давида.

Не лирика ли является в писаниях тем золотом, которое определяет их прочность и ценность? И эпос есть не что иное, как скрытая лирика.

Пишу – значит, люблю

Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством, как механизм. Но я хорошо изучил, при каких-условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества. Я не управляю творчеством, как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили из меня прочные вещи: мое искусство слова стало мне, как поведение.

Мне кажется, величайшую радость жизни, какая только есть на свете, испытывает женщина, встречая своего младенца после мук рождения. Я думаю – эта радость включает в себя ту радость, какую частично испытываем и все мы в своем счастье. Так вот и хочется мысль, найденную для своего обихода в искусстве о поведении, распространить на всех.

Но я могу быть цельным только на восходе солнца, когда все еще спит, а другой утром спит и цельным бывает глубокой ночью. И мне скажут, что Сальери был в поведении, но у него ничего не выходило в сравнении с Моцартом – человеком без поведения.

В том-то и дело, что поведение в моем смысле не есть школьное поведение, измеряемое отметками. Мое поведение измеряется прочностью создаваемых вещей, и с этой точки зрения Моцарт вел себя как следует, как творец цельной личности, и не подменял ее рассудочным действием.

Так вот я хотел, бы сказать и о себе, что моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и отсюда все мое поведение: пишу – значит, люблю.

Чувство правды

Чтобы настоящим быть художником, надо преодолеть в себе злобную зависть к лучшему и заменить преклонением перед совершенно прекрасным.

Зачем мне завидовать лучшему, если лучшее есть маяк на моем пути, если я в нем в какой-то мере, пусть даже в самой малой, но участвую: тем самым, что я им восхищаюсь, я участвую.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В одном я, может быть, ошибаюсь и распространяю свою ошибку. Я исхожу из поэтического непонимания и принимаю бессознательно, что каждый человек в той или иной мере является непременно «поэтом в душе» и непременно должен что-то в этом смысле пережить лично, чтобы соединиться с другим человеком и войти в общество.

Возможно, однако, что есть более короткий путь войти в общество путем простого чувства правды и способности стоять за нее.

И скорее всего человек может быть одновременно и «поэтом в душе», и правдолюбом.

Чужие следы

Там, где человек, – это я. Там, где каждый из нас выступает за себя, там, как след ноги на песке, остается собственность.

Хорошо это или плохо? Это неплохо и нужно, если нога собственника ступает по незанятой земле. Но как только по этой земле другие прошли, надо глядеть, чтобы не поставить ногу свою на чужой след.

Вот почему нас всех манит к себе девственная природа, земля, по которой не ступала еще нога человека.

Вот почему иной раз даже и вовсе землю бросаем, – нам тесно, мы становимся на путь искусства и там ищем путей, по которым никто никогда не ходил.

Полет в бессмертие

Беллетристику, как таковую, нельзя перечитывать, а можно повторять лишь поэзию и мудрость. Но читается беллетристика и пишется легче всего.

Беллетристика – это поэзия легкого поведения. Настоящее искусство диктуется внутренним глубоким поведением, и это поведение состоит в устремленности человека к бессмертию.

Никто не свидетельствует так о бессмертии, как все живущее в природе и дети. «Будьте как дети» – это значит: «живите как бессмертные». <...>

Мой очерк

Если бы меня спросили, чем отличается прозаический очерк от поэтического, я ответил бы так: отличается направлением к тому или к другому читателю.

Так вот мои «Адам и Ева» были направлены читателю газеты «Русские ведомости»: тут поэзия подчинена определенным служебным законам.

В поэтическом очерке «Черный араб» тот же материал был направлен читателю толстого журнала «Русская мысль» под редакцией Брюсова. Тут поэзия не ограничивалась требованиями переселенческой темы «Русских ведомостей» и, без оглядки на какое-либо практическое дело, направлялась прямо к сердцу читателя.

Так что прозаический очерк в моем опыте – это служебный, деловой; поэтический – свободный и, осмелимся сказать, – праздничный.

Но все равно – поэзия или проза, они исходят одинаково от «поэта в душе», и если нет этого центра, то все равно ни стихи, ни очерки литературой не будут.

С большой радостью перечитав теперь, через тридцать восемь лет после первого напечатания, служебный очерк «Адам и Ева» и праздничный «Черный араб», напечатанные в 1909 году в «Русских ведомостях» и «Русской мысли», я с чистой совестью «поэта в душе» могу теперь ими иллюстрировать свою мысль и, может быть, даже сказать: моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и в ней мое поведение: – пишу – значит, люблю.

Тон времени

Есть в незримой среде, окружающей каждого, тон времени, и кто слышит его, как будто получает крылья и может лететь и лететь.

Но это не все, что нужно человеку. Человеку нужно слышать тон времени и идти по

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru своей тропе.

Небывалое

Приступая к мысли о чем-нибудь, всегда надо помнить, что о том же самом мыслило множество умнейших людей до тебя.

С тех пор как человек начался и мысли его, скопляясь, передавались из поколения в поколение, они составляют огромное культурное наследство.

Но как же среди этого богатства чужих мыслей найти свою мысль и узнать, что эта мысль новая и еще ни у кого не была? Для этого надо понять себя самого, как существо еще небывалое, и когда это поймешь, то среди мыслей чужих узнаешь свои небывалые.

Обязанность каждого быть современным, и в этом определяется его «надо».

Несовременный человек – значит, отсталый, и фанатик – это кто стремится забежать вперед.

Мудрый – это кто яснее других чувствует обязанность свою в отношении настоящего времени, кто наиболее современный человек.

Написанное и напечатанное

Когда напечатается, то к написанному что-то прибавляется.

Написанное как бы колеблется в битве неравной и страшной, машинопись проясняет, печать утверждает.

1948 год

Поэзия – это предчувствие мысли.

Радость и горе

Все знают, что горе надо забывать, но мало кто понимает, что и всякий успех, счастье надо встречать, принимать и, сложив достижение в кладовую свою, как можно скорее тоже забывать.

И радость и горе надо забывать, а помнить надо только мысль в ее вечном движении.

Актер

Наступает пора, когда понимаешь людей, как понимает умный актер публику, когда она ему рукоплещет: он кланяется, прижимая руку к сердцу, а сам не сливается душой с этими поклонниками и хорошо знает, какой он на самом-то деле, без дела, без грима и бутафории...

Ах, сколько всего дано пережить человеку, если он только живет долго и не устает мыслить. Какое это огромное поле!..

Встреча

Сельский учитель: энергичное старое лицо, все исписанное жизненными боевыми рубцами, устремленными к глазам, чтобы выказать мысль человека, – все, мол, проходит, и щечки-подушечки, и ямочки, и вся красота, но мысль в глазах остается.

Все было хорошо, но когда этот смоленский учитель стал жаловаться на народ, – тут открылся заурядный деревенский учитель.

Хороший учитель никогда не скажет плохо о своем народе, и если даже думает так, никогда не откроется с первого разу.

Природа с лица

Смотрел на кота, и когда нечаянно задел его ус, то заметил, что короткая шерстинка на его носу быстро переставилась и образовала мину недовольства. Успокоив кота, я дождался, когда прошла мина недовольства, нос разгладился, и тогда уже сознательно я потянул своего кота за его длинный белый ус. Мгновенно появилась тогда на носу та же знакомая недовольная мина, и с тех пор я лучше стал понимать своего кота и ежедневно открывать в нем новые и новые мины.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
У меня часто являются такие дела неожиданные, что не до котов: начатое изучение забывается. А что, если подумаешь, всем бы, особенно ученым, взяться изучать природу не в сходстве, а в отличии, чтобы у каждого твердо находить свое единственное лицо, и в семье с малолетства этому практически обучать детей, и в школах преподавать им в природоведении наряду с морфологией еще и лицеведение? <...>

Рост человека

Человек растет, конечно, как и все в природе, костями, телом, и в то же время, как бы отступая от жизни роста, спрашивает постоянно сам себя: «Ну, что же это – со мной произошло?» И, осмыслив происшедшее, надбавляет к жизни роста своего, рост мысли: мыслью растет. Но и этот рост еще не совсем человеческий – щенок тоже растет, расширяя рост своего собачьего сознания.

Человек, собственно, начинается там, где в природе останавливается жизнь роста: тут начинается рост духовный, чисто человеческий, и продолжает у достойных расти до последней минуты. И в духе этого человека растут люди после него.

Чувство мысли

Художник не может выразить мысль свою силлогизмами. Но у него есть особое чувство мысли, как бывает, не вспомнишь имени, а самого человека чувствуешь и не можешь другому объяснить, кто же он. Так и чувство мысли делает художника безмолвным обладателем ее, и с помощью своих художественных средств он открывает нам и самую мысль.

Труднее всех художников, конечно, художнику слова потому, что трудность выражения чувства мысли здесь легко подменяется и умерщвляется логикой.

Полубеллетристика

Есть противная литература о природе, когда автор, – смотрясь в зеркало природы, как Нарцисс, любит себя сам, собой. Довольно много написано таких книг, получивших соответствующее общее определение «полубеллетристики», легче всего писать такие книги: достаточно кое-что узнать о предмете и это полужнание подать в соусе личного отношения, полуискусства.

Нам представляется, что природу можно описывать, отдаваясь этому целиком: если знание – это знание, если поэзия – то поэзия. Автор исчезает совершенно в познаваемых им фактах и тем самым отдает их в полное распоряжение читателя. Автор исчезает за фактами, и в то же время читатель понимает, что факты эти установлены самим автором, и верит ему. Дорого в такой книге то, что она является звеном культурной традиции писателей русских натуралистов: писать правдиво, не выставляя себя.

Опыт жизни

Вспоминаешь себя в ранней юности, когда я в жизни ничего не понимал, был глуп, как кутенок, и в то же время мнил себя отлично понимающим жизнь. Вот откуда бралась эта уверенность в знании жизни? Тоже, когда был влюблен, казались все люди хорошими – это откуда? И дальше потом постижение зла, получаемое на опыте, всегда можно понимать не как незнание жизни, а как узнавание себя в своих неудачах и распространение своего этого опыта на «жизнь».

Так что в конце концов в опыте своем мы не жизнь, а себя познаем...

А первоначальная уверенность в своем знании жизни и есть знание жизни настоящей, и в этом отношении нам дана директива: «Будьте как дети».

Всем подражателям в искусстве

Шляпин в Казани голубей гонял и пел в церковном хоре, но это вовсе не значит, что если самому гонять голубей и петь на клиросе, то выйдешь в Шляпины.

И если говорится: «Будьте как дети», то это никак не значит, что дети все хороши. Это говорится о тех избранных, каких мы, взрослые, иногда сохраняем в себе, и узнаем в природе им подобных, и, восхищаясь ими, говорим это – «будьте как дети».

Жена

Нужно помнить, что счастливых браков гораздо больше в жизни, чем у нас воображают, и это воображение создали трубадуры. Я думаю, что в этом чувстве

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
гармонической простоты жизни на каждом шагу поэзия у всех и в самой жизни.

В себя смотреть – никогда ни до чего не досмотришься и никогда из сомнений не выйдешь. Нужно, чтобы пришел кто-то другой, посмотрел на твое и сказал.

И вот пришел колодезник. Мы договорились...

– Но, – сказал я, – Алеша, ты погоди дня три, приедет жена...

– Значит, – хотел подколоть Алеша, – она у вас голова?

– У нее голова хорошая, – сказал я, – но и у меня неплохая. А ты разве с женой не совещаешься?

– А как же, – ответил он.

– Так чего же ты меня подкальываешь? Но я не обижаюсь, ты это говоришь, как попугай по старой грамоте, когда жен били, как собак. Та сам-то как живешь, жена твоя служит?

– Бухгалтером служит.

– А кто у вас стряпает?

– Кому же стряпать! Я на колодцах работаю.

– Значит, она и служит и стряпает... А кто же за ребятами ходит?

– Конечно, жена.

– А еще?

– Еще глядит, чтобы всю получку донес до дома: тут ее боль.

И Алёша стал меня уверять, что он не пьяница, но как же не выпить рабочему человеку, а выпьешь – и она начинает зудить.

Переходя на откровенность, Алеша, как русский человек, покатился под гору и рассказал даже и то, как он спешит домой с получкой к жене и всегда старается, чтобы никто не встретился.

– Один никогда не выпью, а кто встретится – радуюсь и не могу удержаться. Но как сдал жене – тут я спокоен.

– Так она у тебя и бухгалтер, и кухарка, и мать, и нянька, да еще и банк.

– А как же? – сказал Алеша. И совсем забыл, что хотел меня подколоть.

Закон мастерства

Вынашиваю мысль о священном порядке в душе творца, каким является в какой-то мере каждый работник, мастер своего дела. Этот священный порядок повелевает мастеру поставить все предметы на свои места, а также и определиться самому в служении и отделаться от прислуживания.

Требуется достоинство – и больше ничего.

Когда самому хорошо

Сегодня после теплого – небольшого утреннего дождя так чудесно в природе и так хочется писать! И так нужно писать, именно когда самому хорошо, иначе непременно поведет перо на сомнение или на какую-нибудь дрянь. Мне кажется, что когда самому хорошо, тогда и явится из-под пера что-нибудь свое и новое, а то будет или пессимизм, или перепевы.

Семя жизни

Молча в недрах народа, как в недрах земли с семенами и саженцами, происходит переработка брошенных в революцию идей, и что взращивается, что отбрасывается.

Писатель должен очень бояться своих сочинений на заданную тему, – жизнь заставит

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
всех обратить на себя внимание.

Гармония

Свобода и есть то чувство гармонии, с которым мастер выходит на работу. Теоретически же гармония есть способность, врожденная человеку, распределять вещи в пространстве и времени.

Кредо

Почему я все пишу о животных, о цветах, о лесах, о природе? Многие говорят, что я ограничиваю свой талант, выключая свое внимание к самому человеку.

А пишу я о природе потому, что хочу о хорошем писать, о душах живых, а не мертвых. Но, видимо, талант мой невелик, потому что если о живых людях напишу хорошо, то говорят: «Неправдоподобно!» Не верят, что есть такое добро среди людей.

Если же станешь писать о мертвых человеческих душах, как Гоголь, то хотя и признают реалистом, но это признание не дает отрады.

И вот мое открытие: когда свое же человеческое, столь мне знакомое, столь мне привычное добро найдешь у животных, верят все, все хвалят и благодарят, радуются.

И так я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой.

Первый глаз

Хорошо бывает забыться в лесу, в поле, на улице и вдруг вернуться к действительности. Тогда в первый момент кажется, будто застал мир, как он живет без тебя.

Но можно думать – это не жизнь врасплох застаешь, а самого себя узнаешь, каков ты есть, когда смотришь на мир своим собственным первым глазом, как первый человек, вступивший на новую землю.

Вот эта способность заставить мир без себя или чувствовать иногда себя первым на новой земле, вероятно, и есть все, чем обогащает художник – культуру.

Мастера жизни

Один человек жизнь и счастье свое отдает в борьбе за правило или метод, а другой в поисках счастья борется со всякими привычками.

Есть мастер такой: кует железо людям на руки и привешивает замки на уста. И люди называют кандалы свои привычками.

И есть мастер на то, чтобы привычки у людей разбивать.

Отвлеченная мысль

Отвлеченная мысль уходит, а частности остаются в отчаянии и страданиях оттого, что их не взяли с собой. Почему же и вправду их не взяли? Почему отвлеченная мысль никогда не берет с собой всего и непременно оставляет малых, обойденных, обиженных? Не та ли самая обида, какую испытывают в творчестве природы миллионы брошенных и не имеющих возможности прорасти всяких семян? Не есть ли и адская борьба за существование последствием такого творчества.

А когда поезд начинает двигаться вперед, мы видим из окна, как близкие предметы уходят назад и только очень далекие, как звезды, остаются наравне с нами: все близкое, только близкое от нас отрывается!

Что же нам остается делать в утешение близких: не мыслить, не ездить, не двигаться! А мысль есть непременно движение...

Условия роста

Надо исходить из той мысли, что каждому суждено испытать время, когда он примет все на себя, как борец. В каком-то смысле правильно говорят, что один в поле не воин, но каждый, кто боролся, знает, что в решительный момент борьбы каждый все берет на себя и некогда ему оглядываться в надежде на помощь.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Пусть потом окажется, что это было сражение и в нем было множество воинов, согласованных между собой. Но в душе героя остается навек божественное мгновение, когда он был единственный и всю тяжесть борьбы брал на себя. А бывает и не сражение, а просто растет человек, и приходит такое мгновение, как условие роста, что непременно нужно найти самому.

Кто нянчился с каждым из нас, когда мы попадали в борьбу, определившую на всю будущую жизнь нашу личную победу? Сами, только сами боролись мы, но почему-то, когда видишь другого в такой же борьбе, то жалеешь его и соблазняешься понынчиться с ним.

Дело жизни

Вдруг понял истоки основной своей мысли об искусстве, как образе поведения: это происходит из потребности жизненного утверждения искусства, как необходимого или, может быть, даже главного «дела», требующего очень больших затрат, если не жертв.

Это «дело» можно назвать делом жизни, потому что оно есть путь к свободе. Художник наивен в сознании этого пути, но посмотрите, кто больше его трудится и кто больше счастлив в этом труде: нет никого одновременно и более связанного и более свободного. Посмотрите на художника, он страшен своими жертвами. Сколько на этом пути убитых, раненых, калек. И где, в какой войне бывает атака такая, чтобы из тысячи один достигал своей цели и праздновал в красоте победу свободы и человека.

И как же это не поведение, если миллионы трудящихся людей, понимая красоту, участвуют в победе и обретают в ней огромное облегчение в своем труде.

Так вот я и понял, почему я ищу в искусстве «поведения», – я тем самым ищу тождества своей личности с действительным миром. Таково поведение художника и такой истинный путь к свободе.

Работа воображения легко поддается управлению и вообще готова к услугам. Дело не в воображении, а в поведении.

Рождение художника

Счастье везде одинаково, и в природе, и в человеческом обществе. Это неведомая нам рука бросает тысячи семян, чтобы одно проросло, и когда оно прорастает – это счастье. Так елки сеют своими шишками, осинки, одуванчики. Так тысячи тысяч людей берутся за кисть, за перо, за смычок, чтобы один вырос и дал новый посев.

Охотничья философия

Охотник Колосов дал мне на день свою гончую собаку Полазку и попросил дать ей лизнуть мою руку. Когда Полазка лизнула, хозяин сказал:

– Вот вам поводок, отведите немного и пустите, она пойдет на розыск, и не смущайтесь, если не скоро вернется: раз она вам палец лизнула, она, пусть тысяча человек будет в лесу, вас не потеряет. Так и было, я пустил Полазку, и она пропала. Долго я верил словам хозяина, но потом стал колебаться, и как не колебаться? Ведь я же сам иногда, мне кажется, теряю себя, и так основательно, что только вспомнив Декарта: «Я мыслю, значит, я существую», по доверию к философу, начинаю себе доверять. Но как же собака, только лизнув мой палец, не смешает в лесу и на дорогах мой след с чьим-нибудь другим?

Так долго прошло, и вдруг послышался лай, и все ближе и ближе. Это оказалась Полазка, обжевав лес, ни одного заячьего следа не нашла, и, напав на мой, дала знать, и с голосом меня догнала.

Боже мой, как я обрадовался! И не тому обрадовался, что можно дальше идти зайца искать и охотиться уверенно, а что какой там Декарт с его мыслью! Какое может быть сомнение в своем личном бытии, если собака, лизнув только мой палец, среди тысячи всяких следов звериных и человеческих узнает мой след.

И, значит, если даже собака, лизнув только палец мой, узнала мой след, значит, я существую.

И ведь это было действительно так: на радостях оказался я таким отчаянным

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
материалистом.

А какая уж там «мысль» у охотника! Значит, на охотничьем языке Декартово правило будет так: «Если собака среди тысячи следов определила твой собственный – значит, ты существуешь».

Так вот мы еще колеблемся очень-то думать о себе и, осуждая другого, говорим: «Он много о себе думает», некоторые даже прямо говорят, что душа человека – это выдумка. Но собака понюхает и знает: этот человек единственный, и он один на свете, у кого так пахнет душа.

«Хочется» и «надо»
Поиски в своей собственной жизни материалов для борьбы «хочется» (личность) и «надо» (коллектив). Или: если семя не умрет, то и не воскреснет. Это не значит, что оно должно только умереть: на камне умрет – не воскреснет. Оно должно, чтобы воскреснуть, умереть на хорошей почве.

Сколько семян гибнет хороших потому только, что они попадают на каменистую почву. Так в природе. А человек сам делает добрую почву.

Ветер принес доброе семя и бросил на камень. Оно изнывает в мечте о доброй почве. Так личность, ее «хочется» ждет возможности войти в коллектив.

Школа художника

Если взять сочную грушу и запустить в нее зубы, нет! зачем я, пусть это впицась в нее и захлебнулась в сладком соку молодая красавица восемнадцати лет. Так вот надо нам так радостью жизни захлебнуться, чтобы хорошо написать. Думаю, что и тот, кто о жизни написал самые мрачные строки, лелеял в душе своей такой великий праздник, перед которым вся обычная жизнь наша с грушей и девушкой одна суета. Вот эта труднейшая культура праздника всего мира и есть школа художника.

Я по себе знаю великое чувство праздника жизни, а то, что не всегда же на всяком месте и во всякой вещи удержишь в себе это чувство, гасишь его в покое и тупости, это я считаю своим расходом. Таким ужасным расходом я считаю сейчас землетрясение в Ашхабаде, но и тут, говорят, был человек, очнувшийся один среди погибшей семьи, он услышал стон под камнями. И в ответ он копал пальцами своими так, что они обломились, отвалились. И когда откопал много людей – была радость, был праздник.

Чемпионы

Вычитал, что в легкой атлетике один победитель (чемпион) приходится на миллион людей. Сколько же людей приходится на одного спортсмена в искусстве? Скорее всего в искусстве невозможен рекорд. Субъективно каждый художник подлинный чувствует себя единственным на весь мир. Пушкин был единственный, и Толстой, и Гоголь. Таких чемпионов в искусстве называют классиками.

Для друга

Писать можно, чувствуя себя отдельным, отчужденным человеком, как Анатолий Франс пишет, а можно – как русские пишут, будто поднимают какой-то вопрос не для себя, а для обсуждения с другом.

Поведение художника

У художников школы Чистякова понятие правды освоено как материя, подобная краскам, воздуху, перспективе и т. п. Так я спросил одного художника, почему он для своей картины не берет большой размер, и он мне ответил:

– На большой размер у меня правды не хватит.

В этой правде содержится поведение самого художника, и мне кажется, если бы добраться до этой правды, – то откроется то самое, о чем я постоянно думаю, что искусство имеет какую-то связь с поведением человека, и если вдуматься художнику в самого себя с вопросом о том, как произошла та или другая его картина, то так он может дознаться и до какого-то поведения своего. И скорее всего, я думаю, чистяковская группа когда говорила о правде, то думала об этом поведении.

К этой «правде» меня подвела литературная работа в природе, именно то, что

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
отношение к ней, природе, натуре, у меня было, как у художников.

Зерно личности

Почему нас манит девственная природа, где еще не ступала нога человека? Так понимаю, что это является попыткой реализовать в небывалом свое первенство: первому ступить, где еще никто не ступал, первому своим первым глазом увидеть такое, что на свете еще никто не видал. И так открыть для людей неведомую страну.

Новая, неведомая страна, еще не открытая, дается в самом нашем зерне, и оно, прорастая, поднимаясь, разрастаясь, открывает само собой и новую страну. Так везде и во всем первый человек в борьбе за свое первенство открывает для всех новую страну.

Но горе наше в том, что есть второй человек, который почему-то сам никак не хочет, а то и не может открывать новое и рассчитан на то, чтобы присвоить себе открытое. Сколько мы знаем открытий, присвоенных вторым человеком и названных его именем!

Первый человек открывает, второй эксплуатирует открытое. Первого человека следует назвать личностью, второго индивидуумом. У первых игра, как сила, у вторых – польза.

1949 год

Мысль моя определенно ходит по истории...

Вечная сторона

В каждом деле есть своя вечная сторона, и все, что строится человеком, строится какой-то вечной своей стороной, не для себя, а для всех. И оттого каждый из нас, прикасаясь к этой вечной стороне работы, называемой творчеством, оживает, радуется.

Но только не каждый из нас, войдя в творчество самой жизни, принимает радость этой находки за счет самой жизни, а чаще всего возвеличивает сам себя и гордится своим талантом.

Вера в будущее

Что может быть согласнее музыкального коллектива, когда мы слушаем симфонию, с каким восторгом мы говорим: «Какой оркестр, какой дирижер!» Но если войти во весь труд, во все интриги и борьбу участников оркестра, то... не захочется, пожалуй, в другой раз даже идти на эту симфонию.

Так что есть две точки зрения на прекрасное, и, пожалуй, мы бы не ходили на симфонию, если бы в прекрасном совершенстве не было победительной силы, заставляющей нас забывать о средствах его достижения, если бы в организаторе музыкальной симфонии не таилась побеждающая вера в будущее совершенное достижение.

Неспелые души

«Мужики» Чехова прочел, как в первый раз. Значит, в то время я был такой, что они до меня «не доходили», как и вообще вся поэзия Чехова. Вместе с тем все замечают, что в старости своей я пишу много лучше, чем раньше. Так что скорее всего душа моя раскрывается и вырастает только в опыте, что эта самая поздняя душа из всех мне известных. У женщин души всегда поспевают поздно, помню сестру такой: лет в пятьдесят она стала умной, о матери и говорить нечего – в свои семьдесят пять лет она оставалась ребенком, и ей бы надо было жить непременно за сто. Вот эти не хватившие для зрелости ее души годы я теперь и доживаю.

Помню, тем и привлекательны были нам наши мужики, что у них почти у всех были души неспелые, и все грехи их: воровство, пьянство, грязь и пр. были такого характера, что спроса за эти грехи не было, и это действительно были не грехи.

Нет! Вероятно, и даже наверно, я читал «Мужики» Чехова, но тогда своей неспелой душой не мог принять унылый тон чеховского рассказа.

Наверно, и рассказы мои восторженные о природе исходили от той же неспелой души. И если теперь в арифметической своей глубокой старости я пишу, как говорят, все лучше и лучше, то, значит, душа моя поспевает, – молодая душа моей матери в

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
старых годах.

А что, если я не один, а вся основная мужицкая масса русского народа состоит из неспелых душ, и этой же неспелостью души строится и вырастает будущее?

Чехов, любя, как русский человек, неспелые души мужиков, изображал их на фоне уныния интеллигентного человека, тогда как я очищаю их от грязи и сливаю в одно с природой, как все мы делаем то же с самой природой ранней весной: природа лежит вся в грязи, а мы уже чуем запах молодой коры и сквозь ветви неодетого леса видим небесную бирюзу.

Конь искусства

Политик, увидев коня искусства, думает о том, как бы запрячь его в телегу с его политическим грузом.

Верстовые столбы

Разговор начался с того, что зима теплая и «снег выпал только в январе на третье в ночь». Уверенность в том, что так это и было, что поэзия тяготеет к законам природы.

Какой-то астроном доказывает, что астрономические данные в поэзии Пушкина в точности соответствуют фактам. И один ботаник, глядя на этого астронома, доказал, что так и в ботанике и что одно дерево, которого теперь нет (в Бессарабии), при Пушкине было.

Только, по-моему, учет внешних событий в поэзии происходит автономно, без особого нарочитого внимания, обнажающего факт как-нибудь астрономически или ботанически: при обнажении получается натурализм и неизбежно связанные с ним ошибки в поэзии. Так что поэзия должна быть непременно свободной, и на своем свободном пути она неминуемо тяготеет к фактам, как тяготеет внимание едущего по дороге к верстовым столбам.

Смена слов

Поэт актерит, музыкально декламируя свои стихи среди нескольких десятков обманутых звуками слушателей. Разошлись слушатели – и звук разошелся в народе, как дождевая капля расходится в море. Тогда только слово поэта будет действительно волнующим словом, если он умертвит его для себя и сделает знаком, способным в каждом вызывать свое собственное слово.

Итак, поэт, не верь никому, – кроме Музы своей, и пусть она поможет живые слова твои заключать в семена, прорастающие в душах неведомых тебе лично людей.

Костыли добродетели

Человек должен быть непременно твердым, а то злые любят мягких, добрых и делают их своими костылями. Так и надо помнить, что настоящее зло хромое и ходит всегда на костылях Добродетели.

Мои сны

А сегодня день зацвел еще лучше прежнего, В эту ночь недаром мне снилось, будто я какую-то чудесную простую русскую песенку пою и все вокруг меня радуются. Такие сны только в детстве бывают, потому что такое видеть можно только с невозможной для взрослого чистой совестью.

Но тут, конечно, не во мне был этот кристалл, а вне меня: невозможно прекрасный день так во мне реализовался. Верю или хочу верить, что когда-нибудь случится в мире такое прекрасное, явится оно таким несомненным, что мертвые встанут и запоют, как я в свои семьдесят шесть лет запел во сне в эту ночь.

Как это хорошо написать о том, что дело песни решила не моя чистая совесть, а самая красота этого дня. Можно думать, что чувство совершенства или гармонии, необходимое для творчества, есть состояние души творца, его поведение. Но нет! Человек, исполненный этого счастья, не может отнести его к себе, столь несовершенному существу.

В этом-то и есть поведение труженика, творца жизни человеческой, что он утверждает прекрасную реальность, вне себя самого находящуюся.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ангел гармонии

Как рождается творческое или родственное внимание, открывающее всегда что-то новое? Думая над этим всю жизнь, я сейчас только заметил, что этому вниманию всегда предшествует мгновение гармонического спокойствия, родственное тому душевному спокойствию, которое появляется, когда у себя в комнате и на письменном столе приберешь все и каждая вещь станет на свое место.

Пусть это парус, и пусть, пусть он, мятежный, ищет бури среди лазури и золота, – в полночи души поэта, перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел гармонии.

В поисках источника поэзии я долго называл это состояние души поэта родственным вниманием. Но, исследуя природу этого внимания, желая это внимание сцепить с сознанием, волей, личностью, я стал называть его поведением.

Одно из свойств этого поведения заключается в том, что произведение, исходящее из такого поведения, вынесенное на общественный суд, заставляет нас прощать автору его бытовое поведение. Ярким примером этому может служить – офицерское поведение Лермонтова, и мы никогда не простим одному автору за то, что он взялся судить Пушкина по его бытовому поведению. Так что одно из свойств творческого поведения есть поглощение им поведения бытового.

Готовность к прыжку

Еще я думал сегодня о бедном N, который много лет писал свой роман и на него истратил все свои душевные силы, а роман вышел серый и скучный. Поведение самого честного труженика оказалось совершенно ненужным для, построения романа. Но мы утверждаем, что если не это обыкновенное поведение честного человека, то все же не случайность – появление великих поэтических произведений, – их тоже определяет какое-то поведение.

Сколько я ни читал критических разборов, никогда не приходилось мне в них узнать мою сокровенную мысль об искусстве, как образе поведения. Так мне пришло в голову, что, может быть, не-художнику и невозможно ничего верного сказать о таком поведении, как невозможно холостой женщине рассказать о деторождении.

Разве всякий подлинный художник не чувствует в себе, как в клетке голубя, заключенную мысль, стремящуюся вырваться из заключения? Я это всегда чувствовал. И мне даже кажется, что жизнь моя, пока я не научился писать, была подражанием движению мысли: как будто, подражая ей, я сам бегу, бегу куда-то в какую-то далекую страну за жар-птицей, бегу за синей птицей, бегу в райские и в зарайские земли! А когда очнусь, то оказывается, я-то бегу, а мысль остается во мне заключенная.

И разве так не бывает, что когда после бури с дождем солнце взойдет, то все приходит в движение, птицы летят, звери бегут. А мысль моя, свет мой внутренний, это же и есть, как солнце в природе: мысль поднимается, и я от радости бегу в какую-то чудесную страну, бегу и бегу, пока не устану.

Вот это самое «поведение», готовность к прыжку в другой план жизни, чтобы открывать там новое, узнать это новое в себе самом, – и лежит в основе моего таланта.

Мера жизни

Итак, есть две меры жизни: одна в ширину от человека к человеку, и другая в глубину, вниз – земля, и в высоту, вверх – небо. Одно измерение горизонтальное: «белеет парус», другое вертикальное: «под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой».

Мы движемся пока только по горизонтали, а что над нами и что под нами – не известно.

За свата

Кто-то не заплатил денег за электричество – отрезали провода, и стало темно и тем, кто платил.

– Разве это порядок?

– А как же: мы постоянно так отвечаем за какого-нибудь свата. – И, глядя на

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru елку, пояснил: – Вот осталась одна шишка на елке и в ней семечки. Так глядите: ветру нужно все ветки на елке качать, чтобы растрясти одну семенную шишечку. Так и нас всех трясут за свата.

Ветер

Иному станешь рассказывать, а он и слушать не хочет. «Мне бы, – говорит, – поглядеть». Я тогда ему говорю: «Помолчим!» И потом спрашиваю: «Слышишь, что это?» – «Ветер», – говорит. «Правда, – отвечаю, – ветер, а ты его видал, самого-то ветра?» – «Нет, – говорит, – его видеть нельзя» – «Ну, вот, – говорю, – не видишь, а говоришь: ветер. Ты и тут слушай и тоже поймешь что-нибудь».

Соломон

Две свахи судиться пришли, одна сваха, мать мужа, стояла за сына, другая – за дочь свою. Судья разбирал целый день и не мог.

– Устал, – говорит, – и разобрать не могу, подавайте в другой суд: я не могу. И скорее всего никакой судья вас не рассудит, лучше помириться.

Свахи подумали, подумали и помирились.

– Ну, вот то-то, – сказал обрадованный судья, – вышло вроде как бы и я недаром работал.

Обе свахи благодарили судью.

Ниагарский водопад

Все великое пугает меня своим требованием: «Я-то, мол, велико, а кто ты такой пришел сюда смотреть на меня?» Взять, к примеру, Ниагарский водопад, я пришел к нему и увидел. Проходит немного времени обычного удивления, и водопад непременно задает тот вопрос, даже водопад! И вот если бы я был художником, то непременно принялся картину писать. А водопад все глядел бы, глядел на меня и только не говорил: «Вот так гусь!».

И ведь хорошо еще, что я взял в пример великого водопад, а если бы это был Лев Толстой и глядел бы на меня маленьким пронзительным глазом под огромными бровями? Не понимаю, как это к нему ездили! Я жил недалеко от него и не мог решиться. Я приехал только уж после, ка могилу.

Ах, вот почему я так боюсь приближаться к великому, боюсь собой обеспокоить его. А на могиле я ему не мешал, напротив! я чувствовал себя даже не лишним и слез своих не сдерживал, не таил, не стирал.

Скорее всего надо очень много пожить, чтобы ласково мыслить на людях: у хороших стариков это изредка встречается. Но молодой мыслит резко и на людях с этим таится.

Оттого кажется со стороны, что такой молодой человек несет в себе что-то очень тяжелое, непосильное, может быть, – и ему некогда заниматься пустяками.

Краски поступков

Поступки людей сами по себе, как факты действия, различаются между собой, пожалуй, только температурой, как горячие, холодные и теплые, а красок у них нет никаких.

Окраски поступков привносятся нам со стороны или детьми, или художниками. (Как объяснить, например, что для меня четверг, день недели, и червонный король, карта колоды, окрашены в апрельские цвета неодетой весны?)

Вспомнишь свое состояние, когда мальчик попал под машину. Возились мы по этому делу до вечера, гоняла меня милиция в ту и другую сторону, и я сам водил машину и все делал с большой точностью. И в то же время я был как убитый. В этом состоянии все мои поступки не были окрашены своими чувствами, поступки мои от этого были без всяких красок и в то же время были гораздо более точны, чем обычно.

В таком состоянии у Данте находятся его герои в аду: в полном точном сознании, а главного нет.

Чистильщики сапог

Всякий художник, когда делает свою картину, то, конечно, сколько-то мыслит и о себе. Вот эта мнительность о себе при бездарности творит катастрофу в душе художника, когда картина выставляется на суд общества. Такая беда случилась с Н. Общество его высмеяло, а он наперекор общественному мнению выпросил себе у начальства для поддержки своего авторитета лауреата, и ему дали это, хотя и третьей степени.

Такими маленькими деспотами в искусстве теперь хоть пруд пруди. Я бы их всех сделал чистильщиками обуви на улицах. Вот бы тут они распорядились нашими ногами, и нам от этого была бы только польза, и им вечное удовольствие, потому что нет больших деспотов, как чистильщики обуви.

Вот эта мысль о борьбе художника с самомнением, как борьбе, образующей поведение художника, открывающей тайны его природы, и есть одна из самых существенных в моей работе «искусство как поведение».

Совесь

По себе я знаю совесть, как особое, шестое, скажем, чувство, и назовем его чувством мысли.

Сама мысль, ощущаемая в этом чувстве, не может быть выражена из-за препятствий жизни: мысль находится за этими барьерами, как у животных: чутье указывает место пребывания дичи, и видеть ее невозможно. Человек приближается к мысли этой двумя путями: коротким, путем катастрофы, или путем длительного долголетия. А пока не пришло к человеку катастрофы или же он еще просто не дожил и малоопытен, он постигает истину особым чувством мысли, называемой совестью.

Самолюбие

Творчество от родов тем отличается, что будто бы оно легче. Это неправда, часто муки творчества бывают невыносимее мук рождения. И еще кажется, творчество легче тем, что у роженицы вместе с новорожденным является забота о нем, а художник кончил вещь – и все тут.

Увы! это неправда, у роженицы рождается забота, а у художника – самолюбие, и кто знает, что лучше. Заботам люди сочувствуют, и в заботах весь человек на виду, а самолюбие надо скрывать, и оттого заботы лишь точат, а скрываемое самолюбие человека грызет.

Сюжетик «самолюбие»: 1) Сравнение с родами: у женщин от родов забота, у художника – самолюбие. 2) Человек не в силах молчать и выносит сор из избы: «у него нет самолюбия».

Вообще, конечно, эта дрянь – самолюбие – была в моей природе и теперь висит, как раненая рука, и я привыкаю с ней жить и работать. Руку я взял в пример от лесника Доронина, у которого она висит и ужасно мешает.

Лесник на вопрос, почему у него рука висит на ниточке и он ее не ампутирует, ответил:

– От самолюбия. – И рассказал, что пальцы его висячей руки шевелятся.

– На что же тебе эти пальцы, если рука висит?

– А папироску свернуть.

– При чем же тут самолюбие?

– А как же: всю руку держу, только чтоб покурить. Какая же тут польза? Одно самолюбие.

Так и мне как-то боязно решиться ампутировать мой раненый орган самолюбия, мне кажется, что без него я лишусь самой способности крутить папиросу необходимого литературного тщеславия и буду просто добродетельным человеком.

Издателю

Чем лучше вы будете издавать плохую книгу, тем она будет противней.

Чувство утраты

Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, – не лишается желания поднести ландыш к носу. Мало того! он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом.

Поэзия сложнее аромата цветка, но и она близка к способности человека возмещать утраченное.

На киносъемке

Киносъемка вчера замучила меня, гоняясь по жару с горы на гору; наконец я сел на пенек в тени, а они на траву возле меня.

– Не нравится мне, – сказал я, – что вы всю жизнь подгоняете под красивое. Вот вы, например, снимаете торжество общения писателя с колхозниками, а между тем из головы у меня не выходит обида: сегодня все утро всеми дурными словами ругала меня колхозница, обвиняя меня в том, что мой кот у нее будто бы заел цыпленка. Я защищался все утро тем, что не могу привязать кота и что кот был не мой. Я предложил даже колхознице застрелить кота, если кот окажется моим. Она кричала мне, что стрелять не умеет. Я обещал ее научить и дать ружье. Это она приняла как издевательство и еще больше ругала меня. И так прошло в колхозе утро писателя. Надо бы и это снять.

– Это не характерно, – ответили киношники.

Можно находиться под обаянием великой мысли, а говорить одни глупости. И можно знать все на свете, но, не чувствуя единства всего в одной необъятно – великой мысли, повторять, как индюк, то, что уже не раз говорили другие.

Мое направление

Материал у меня под ногами: моя родная земля, а направление мне дает каждое дерево – своим ростом вверх, прямо к свету. Все остальное борьба.

Глухота

Начинаю недослышать, и когда это случается, то мне кажется, будто говорящий мне плохо выговаривает слова, и мне за это он бывает так неприятен, что взял бы и передразнил его звуками, как они до меня доходят. Так и в литературе глухие на слово художника критики и читатели непременно свою глухоту сваливают на автора.

Вот почему наше слово должно быть ясным, громким и доступным пониманию – по возможности каждого.

Художнику

<...> Есть вещи в государственном управлении, к которым нельзя приспособиться писателю, потому что эти вещи есть «временные меры». Приспособление писателя к современности есть требование времени, но если писатель приспособляется и к «временным мерам», то начинают протестовать даже сами администраторы. <...>

Творческое поведение

Для меня есть только два времени: весна с нарастанием и осень с уменьшением света. Так в природе, а в душе человека нарастание света сопровождается нарастанием тревоги с вопросом, найду ли силы в себе – ответить зовам природы и переживу ли?

Убавка света возбуждает внутри себя силы и уверенность творчества, дает веру в возможность гармонии и всего такого, составляющего основы творческого поведения. Такою была осень для Пушкина.

Боевая поза

Мальчик швырял камни, такой сильный мальчишка и такой маленький, что от каждого швырка закручивался в обратную сторону и мгновенно раскручивался назад, чтобы успеть захватить полет брошенного камня. Так он делал множество раз, как богатырь, сын царя Салтана, вылезший из бочки.

Рядом с ним стояла совсем капельная девочка и смотрела на все пуговками голубых глазенок, как куколка.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Я подошел к богатырю и, заложив руки назад, выпятив грудь петухом, сказал задорно, как бы вызывая на бой:

– Ну?..

Он мгновенно перестроился, тоже заложил руки назад, как ястреб, не моргая, уставился на меня в страшной серьезности.

Я сделал вид, что испугался, отступая задом, чтоб не дать ему швырнуть в меня, повернулся и пошел своим путем.

И сколько ни шел, сколько раз ни оглядывался, он все стоял и стоял в своей боевой позе.

Мой прием

Мой прием состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю обстановку олицетворять, чтобы каждая вещь показалась своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и елка, и сосна стали бы живыми.

Свобода

Даже Грибоедов, на что уж умница, и то мог тогда сказать: – «Пишу как живу: свободно и свободно». Не мог, значит, и он в то время понимать, что свобода является людям только в покрывале и не должна обнажаться в простом произношении слова.

Теперь даже самый простой человек не скажет просто о свободе, потому что свобода – это тайна личности, выскажи тайну – и свобода со всеми своими прелестями, надеждой, верой, любовью разойдется в общей жизни, как дым.

Моя свобода, чувствую, давно уже превратилась в волну, и разбегается, и ударяется в скалистый берег, и рассыпается, и опять собирается.

И эти веточки дерева сейчас у меня перед глазами качаются, качаются, треплются, шепчутся, – разве не та же волна? Разве волна, ударяясь о скалу, не отмывает каждый раз что-то от берега и не уносит с собой? Разве веточка ели, раскачиваясь, не освещает со всех сторон свои зеленые хвои и тоже не собирает в себе на рост, на жизнь, и свет, и тепло из солнца его горячее?

Моя тема

Сделаем предположение, что в мире природы все неповторимо, и самодержавно, и незаменимо и что обобщение начинается человеком.

Одна из моих тем: то, что называется «грех», есть пропуск жизненных единиц при обобщении, как при пахоте поля непропаханные частицы поля – «огрехи».

С этой темой неповторяемости и незаменимости жизненных единиц я родился, как другие родятся с неудержимым стремлением обобщения и замены одной единицы другой.

1950 год

..Дело художника, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра.

Мое дело

Профессору медицины я сказал:

– Каждый должен быть в какой-то степени создателем чего-нибудь нового, в этом творчестве есть его радость жизни. Врач должен начать свое исследование пациента с этого: что мешает и что способствует творчеству такого-то лица, его пациента.

– Такое лицо, – ответил М., – надо направить в комиссию по учету трудоспособности..

– Но там, – сказал я, – именно и не должны смотреть на него, как на личность, а как на среднеарифметическое трудящихся в данной профессии. Врач должен, напротив, смотреть на своего пациента, как на единственное в мире, неповторимое и незаменимое существо. <...>

Новый человек

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Новый человек – это ребенок, а если о нем надо рассказывать, то расскажите о взрослом, сумевшем сохранить в себе ребенка.

Искусство как образ поведения

Романтизм, реализм, социалистический реализм, натурализм и т. п. – всякое подобное обобщение сделано на каменном фундаменте поведения: романтизм требует движения к лучшему, реализм требует правды, символизм – красоты.

Эстетизм есть жертва правдой ради красоты, но служение красоте входит в обязанность всякого художника, и Шекспира не сваришь в колбе.

Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и с томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем. Мы пашем, удобряем, сеем, но посеянное само растет.

Создание книги похоже на посев семян: много хлопот, чтобы посеять, а дальше все само делается. В семенах – урожай от погоды, а в словах – от народа.

Да и в самом творчестве есть время забот, отвечающее посеву, и есть время, когда свои заботы надо отбросить и предоставить посеянному вырастать самому. Пусть все вырастает по плану, как задумал сеятель, но пусть не вмешивается автор туда, где все само делается благодаря силам природы.

Вот в этом-то, может быть, и заключается поведение автора и его управление, чтобы уметь вовремя отойти от задуманного и предоставить самый рост силам природы.

Писателю

Формализм – это зло признанное, но форма – это добро. Между тем у нас часто сознательно и бессознательно писатели, прикрываясь борьбой с формализмом, сметают форму. Поэтому, защищая форму, я требую от писателя прежде всего языка.

Моя рабочая гипотеза

Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные – все это части разбитого единого существа. А человек в природе – это разум великого существа, накопляющий силу, чтобы собрать всю природу в единство.

Читателю

Добро – это цветок, выросший на удобрении.

Добро, любовь, красота не составляют в душе человека особой области, а венчают путь каждого из нас, если мы шли правильно.

Любовь

Независимость личности создается любовью, но есть два рода любви. Одна любовь для себя называется счастьем, другая – подвигом. Время сейчас от человека требует подвига, но тем больше хочет он личного счастья.

Такой моральный разрыв заполняется бюрократами-моралистами.

Всякого рода нравственных гадостей в наше время, конечно, не меньше, чем в старое, но яркий новый свет, а не тусклый прежний, нет-нет и упадет теперь на гадость.

И этот, свет, нарастая и нарастая, рано или поздно создаст новую культуру, где будут вырастать действительно новые существа.

Моя биография

Есть у людей общий ум, и есть общая любовь у человека: все так любят – весь человек. И добро есть такое, и вера общая: верит один, верит другой. Но я был до того личен, что это общее всем, мной не изведенное, принял за личное.

Вместе с общими качествами человека, ставшими через меня личными, стали тоже личными народность и природа.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Может быть, и каждый поэт в силу самой поэзии делает общее личным, и в этом и есть сущность поэзии.

Мне в молодости удалось сделаться автором нескольких неплохих и признанных произведений. Счастье быть автором до того меня обрадовало, что я в каждом рабочем, в каждом крестьянине и ремесленнике, в каждом человеке стал подозревать возможное авторство и с этой точки зрения все на свете стал судить и рядить.

Вот и моя настоящая биография: выразить ею тему поведения художника (искусство как образ поведения).

Наш долг

Совершенная форма и есть для художника то самое, что все другие граждане всевозможных профессий сознают, как свой гражданский долг.

Попытки иных художников в осуществлении формы без гражданского долга справедливо осуждены, как формализм.

Прочные вещи

Красота направлена к вечности, но художник должен знать время, когда с ней нужно выходить на люди: когда у них свадьба, когда похороны.

Художник должен чувствовать вечность и в то же самое время быть современным. Без чувства вечности невозможны прочные вещи, без чувства современности – художник останется непризнанным.

После меня

Всякий художник на первых порах питается сочувствием и такой «славой» удовлетворяется. В дальнейшем он славу свою переживает и делается независимым от современников («И долго буду тем любезен я народу...»).

Так и сама жизнь делится на: 1) сейчас со мною и 2) после меня.

На улице

Москва сияет. Девочки уже на веревочках, мальчики мрачными группами играют на деньги: маленькие играют на медные, покрупнее – на серебряные.

Опять, как в сытое время, на крышах кое-где стали показываться коты и – что еще радостнее – голуби.

У детей наше военное время в большой степени отняло детство, и нам, воспитателям новых поколений, не следует пользоваться тем, что дети поумнели и могут читать книги для взрослых.

Нам надо писать так, чтобы по возможности возвращать детям их детство.

Истоки поэзии

Сейчас вся литература строится так, будто все читатели – дети, и им надо ответить на все детское «почему». Нужен какой-то иной вопрос, чтобы на ответ вызвать не здание, а поэзию.

Один спрашивает деревце: «А для чего ты растешь?» Другой спрашивает деревце: «А кто у тебя папа и мама?» Деревце отвечает желтыми кружками своих цветов и белыми лучиками лепестков; «Мой папа солнце, а мама земля».

Спелый лес

Спелая чаша сама ждет пожара и сама отдается подзакорным червям: время пришло.

И сводка такого спелого леса есть такое же гармоническое явление, как смерть исполнившего свой долг человека.

Мой совет

Выправить можно и согнутый гвоздь, только надо потом колотить по нему осторожней: на слабом месте он может согнуться.

И человек тоже иной бывает так согнут и перегнут, что с ним надо обращаться

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
осторожно до крайности...

Лицемерие – мерить поступки не перед своей совестью, а перед лицом других.

Волны

Обыкновенно мы говорим такое, о чем раньше нас люди думали и высказывались: мы же повторяем и несем эти мысли одну за другой, от человека к человеку, и повторяем их, как волга повторяет волну.

Но если придет к нам мысль небывалая – как страстно хочется тогда это людям сказать. И это страстное желание донести до людей свою волну так, чтобы люди ее повторяли, как в море волна повторяет волну, вероятно, и питает искусство.

Законы случая

В природе все идет своим, чередом, но в этом видимом череду, как весна, лето, осень, зима, есть еще нам малоизвестный черед.

И когда появляется и нам видимое звено этого тайного хода вещей, мы это звено называем случаем.

Спящие почки

Внимание – это основной питательный орган души. Каждый может заметить в себе, как внимание схватывает что-нибудь особенное, складывает его и оно хранится, ничуть не обременяя память. Просто говоря, мы о нем ничего не думаем до встречи внимания с чем-то, вызывающим мысль из состояния, подобного «спящей почке» в растении.

Тогда мгновенно то и другое между собою соединяется, и эта находка сознания иногда бывает такой яркой, что человек хлопает себя по лбу и говорит сам себе вслух:

– Так вот оно что!

Внимание есть питательный орган души, всякой души одинаково – великой и маленькой. Разница только в том, что при находке великий человек возденет руки с благодарностью, а маленький человек щелкнет пальцами, присвистнет и побежит за добычей. <...>

Тени мыслей

Сегодня прочел замечательную книгу Стэнли Холл: «Эволюция и воспитание чувства природы у детей». Сколько мыслей было высказано в мире о том, что ведет меня к творчеству.

Все мои усилия похожи на тени проходящих выше меня мыслей.

На бреющем полете

Самолеты-истребители, как серебряные лебеди на голубом небе, как будто раз удивились чему-то, подняли крылышки, как брови, и, удивленные, летели над лесами и гудели. Так, если самолет летит высоко.

Но вот бреющим полетом летит в солнечный день самолет над лесом, вот пролетел над самым нашим огородом.

Трехлетний мальчик Витя удивленно глядел на него, запрокинув назад голову так, что еще бы чуть-чуть, и он бы упал.

– Бабушка, бабушка, радуйся, – закричал он, когда самолет пролетел, – теперь ты не умрешь! Это твоя смерть не заметила тебя и пролетела. Радуйся, бабушка, твоя смерть тебя не нашла.

(У тети Саши привычка говорить о своих болезнях: «Вот и жива осталась, смерть меня не нашла...»)

Лица и формы

Шестигранные снежинки, миллионами падая в лесу на ветки елок, на межевые столбы, на всякую округлость и на прямые изгороди, сами собою образуют формы, в каких со дня рождения нашего предстоит нам природа. Но среди этих форм шаров, кубов,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru прямых и кривых линий всякого рода мы узнаем иногда фигуру Аполлона, или Дон-Кихота, или какого-нибудь из близких людей. И чем больше развит человек, тем больше находит он среди снежных фигур в лесу знакомых по искусству фигур, чем больше сердце у наблюдателя и чем больше у него любимых людей, тем больше он и узнает их в засыпанном снегом лесу. Так, снежинки, подчиняясь законам природы, образуют геометрические формы, а человек силою своего творческого, труда из этих форм создает лицо.

С малолетства я смутно чувствовал в себе какое-то свое лицо и носил его, напрягая все силы на его охрану. Я был убежден в правоте этого своего лица, в пользе его для людей, но только знал, что нельзя его людям открыть просто, и, напротив, его надо скрывать, охранять от чужого глаза всеми силами. Однако в то же самое время надо было все-таки сделать что-то такое, когда можно будет открыть это свое лицо.

Открытие новой страны соединялось с возможностью открыть это свое собственное лицо, вот почему побег мой из гимназии в Азию я считаю началом своей биографии, посвященной открытиям, и доказательством наличия во мне своего собственного лица. Так я и вел себя всю жизнь, и в этом и есть мое поведение: найти в природе и людях признание и утверждение своего собственного лица.

Бывает ли во всем большом искусстве определяющим началом тоже такое поведение художника, можно ли о всех великих художниках сказать, что они своими образами открывали лицо человека точно так же, как географы открывают лицо земли? Увы! я так мало могу судить вообще об искусстве и так мало встречал в этой области безусловно верного, что вынужден ограничиться только своим собственным опытом.

Не знаю, наберу ли я во всем написанном мною десяток совершенных вещиц. Но я знаю наверно, что одна какая-то совершенная, вещьца есть, и мне довольно, чтобы правдиво, с документальной точностью представить вам свое искусство, как результат своего поведения в отношении утверждения своего собственного лица в обществе своих современников.

Сказка

Две силы формируют мир, действуя одна в сходстве, другая в различии. То, что в сходстве идет, мы сознаем, как законы. То, что в различии – как личности.

Умирая, все идет в сходстве, рождаясь – в различии. И все это высказано в сказке о живой и мертвой воде.

Боязнь морали

Всякая мораль таит в себе императив: мораль от няньки в детской до государственной.

Бывало, когда я был младенцем в литературе, я ужасно боялся морали. Чуть задумаешь к чему-нибудь рассказ вывести – все его очарование пропадает. Но мораль страшна только младенцам. Теперь, достигнув литературной зрелости, я играю в своих рассказах моралью, как мячиком.

Родина

Бабушка в «Детстве» Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о бабушке, понимаешь так ясно, почему родину представляют у нас всегда в образе женщины-матери, и тут же хочется вспомнить, кто в русской литературе нашу родную землю представил так же хорошо, не только как мать, а и, как землю наших отцов, – как наше отечество.

Человек, рождаясь, движется из темной утробы в – страну лучезарного света, и настоящий человек всю жизнь движется вперед, продолжая свое путешествие. Вот почему чувство родины не есть только любовь к месту своего рождения, но содержит в себе устремление вдаль. Но всякое и самое отдаленное путешествие кончается тем, что человек возвращается на свою родину (домой) и обогащает и расширяет ее своими находками.

Брюсов

Неизвестная мне какая-то птичка пела так странно тихо, и так она, наверно, мала была. Бабочка там летела, где я птицу искал, и у меня даже мелькнуло, что уж не бабочка ли это летала и пела? И тут вспомнился Брюсов, как он, такой внешне

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru жестокий, такой Печорин, вдруг неожиданно, нежно о птичке сказал. Сейчас мне весь Брюсов предстал, и я его понял.

Наверно, он слышал когда-нибудь, как и я, голосок неизвестной птички. А все остальное – ученость, манеры, сюртук – навертел на этот голосок, чтобы не стыдно было с птичкой одной выходить.

Всю жизнь за один голосок! Как прекрасен может быть человек!

Материнство художника

Есть особое материнское чувство жизни, рожающее образы, как живые существа. В свете этого чувства каждая мысль превращается в образ, и как бы коряво ни писала рука и как бы ни брызгало перо на плохой бумаге – образ рождается и будет жить.

И есть мастерство, заменяющее материнское чувство, посредством которого можно писать, как только захочется. Но все это не значит, что мастерство не нужно художнику: оно необходимо ему, но при условии подчинения материнскому чувству.

Мастер смеха

Если хочешь смеяться до слез, до колик, до упаду, то над чем же больше смеяться, как не над самим собой, потому что исподняя, смешная сторона всех поступков тут налицо...

Но мы не смеемся над самими собой – это невозможно. Есть один выход из этого: свое смешное увидеть в другом, показывать, на это глядеть и хохотать. Первым мастером такого смеха был у нас Гоголь.

Поэзия

Поэзия – это дар быть умным без ума.

Красота

Добро само по себе неказисто на вид и убеждает нас, только если осветит его красота. Вот почему дело художника – это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра.

Кабинетные люди

Бывает пень, такой уже трухлявый, что муравьи размещаются в нем без труда, как в готовую квартиру. Впрочем, как я заметил потом, муравьям в самом пне было тесно, и они вывели сзади в форме косої пристройки муравейник видимый.

Пень был настолько трухлявый, что от меня он приятно подался и немного осел.

Какая же, наверно, началась у муравьев паника, когда пень осел! И как они побежали!

Но мысли мои долго бежали вперед быстрее муравьев, и я гнался за ними с карандашом во весь дух.

И вдруг...

Не знаю, почему вдруг явилось у меня в голове сознание катастрофы: то ли, может быть, что мысли мои ослабели и мураши догнали меня?

Природа не может мечтать, человек для мечты создал кабинет, – и наказание мне было за то, что я с мечтой своей близко подошел к природе: мысли мои обратились в муравьев и укусами своими гнали меня в кабинет.

Вот отчего, наверно, и произошли на свете кабинетные люди.

Порядок в душе

Вошел в мокрый лес. Капля с высокой елки упала на папоротники, окружавшие плотно дерево. От капли папоротник дрогнул, и я на это обратил внимание. А после того и ствол старого дерева с такими морщинами, как будто по нем плуг пахал, и живые папоротники, такие чуткие, что от одной капли склоняются и шепчут что-то друг другу, и вокруг плотный ковер заячьей капусты – все расположилось в порядке, образуя картину.

И передо мной стал старый вопрос: что это создало передо мной картину в лесу, –

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru капля, упавшая на папоротник, обратила мое творческое внимание, или благодаря порядку в душе моей все расположилось в порядке, образующем картину? Я думаю, что в основе было счастье порядка в душе в это утро, а упавшая капля обратила мое внимание, и внутренний порядок вызвал картину, то есть расположение внешних предметов в соответствии с внутренним порядком.

Читаю Аксакова

Читаю глубоким чтением Аксакова, и мне открывается в этой книге жизнь моя собственная. Вот счастливый писатель!

Читаю совершенно как будто вновь: так, значит, время пришло.

Прошло более ста лет, и как хорошо! Перекидываюсь на свой «Колобок» – тоже немало: пятьдесят лет! Так влияние некоторых писателей нужно измерять в глубину (*sub specia aeternitatis*[2]), а других в ширину: сразу на всех и на минутку. На тех, кто проходит и кто остается.

Разделение писателей по влиянию в ширину и в глубину не в смысле поверхностных и глубоких, а просто на сейчас и на после, выводит меня из презрения к временным и самогордости, очень опасных для жизни, особенно в наше время и в моем, возрасте: путь к старческому ворчанию и чудачеству.

Идеал – это соединение того и другого, ширины и глубины, как у Пушкина и Л. Толстого. <...>

Аксаков и Гоголь

Во второй части «Мертвых душ» Гоголь пытался во вне найти порядок, отвечающий его внутреннему порядку, но в душе у него порядка не было (черт обманул).

Напротив, у Аксакова С. Т. был определенный порядок, и оттого картина получилась гармоническая, включающая в себя, как причину, поведение художника.

Аксаков – это наш Гомер.

После чтения С. Т. Аксакова у меня остается желание писать совершенно просто, как он, но не о себе, как у него, а о всем, чего захочется. Словом, его талант неподвижен, как на стебле роскошный цветок, но мне хочется, чтобы мой, пусть и более скромный цветок, перелетал бы с одного на другое, как бабочка.

Мне кажется, в нескольких маленьких рассказах (например, «Гусек», «Старухин рай» и пр.) я уже этого и достиг, а «Кладовая солнца» есть шаг к чему-то большему бабочки, чему-то вроде синички. <...>

Свет и тень

Дерево обращено к солнцу, и от дерева тень, а у человека, обращенного к славе, рождается стыд, и такой стыд есть свидетельство здоровья прославленного человека: чем знаменитей, тем ему и стыдней, как у дерева, чем гуще крона, тем и плотнее тень.

Наташа Ростова

Есть женщины, в невестах мечтающие быть творцами, но жизнь заставляет их родить (психология Наташи Р. и ее «падение»). Разобрать споры о Наташе: ее «падение» в плане освобождения женщины от пола, а в плане жизни – она сомкнулась с общим главным делом женщины.

Вот тут-то взять бы поглубже разобраться и представить себе возвышение Наташи в браке, а не падение.

Мысль-открытие

Мыслевыражение – есть такое же конкретное открытие, как географическое.

Вот почему Шекспир – это как материк, а я, например, открываю маленькие чудесные островки, свидетели великой залитой океаном земли.

Положение в литературе понимают так, что не хватает Пушкина, как будто Пушкин – барин какой-то. «Барин наш приедет, барин нас рассудит».

Правда

Правда – это значит победа совести в человеке.

– Вы думаете о правде, как о неподвижной скале или как о корове молочной? Живая правда живет и пробивает, как все живое, себе путь, как весенний зеленый росток среди хлама.

Дон-Кихот вбил себе правду в голову, как гвоздь, а правда, как зеленый росток среди весеннего хлама; страшно смотреть, какая борьба! А пройдет время, и все станет зеленым: правда победит, и наступит век правды.

Мы потому современны, что нас всех соединяет какая-то мысль. Во всяком времени проходит особая мысль, и в этой мысли содержится путь, по которому в это время надлежит нам идти.

Можно ли знать эту мысль? – это вопрос, но чувствовать сердцем эту мысль, как наш путь, может каждый, кто хочет заглянуть в свою совесть, и это чувство – истинного нашего пути совестливые люди называют правдой.

Впрочем, конечно, есть и бессовестные... Но у кого совести нет, у того скорей всего нет и правды.

Поведение

Бывает, находишь что-нибудь новое в нравственном мире, небывалое, и тогда хочется разобраться в своем пути, как шел, как нашел, чтобы утвердить в себе этот путь и, может быть, дать его всем как путь в новый мир, как поведение. Но напрасно будешь в этом счастье своем искать поведения всем: каждое открытие требует и особенного поведения, точно так же, как и каждый новорожденный имеет за собой особый и небывалый случай встречи его родителей.

Так мы и думаем теперь, что для всех не может быть одного поведения, но для каждого свое в отношении всех обязательно.

Мудрецы

Есть тишина в морской глубине, где еще не темно и можно хорошо видеть оттуда, как наверху ходят, и бьются между собой, и рассыпаются волны.

В жизни есть такая тихая и прозрачная глубина, и в ней живут мудрецы.

Победа

Рожь хорошо выколосилась, и отдельные колоски зацветают. Великаны колосья маячат на высоких соломинах, и маленькие жмурятся в тени. Равных по точности не увидишь в поле ни одного колоска, ни одной соломины. Но все поле ровное, и у высоких нет упрека малым, и у малых нет зависти к высоким.

Каждый колос, каждая соломина, такие все неровные, показывают нам свою великую всеобщую борьбу за жизнь, за свое лучшее, но все ровное поле высокой зацветающей ржи свидетельствует нам о победе. Смотрю на рожь и вижу поле новых людей, и нет у меня в душе особенной жалости к слабым и нет зависти к высоким. Мне только очень хочется самому подняться повыше и стать свидетелем победы нашего дела на всем человеческом поле.

Женщина

Соберитесь в себе до конца в лесной тишине, и тогда, может быть, усмотрите, как, напрягшись лбом своим белым и мокрым под красным, ярко-желтым или лиловым платочком, поднимает сыроежка над собой земляной потолок с мохом, хвоинками, веточками и ягодками брусники.

Ждите, вглядывайтесь, и вы непременно, глядя на гриб, вспомните, как у нас, людей, в тяжкое время, когда гибли на полях, на горах, в воде и в воздухе, женщина незаметно для глаза выходила из-под земли, и поднимала над собой крышу своего маленького дома, и брала жизнь в свои руки...

Пробный камень

Чувство современности содержится в творчестве, и оно-то больше всего и радует

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru автора, обещая ему непереносимое внимание и сочувствие друга. Особенно трудно дается автору изображение природы и вместе с тем открытие современности в несовершенных вещах.

Тайная современность рассказа о несовершенных вещах является, может быть, пробным камнем истинного творчества.

Невидимая связь

Каждый человек не может смешаться с другими, исчезнуть, и превратиться во всех, и быть как все. Но каждый не является представителем и ответчиком одного себя, каждый из нас выходит из группы своей, из своего типа.

Значит, каждый из нас является свободным выходцем себя из своей группы, соединяющим одну типовую группу с другой в обществе невидимой связью.

Итак, все люди вместе – это еще не весь человек. Тогда собирается весь человек как лицо, если каждый из нас является связью для всех.

Простой человек

Человек простой терпит все плохое, как будто на то и на свете живет, чтобы все сносить. Зато если вдруг придет счастье, то радуется и благодарит. Так и живет простой человек: если увидит, что где-то на пути ему плохо, – постарается устранить плохое.

Но, работая и продвигаясь вперед, он оставляет другому лучинки, спички. И вот придет другой человек, и все готово ему. Тут он радуется, благодарит. И, уходя, готовит другим.

О прошлом

Нужно вспомнить всю совокупность темной деревенщины (чего-то стоящего), чтобы оправдать движение к лучшему.

Тайна творчества

Тайну творчества надо, искать в любви. Все мы помним, что когда кто из нас влюблен, то, бывало, и все люди на свете хороши. Так в творчестве есть мысль – не мысль, а что-то единое сердца, ума и воли.

Если ты нашел в глубине себя мысль, то везде она, эта мысль: смотри в лес – и там листики и птички по-своему о ней говорят, смотри на большую улицу – и люди шепчут между собой о том же, и даже если усердно будешь смотреть в телескоп, то и там, и везде, и во всем, как в тебе.

Сущность творчества, его самый глубокий секрет том, чтобы находить в себе и для всех эту мысль.

Некогда

Странник, проходя полем, спросил работающих людей о дороге.

– Некогда мне, – ответила женщина.

А мужичок один бросил работу и вывел странника на дорогу.

С тех пор мужики работают и отдыхают, а женщина, сколько ни работает – и ей все некогда.

Заполярный мед

Родионов рассказывал, как он возил с Окских лугов в Заполярье сто семей пчел: в конце июня выехал, в августе пчелы, собрали в тундре по два пуда меда на семью. Путешествие Р. с пчелами служит примером того, что и в наше время можно идти за своим колобком.

Думать о себе, что я написал хорошо, – это естественно и необходимо для каждого в первый момент, после того как он написал. Это показывает, что он целиком отдавался – своему делу, что он честный человек и отвечает за себя.

Набросок

Вчера появился у меня Шурка с ружьем, наверное, ворованным.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

У него лицо просторное, как поднос, и кажется иногда сплошь белым, как тесто, и на тесте иногда пузырем показывается то мигающий глаз, то рот с оттянутой для важности вбок губой, то щека в неудобном движении своем к улыбке.

Доктор исследует человека в таком чувстве, что нет в человеке ничего нечистого. Но и все-таки, закончив исследование, – он руки свои умывает.

Свет и тени

Чувствую в своей повести главным планом философию света и тени и понимаю сейчас свет на всех и тень на каждом, то есть что лицо человека образуется борьбой света и тени: если бы не было тени и только один свет, то не лица были бы у людей, а лепешки. Если бы не было света, все погрузилось бы в ночь.

Иду в лес изучать распределение света и тени на елке.

Смерть

Все дети живут, не думая о смерти, все они живут, как бессмертные, а мало ли их, детей! И есть много взрослых, живущих, как дети, и есть много взрослых с душой «где наша не пропадала», и довольно и таких простых мудрецов, кто говорит даже, что для себя смерти нет.

Но если даже для себя смерти нет, то мы видим ее на стороне, и содрогаемся, и, провожая умершего, сходимся теснее между собой, сближаемся.

Так не в том ли есть смысл смерти, чтобы мы между собою сближались, соединялись в единого человека в полной уверенности, что когда все сольемся воедино, то тем самым исчезнет самый страх смерти и тем самым кончится и умрет самая смерть.

Радость жизни

По болотам в свое время я ходил с чувством стран неоткрытых где-то там подо мной, в недрах земли, в этой кладовой солнца, сохраняющей в тысячелетних слоях торфа огонь для будущих людей.

Так теперь на старости лет часто думаю о моих предках, скромных людях, простых и веселых, сохранивших для меня такой большой запас радости жизни!

Коростель

Вася вчера подарил мне коростеля. А сегодня утром на рассвете вытащил я из клетки птицу, открыл окошко, высоко подбросил ее, и она весело полетела через реку, черная, крылатая.

Я же думал в это время: «Отчего она полетела, а вот елочки стоят неподвижные, хотя тоже и они живые?» Подумав, ответил себе: «Не потому ли, что елочки питаются прямо землею, прямо водою и светом, вот они и стоят на месте? А птица на месте прямо взять себе не может, ей надо питаться чем-нибудь живым, и она это ищет, и оттого она движется. И отсюда начинать убийство (чтобы двигаться)».

Из этого делаю вывод, что чистые существа в природе только растения, и наиболее нечистые = вегетарианцы, которые пожирают самое чистое.

Esprit de l'Escalier[3]

Нет, у писателя ум не лестничный, напротив: писатель именно и схватывает скорее всех мгновение жизни, но только действие его очень сложное: мгновение схваченное питает очень длинное действие для заключения себя в форму.

Но в нравственном смысле это одно и то же, что поймать текущее мгновение с заключением в форму, что выхватить из воды утопающего ребенка.

Бывалое и небывалое

Самое трудное в деле искусства слова – это сделаться судьей самого себя.

И возможно ли это?

Возможно судить себя только за прошлое, когда переживешь сам себя и сам на свое

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
будешь смотреть, как на что-то бывалое.

Но как судить самому себя, когда в написанном своя собственная душа выступает как небывалое?

И так оно и быть должно, на то и говорится «душа», чтобы назвать приход на свет небывалого, единственного и неповторимого.

Мир наш движется, новое приходит и складывается, как бывалое, и опять приходит небывалое, и мы его опять встречаем, но, вероятно, встречаем не все.

Так мы когда-то рождались в Европе, и в Америке люди рождались, но мы не знали Америки: Америка была, но для нас ее как бы не было, и когда открыли Америку, то это было открытием только для нас, европейцев, а для всего человека Америки не было.

И наши нынешние атомы и элементы: электроны, гелий и все такое было в мире.

Но мы можем назвать много вещей, каких не было до нас на свете: не было термометра Реомюра до рождения физика Реомюра и не было гильотины до француза д-ра Гильотена.

Давайте же разделим все богатство нового мира на открытия бывалого и на приход небывалого. И если мы условимся в этом, то неизвестного агента всего бывалого назовем природой, а во всяком приходе небывалого будем искать, как агента, единственную, неповторимую и незаменимую душу человеческую.

Человек – это источник небывалого в природе.

Атомы были, но атомная энергия в руках человека действует, как небывалое. Наташа Ростова была, но под пером Толстого она живет, как небывалое, потому что ею руководит душа единственного, неповторимого человека – Льва Толстого.

Думалось о том, сколько всего в себе таится прошлого. Пожалуй, сколько было, столько и есть, и, значит, по себе можно понять весь мир.

И в то же время, как нее мало то небывалое в мире, что ложится на меня: то есть то, что могу к небывалому прибавить я свое небывалое.

А между тем вся иерархия человечества, все различие между людьми держится только на том, кто сколько прибавил в жизни людям от себя.

Конечно, природа и сама по себе изменяется, но так медленно, что, меряя ее жизнь нашим веком, мы, в общем, можем считать в природе все, как бывалое, и это бывалое можем называть природой, а небывалое признавать делом человеческих рук.

И, в общем, не ошибёмся, если вовсе отбросим незначительную величину самовольных изменений в природе и человека признаем причиной всех изменений, творцом небывалого.

Не ищи от людей помощи в том, что сам себе можешь сделать, и не жалуйся на другого, если в себе самом сомневаешься: не сам ли я в том виноват, не я ли сам что-нибудь упустил?

Новое и небывалое

Часто что-нибудь новое нам принимаем в то же время и как небывалое, и это совсем не верно, и в огромном большинстве случаев новое бывало или бывает постоянно и становится новым только потому, что названо.

Даже такое является новым, что входит в повседневное поведение каждого, и он не обращает на него своего внимания, и когда оно бывает названо или описано, дивится таланту и мастерству художника слова, умевшего на самом деле только назвать повседневное, только одеть его в слово

Этой способностью называть повседневное отличался у нас Лев Толстой.

Счастливая пара

Две сосны, вначале искривленные, в коленном изгибе плотно между собою сошлись и после того рядышком, пряменькие, с тонким, просветом между собой, пошли вверх.

По ним я вспомнил жизнь многих хороших людей и подумал о том, что много на свете таких счастливых пар, так много, что мы их не замечаем, и все почему-то гонимся за драмами.

Старые березы

Две порослевые березы вышли из одного корня, и на высоте человеческого роста, выражаясь нашим языком, одна сказала:

– Я хочу по-своему.

И другая ответила:

– Я тоже!

– И разошлись по глупости, и так выросли на одном корне и на одном стволе, высотой в рост человека под углом две огромной высоты березы.

Лет за сто такой жизни ветер нанес и уложил на месте, где расходились березы, песку, пыли всякой, и на этой землице вырос между березами куст бузины, и в нем свил себе гнездышко певчий дрозд. Вечерней зарей певчий дрозд взлетал на вершину той или другой березы и пел.

И мы так слушали дрозда и понимали ответный шепот берез: они радовались, что и их жизнь недаром прошла, и им тоже досталось какое-то гнездышко, и у них тоже птицы живут и поют...

Рождение

Истоки своеобразия – это, с одной стороны, женщина, с другой – мысль. Законы генетики действуют единообразно, а женщина каждый раз рождает нового человека.

Так и человек мыслит по законам логики, но мысль новая не выводится по законам, а рождается, как в утробе женщины рождается новый человек.

Так что вообще своеобразие «незаконно», будь то своеобразие в отношении человека или в отношении его мысли.

Умная ворона

Вышел я из дома с мыслью о том, что на охоте дорого то равновесие, в какое входит душа в природе, как будто это две чаши весов (я и природа) приходят в равновесие и стрелка останавливается.

И если в таком состоянии что-нибудь случается и это запишешь, то пусть это будет самое ничтожное, и все равно, когда напишется, будет непременно интересно и хорошо.

Из этого правила вышел весь я, как писатель.

Так я думал, и вот оно, случилось, самое главное. Я вынул книжонку и нарочно для опыта записал следующее:

«Под горой на берегу реки Москвы было много ворон, и когда я им с горы показался, все шарахнулись, и только одна ворона взяла себя в руки и, отлетев чуть-чуть, присела в полной, готовности в случае чего улететь, куда все улетели. В таком положении на низких ногах своих она оставалась, непрерывно то поглядывая на меня, то на оставленное воронами какое-то лакомство.

Очевидно, это была самая умная ворона и ей хотелось сыграть на общей шарашке: все улетят – и ей все достанется.

Конечно, я сделал вид, что иду по своей надобности и на нее не обращаю внимания. И так она удержалась, а я прошел. И все, что там лежало на берегу, досталось умной вороне.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так не у одних ворон бывает шарашка, а тоже и у нас, у людей постоянно:
„Пожар!“, крикнут – и все бежать в один ход – сколько подавят! А умный
удержится. „Лучше, думает, сгорю, чем задавят“. Глядишь, – и уцелел, и никакого
пожара не было».

Буду ждать

Я теперь буду ждать появления такой литературы от новых писателей, чтобы
искренне самому бы радоваться и мало того обрадоваться – самому бы подняться и
лучше всех написать.

И рубить и сажать

В каждый миг становится какое-нибудь одно против какого-нибудь другого; вот, к
примеру, леса: один их рубит и держит в голове древнеславянское: лес – это бес.
Другой человек насаждает леса, повторяя в упоении слова Аксакова: «Лес и вода –
краса природы». –

И если чистый младенец скажет: «Я хочу жить по правде, скажите, что же мне
делать: рубить лес или сажать?» Я на эти слова младенца, каким и сам был
когда-то, и думал, что не может быть в правде двух исключаящих одна другую
половинок, сказал бы так теперь:

«Дитя, мое, если ты хочешь знать правду, то надо, конечно, и рубить и сажать, но
только ты сам должен научиться, где и когда ладо рубить и где и когда надо
сажать».

Обход правды

Правда колет глаза, сказать по правде очень трудно и в то же время обойти ее
очень легко при одном условии, что ты-то ее обойдешь, но в будущем когда-нибудь
непременно за тебя поплатится невинный.

Корешок

Самолетик маленький с удивленно вздернутыми крылышками, сверкая, как белый
серебряный лебедь на солнце, летит со скоростью тысячу километров в час.

Я готов бы ему удивиться, но он возник в течение моей одной только жизни: я
хорошо помню, как учитель естествознания нам, детям, с мелом в руке на черной
доске писал формулы и доказывал по вечным законам физики, что человеку летать
невозможно.

Я не могу теперь удивляться движению реактивного самолета, потому что за
следующую после меня жизнь это движение будет казаться таким же ничтожным, как
пахота сохой в сравнении с трактором.

Но я удивляюсь корешку, который своим твердым чехликом впивается в минералы и
обращает их в соки земли.

Я удивляюсь потому, что, будучи сам корешком у людей, стремлюсь тут подглядеть
и, может быть, открыть самое-самое начало движения и понять в нем начало жизни.

Студенту

В литературном отношении ваши рассказы не плохи и показывают вполне достаточную
вашу подготовку для работы в этой области. Только надо обратить ваше внимание на
то, что копировать особенности народной речи нельзя и что автор в этом отношении
должен быть очень осторожен. У автора должно быть особое чувство родного языка,
и это, по-моему, достигается постоянным и любовным чтением образцов. Но при
наличии таланта это чувство меры является само собою.

Имейте в виду, что талант – это есть то же самое, что в природе называется –
землю. Я лично держусь этой аналогии и поведение свое в отношении таланта
организуя подобно земледельцу, который трудится над обработкой земли, но
благодарная земля, конечно, рождает сама.

И вы, автор, должны иметь в виду, что счастье творчества – это когда вам ясно
видно бывает, что рассказ ваш складывается сам, как складываются в природе
кристаллы. Как раз этого-то и не видно в вашем рассказе: следы пота видны всюду,
и рассказы держатся не сама собой, а все на кнопках. И оно таки должно быть,
потому что «инженер душ» стоит перед небывалым...

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вы должны работать не над складыванием хороших мыслей и фраз, а над тем, чтобы у вас все само собой выходило, радовало бы вас, возносило так, будто вы лучше всех написали.

Нравственность есть отношение силы разума к силе чувства. Чем сильнее чувство и чем ближе к нему разум, тем больше человек в его человеческом деле.

Есть чувства, восполняющие и затемняющие разум, и есть разум, охлаждающий движение чувств.

Трудовой процесс, если он свободен, кончается творчеством.

Кнопки

Кнопок не надо бояться, а овладеть их техникой в таком совершенстве, чтобы у читателя не останавливалось внимание. Между тем читатель именно на то и жалуется, что по кнопкам он вперед догадывается, куда ведет его автор. Кнопки ставятся там, где автор боится себя («как бы чего не вышло»), и вследствие этого страха в его душе изымается некая сущность (нечто «неуловимое»), из чего и складывается свобода.

Wahrheit und Dichtung[4]

– Рассказ «Заполярный мед» написан без выдумки, – сказал я.

– А вы, – ответила докторша, – всегда пишете без выдумки.

И это правда, что Л. Толстой тоже не придумывал и у него тоже Вархейт унд Дихтунг не расходятся. И у него тоже Дихтунг есть, лишь личная форма правды.

Поэзия у Пушкина, у Л. Толстого и у всех русских классиков есть дыхание правды.

Три потока

Против нашего окна в Москве Третьяковская галерея, и в праздничный день весь наш переулок представляет собою поток людей, текущий внутрь галереи. Если в это время пойти в соседние улицы и переулки, то непременно встретимся с провинциалами, которые будут спрашивать: «Где тут Третьяковская галерея?» И так большая часть всего потока представляет собою людей земли, пробившихся в Москву, чтобы приобщиться к культуре.

А дай вот пройдет зима и прилетят весной первые птицы – тогда заметен другой, обратный поток людей из города в природу. Все это понятно: перелетные птицы кочуют между севером и югом, а люди стремятся в город к чему-то небывалому и выезжают из-города отдохнуть и возродиться у земли.

Но между этими двумя потоками намечается третий поток: мечтой соединить в одно оба – потока, в единый процесс творчества, где все бывалое природа-движется к небывалому, к человеческой новой культуре.

Когда не спится

Способ усыплять себя, когда не спится от наплывающих мыслей: надо убивать эти мысли повторением бессмысленной фразы или счетом.

– Этим же способом многие люди убивают в себе охоту к жизни скучным и бессмысленным трудом, похожим на самоубийство.

Работа убила на время во мне чувство природы, знаю, что делается там только по утренним скребкам дворников: скребут – значит, был снег, нет – нет.

Можно убить свой дух в запойном труде. Кажется, еще никто не описал этот способ самоубийства, но каждый ученый, не сделавший открытия, есть самоубийца.

Признание

Я очень много работаю над тем, что вы хвалите за легкость и занимательность чтения. Но хвалиться этим трудом, как делают многие, я не могу. Трудности творчества указывают на несовершенство творческой природы автора.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Есть много примеров, когда сам же я написал легко, и оно «написалось» или «вышло» гораздо лучше, чем то, что писалось «с трудом».

Разговор

Бахметьев вчера мне сказал:

– А нет у вас к себе возрастающих требований?

– Я испытывал, – ответил я, – всю жизнь на каждое сегодня, что вчера я был дураком. Но это правда ваша: теперь эти требования к себе становятся мучительней.

Принято думать, что рассказывать из собственной жизни можно только о том, что прошло. А мне кажется, пожилому человеку надо рассказать еще о том, – как прошлое показывается в настоящем, как узнаешь свое прошлое в усилии быть современным текущему настоящему.

В искусстве нет заместителей: тем искусство и отличается от всего.

В производстве нельзя без заместителей, но затем и создано и существует искусство, что человек тут сам.

Страх смерти

Дети нам особенно привлекательны тем, что рождаются и живут, как бессмертные, как все живые существа на белом свете: животные, растения.

Чувство конца или смерти к нам приближается, как тайна взрослых. В детстве кажется, будто взрослые что-то скрывают от нас, и самой главной тайны их почему-то невозможно ни подслушать, ни подсмотреть.

Потом вдруг что-то случится, ребенок становится взрослым, и тайна открывается, как неминуемая для каждого живого существа смерть.

Есть довольно много на свете людей, которые на тайну взрослых не обращают никакого внимания и живут счастливыми всю жизнь, как дети, как бессмертные.

Старики

О стариках мы обыкновенно говорим: «Он все такой же!» Мы этим про себя хотим сказать, что старый человек уже вошел в ритм природы, повторяется, и от него нечего ждать, как от всей природы, чего-то особенного: в природе все уже было.

Мы же, молодые, все надеемся показать людям что-то еще небывалое.

Пчелы

Тысячи лет учились жить люди для себя, как живут в природе хищники. Но в то же время в той же самой природе есть животные, которые живут не для себя и мед собирают и складывают в запас будущего.

Пейзаж

Мои записи о природе часто наводят меня на мысль, что поезд нашей человеческой жизни движется много быстрее, чем природа, и вот почему получилось у меня, что, записывая мои наблюдения в природе, я записываю о жизни самого человека.

Так часто бывает, что сам едешь в поезде и из окна кажется, будто мчится природа. Когда же разберешься хорошенько, то оказывается – природа стоит, а мчимся мы сами в своем поезде.

И нет ли того у всех художников природы, что их проникновенный взгляд в природу, их интимный пейзаж есть не что иное, как попытка проникнуть глубоко в душу человека, в ее неудержимое движение, останавливая свой взгляд на природе.

Во всяком интимном пейзаже движется сам человек.

Люди окопов – это те, что в окопах сидят и думают, что они видят и знают больше других. А они-то как раз и не видят ничего.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Наставник должен знать, на что ему детей наставлять, и он знает: «на хорошее». Но если «хорошее» само меняется?

Тогда наставнику надо самому участвовать в изменении и вести детей за собой.

Слово-звезда

В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда, погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит с наших туб.

Тогда сила этого слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени.

Бывает, погасшая для себя звезда, для нас, людей, на земле горит еще тысячи лет.

Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во вселенной.

Зеркало человека

Мои земляки

Всё бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «Вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности.

Мои земляки

Чем ближе к дереву, тем оно кажется выше, и так я прошел в тесноту огромных деревьев, стал среди гор зелени живой, стремящейся в голубую высоту.

Я стал в самом низу в глубине почти черной тени и видел, как мой брат, такой же маленький, как и я (земляк по общей жизни нашей, с ним на земле), поднялся из тьмы и сверкнул в луче, пронизывающем зелень, мелькнул и опять сверкнул повыше, и я понял: комар поднимался вверх. Я следил долго за ним среди блистающих паутинок и трепещущих листиков осины.

Только редкий листик осины качался там наверху, но под каждой высокой осиной, обняв ее, – поднималась темная елка вплотную к другой, и какая же у нас тут была тишина, если и там высоко на свободе еле-еле шевелился иногда листик осины.

Как хотел, как жаждал я сказать кому-нибудь о великом царстве света там наверху! Вот почему, наверно, я не спускал глаз с маленького, комарика и, запрокинув голову, – следил и следил, как мой маленький брат поднимается выше и выше в царство свободы и света.

И не думал я о том, что, когда он туда долетит, он и там непременно будет кусаться.

Ум животных

Под окном Васька кричал, ему ответили, как всегда: «Васенька!» – и он прыгнул на подоконник, но неудачно: окно оказалось сзади него. Что делать? Если обернуться на узком месте, то непременно упадешь вниз; броситься вниз и еще раз прыгнуть? С узкого места неудобно приобернуться наперед и прыгнуть. Кто-то из нас, чтобы решить дело, позвал: «Васенька!» – и тогда, глядя на Васькин поступок, все на разные голоса воскликнули: «Вот так умница! Какой ум!»

А между тем, если взять наш обычный человеческий ум, то что же особенно умного сделал кот? Он только, видя, что обернуться нельзя на узком месте, прыгать вниз – опасно, взял и подался задом и вошел в окно не головой вперед, а хвостом.

Диво какое! Хвостом вперед!

И вот как все мы ценим, как любим свой ум человеческий, что, заметив только признаки нашего ума у животного, кто-то из нас даже ахнул и сказал:

– Государственный ум!

Раз читал книгу, и когда оторвался от чтения, то увидел перед собой козу, привязанную за кол на траве возле картофеля. Натянула веревку – не рвется. Вернулась к колу – и бац в него лбом! Кол тронулся. Натянула веревку – стала,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru поближе, еще раз – бац! Еще стала ближе, и так раз за разом вытянула кол. Наелась картофеля.

А дача стояла под огромной ветлой, и крыша дома с одной стороны, покрывая тоже сарай, спускалась до земли. Коза, когда наелась, залезла на крышу и под ветлой наверху легла.

Пришли хозяева – нет козы. Стали искать – нет нигде, стали, ждать, и, как в сказке: нет козы с орехами, нет козы с калеными! И когда уже спать ложились, слышат с крыши: «Мэ-мэ!»

У меня толкование: она виноватая спряталась, а когда люди стали жалеть, то явилась.

– Коза – известно, умное животное, – сказала Катя. – А вот кто поверит, что блоха умная, да еще какая умная! – Рассказала, как она выискивала блох у Васьки и заметила: он их выгрызал.

– Поверите ли, блохи стали жить у него на щеках и особенно близко к носу. Когда начну вычесывать их – найду на всем коте одну-две, а на щеках по десятку, и всегда кучкой, штук до пяти. Какие умные!

– Никакого ума у блохи: нос – это остров спасения, – ответил я.

А вот было у меня с гусем. Читаю очень скучную книгу. Читаю, больше листая. Это листанье услышал гусь, обошел меня, и как только я листану – он: «Га-га-га!»

Никогда я так резко не встречаюсь с природой, как если я читаю рассеянно: какой-нибудь паучок с булавочную головку – и как он интересен! Гусь же меня очень заинтересовал.

Я уже нарочно стал листать, и чем больше – гусь все ближе. листану – а он: «Га-га-га!» Но мне надо было прочитать, я принудил себя и про гуся забыл. Листал я, листал – и вдруг: «Га-га-га!» И прямо из-под рук гусь вырвал целую страницу из скучной книги. Чем же не ум?

– Ум замечательный, – ответила Катя, – только дурно направленный.

Кот

Когда я вижу из окна, как пробирается в саду Васька, я кричу ему самым нежным голосом:

– Васень-ка!

И он в ответ, я знаю, тоже мне кричит, но я немного на ухо туг и не слышу, а только вижу, как после моего крика на его белой мордочке открывается розовый рот.

– Васень-ка! – кричу ему.

И догадываюсь, – он кричит мне: «Сейчас я иду!»

И твердым прямым тигровым шагом направляется в дом.

Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется еще только бледной щелкой, я знаю, что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот Васька. Он знает, что столовая без меня пуста, и боится: в другом месте он может продремать мой вход в столовую. Он давно сидит тут, и, как только я вношу чайник, с добрым криком он бросается ко мне.

Когда я сажусь за чай, он садится мне на левую коленку и следит за всем: как я колю сахар щипчиками, как режу хлеб, как намазываю масло. Мне известно, что соленое масло он не ест, а принимает только маленький кусочек хлеба, если ночью не поймал мышь.

Когда он уверится, что ничего вкусного нет на столе – корочки сыра или кусочка колбасы, – то он опускается на моей коленке, потопчется немного и засыпает.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
После чая, когда встаю, он просыпается и отправляется на окно. Там он повертывается головой во все стороны, вверх и вниз, считая пролетающих в этот ранний утренний час плотными стаями галок и ворон. Из всего сложного мира жизни большого города он выбирает себе только птиц и устремляется весь целиком только к ним.

Днем – птицы, а ночью – мыши, и так весь мир у него: днем при свете черные узкие щелки его глаз, пересекающие мутный зеленый круг, видят только птиц, ночью открывается весь черный светящийся глаз и видит только мышей.

Сегодня радиаторы теплые, и оттого окно сильно запотело, и коту очень плохо стало галок считать. Так что же выдумал мой кот! Поднялся на задние лапы, передние на стекла, и ну протирать, ну протирать! Когда же протер и стало яснее, то опять спокойно уселся, как фарфоровый, и опять, считая галок, принялся головой водить вверх, и вниз, и в стороны.

– Днем – птицы, ночью – мыши, и это весь Васькин мир.

Котенок

Котенок сидел на улице на верхней ступеньке входа в большой многоэтажный дом. Чье-то человеческое сердце сжалось при виде одиноко умирающего живого существа... принес[ли] блюдечко с молоком. Но людям стало еще тяжелее: котенок смотрел на молоко и не ел.

– Почему так тяжело смотреть на котенка? – спросил я свою подругу.

– Мы на котенка смотрим и о себе думаем, – ответила она, – что, если и я так выпадю из человечества, останусь одна и буду смотреть, как где-то счастливые люди друг за другом ухаживают и так спасаются вместе. – Она оглянулась еще раз на котенка и повторила: – Да, люди спасаются вместе, и оттого нам так тяжело смотреть на одинокого котенка.

Фима

Вчера мне принесли молодую тетёрку, которую мы назвали фимой («фи-у, фи-у»). В течение трех недель эта фима в крестьянской семье прошла суровую школу. Школа лесная – жизнь в лесу под крылом матери. Школа в крестьянской семье была для фимы то же самое, как если бы человеческое дитя попало в школу природы.

Ее спасение было под печкой. Понос. Крохи, падающие со стола. В крестьянской семье и с детьми-то не церемонятся, а не то что с бесполезным едоком. Эта школа сверхчеловека, человеческое милосердие таится, как секрет, как милая слабость.

Тетёрка все перенесла и перестала бояться человека, собак и всего внешнего: как бы вышла из себя. Если увидим бруснику, то вынимаем тетёрку, пускаем ее, и она сейчас же начинает клевать.

Птичья память

Вчера мы засиделись до сумерек у себя в саду на лавочке за столиком. Вдруг мы услышали бесчисленные птичьи голоса, и вскоре все небо покрылось птицами: это грачи собираются к отлету и почему-то летают, как всегда, вместе с галками. Кажется, будто галки провожают грачей.

Много раз эта масса птиц, отлетов, возвращалась к нам, и мы поняли наконец, что им хотелось всем у нас ночевать. И уже начали было некоторые спускаться, как вдруг кто-то из них что-то узнал и что-то сказал, и птицы с ужасным криком резко бросились в сторону, за ними все бросились и улетели.

Я же в это время вспомнил, что позапрошлый год колония грачей устроилась у нас. Подняли они невозможный крик, такой, что работать стало невозможно.

Я хотел разорить гнезда, но было, уже поздно: яйца были насижены. Когда же грачи выросли, я настрелял с десятков молодых грачей на пироги, с тем загадом, что в следующем году они вспомнят погром и не поселятся.

И казалось, расчет был верен. Они вспомнили и поселились на той стороне деревни. Возможно, что теперь они стали забывать и согласились было здесь ночевать, но

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вдруг кто-то из них вспомнил и дал знать по-своему, и все улетели в ужасе.

Паук

– Топил печку. Когда пламя охватило дрова, на темном срезе одного из поленьев показался паук. Обрадованный, а может быть, обеспокоенный теплом, он побежал по обрезу на край, и его встретило море огня.

Всегда, если я вижу животное в трагическом положении, я ставлю себя на его место. И, когда ставлю, не забываю перевести его относительный размер на свой. Площадь полена, в переводе на меня, была как дом, и для меня как будто весь мой дом кругом загорелся. Паук бросился на другой край, там тоже море. И так, обежав кругом весь обрез полена, он остановился и замер. Леня было освободить паука, и не просто леня, а с каким-то вызовом кому-то: вот, мол, еще я буду вмешиваться в это дело, пусть! – мало нам своей беды у людей! Пусть пауки сами о себе заботятся..

Между тем пожар охватил полено; вероятно, другое полено, опорное нашему, развалилось, – и вдруг наше полено с пауком рухнуло в комнату и с силой ударило обрезом своим, где пребывал паук, о пол, подбитый возле печи железом.

Мне подумалось, что при таком ударе от паука ничего не осталось, но, когда я поднял полено, паук живешенький побежал по железному листу. Тут его увидела моя молодая собака и ткнула его носом и, как всегда у нее с насекомыми, выпустила целое море слюны. Среди этого озера чуть виднелся крошечный островок, и это было все, что осталось от паука. Но это не был конец.

Мало-помалу островок зашевелился и вышел из моря на сухое. Казалось, у него остались только две ноги, но потом стало три, четыре, и так слипшиеся ноги расправились, и паук побежал в темный угол.

Я приветствовал его, вспоминая один сложный случай в своей собственной жизни, когда тоже совсем без всякой помощи я уцелел на пожаре, а потом вспомнилось, как было на войне, как, тоже мокрый, вроде этого паука, выполз из моря, и чего-чего не было со мной...

Так что ничего на свете не нужно бояться и во всяком случае нельзя унывать в беде.

Друг человека

Обезьяна не тем нам дурна, что некрасива, а что судит о нас по себе и все, что нам дорого, отличающее человека от животного, принимает за свои обезьяньи естественные потребности.

Напротив, собака видит в нас высшее существо и старается заслужить нашу любовь и уважение.

Бывает, собака-щенок, играя с бумажкой, привязанной на ниточку, вдруг что-то заметит, может быть, даже разгадает секрет игры, и глазами, как будто освещенными настоящим светом разума, заглянет в глаза самому человеку.

Если собака поглядела на меня человеческим взглядом, то значит, был же человек на свете, передавший собаке этот свой человеческий глаз.

Я понимаю, если собака моя ложится на пол и прижимается непременно к моей ноге, это для того, чтобы во время ее сна я не ушел. Понимаю ее, как собаку. Но если ночью, когда идти некуда, она проснулась, ей стало не по себе почему-то, и она, взяв зубами свой тюфячок, подтащила к моей кровати на другой стороне комнаты, и уснула, и была довольна, что спала не с печкой, а рядом с человеком, – это у ней человеческое чувство одиночества и жажды близости, и это от человека у нее.

Вот и надо бы изучить так собаку, чтобы можно было отделить от нее звериное основание, а в остальном, как в зеркале, увидеть человека чисто в человеческих чувствах, направляемых им веками к собаке.

Жулька засыпает на голом полу под кроватью. Ночью ей становится неудобно на жесткой постели. Тогда она встает и начинает драть пол когтями, и так сильно,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru так звучно, что все просыпаются.

Дерет же она пол, как драли ее древние предки землю, чтобы поудобней устроить спальню.

Наверно, во многом и мы тоже, как собаки, по-древнему ведем себя в культурных условиях.

Все собаки в народе разделяются на умных и глупых: умные собаки, злые, любят одного только хозяина, а других людей к себе не подпускают. Глупая собака любит всех людей, всем доверяет и предпочитает хозяина другим только потому, что она ему, отдана, как Татьяна своему генералу.

Подбор таких собак, по-моему, происходит не случайно, и потому я таких предпочитаю, как Цезарь предпочитал возле себя только воинов. И у меня есть основание, почему я предпочитаю собаку, любящую не одного меня, а всего человека: я сам точно так веду себя в отношении моих близких глупо и требую тоже от них, чтобы моя персона не заслоняла собой всего человека и они бы тоже не застилали мне свет солнца.

Мало того, только в таких отношениях я понимаю свободу, а эгоистов с их злыми собаками считаю убийцами духа.

Вот почему я бессознательно подбираю себе собак благороднейших, способных возвышаться над собачьими инстинктами, и не обращаю никакого внимания на то, что их считают шалавыми. И наша дружба с такими собаками вообще является как следствие общего великого душевного переживания, радости не дома, а в полях и в лесах.

И потому всех собак я разделяю не, на умных и глупых, а на домашних злых и чисто охотничьих, с раскрытой душой ко всему человеку.

Жулька и бабочка

Жулька, моя молодая мраморного цвета собака – сеттер, носится как угорелая за птичками, за бабочками, даже за крупными мухами до тех пор, пока, горячее дыхание не выбросит из ее пасти язык. Но и это ее не останавливает.

Вот нынче была у всех у нас на виду такая история.

Желтая бабочка-капустница привлекла внимание. Жизель бросилась за ней, подпрыгнула и промахнулась. Бабочка замотыляла дальше. Жулька за ней – хап! Бабочке хоть бы что: летит, мотыляет, как будто смеется.

Хап! – нет. Хап, хап – нет и нет.

Хап, хап! – и нет бабочки в воздухе.

Тогда среди наших детей началось волнение. «Ах, ах!» – только и слышалось.

Бабочки нет в воздухе, капустница исчезла. Сама Жизель стоит неподвижная, как восковая, повертывая удивленно голову то вверх, то вниз, то вбок.

В это время горячие пары стали нажимать внутри Жулькиной пасти, – у собак ведь нет потовых желез. Пасть открылась, язык вывалился, пар вырвался, и вместе с паром вылетела бабочка и, как будто совсем ничего с ней не было, замотыляла себе по-над лугом.

До того измаялась с этой бабочкой Жулька, до того, наверно, ей трудно было сдерживать дыхание с бабочкой во рту, что теперь, увидев бабочку, вдруг сдалась. Вывалив язык, длинный, розовый, она стояла, хахала и глядела на летящую бабочку узенькими глупыми глазами.

Дети приставали к нам с вопросом:

– Ну, почему это нет у собаки потовых желез?

И другие им отвечали:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Если бы у них были железы и не надо было бы им хахать, так они бы всех бабочек переловили и скушали.

Натаска Жульки

Ездил на болото с Жулькой, и она выдержала крещение водой и плеткой. Бекасы рвались из-под носа, молодые и вялые, но она их не чуяла, а глядела на плавающих в кустиках болотных овсянок. Злая тревога созвала их во множестве. Жулька дрожала, порываясь ринуться за ними, и не раз даже бросалась, но крепкий шнур возвращал ее под плеть.

В этот раз она поняла только, что она возле какого-то дела, что дело это серьезно и страшно.

Кустики на болоте были редкие и маленькие, и на каждом сидела желтая птичка и пикала. И вспомнил я то время, когда сам был, как Жулька, и тоже невидимый шнур был вокруг моей шеи, и чья-то рука держала его.

Жулька сейчас в том периоде роста сознания охотничьей собаки, когда впечатление «на глаз» сменяется пониманием через чутье. Впечатление «на глаз» производит мгновенное безумное стремление схватить. И все стойки ее сейчас делаются с «наглаза», переходящего в рывок. Напротив, если дичь схватывается чутьем, то является необходимость подкрадываться по невидимой дичи, выждать пахучей струи воздуха. Результатом такого скрадывания является настоящая умная стойка.

Так делала сегодня Жулька по уткам. Бекасов по воздуху она еще не умеет схватить и все еще безумно рвется гонять птичек и кур.

Жулька по глазу бежит долго даже за стрижами, по слуху стоит: определяет, где это пищит. По перепелам определилось сегодня хорошее чутье: схватывает по ветру далеко и сейчас же нос в землю, не умеет чутьем измерить расстояние, раз пахнет – значит, под носом.

Бегаёт за летающими в небе стрижами, задумывается от писка болотных овсянок, – такая затянущаяся инфантильность.

Второй урок Жульки

На болоте

На сосне высоко была засохшая веточка, от веточки отходил тончайший невидимый сучок, на сучке сидела и давала сигналы вниз маленькая тоненькая птичка – болотная овсянка. «Пи-пи!» – пикала желтая болотная канарейка. И со всего болота слетались такие же и отвечали: «Пи-пи!» – и рассаживались на маленьких кустиках, болотных деревцах, стараясь сесть как можно ближе к Жульке.

Это была настоящая атака болотных овсянок и всего животного мира. Непрерывно летая кругами, жалился чибис, спрашивая: «Чьи вы?» Бекас, вопреки всем привычкам, взгромоздился на верхушку ели и оттуда на Жульку кричал: «Ка-чу-ка-чу!»

Все это расстраивало Жульку, и она через это не пускала в ход свой нос. Но я терпеливо после каждого взлета бекаса заставлял ее нюхать теплое место. Мало-помалу она увлеклась, стала прихватывать носом и один раз на одно мгновение даже сделала стойку.

И так мой нынешний день слился со многими десятками лет моей охоты.

Жулька вдруг поняла меня, как охотника, и теперь не отходит от меня и глаз не спускает.

Третий урок давал на болоте жульке

В этот раз птички своим пиканьем, чибисы и особенно кулик на дереве так развлекали ее, что она нос свой вовсе не обращала на внимание, нос не чуял, все внимание было из глаз и на слух. Я начинал терять терпение, как вдруг произошла катастрофа. Наверно, мы близко подошли к гнезду кулика, потому что черный кулик вдруг бросился к самому носу Жульки и сделал на мгновение так, будто лететь не может и падает. Жулька рванулась, стальное колечко лопнуло, и собака моя во всю мочь ринулась на кулика. Тот не спешил, а равняясь в полете с бегом собаки, стал уводить ее от гнезда в глубь болота. Птички, болотные овсянки прислушивались к

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru кулику, бекасы вырывались, и все манили мою Жизель вдаль.

Поняв, что гнездо его в опасности, кулик вернулся на свое сторожевое место на верху ели и передал вести какому-то бекасу. Вскоре тот передал другому, этот третьему, четвертому, пятому. Взлетела из-под самой лапы вялая водяная курочка, тряпкой пролетела несколько и вдруг упала в болото. Мало-мальски опытная собака тут пустила бы в дело нос и стала бы искать водяную курочку по следам. Но Жулька не могла перейти с глаз на чутье.

В это время единственная близкая птичка, совсем маленькая, тоненькая, как шильце, увидев близко ворону, сочла ее более опасной и бросилась на нее. Ворона от маленькой птички бросилась вверх, птичка за ней. Жулька проводила их и вдруг опомнилась: где же хозяин?

Я успел скрыться за куст можжевельника.

Жулька бросилась на мой старый след. Долго в безумном страхе от потери хозяина носилось бедное животное по болоту с раскрытой от утомления и жары пастью, с розовым длинным языком, пока, наконец не приблизилось к кусту можжевельника, и оттуда грянуло страшнее выстрела: «Лежать!»

Она упала, как застреленная, и я тихим коварным голосом сказал: «Поди сюда!» И она поползла. «Где ты была?» – спросил я, поднимая плеть. Молчит. «В раю была?» – Молчит. «Значит, – говорю я, – рай-то пуст без хозяина? – И отвечаю за нее: – Пуст!»

После того я опустил плеть и не стал бить несчастную собаку, обманутую, измученную, униженную райскими птицами.

Собственность у собак

У Жульки во рту была кость. Блоха так больно укусила Жульку, что та выпустила кость и, свернувшись кольцом, все на свете забыв, стала работать частыми зубами у основания хвоста.

Но Норка этого только и ждала: услышав падение кости, она бросилась со своего места, схватила кость и была такова.

Жулька не поймала блоху, но, хорошо почесав частыми белыми зубами укушенное место, встала на ноги и грустно посмотрела в ту сторону, куда Норка несла кость. По собачьим неписаным законам кость теперь переходила в собственность Норки, и вина этого перехода была на самой Жульке: нельзя было ей из-за блохи забывать кость.

К счастью для Жульки, очень скоро после этого кто-то постучал в дверь. Как всегда, более отзывчивая на шум Норка первая подняла лай, бросилась в дверь, кость ее, падая, стукнула, и Жулька, смекнув, возвратила себе свою собственность.

Домби

Когда родились щенята у моей Жизели, мы перечитывали известный роман Диккенса «Домби и сын». Жизель – английский сеттер, и нам показалось неплохо назвать одного из щенков в честь Диккенса – Домби.

Через месяц мы начали их раздавать, а последнего оставили себе. И так у нас остался самый важный, самый брыластый и смешной своей важностью, самый нахальный в борьбе за молоко матери и, казалось нам, настоящий портрет Домби-отца.

Кто забыл этот роман, мы напоминаем его. Диккенс в этом романе изображает эгоистического представителя старинного английского капиталистического общества. Ничто не могло сломить волю старинного представителя фирмы «Домби». На все, кроме своей фирмы, был слеп этот безумец. Слепо он женился и замучил жену невниманием. Слепо воспитывал своего сына-наследника Поля и замучил своего мальчика, а дочь его, чудесная девочка Флоренс, от него убежала.

Чтобы сломить собачий эгоизм капиталиста и показать его человеком, Диккенс женит его на красавице Эдит, похожей на великолепную кошку. Два эгоизма: собаки и кошки – вступили в жестокую борьбу, в которой фирма «Домби и сын» погибает.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Домби все-таки человек, а не собака, и Эдит, во всяком случае, не кошка. Но жили они, как кошка с собакой.

Разоренного, больного, униженного гордеца подбирает выгнанная дочь, и так наконец в этой жестокой борьбе кошки с собакой побеждает человек.

Нет никакого сомнения в том, что если бы в наше время... написали этот роман, то его бы поняли, как памфлет, направленный против американского эгоизма с улицы Уолл-стрита, а автор претерпел бы гонения, как коммунист.

Нет, конечно, не в честь самого капиталиста мы назвали щенка Домби, а в честь славного автора Диккенса, но, конечно, наш Домби, не зная наших намерений, начал свою жизнь, как несокрушимый эгоист: есть захочет – орет днем и ночью. Поест – пачкает полы где вздумается и когда захочет.

Собака в делах человеческих

Жулька давно прислушивалась к бою часов, висящих у меня на стенке, и вот я их с вечера как завел, так и оставил с открытой задней крышкой на столе. А Жулька ночью вошла и услышала бой не на обычном месте.

Склонила голову на один бок, потом на другой и, пока часы били одиннадцать, определила место довольно, точно и легла на диван против часов, как будто в ожидании, когда часы ударят двенадцать.

Вот они и ударили. Жулька нос в часы, языком разведала, нашла молоточек, лизнула и, еще бы немного – пустила в ход зубы, и часы полетели бы. Но, слушая во сне бой часов, я вдруг вспомнил все. И, наверно, так на десятом ударе спас часы.

Мечта Жульки

Жулька сначала идет по следу, а когда потеряет, ведет по мечте. И все поле переходит в мечте.

Метель в поле страшная, наст, однако, в лесу от собаки не проваливается. Сквозь метель Жулька увидела летящую птичку и со всех ног во все тяжкие бросилась за ней по насту. Она догнала, схватила, но это не птичка, а старый сухой дубовый лист. Но ничего! Вот другой летит, и собака уже не бежит за ним.

Так и мы тоже за мечтой своей как за птичкой, а потом научаемся тоже мечтой своей управлять и свою, птичку не смешивать с каким-нибудь сухим листиком.

Под дождем

С трех утра шел окладной дождь, и пришло серое утро, и вот моросит дождь, хотя и не теплый. Жульке надо выйти до ветру, просится, стонет, очень надо! Выпускаю. Она стоит на пороге и не хочет спускаться, попадать под дождь.

Однако стоит она по двум причинам: и что дождь и что видит ворону на огороде. Знаю, что стоять по вороне она будет, пока та не поднимется на крыло, а как поднимется – побежит, – по вороне бежать ей разрешается. Так чего же лучше! Я поднимаю ворону на крыло, и Жулька мчится теперь, на дождь не обращая никакого внимания: Жульке теперь не дождь, а самая хорошая погода.

А разве мы тоже не так? Все неловко, все не хочется, всего боишься, а как коснется души – так все это и забыл.

Норка и Жулька

Норка до того ревнует меня к Жульке, что когда я позову к себе Жульку – бежит с большой быстротой, а Жулька само собой ревнует Норку и тоже спешит, если я позову Норку.

Теперь у них так и пошло:

– Норка! – кричу я.

Появляется Жулька.

– Жулька!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Появляется Норка.

Утром

Утром рано я встаю и ухожу пить чай. Жулька встает вместе со мной и во время чая кладет голову мне на колени. Для нее отрезаю ломоть хлеба, делю на четыре кусочка и через промежуток времени даю ей по кусочку черного хлеба.

Сам я мажу свой хлеб маслом. И когда даю Жульке сухой хлеб, она отвертывается, и это у нее значит: «Помажь». Тогда сухим ножом с остатком запаха масла провожу по хлебу и говорю: «Ладно, помажу». После этого она ест очень охотно.

То же, если ей не помажешь, а прямо положишь на пол, через минуту она и так съест.

Понимаю, что она вовсе не отказывается, когда ей даешь сухой хлеб, а по-своему просит: «Помажь». И когда потрешь хлеб ножом с запахом масла – это не значит, что она обманывается, нет. Она просто хочет сказать: «Спасибо и за это, хозяин».

Волшебная нить

Жулька в лесу бежит на невидимой нити, протянутой к хозяину, – человеку. Чуть только теряет нить – ее охватывает безумный страх бесчеловечной пустыни. Нить волшебная все наполняет человеком в лесу: все от человека, все хозяйское. П. С. вышел из машины и уступил мне место.

– Давайте мне Жульку! – сказал он. – Я пойду пешком с собаками.

Он взял Жульку за ошейник, а я обошел машину и сел с другой стороны незаметно для Жульки. Машина укатила, и тут Жулька схватилась меня. После П. С. рассказывал: она вырвалась и бросилась искать меня по всем местам нашей прогулки и, обнюхав все старые следы, неизменно возвращалась к последнему следу, где ее бог внезапно исчез и стал невидимым. А в этом-то, конечно, и есть вся радость собачья и все ее преимущества перед человеком, что бога она чувствует и видит.

Знаю, конечно, я не бог, но моя собака понимает меня, как бога, и должен признаться, что мне это приятно, и я веду себя с нею совершенно так же, как если бы я был действительно бог всемогущий, всеведущий и вездесущий.

Она долго бегала и выла. Только после долгой борьбы она смирилась и пошла рядом с П. С. Но когда стали подходить к дому, она начала веселеть: видимо, она допускала, что это в божьей власти вдруг исчезнуть и вернуться домой. А может быть, ни о чем таком она не думала, а понимала просто, что не может быть дома без хозяина.

И оказалось, это правда: хозяин ее встретил на пороге.

Жулька и кот

Жулька не может отвыкнуть, чтобы при всем своем уважении к Ваське за ним не погоняться по комнатам. Он залезает на шкаф, а она замирает и часами глядит на него в положении стойки. Наконец она устает, глаза мутнеют и устремляются куда-нибудь на муху.

Вот тогда только Васька начинает оживать. Он много терпеливее и настойчивее собаки. Как только Жулька на муху, кот спускается пониже и, вытянув лапку, грациознейшим в мире и самым кокетливым образом дает своими бархатными пальчиками с острейшими коготками Жульке по морде.

После того он даже и не пытается бежать, а, обратив на себя внимание Жульки, делает перед носом у нее знаменитую фигуру: спина кренделем, глаза становятся мутно-зелеными, уши заглажены, усы трясутся, изо рта шип.

Если же Жулька, не пугаясь страшным видом кота, все-таки сунется, то он дает ей лапой по-настоящему, сам же вдруг прыгнет через нее в коридор и пустится, а она за ним и настигает его наверху уже книжного шкафа, и тут начинается повторение той же игры.

Робик

Щенка называли Робик. Он уже начинает играть с хвостом матери – Жульки. Сегодня утром я дал Жульке кусок хлеба, а Робик был занят хвостом. Поняв, что мать не

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru свободна, он принялся ее сосать. А когда насытился, то заинтересовался, чем это она занята и так долго? Когда же он приблизился к ее носу, она зарычала. И человеческий смысл ее рыка был такой: «Хочешь играть – играй с хвостом, сосать – соси! Но куска моего не смей трогать, ты не дорос».

Двойная стояка

Как-то не нравятся мне условия работы художников: прикованы в упор к модели и ходят в лесу непременно с ящиками... То ли дело у нас: в кармане только маленькая книжечка и огрызок карандаша, а душа свободно вертится во все стороны, собирается, набирается, улетает, все покидает, возвращается с удивлением: пока я блуждал – все стало по-другому!

Чудесно наше искусство – слова, и нет ничего, по-моему, прекраснее, как работать в лесу, где-нибудь сидя на пне. Теперь у меня в лесу уже многие пни насижены, и собака моя Жулька, добежав впереди меня до знакомого пня, останавливается и ждет, и я ее понимаю: «Дальше пойдем, – спрашивает она меня, – или тут будем писать?»

– Будем писать! – сказал я в этот раз.

И устроился.

А Жулька ложится у моих ног и непременно так, чтобы чувствовать ногу мою, как делаем мы на вокзалах в ожидании поезда: чувствуем ногой, чемодан, чтобы его не украли.

Над головой моей зяблик раскатывается. Когда я хочу передохнуть от работы или углубиться в чувство мысли своей, то кладу книжку в карман и смотрю на зяблика. Заметив, что я бросил писать, поднимаю голову и гляжу неподвижно на птицу, Жулька тоже встает и глядит на зяблика. Она по-своему думает, что я стойку делаю, и немедленно сама вытягивается, подбирается и замирает: хвост прямой, нога поджата.

По себе чувствую, что Жулька тоже поэт и тоже мечтает вместе со мной, а то зачем бы ей так долго стоять неподвижно и пристально глядеть на зяблика: он высоко на дереве, и все равно ей его не поймать. Значит, она мечтает точно так же, как и я, о том же самом зяблике. Только я мечтаю о том, как бы мне стать таким же свободным, как птичка. А Жулька, по своей необразованности, мечтает, как бы этого зяблика поймать, а может быть, даже и съесть.

Как поссорились кошка с собакой

Был вот тоже такой день, как сейчас. В марте месяце свет обнял всю Москву, и у нас на полу в комнате тоже вот такое светлое горячее пятно.

Принесли к нам щенка спаниеля, величиной со среднюю крысу.

Домна Ивановна, кошка наша, на шкафу стала готовиться к прыжку. Ей, конечно, было немного непонятно: крыса настоящая, но люди около нее, и как будто от этого тоже и не крыса.

А мы, посадили щенка на пол и стали думать, как бы его назвать: сидит и сидит на месте, неуклюжий такой...

– Давайте Мишкой назовем, – сказала жена. – Мишка, давай походим!

Погладили его, и он встал на четыре ноги, наметился и прямо-прямо пошел. Домна Ивановна вся собралась на прыжке и повела глазом за ним.

– Смотри это у меня! – погрозил я ей.

– Смотри за кошкой, – сказала жена, – как бы она не того!

– Ни его, ни того, – ответил я, – не знаешь ты спаниелей.

А Мишка дошел до светлого пятна на полу, осветил себе голову, и в тепле остановился, и никуда не хотел больше идти.

Чтобы развлечь его, я принес из кухни кость и положил ему под нос. Мишка нос

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
свой отвел от кости и еще поудобнее замер в тепле.

А Домна Ивановна, увидев кость, сообразила: «Какая же это крыса!» И, заметив, что Мишка отвел нос от кости, прыгнула со шкафа на пол и стала тихонько подбираться, чтобы стащить ненужную щенку кость. Она отчасти была и права: согласно собачьим и кошачьим законам, у них, если есть собственность, то надо ее беречь, а если отвернулся, – значит, и право на нее потерял.

Но Мишка не от собственности отвернулся: он хорошо помнил про кость. Он отвернулся к этому чудесному свету мартовского солнца над Москвой. Может быть, Мишка был тоже немного по-своему поэтом и горячий луч солнца на носу ему был дороже, чем вкусная кость.

И, значит же, твердо держал он в душе свои права на кость, если в тот самый момент, когда Домна Ивановна подобралась к кости, он ринулся на нее с такой силой, с таким ревом, что успел еще нетвердыми и неострыми зубами вырвать клочок шерсти из хвоста. Домна Ивановна неслась от него из комнаты в комнату, перепрыгивая стулья, кресла, диваны, и в конце концов забралась на высокий шкаф и оттуда рычала, а Мишка внизу лаял, высоко подняв кверху голову.

Наверно, с этого и началась когда-нибудь жизнь кошки с собакой: кошка убегает, собака догоняет. Тоже когда-нибудь вышел спор из-за собственности, и тоже так часто бывает, что мы, люди, у них это останавливаем. Теперь Домна Ивановна и Мишка в дружбе живут и, когда холодно, спят, прижавшись друг к другу, на одном коврикe.

Первый урок

Два воробья сидели на чугунной решетке, отделяющей панель от воды. Когда цепь пешеходов на панели обрывалась, воробьи спускались на панель и что-то на ней для себя находили. Когда же человек очередной подступал, они взлетали и бросались вперед сквозь дырочки решетки. Облетев там над водой невидимо для пешехода, они садились на решетку и, если не было людей, спускались на панель. Так они и спустились против нас, когда мы с Джалией шли по панели.

Заметив их, Джали остановилась, вся вытянулась и медленно стала наступать по зрячему. К сожалению, идущий по панели в нашу сторону спугнул воробьев, и они, махнув через решетку, исчезли.

Джали подняла голову, обвела глазами все вокруг, бросилась мне на грудь с явным вопросом: «Где они?»

Я взял ее к себе и, придерживая одной рукой, показал другой на решетку подальше, где сидели два воробья в ожидании разрыва цепи пешеходов, чтобы самим спуститься. «Вот они!» – сказал я. И Джали увидела.

Я спустил ее с рук. Воробьи подлетели к решетке, и Джали опять стала к ним осторожно подкрадываться. И это был первый урок.

Собачий рассказ

Наверно, есть на свете такая изящная легкая птичка, что когда с веточки бросится, чтобы стать на крыло, то эта веточка и не шевельнется.

Но тут на длинной разлапистой еловой ветке сидела, наверно, тяжелая птица из куриных. Она услышала издали шорох моей молодой собаки и, чтобы стать на крыло, с такой силой ногами оттолкнулась от ветки под собой, что та во всю длину закачалась.

Джали молодая подает надежды на богатейшее чутье: и тут она учуяла след улетевшей птицы на ветке и сделала стойку, направляя нос точно на то место, где ветка качалась.

Но это было ей, наверно, очень странно увидеть раскачивание ветки на том самом месте, где должна бы затаиться птица. Джали внимательно перевела глаза в мою сторону и спросила меня: «Гам?»

Я думал, что скорей всего это мать тетерка, запрятав птенцов, села на елку, чтобы отманить на себя собаку от следов на молодых. Но как сказать это собаке?

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
А ветка все качалась, и Жалька опять нетерпеливо спросила меня: «Гам?»

«Что же делать?» – по-собачьи она меня спрашивает, а человеческого ответа моего не понимает. Делать нечего, и, чтобы не обижать ее своим гордым молчанием, – я ответил ей по-собачьи, но утвердительно: «Гам!» И она успокоилась.

Чем же это тоже не язык и как его не понять, когда, например, как сегодня на прогулке, я остановился, прислонился к дереву, начал писать, а собака моя подбежала, поглядела – раз! Подбежала еще – два! Потом три, четыре, и наконец сказала по-своему: «Гам!»

Как не понять, что это значит: «Будет писать, хозяин, пойдем!»

А впрочем, если мы понимаем друг друга, нужно ли много слов?

Собака-идеалист

В кашу Жалькину для аппетита у нас примешивают остатки мяса из щей, корочки сыра и всякую вкусную снедь. Мы стараемся зарыть эту снедь на самое дно, чтобы, учуяв их, собака ела и кашу. Так у нас всегда и выходит: вместе с вкусным, добираясь до него, собака попутно выедает и кашу.

Однажды у нас нечего было положить на дно вкусного, и предложили мы Жальке целую миску пустой пшенной каши. Ткнув нос в кашу, Жалька сразу учуяла, что вкусной еды в каше нет. Огорченная собака отошла в сторону, о чем-то подумала, вернулась и, ткнув носом, особенно сильно проткнула кашу до дна и не нашла идеал. Она опять отошла в сторону и долго стояла и смотрела на кашу. Есть она, конечно, хотела и съела бы кашу, но есть, чтобы просто есть и без идеала, она не могла.

И вот, раздумывая об исчезнувшем идеале, она решила, и это уже верно, и из-за этого мы на этот случай и обратили внимание, – она решила, что идеал должен быть на самом низу, где-нибудь, может быть, даже под миской.

И вот, решив так, собака носом своим, как свинья, поддела под загнутый край миски, дернула, и миска подпрыгнула и упала вверх дном. Тогда Жалька медленно, как по дичи, вытянувшись, повела, подошла, обнюхала дно из края в край, и нет – идеала не оказалось под миской.

А между тем в поисках собака по-настоящему есть захотела, и как еще! Как бы она рада была теперь и сухую кашу поесть, но миска лежала вверх дном. Что делать? Жалька, не спуская глаз с миски, отошла в угол, задумалась, вернулась, попробовала по-прежнему носом поддеть. Нет! Край миски лежал плотно к полу: край опрокинутой миски невозможно носом поддеть. Только от толчка миска отъехала немного, и по следу ее осталось немного каши. Жалька тщательно собрала языком и, когда все вылизала, носом толкнула миску, и опять из-под нее осталась каша. Итак, – Жалька гнала миску, пока не съела всю кашу.

С того разу мы и открыли способ кормить Жальку, когда невозможно бывает в нашем хозяйстве – достать приманчивый идеал. Мы даем кашу, а когда барыня от нее презрительно нос воротит, опрокидываем миску с кашей. Тогда непременно начинается игра с миской, – и каша скоро съедается. Да и с таким аппетитом съедается, что даже и пол от вылизывания чище становится.

Вскоре Жалька поняла, что, чем гонять миску и мыть пол языком, гораздо проще и легче есть кашу без приманок: и себе легче, и хозяевам не надо для обмана собаки создавать идеал из объедков.

Урок физики

На опушке солнышко еще греет, но земля, если палкой стукнешь, отстукивается, и лужи в колеях промерзли до земли, и собаке негде напиться. Сильно надо стукнуть тяжелой палкой, чтобы пробить лед..

И каждый раз, когда я пробиваю, собака, опустив нос, стоит и ждет, и когда пробьется – бросается пить воду: значит, она уже понимает, что подо льдом должна быть вода. Ей еще только год, где же она познала такую мудрость, что подо льдом надо ожидать воду? Разве, может быть, она уже за лето познала, что после дождей в колеи собирается вода?

Однако ожидания Жальки напрасны: колеи или насквозь промерзли до земли, или под

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru корочкой льда толщиной в палец до самой земли пустота. Раз, и два, и три мы так сделали, – и все нет воды.

В последний раз Жалька, понюхав землю подо льдом, взяла хорошую льдину в рот, чтобы с ней поиграть, и, подбросив вверх, сама скакнула, как за живой. Это было на южной опушке леса, где на солнышке бывает чудесно. Я сел на пень, а Жалька играла со льдинкой.

Вдруг ей что-то показалось, и она эту льдинку не подбросила, а лизнула, и, что-то поняв, осторожно взяла льдинку в рот, прилегла к моим ногам и стала лизать, лизать, отламывать кусочки, хрустеть.

Так молодая собака поняла, что вода бывает в жидком состоянии и в твердом. Поймет ли она когда-нибудь, что пар от весенней земли – есть третье, газообразное состояние той же воды? Скорее всего не поймет, незачем ей это нужно, если паром нельзя напиться?

Термометр

Несколько раз за ночь я подхожу к окну, отодвигаю занавеску, гляжу на термометр и возвращаюсь в постель. Это заметила Жалька. Она трогательно привязана ко мне и в самом глубоком сне слышит меня, как слышит мать своего ребенка.

После меня непременно встанет, раздвинет носом гардины, лизнет термометр и возвратится на свой коврик возле печки.

Кадо

У всякой собаки есть своя особенная, только ей одной свойственная причуда. У Кадо, огромного пойнтера кобеля, – броситься на звук пролетающего комара, мухи, осы, пчелы или шершня.

В особенности страшно бывает, когда в комнату залетит шершень, громадная оса, и Кадо хватается его. Но теперь – хап! И, не успев укусить, шершень исчезает в животе у Кадо.

Слюна ли собаки действует на яд насекомого или ужас парализует их способность жалить, но только случая не было, чтобы кто-нибудь из них его укусил.

Раз было, Кадо на охоте пропал, и я стал его искать в надежде, что застану на стойке по тетеревам. Долго я искал и вдруг увидел его белую рубашку между темными елочками. Среди густой щетинистой заросли этих елок была старая елка, и внизу между ее нижними лапами была дырочка: Кадо стоял против дырочки и поджидал ос. Как только вылетит одна – он хап! и все кончено. Я даже весь вспотел в поисках Кадо – столько я бегал! И сколько же он за это время нахапал ос! И ничего ему потом от этого плохого не было.

Главное, что раздражает его, я заметил, – это звук крыльев насекомого. Было однажды со мной, напал на меня сильный кашель и так осложнился, что не переставая шипело и свистело в гортани: уснуть от этого звука было невозможно, и все-таки в конце концов научился я засыпать, и перед сном мне казалось, будто хриплю и свищу не я, а Кадо. И как только подумаешь, что Кадо, так является блаженное чувство спокойствия, и я засыпаю.

Однако, вероятно, в этих звуках моих было и подобие жужжанию насекомых, и тогда Кадо срывался и мчался к завешенному окну...

Раз я успел осветить комнату фонарем и увидел, что Кадо стоит против окна, где он ловит мух, в полном недоумении: слышит ясно – гудит и гудит, а где – не может понять.

Я же все понял: это у меня так в горле свистит. И еще понял я, что звук для Кадо является первой побудительной причиной лететь на врага. Второе, более глубокое побуждение у Кадо, я думаю, это удовлетворение, когда он достигнет цели и проглотит врага – так он счастлив, так хвостит, так облизывается!..

Приходит время осени. Все меньше и меньше насекомых и все больше и больше паучьих сетей. Чистота везде, прозрачность.

Кадо выходит на крыльцо довольный: ни одного комарика!

Он счастлив и горд: это он всех съел.

Жизнь дерева

Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было.

Источник открытий

В лесу я нашел себе источник бесконечных открытий, и это, мне кажется, я уже сделал: я стал на путь нового изучения природы, и человек в этой новой природе начнется детьми.

Возмущение на хозяина

Хорошо в лесу тому, кто только о себе думает, как бы ему тут подышать, отдохнуть, успокоить себя. Но если кто-нибудь выйдет из себя и примет к сердцу своему человеческому жизнь самих деревьев в лесу, сейчас же у него начинается в душе возмущение на хозяина и зачесется рука, чтобы вмешаться в это неразумное хозяйство.

И когда пройдет возмущение, и одумаешься, и вспомнишь, что нет-тут, хозяина, что все само складывается от ветра, влаги, земли и солнца, так еще хуже становится, и еще больше захочется вмешаться в дело природы и вывести всю эту лесную жизнь на человеческий путь.

Нет, нет! на что ни посмотришь в лесу, все живет не по нашим человеческим, правилам. И в то же время все получает какие-то формы, в каком-то порядке, в каком-то месте и времени.

Значит, есть какие-то правила и нечеловеческие. Вот бы собрать все наши правила и их да посравнить, чем они отличаются.

Наши правила и «те» (в природе, в лесу) отличаются между собой прежде всего тем, что у них побеждает сильнейший, а у нас лучший, и еще, – что у нас есть милосердие...

Небывалое

Вопрос при изучении леса: что мы теряем при переходе из леса в парк и что приобретаем?

Создавая парк, мы плачем об утраченном лесе, и когда осенью нам кажется, будто все деревья плачут о чем-то, то это деревья от нас взяли свои слезы: плачут они о потерянном счастье дикого леса.

Но мы знаем, что если плачут и вправду они, то это мы их научили и что это от нас они взяли плакать о чем-то прекрасном и навсегда утраченном и весной радоваться в ожидании чего-то такого прекрасного, чего никогда на свете не было.

Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было.

В глубину

Когдаходишь в лес на короткое время, и побудешь немного, и пойдешь поглубже, то тебя начнет затягивать в глубину.

Вот бы, кажется, надо сейчас и уйти от соблазна домой и вернуться к делам. Но впереди высокая ель протянула на тропинку мохнатую лапу и указывает в лесную черноту, и там сквозь черноту виднеется окошечко, и сквозь окошечко золотая полянка, и там березка торжествует в косых лучах.

Как не пойти туда на золотую полянку, а на полянке этой чего только нет!

До того затягивает лес в свою глубину, что кажется, будто кто-то идет впереди тебя и заманивает. Бывает, прямо в глазах перед тобой веточка внизу сама качается. Не может же быть, чтобы, правда, сама качалась от себя ветка в полном безветрии, и не ясно ли, что раз ветка все качается, то, значит, кто-то впереди тебя тоже идет...

Не потому ли нас всех заманивают к себе заповедные кондовые леса, что они сами

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru выросли и мы на них не тратили своего труда? Всякий знает цену своего труда, сколько на что из себя убыло..

Опушка

Опушка у леса вся на свету, как лицо у человека: лес опушкой движется вперед и занимает новые пространства.

Прекрасное мгновение

Все кустики одеваются, все ветки распускаются, а между ними там и тут елочки по-прежнему стоят на своем. Тут бывает разговор между ними, и нам легко его понять.

Листики молодые, показываясь, хотят нам сказать, что они все лучшее свое собрали в эти минуты и дела им нет до того, что станет потом: ведь оно станет, а им дорого мгновение, и оно больше стоящего бессмертия.

А елочки, не возражая прекрасному мгновению, скромно прячась и даже обновляясь по-своему, стоят на своем, утверждая необходимость мысли о вечности.

Белолопки

Молодые елочки маленькие дают прирост лапками светло-зелеными, в сравнении с основной темной зеленью ели почти белыми.

На эти белые лапки у совсем крошечных елок смешно смотреть, так же, как на лапищи маленьких щенят.

Ель как дама в концертном платье до самой земли, а вокруг молоденькие елочки-голоножки.

Местами мелкие елочки-белолопки только выглянули, не выше земляники стоят, местами стоят в рост человека, а есть такие отдельные, что острием вершины своей пробивают осиновый материнский полог.

Нижняя огромная еловая ветвь в поисках света кругом обогнула ствол березы и, выглянув на ту сторону, нашла там маленькую ель-белолопку и накрыла ее от морозов и солнечных ожогов: она искала свет для себя, а вышло на пользу маленькой дочке.

Никого так не радуется, когда лес одевается, никто не жаждет так тени, как молодые, тесно растущие щеткой елочки под березами.

Елка молодая пользуется каждой возможностью, чтобы укрыться в тени от мороза и горячих лучей солнца. Любая порода – береза, осина, сосна – лишь бы тень. Маленькая елочка не побрезгует даже кустом можжевельника и притрется к нему.

Как распускаются разные деревья

Листики липы выходят сморщенные и висят, а над ними розовыми рожками торчат заключавшие их створки почек.

Дуб сурово разворачивается, утверждая свой лист, пусть маленький, но и в самом младенчестве своем какой-то дубовый.

Осинка начинает не в зеленой краске, а в коричневой, и в самом – младенчестве своем монетками, и качается.

Клен распускается желтый, ладонки листа сжатые, смущенно и крупно висят подарками.

Сосны открывают будущее тесно сжатыми смолисто-желтыми пальчиками. Когда пальчики разожмутся и вытянутся вверх, то станут совершенно, как свечи.

Внизу на земле вся листовая мелочь показывает, что и у нее такие же почки, как у больших, и в красоте своей они внизу ничуть не хуже, чем там, наверху, и что

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вся разница для них во времени: придет мое время – и я поднимусь. <...>

Еловый бобрик

Ореховый куст внизу был окружен бобриком из маленьких елок, а над кустом стояла сосна.

До того хорош бобрик частых еловых самосево, что хочется его погладить, ладонью, и даже в голову тут не приходит, что в этом столь мирном сожительстве родных елочек происходит война с изреживанием: процент изреживания в этой мирной жизни елочек во много раз больше, чем на войне у людей.

Старый пенёк

Это уже совсем близко к концу, когда на старом пне вырос кустик черники, и скорее всего это значит, что уже и не пенёк это, а муравейник, имеющий обличие пня.

Угрюмое дерево

В золотистых оранжевых сорочках рождаются новые веточки елки, и, когда они выходят, сороки летят, и цепляются за невидимые паутинки, и тревожат напрасно всех лесных пауков.

Новорожденные ветки, светло-зеленые на темной старой зелени, частые, изменяли весь вид угрюмого дерева.

Добрая почва

Сосна поднимала свою крону из года в год все выше и выше, роняя на землю отживающие хвоинки. Она, конечно, не знала, что, поднимаясь, она готовит почву для деревьев, более требовательных к своему питанию, и является деревом-пионером, образующим лес.

Мало-помалу под сосной в небольшом кружке земли, отвечающем кроне, образовалась почва, достаточно готовая для укоренения елки. Мало того! На этом месте как раз приходилась тень от сосны, способная предохранить молодую елочку от мороза и ожогов прямых солнечных лучей.

Так дерево-пионер (сосна), а там подалее светлюбивая береза и осина тоже готовили почву.

И сколько сотен, а может быть, и тысяч семян елей должно было погибнуть, чтобы одно семечко попало на эту добрую почву, на тот самый тенистый кружок под пологом материнского дерева! Так получилось в лесу, что под каждым деревом-пионером, тесно прижавшись к нему, поселилась и начала подниматься маленькая елочка-светлолапка.

Терпение елки

Каждый листик у березы трепещет. Но какая бы ни была буря, еловая иголка не пошевеливается. Каждая ветка березы хлещет по елке, стараясь ее забить. Это мучит елку, но теневыносливое дерево выносит и эту беду и ветру не отдается бездумно.

Ни одна иголка не пошевеливается от бури, и толь-ко ветки-крылья, покачиваясь, как будто спрашивают совета друг у друга: как же дальше нам быть?

Елка и дуб

Гнались они друг за другом, елка и дуб, вверх к свету, кто кого перегонит.

Не по радости, или жадности, или вольности, или гордости затеяли они этот гон, а по смертной нужде: кто раньше высунется в светлое окошко, тот собой и закроет его и сойдет с вершины кроны с другими деревьями, как победитель. И все, кто останется под пологом в полусвете, те и останутся чахнуть на всю жизнь свою.

Вот почему они и гнались и тянулись вверх, елка и дуб, изо всех сил.

Елка

Чем выше поднимается дерево, тем и крылышки-ветки постепенно поднимаются, как будто собираясь по воздуху с силой ударить, – вырвать дерево и унести его к солнцу.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
А самые верхние крылышки совсем высоко поднимаются, и на самом верху пальчик елки показывает направление вверх...

Молодой дуб

Играла кудрявая береза своими листиками, трепетала, осина, и между ними дремал молодой дуб.

Невозможно нежные создания вырастают в лесу из какого-нибудь, желудя, уроненного сойкой или белкой. Нитки, не толще, чем бечевка, поднимаются от земли и расходятся тремя ниточками, такими тоненькими, что удивляешься, как это они держатся.

И каждая из этих трех ниточек, поднимаясь над травами, оканчивается огромным дубовым листом.

Дуб, если попадет на опушку на просеке, не поглядит на соседние елки, а вывернет свои державные суки прямо по ним к свету.

Липа и дуб

Липа и дуб в наших подмосковных лесах часто встречаются вместе, как будто ищут друг друга. Весной липа первая зеленеет и как бы вызывает, чтоб и дуб с нею зеленел. Но долго дуб не поддается, и даже когда начнет сам зеленеть, вокруг становится холодно.

Осенью же липа опадает первая, и, когда опадает, дуб, желтый уже, еще долго держится и потом опадает, хоронит под своей листвою липовую.

Сосна

Сосна осенью теряет не меньше своих двойных хвоинок, чем листьев своих теряет осина. Но сосна на зиму остается все-таки зеленая, а осина голая, сердитая, вся пропитанная своим горьким осиновым соком.

Сосна – святое дерево, ель – мудрое, дуб – могучий, береза – нежна и болтлива.

Лесной шатер

Ель почти всегда свои нижние крылья-ветки опускает к земле, и тогда под этими крыльями образует непроницаемая для дождя палатка. Тут в ненастье, если сам замрешь, собирается Ноев ковчег. Тут и зяблик на ветке нахохлится, и ежик остановится, и кому придется, все пожалуйте! Но больше всего набирается комаров: сердисься, хлопаешь их, и от этого все разбегаются.

Папоротники

Папоротники окружили маленькую елку так плотно, что от нее осталась только голова крестиком, рыжая шейка и покатые плечи из двух веток, а потом кринолином до низу сошлись папоротники.

Блеск и тишина

Бывает зыбь на море, и все трепещет в светотенях на стенах каюты, так в осиновом лесу в солнечный день от мелькания света и теней даже больно глазам.

Но какое неизменно мрачное спокойствие и тишина в еловом лесу!

Добрая природа

Дерево поднимается, и под ним мало-помалу бугорками вокруг ствола нарастает подушечка: это из того, что падает сверху. И когда потом, долго спустя, от дерева остается только пень на свету, всякие семена летят на сухой освещенный бугорок пережня. Каких тут только не бывает цветов, ягод, грибов!

Так в самой природе складывается, что на могилах умерших деревьев рождается новая жизнь. Так и хороший человек, чувствуя в себе ту же добрую природу, сажает цветы на могилах близких людей.

Ветер

Из окна глядеть на деревья – не чувствуешь ветра... видишь – наверху деревья ветками что-то шепчут друг другу. И подумаешь о себе: «Как часто нам кажется, будто мы сами куда-то бежим, что-то делаем, не подозревая того, что кто-то дует на нас, как на эти деревья».

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Лучше всего это видно из окна, где сам не чувствуешь ветра.

Елка, начиная с половины, подняла уже все сучья свои вверх, а другая половина опускала сучья свои все шатром вниз. И когда приходил ветер и ветви, раскачиваясь сверху вниз, шептали по-своему что-то друг другу, то нижние ветви не могли ничего им ответить.

Черные тени

Конечно, в жаркий солнечный день даже и елки каким-то скрытым своим лицом радостно обращаются к человеку, и он, среди черных теней встречая яркими пятнами солнечные затишья, мечтает о какой-то своей чудесной жар-птице даже и в ельнике.

Но и в такие солнечные дни эти елки сохраняют свое непокорное наивному счастью лиственных деревьев достоинство.

Шум вечности

Сосны стояли у вечности, и поднимались туда, и там у неба шумели. А маленькие елки, каждая обнимая сосну, слушали.

Спайка поколений

В лесу, как в семье, происходит спайка поколений.

В лесу нас радует не самый лес, его матерые высокие стволы, а больше подлесок, молодежь, кусты, трава-подстил, кочки, грибы, ягоды. Нас радует лес как огромная семья в составе нескольких поколений, а никак не одни старики. Но посмотрите на любой лес возле города...

Бывает, возле города, куда ходят за топливом, так обчистят все, что остаются только большие деревья – и нет тоскливей тогда этого опустошенного леса, похожего на сборище холостых стариков, как в домах инвалидов.

Еловый лес

Какая строгость в еловом лесу! С тех пор как густой щетинкой начали маленькие елочки между собою борьбу за свет, сколько их погибло в этой борьбе, как изредилась эта буйная, щетина. Но по-прежнему все-таки не могло протиснуться между ними новое живое существо из растений. Сколько хвоинок свалилось вниз, чтобы прикрыть землю, сохранить под ней влагу, не дать вырасти ни одной лишней травинке.

Суровая строгость в еловом лесу. От колючих отмерших сучьев внутри леса почти невозможно ходить, и снаружи на опушках ели стерегущие, как монахи, спускают одежду свою темную до самой земли. Сомкнувшись настороже, не дали бы они проникнуть внутрь леса легкому крылатому семечку березы или осины, и те, которым удалось бы сверху проникнуть, погибли бы все на сухой хвойной подстилке. Никому бы не дали елки подняться к свету между собой.

Долго бы стоять такому мрачному лесу в таежном безлюдье, пока бы молния не ударила и не зажгла бы. Пожаром, огнем обыкновенно кончается лес в таежном безлюдье.

Но к этому нашему лесу пришел человек, пошалил топориком, осветил мрачный лес, и, пока собрались старые елки, светолюбивые деревья, березы и осины забросали все поляны сплошь своими легкими крылатыми семенами.

Тогда все, что копилось в земле под толстым слоем

хвойной подстилки, открылось, и буйные светолюбивые травы пробились сквозь хвою, появилась ароматная ягода-земляника, белые грибы под березами. Каждая травинка, каждый грибок, каждый, цветок и молодое лиственное деревце своим появлением, и цветением, и ростом стали рассказывать дивные вещи о тайнах, заключенных в семени. В лесу началось возрождение – дело рук человека.

Человек и природа

За лесными материалами не стоит очень гоняться, а то неминуемо в них зароешься, и пойдет писание на многие годы. Надо, однако, помнить, что лицо природы только тогда покажется в поэме, если согласишься с ней показ души человека.

Времена года

Многие любят природу, но немногие ее принимают к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удается так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу.

Январь

Весенняя дорога

Вчера был солнечный день. Весна света началась на дороге. Солнечный луч грел, грел дорогу, прошел автомобиль, и колея заблестела. Еще нога скрипела на снегу, еще палочка визжала на ходу, но земля на колее залысилась, и тут нога, обутая в валенок, поскользнулась.

Так на дороге началась весна света.

Зонтики

Машины мешали мне на шоссе. Я перелез через канаву и пошел к лесу по снегу. Между полем и лесом был пустырь с болотными кочками и кустарником. В кочках стояли высокие серые сухие зонтики. В каждом зонтике непременно лежал внутри розетка белый комочек снега. На одном комочке сидел великолепный цветистый щегол, и так он устроился, что с комочка ему было как раз, чтобы сверху выключить семечко из розетки: клюнет одно, а десять слетят вниз, темненькие, на белый снег.

Щегол об упавших листиках не тужит: когда розетка опустеет – их много, – перелетит на другую, а что внизу насыпано, то не пропадет, синичкам достанется, а что снегом засыплет, тоже не пропадет: вешние воды унесут семечки в другое место, не все же и зонтикам на одном месте сидеть.

Февраль

Последние морозы

Бывает оттепель перед последними сретенскими морозами, птицы ее принимают за начало весны: рябчики пересвистываются и начинают предвесенние поиски пары.

Тетерев токует во весь дух и так, что человек, услышав это, тоже вовлекается в обман, и если еще молод и есть время – бог знает что бормочет.

Снег на ветвях

Невидимые звезды снега теперь спустились сверху, возле нас в воздухе блестят спокойным дождем искр, и остаются на сучках деревьев, и от этого дерево сверкает все от верху до низу каждой веточкой, каждой зимней нераскрытой почкой.

В городе

Сегодня солнечный день и с морозом. Когда солнце зайдет за тучу, мороз пишет на стекле веточки тропических растений и водоросли теплых морей. Когда же солнце опять появляется, мороз бросает мечту свою невозможную о тропиках, плачет и разбегается по стеклу каплями.

Эта игра солнца с морозом окончилась, когда все облака сбежали с неба и солнечные лучи не только высушили на стекле все капли, но даже и нагрели стекло. Морозу не за что было взяться на стекле и когда солнце село и стало темно.

Тогда пришел к нам гость и, поглядев в чистое стекло, с шестого этажа на серые коробки домов, сказал:

– Какой вид!

Дворец моей юности

Сегодня иду с утра лечиться утренним морозом.

С восьми утра солнце еще не выше домов, и лучи на Ордынке летят низко, образуя солнечную крышу над всеми домами. И от этого внизу, под солнечной крышей, оседает голубой сумрак, и в нем слышно, как надувается весенняя ворона и чирикает затаенный в стене вестник весны света – воробей.

А дома в голубом сумраке перспективой удаляются, все голубея и голубея. И еще дальше там, где-то в большой глубине, впереди голубея, висит дворец моей юности. Я тогда, глупый и недостойный, не мог войти в него, а теперь я иду к

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru нему, и он все приближается, и сердце сжимается от радостной надежды, что, может быть, теперь там узнают, какой я стал.

Там не глядят на седые волосы, напротив, в заслугу поставят и больше не выгонят.

Март

Весна

Замечаю, что весна в душах людей современных стала раньше наступать, чем в далекие времена, когда жизнь была спокойнее.

Тогда в феврале никто в городе не говорил о весне, а теперь со всех сторон слышишь: весна!

Большое время

Опять, как вчера, лучезарное утро с легким морозцем. Теперь уже все говорят, и стало уже общим местом, что климат меняется, хотя всего тому назад девять лет был зимний мороз в 40°.

Все происходит оттого, что климат лежит в большом времени, а люди в маленьком, а когда маленькие судят большое, то они судят его по себе.

Сверкающие дни

День за днем такие сверкают, что и во сне не приснится. Запрыгали девочки на веревочке. Свет в Москве обнимает человека и несет. Дома сверкают на свету и радуются тени: свет и тени – все хорошо!

Весна звука

Мороз с утра небольшой, а днем солнце в Москве – наделало луж, и к вечеру, когда чуть подмерзло, запахло во всей силе первой весной.

В это время в деревне глухие начинают лучше слышать, как это было и с нами: мы все немного гложнем зимой.

И вдруг услышишь по-иному голоса вдаль или шелест падающих капель вблизи, и чье-то слово, как будто кто-то меня позвал.

Я это только недавно открыл и назвал весной звука.

А вчера была оттепель. Вечером возвращался домой под дождем, угадывая, где ступить, как бы не обдала машина, но на душе было хорошо: ведь не одна эта весна, а все весны шли за мной по улице, и я не впервые понимал пробуждение звука.

Мартовское солнце

Как и вчера, к полудню, наверно, солнце выбьется. В Москве так чисто на главных улицах, так светло, и так опять хочется жить, и так чувствуешь себя поумневшим и душевно похорошевшим.

Раньше в этом мартовском солнце видел цветы на кофточках, а теперь вижу цветы в глазах у людей: при этом свете у многих зацвели глаза и голубые, и синие, и темно-зеленые, и мне кажется, где-то мелькнули глаза лиловые.

Капнуло с крыши

Сверху на Кузнецком мосту что-то капнуло мне на кончик носа. Я подумал – это золотая капель с крыши. Но вдруг оттуда чирикнул воробей, и это был первый воробей весны света в этом году. И я понял: это не золотая капель – это он мне капнул на нос.

Но я так радуюсь весне света в городе, что не придал никакого значения тому, что первый певец весны света в отношении меня был так невнимателен.

Чувство природы

Вот река... вы подошли. И тут бывает по-разному: то захочется рыбу поудить, то искупаться, и мало ли чего! – погулять по берегу, покататься, даже задуматься; что-нибудь вспомнишь, по-иному что-то в твоей жизни переставится: все о себе, все для себя!

Но вот когда застанет весна в Москве, увидишь текущие со двора реки грязи и

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru вспомнишь настоящую реку, представишь себя на воле, тогда собираешь в душе – воспоминания, и все для реки, и ничего для себя.

Так вот и все наше чувство природы возникает в городе.

Любовь к природе с тягой бродяжничества зарождается в городе (туда, туда!) в человеческой тесноте.

Из города тянет в одиночество, из пустыни – к людям.

Не забыть

Вечер. Солнце должно опуститься в тучку, но до тучки ему еще далеко. По ту сторону и по эту на реке блестят две реки – это забереги. С нашего берега по берегу лежат кладочки. По ним люди переходят на лед, по уцелевшей тропке направляются к другой стороне и там по вторым кладочкам осторожно перебираются на берег. На той стороне, против юга, темного много больше, чем белого. Наш берег, северный склон, завален частым, нетронутым и глубоким снегом.

Белизна, чистота, свежесть, цветистость нежная так прекрасны, что чувствуешь в себе недостаток восторга, несоответствующую слабость своей благодарности.

Но вот солнце близко подходит к нижней тучке, скоро все переменится, надо спешить схватить себе этот вечер на память так, чтобы потом уже никогда его не забыть.

Девушка с ведрами

Слышно – наверху хрустит лед и снег под чьей-то ногой. Сверху, откуда черной змейкой бежит рассекающий надвое белые снега ручей, спускается девушка с ведрами. Против солнца виден только ее черный гибкий силуэт. Так она спускается вниз, оставляет два ведра на берегу, а с третьим, балансируя, ловко идет по жердочке и опускает ведро в золотую полынью.

Так она одно за одним наполняет, танцую по жердочке, все три ведра. После того она привязывает два ведра на коромысло, и с усилием поднимает на плечо, а третье, осторожно наклонившись, берет в руку. Берег крутой, ей высоко подниматься, и она поднимается.

Игра на жердочке с ведрами кончилась. Девушка согнулась вперед, и чувствуешь, что все у нее теперь в спине, вся сила, вся жизнь ее теперь на хребте, и так далеко-далеко ей, так высоко-высоко ей. Бывает, молодая лошадка в нерешительности остановится под горой с возом, а когда стегнут ее, вдруг вся собирается как-то в спину, схватится и потянет вверх, и долго ей тянуть, и трудно, и так высоко-высоко...

А мне было так хорошо стоять над рекой на проталинке и стоял бы, стоял, но солнце вошло в тучку, и воздух стал стынуть и снег леденеть.

Апрель

Прозрачный лед

Хорошо смотреть на тот прозрачный лед, где мороз не наделал цветов и не закрыл ими воду, – видно, как ручей под этим тончайшим льдом гонит огромное стадо пузырей, и выгоняет их из-под льда на открытую воду, и мчит их с большой быстротой, как будто они где-то ему очень нужны и надо успеть их всех согнать в одно место.

Чувство земли

Не первый увиденный грач весной самое главное, не скворец, а главное – это чтобы нога твоя встретилась с землей: вот как только ступил своей ногой на то место, где показалась земля, – сразу и почувствуешь все, и все вёсны, какие были у тебя раньше, соединятся, и ты обрадуешься.

В лесу без перемен

Дни не обрываются, день за днем глядятся, как в зеркало. Нет лучше, нет чище и краше этих дней, но весна и душа требуют движения.

Движение пока только – в поле, в «сорочьем царстве» становится все больше черного пера, но в лесу все без перемен.

Серые дни

Село в тучку и теперь утром светит солнце невидимкой. Может быть, оно и покажется еще, но завтра скорее всего начнутся серые, сейчас необходимые дни.

После обеда с востока валила огромная, черная, казалось, дождевая туча. Но когда приблизилась, вдруг стала вся белая, и повалил снег и валил до вечера.

Весна воды

Не хочется забыть вчерашний дивный день. Накануне произошел переворот половодья, после обеда все закипело. А утром все было насыщено парами, и сквозь этот наш земной пар сверху солнце намеком радовало и утверждало в трепетной перелетной душе нашей радость.

Краем ручья я перебрался на свою любимую опушку и тут заметил сразу, что муравьи выползли наверх. Правда, не во всех муравейниках было одинаково: такие были муравейники, где уже все муравьи лежали на рыжем черной сплошной лепешкой, на других только начинали выбираться черными пятнышками, на третьих были еще кое-где отдельные разведчики.

Пашни вытаивают, не пройти бы полем, но, к счастью, на тропе держится лед-черепок, хрустит, и нога не проваливается.

Лед идет

Не забыть бы вечер, проведенный мной у реки. Знаете ли то молчанье, когда спор между льдинами закончен и все на реке делается как надо? Лед идет, и нас об этом – идти ему или не идти – не спрашивает. В молчании великом только время от времени слышится короткий шепот с осторожной поправкой, наверно, старшей льдины какой-нибудь: «Куда преш-ш-шь?» – и все шепотом, и все это как раз и усиливает молчание, чувствуешь, что молчат не по-мертвому, а живые собрались все в одном намерении приплыть, не растаявши, в море. Перед закатом из тяжелого синего явилось красное пятно, предшествующее появлению солнца. На этом красном на холмике резко представилась тесная группа черных деревьев и поехала по красному влево. Ехала-ехала, и деревья стояли гордо, как в метро люди гордо стоят, а сами едут на эскалаторе. Ехали-ехали по красному и сошли на синий фон. А по красному поехали редкие деревья обыкновенного леса.

Подумал о том, что ведь это так плывет земля и что я тоже еду на ней, лечу – как блоха на журавле. Какой там... блоха! – не блоха, а какая-нибудь инфузория, видимая в тысячекратном увеличении.

На красном наконец-то «село» солнце, еще более красное, но не ослепляющее, и можно было продолжать провожать деревья, утверждающие наперекор всему существующему властную и решительную мысль в инфузории.

«И опять ты преш-ш-шь!» – шептались смиренно льдины.

– Не дамся, не дамся я вам, – шептал я проходящим по солнцу деревьям, – проходите, проходите, а я вот буду смотреть на вас, стоять и считать.

И вспомнил о первой группе гордо стоящих на холме, как в метро, деревьев, что они за это время на большой-большой кусок пронесли, такой большой, что стало понятно, с какой же огромной скоростью неслась земля и сколько она пронеслась, пока я раздумывал о мыслящей инфузории.

«Потише, потише!» – шептали мне льдины.

И я им отвечал:

– Не дамся, не дамся!

А солнце между тем село, и путешествующие деревья остановились.

Однако солнечные лучи из-под тяжелого синего выбились на свободу чистого неба, и над головой моей – горящий золотым и красным цветом раскинулся венец. Над моей головой!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Потише, потише! Все на-ше, на-ше и на-ше», – шептали мне смиренно льдины.

Солнце согрело

Снег согнул осинку до самой земли, зайчики за зиму всю ее обглодали. Так она теперь весной уже и не встала.

Сегодня ветер северный не прилетел, и оттого солнце – много больше согрело нас. Запели дрозды. Бабочки воскресли. Раз дрозд запел, надо бы и вальдшнепам быть, – но движения сока в березе еще нет.

«Они все тут, – сказал бы дедок, – да еще не сказываются».

Мы вчера с Кадо роскошно ходили в лесок, и путь был, как в озерном краю, от озера в озеро, из проталины в проталину.

Бабочка

Ранним утром на земле еще оставался холстами мороз, но, когда солнце разогрело землю, мороз обдался росой.

Под горячим лучом пробудилась жизнь в одной бабочке. Серая, цветом в осиновый ствол, бабочка небольшим треугольником лежала на траве и билась червяком, а крылья не слушались. Я взял ее на ладонь и рассмотрел: у бабочки голова была вроде как у совы с двумя длинными оранжевыми усиками – ночная бабочка. Она лежала на ладони, как мертвая, но, когда я подбросил ее, полетела, да еще как!

Сколько у нас тоже, у людей, есть таких спящих, а толкнешь – откуда что возьмется! –

Неодетые стволы

Золотое утро было сегодня, и легкий морозец в полной тишине давал только хорошее: легкость движения и независимость мысли. Боже мой! как меня встретили липы на месте тяги!

По-своему они мне что-то сказали, и я знал что, но слов не находил. В них был уже сок, как и в березах, – но листьев не было: стояли черные неодетые стволы, и они-то и говорили, что им надо все выше и выше...

Вон тем, дальше в лесу – все гуще, а им – все выше. Это они только и хотели сказать.

Грачи

По утрам множество грачей разгуливает по моему участку над рекой и даже к самому дому подходят, неустанно кланяясь на тонких своих ножках в густых и широких штанах.

Разгуливая в толпе, один такой щеголь, отливающий на черном цветами радуги, нечаянно встретился со своей щеголихой и сделал ей по-своему реверанс кругом, царапая землю кончиком опущенного крыла.

После половодья

Солнечно и холодно, ветер. Я утром до завтрака проходил в лесу. Еще много снегу, и даже ходить тяжело. Но большая поляна, где тянут вальдшнепы, вся очищена от снега, и даже дубовые листья просохли, и ветер играет листьями.

На поляне этой могучие дубы. Дятлы напали на елку и раздолбили ее внизу со всех сторон. Северные опушки лесные – белые, южные – в голубой воде, поле чистое и мажется, а березы мокнут, капает березовый сок.

На реке за одни сутки от всей цепочки льдин остались небольшие грязные бугры, ударить по ним ногой – и разбиваются на длинные кристаллы.

Кроты работают. Но трава даже на опушках под лужами еще не зеленеет. И нога на земле чувствует лед.

Апрельский день

Если по человеку судить, то этот весенний апрельский день похож на тот человеческий день, когда она говорит свое «да». В природе тоже так: «да»! – и после того она снова начинает зеленеть.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

День такой в природе, как бывает у человека: полный огромных сил, способный землю перевернуть, если бы можно было за что-нибудь ухватиться.

Робкий трепещущий мальчик что-то спросил. Она ничего не ответила, а только низко склонила голову. Он еще раз и еще трепетнее спросил, и она еще ниже склонила голову. И когда наконец он, преодолевая себя, положил ей руки на плечи, склонился сам к ней и что-то шепнул в третий раз, она подняла пылающее лицо и бросилась ему на шею.

Вот в этот миг апрельский стало уже зеленеть, и такой у нас сегодня был день: кому-то она бросилась на шею, и это было ее «да». Сегодня вся природа нам ответила «да!» – и все стало кругом везде зеленеть.

Не удивительно, что я так лично, как бы сквозь себя понимаю природу: я так пережил, так было со мной самим. Мне только удивительно, что если я об этом скажу, то меня поймут и те, с кем этого не было.

И вот, оказывается, не во мне именно тут дело, а что на этом чем-то весь мир стоит и движется, и весь человек, как единое существо, торжествует, и я могу свидетельствовать об этом, как удивленный и обрадованный участник апрельского дня и невесты его – разубранной цветами в неодетом лесу ранней ивы.

Воспарение земли

На том южном берегу реки чуть-чуть заметно позеленело, и эта зелень даже отразилась немного у края голубой реки.

Пар от земли наполняет воздух здоровым румянцем, и оттого хвойный зеленый лес за рекой стал голубым. Этот знаменательный пар в народе, с малолетства слышу, называется воспарением земли.

Какое чудесное слово, отвечающее и восхищению, и возрождению, и воскресению, и восклицанию, и всякому весеннему восторгу и радости. Но почему это народное слово как-то еще не имеет законного входа в литературу? Разве начать с того в этом году нашу человеческую весну, что, вместе с целым великим строем утвержденных слов русского языка о весенней радости, утвердим, узаконим и это наше воспарение земли?

С утра этот теплый пар, как парное молоко, каплями возвращался, такой теплый, такой редкий, что одна капля упадет на тебя и не дождетс другой: пока другая придет, она воспаряется. И час, и два, и три проходи в одной рубашке – и домой вернешься сухой.

Заработал трактор, и я легко нашел его в тускло-желтых полосах за рекой. Грачи слетелись к трактору совершенно так же, как в былые времена слетались к сохе. Только прежде они не торопились и шли, важно переваливаясь, вслед за сохой. Мне кажется даже, что в прежнее время к пахарю они были даже чуть-чуть снисходительны. Теперь трактор скоро идет, и червей из-под него много больше, чем было из-под сохи. Надо грачам очень, очень спешить, чтобы черви не спрятались: грачи за трактором нейдут, а подлетывают.

Важность свою грачи потеряли, зато пахарь теперь не плетется в борозде, не ругается поминутно на лошадь, а сидит и, может быть, даже поет.

Встреча солнца с землей

Сегодня день разгорелся и дошло до +20. Это первый день, когда земля с солнцем встретились без помехи.

К вечеру стало захмыливать. Солнце опустилось в теплую тучу. Встретил на тяге первого шмеля, и такая была тишина, что гудело на всю вырубку. Стали вылезать первые анемоны, фиолетовые цветочки. Наклюнулись почки черемухи, сирени. Лужи стали прорастать сильной зеленой и дружной травой. Обочины позеленели, и зеленя стали яркими. Ночью пошел теплый росяной дождик и моросил до утра.

После обеда нахмурилось, обложилось кругом. Дождь обмывает почки.

Хозяин времени

Река в своих берегах. В лесу чуть зеленеют дорожки, везде, как глазки в полумраке вечера, глядят лужицы. В логу клочок снега, как зайчик, сидит: это мое сердце бьется, а мне кажется, будто зайчик водит ушами. Все глядят на меня упорно, и я всех чувствую, и, мало того! повеет чем-то знакомым, и уже спешешь сказать себе: «Скорей понимай! А то другой раз того уже не будет».

И оттого каждый зеленоватый ствол осины мне пахнет сильно листвой под ногами. То же и белый зайчик мне говорит: «Гляди, замечая, а то скоро растаю, и больше зайчиков белых ты не увидишь: останутся в лесу одни только серые».

О том же самом поет мне и дрозд на неодетом дереве, в том смысле поет, что ведь это вечность проходит, а мне, человеку живому, надо успеть этой весной от нее захватить побольше себе и с таким богатством в руках выйти к добрым людям хозяином своего времени.

Вот какая великая мысль охватила меня, что время проходит, а я на перекрестке двух просек у лесного столба стою, как хозяин времени, и выбираю из него самое главное, и это остается со мной навсегда...

Но вот послышался знакомый звук от летящего на меня вальдшнепа. Я вскинул ружье, и все лужицы закрыли глаза, все зайчики ускакали, дрозд замолчал, все сундуки с моими загадками и богатствами захлопнулись... Не все же и вправду думать и думать!

Так, наверно, и каждый в творчестве, достигая совершенства, прощается со всеми ступеньками своего достижения – и, достигая, в последнем движении отшвыривает от себя всю длинную лестницу мучительного приближения к счастью.

Возвращенье с охоты

Когда я возвращался с тяги и переходил поле между двумя лесами, молодой царил на небе, и под ним на все пространство между лесами темная черта из облака делила небо надвое, повыше, где молодой, и до самого низу, где на рыхлой земле не видимые никому шли мы с моей собачкой.

Рыхлая, талая земля продолжалась в моем теле, и мне было так, что я сам для себя ничего не хочу, ничего не могу, дай бог только ноги передвигать, а если бы кому захотелось взять меня и со мной что-то делать – то я был бы и рад, как радуется теперь весеннему теплу и пару земля.

Первые цветы

Когда и где они бывают – первые цветы, – это не важно, а то самое главное, как я их увидел и какими застал своим первым глазом в эту весну. Вчера начались те желтые цветочки, солнцеподобные, с густыми пучками лучей и на мохнатых толстых ножках. Сегодня высыпали лиловые соцветья маленьких зевов.

После обеда пошел окладной мелкий, теплый дождь, от которого завтра все оживет.

Все зацвело

Цветущий орех и ольха уступили свое первое место в пейзаже ранней иве. Цветут анемоны, волчье лыко, фиалка.

На лесной дорожке сидела в задумчивости лягушка. Черемуха и сирень явно распускаются.

Лужайки, дорожки, пойма зеленеют, все, чему быть вспаханному, почернело, а там, где клевер зеленеющий стал показываться из прошлогоднего серого, жнивья, стало похоже на поле ржи, когда она, еще неспелая, начинает выглядывать в прозелени.

Черемуха

Почему это у черемухи почки выходят острыми пиками? Мне кажется, черемуха зимой спала и во сне, вспоминая, как ломали ее, твердила про себя: «Не забыть, как ломали меня люди прошлой весной, не простить!»

Теперь весной даже птичка какая-то по-своему все твердит, все напоминает ей: «Не забыть. Не простить!»

Вот почему, может, быть, просыпаясь от зимней спячки, черемуха взялась за дело и

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru вострила и вострила миллионы злых пик на людей. После вчерашнего дождика пики позеленели.

«Пики-пики!» – предупреждала людей милая птичка.

Но пики белые, зеленея, мало-помалу становились больше и больше тупыми. Дальше мы уже знаем по прошлому, как у черемухи из пик выйдут бутончики, из бутончиков ароматные цветы.

Ранняя птичка сядет на яйца, замолчит.

Потом прилетит соловей, запоет. Вот из-за этого-то молодчика, наверно, черемуха забудет свое обещанье: «Не забыть, не простить». И за мягкое сердце опять ее будут ломать.

Утренник

Утро встало со всех сторон светлое, и дымки поднялись бодро, кверху, а с той стороны подоконника из-за окна выглянула в мою комнату маленькая головка трясогузки, и скворцы поют на обломке липы, поползни, как мыши, бегают по стволам.

Это всех их оживляет самый легонький мороз-утренник.

Березы

Бывало, мальчишкой до того ждешь весну, до того не терпится, что все портишь и портишь березки: порежешь – и сухо.

А когда время приходит движению сока, то и так, без порезу, все ясно: если зашумела старая листва под ногой, если покраснелись веточки разные, если вербы развернулись, если заговорили деревья разных пород ароматом своей коры, то, значит, есть в березах движение сока, и нечего портить березу.

Но дело сделано, всюду теперь плачут порезанные березы.

Смущенное солнце

У солнца есть на каждый раз разное выражение. Пусть небо и безоблачное, а солнце смущенное, или, бывает, холодное, не красное, а желтое и разное, и свет разный.

Сегодня солнце чем-то смущено, и до того, что даже петух об этом кричит.

Зеленеет дорожка

Возле опушки южной слегка зеленеет дорожка, и кто бы ни пришел, тоже сразу заметит и скажет: «Зеленеет дорожка». Сколько рождается в этом, и как мала душа моя, чтобы вместить в себя всю радость...

Вот почему я выхожу из себя и записываю сегодня для всех: «Зеленеет дорожка, друзья мои!»

Из-под тучи

Из-под тучи вырвался ветер с солнечным светом, и полетели они в лес: свет открывает, ветер качает, лес шумит.

Почки раскрываются

Красота бывает красотой, когда она разворачивается перед людьми, как река в половодье. Но какая это красота и какое нам дело то такой красоты, если она прячется от нас.

Вчера открывались толстые почки бузины, а сегодня это не почки, а зеленая кашка в темно-красных прилистниках. Острыми шильцами зелеными наклюнулась черемуха, и шоколадные издали березовые почки, наверно, уже с зелеными хвостиками.

Смотришь вверх, и до самого верху лиственного дерева, и смотришь вниз, и до самого низу подлеска, до самой земли все почки и почки раскрываются, посидишь на пне сколько-нибудь-и видишь перемену.

Явление радости

Роскошное утро, везде блестит роса на траве. Окапывали малину, яблони, вырубали колья для малины, вычистил и привел в порядок гараж, инструменты.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Но ничего, даже весь цвет, вся радость весны не могут дать сами по себе удовлетворения, если я сам на все не отвечу записью своих образов и мыслей.

Как что-нибудь шевельнется такое во мне, так и радость является.

Дуб

С утра чуть-чуть захмылилось и ветер шалит. Боялся за май, но все обошлось, день загорелся, все кругом зазеленело, и черный дальний хвойный лес от зелени белых берез поседел.

Орех распускается. Зеленые птички величиной в шляпку обойного гвоздика во множестве, но все-таки редковато расселись по тонким веточкам и остались с распростертыми крылышками.

«Летите, летите!» – беспокоит их ветер. Но листики еще не понимают тревоги, не знают забот: как сели, так и сидят, невинные и удивленные.

В березах девишник.

Дуб не верит цветам земным и небесным, зеленеющим дорожкам, золотым сережкам ореха и всему, что называется весной. Еще весной света на белом снегу он оставлял свою голубую тень. Теперь внизу вытаяла его старая листва, и на ней лежала темная тень его корявого скелета. Да, он просто не верил весне.

И много еще совершится чудес в природе, пока зеленая трава и цветы выбьются из-под его старой листвы, и в цветах ликующей весны старик свою тень похоронит и начнет сам распускаться. Тогда в нашем климате природа труд распускания дуба берет на себя и от этого сама холодеет.

– Что-то холодно! – говорят наши друзья.

И другие им отвечают:

– Это дуб распускается!

Предмайское утро

Великолепное предмайское утро. Все зеленеет, трава, деревья, на горизонте шоколадного цвета березы с такими густыми почками, что птица сядет и скроется. Так все идет правильно: март – свет, апрель – вода, май – цвет.

Лес не одет, пахнет корой и березовым соком. Чуть дымится первая зелень на ивах, оживают зелена, обозначаются дорожки лесные. Первая кукушка сегодня и первый жук прожундел.

Первый раз услышал кукушку, но уже не загадывал, сколько мне жить, успеть только работу кончить – вот мое желание.

Возвращаясь домой, среди темных деревьев нашел полянку, где сошлись белые березы, и я их застал.

Они еще совсем не одеты, но так полны сока, что пахнут, но не запах дает знать, что живые они, а не знаю что, – ну, вот смотришь на них и чувствуешь: живые!

Утрата и радость

В этой весенней радости, когда я сидел на пне с опущенной головой, прилетела какая-то птица с белыми перьями, и в то же время души моей коснулась какая-то утрата, но так не больно, что и не вспомнилась.

Я все-таки делал усилие, чтобы определилась форма этого нелепого чувства, и в то же время все думал о птице с белыми перьями, перебирая всех известных мне птиц. Только уже дома, увидев в окно сороку, я понял, что птица с белыми перьями была сорока.

А какая утрата коснулась моей радости, я так и не узнал...

Ночью только +2. Утро царственное: ради таких утр с радостью терпел бы майские и всякие холода.

Май

Голубое окно

Не очень жаркие, дивные майские дни, зеленеют липы на улице Горького, зеленеют веточки чего-нибудь возле каждой лачуги в переулках, и каждой веточке соответствует где-нибудь подобная вспышка в душе человеческой.

Воздух насыщен теплым паром, и небо закрыто, и только на востоке сквозь двойные-тройные завесы пробилось светлое окно голубое. В нашем доме и вокруг него все, как сказано о шестом дне творения, – что творец все оглядел вокруг себя и сказал:

– Молодец я, все хорошо!

Звучные боровины

Есть в звучных боровиках такая тишина, что слышно «ку-ку», как удары, и когда, слушая это, поднимаешь голову и поглядишь на стену хвойного леса, то на темной стене от каждого «ку-ку» показывается березка в такой прозрачной одежде, что сквозь нее все видно в бору.

Раз «ку-ку» – и березка, второе «ку-ку» – вторая березка, а первая само собой остается. И тогда, считая «ку-ку» с загадом «сколько мне жить?», остановишься со счетом: считать нечего! Тут начинаешь считать волшебные березки, выступающие нежной зеленью из темного бора.

Открытие

Яркий луч попал в темный лес и открыл, что этой ночью паук с молодых верхних листиков от макушки маленькой рябины протянул к молодому дубу сверкающий путь.

Такое солнце, такие лучи пробili даже и густую темную зелень елок, и там в густоте блеснул, как зеркало, мокрый от сока пень срезанной березы.

Кукушка

Иногда попадает в лесу на пути дерево, и на нем, задрав хвост, кукушка произносит свое обыкновенное «ку-ку». Но это не настоящая наша таинственная кукушка.

Та всегда кукует где-то вдали, куда очень хочется самому, но знаешь всегда, что туда не дойти!

Через край

В старой липе с поломанной вершиной дятлы раздолбили дырочки: в верхней поселились скворцы, в средней поползень, а в нижней зарянка. Подрастают в гнездах грачи.

Сжатые пальчики сосновых побегов разжимаются и превращаются в подсвечник с тремя свечками.

Все цветет. Так все роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя – глиняный кувшин, не вмещает, и все льется через край из моего кувшина.

Фиалка

День за днем гроза, дождь, жара, блеск, разрастаются травы, появляются цветы, и уже ландыш в лесу и сирень в саду.

В бору, среди «вечной» зелени низеньких кустарников черники нашла себе место бледно-голубая фиалка.

Старая листва

Смотрю на лесную дорожку, люблюсь, как зеленая щетка, травы скрывает старую листву и заключает ее в себе, как удобрение.

И так во мне самом, в моей душе, как в сосуде, радость вином поднимается, и разливается это мое вино по всему человеку, скрывая в себе всякое зло.

За рулем

Дождик вчера метнулся, и вырвалось солнце. За рулем обратил внимание на сосновый бор: по всей опушке расставились сплошным рядом цветущие черемухи.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Мне было так, будто кто-то тронул меня за локоть и прошептал: «Погляди!»

Между черных елок стоит майская невеста – черемуха, вся в белом и ароматная. Этой красавице везде место, и она ничего не жалеет и не бережет для себя.

– Ломайте, ломайте, – говорит она, – где наша не пропадала!

Ландыш

Есть существа, способные так прямо, и верно, и открыто, и сияюще смотреть, что сами становятся похожи на солнце. Сколько есть таких светолюбивых растений с цветком-солнцем посреди.

Но бывают цветы-мечтатели, они солнце, конечно, чувствуют, но никогда не видят, и форма цветов у них, как результат отношений света и тени. Посмотрите на ландыш...

Соловей на калитке

Майские холода продолжают ночью, но при ветре с утренними лучами начинается такое торжество в природе, что таких дней, пожалуй, никогда не забыть. Один соловей до того разохотился, что сел на калитку и пробовал даже запеть.

Закат солнца

Нарочно не спряталось совсем, а остался глазок, – солнце сказало себе: «Подожду, хоть одним глазком на все погляжу, как-то живете вы без меня».

Утром

Утро рождалось опять в тумане и потом разгорелось во всем великолепии. Елки стоят обновленные, сосны поставили свечи.

Что-то тревожно вороны кричат, – не вылетели ли уж – их дураки из гнезд? Сирень цветет, и ландыш в бутонах.

Кругом все спешат, радуются, перебивают друг друга и в споре, разлетаясь, наполняют лес, как в игре в свои соседи: «всеми недовольны».

Одуванчики

Пока еще на лугах всюду желтеют во множестве цветы, но скоро в июне они превратятся в известные превосходные одуванчики, шарообразные сцепления темных семечек на белых крылышках.

Сколько тысяч и даже миллионов детей будут помогать ветру их раздувать, сколько стариков, глядя на них, будут вспоминать свое детство. А мне одуванчик напоминает, что вместе с ним появляются на болотах молодые бекасы, птичка не больше одуванчика с длинным странным носиком: И тут же начинается серьезная натаска собаки по молодым бекасам.

Июнь

Грачи

Молодые сейчас в таком положении, что могли бы вполне летать и сами кормиться, но еще опыта нет. И большие вполне грачи, только носы не белые, а черные, и сидят хорошо укрытые в глубине елки, а родители таскают им весь день пищу. Самое трудное время родителям!

Медуница и можжевельник

Сквозь можжевельник, корявый и неопрятный, проросла роскошная красавица медуница и на свету расцвела. Можно было подумать, что это сам можжевельник расцвел!

Иные прохожие так и думали, очень дивились, говорили: «Бывает же так: такой неопрятный, такой корявый, а в цветах лучше всех в это время. Бывает же так!» «Бывает, бывает!» – отвечали басами шмели на медунице. Сам можжевельник, конечно, молчал.

Безыменные цветы

А то бывает, мельчайшие белые цветочки, чашечкой в пять лепестков, так расположены в соцветье, будто – ювелир готовил гнезда, чтобы в каждое вставить бриллиант.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Но вместо бриллианта в летнее время в каждое гнездышко вставляется росинка, и в солнечных лучах она тоже переливается всеми цветами, как бриллиант.

Перед дождем

В лесу перед самым дождем бывает такая тишина, такое напряжение в ожидании первых капель дождя! Каждый листик, каждая хвоинка показываются как в своем роде единственные. Смотришь и знаешь: нет такого другого листика, нет такой другой хвоинки, и в то же время они, единственные, делают то же, что все.

Заячья капуста, мелкая травка, чтобы лучше показаться, даже на пень взобралась!

Вот и я тоже вхожу к ним, и мне кажется, все они в своем выражении, как люди, лицами своими повернулись ко мне и просят дождя.

Как будто это от меня зависит!

– А ну-ка, старик, – сказал я на пробу дождю, – будет тебе нас томить, начинай!

Или дождик послушался, или, как говорят, все так сошлось: дождик пошел.

Лесная поляна

Брошенная дорога через лесную поляну заросла дымящейся травкой, той самой, на какой мы в детстве гадали: что выйдет, если, сжав пальцы, проведешь по стебельку, – круглый венчик – курочка, или венчик с хвостом – петушок. Теперь эта трава, стебелек к стебельку, собралась на брошенной дороге, отмечая собой на цветущей поляне путь человека, и далеко курилась розовым дымком.

А лучше всего была лесная гвоздичка, не красная, не малиновая, а прекрасная, с зубчиками, с мелкими, точно поставленными белыми крапинками.

Повилика выползла на песчаную дорожку, белая и розовая, пахнет по-прежнему чем-то далеким из детства, что ни за что не вспомнишь.

Не могу представить себе, как и чем пахнут цветы тому, у кого детства не было.

Живое дерево

У нас молодые грачи облюбовали одно дерево и стали орать. Прилетели старые с червяками, и когда грачиха садилась, ветка от тяжести опускалась, а когда улетала, ветка поднималась, и грачонок качался, как в люльке.

И вся эта ель от множества невидимых птиц шевелила своими ветками, вся, как живая.

Июль

Дождь

Опять утро пришло со свежими кадками дождя. На лугах ночевал туман. Целый день в лесу то плачет сквозь слезы, то смеется. Только к вечеру был толстый грозовой дождь.

Белый гриб

Бывает так, раззаришься на большие белые, и почудится – там где-то далеко стоит великан, как пень. Вот такой огромный блестит в росе, что и не верится. Нет! Скорее напротив, слишком верится, а только боишься обмануться, и страхуешь себя, и говоришь себе:

– Да это же не гриб, это просто пень!

«Милый мой, – говорит лукавый голос, – если ты уверен, что это пень, то зачем же идти тебе в ту сторону?»

– Далеко ли идти, – отвечаешь ему. – Мне все равно туда надо.

Так идешь туда и уже смотришь по сторонам куда-нибудь на сыроежки, стараешься даже и совсем забыть. Но тут, видите ли, бывает с грибами подвох: показался гриб, а отвлекся зачем-нибудь в сторону, глянул оттуда. – и нет ничего! А бывает и так, что совсем пропадет – ищешь, ищешь, ходишь кругом, – топчешь траву, шевелишь кусты, папоротники – нет и нет.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

«Смотри, уйдет!» – шепчет лукавый голос.

– А пусть уходит, – отвечаешь лукавому. – Я за грибами, а не за пнями хожу. – И чик! ножом сыроежку розовую по белой ноге.

«Да ну же, – говорит лукавый, – не будь малодушным, решайся и кончай: гляди правде в лицо».

– Вот это так! – отвечаешь лукавому, – давно бы так говорил. – И поднимаешь глаза...

Сколько ищешь в жизни напрасно чего-то, столько ждешь, и является совсем, не то, чего желаешь. Но когда идешь в лес за грибами, то находишь именно то, чего желал, а если найдешь гриб белый, то он всегда бывает лучше того, что себе представлял, и жадными глазами впиваешься в него, стараясь выпить навсегда без него прелесть, и не выпьешь: новый гриб в следующий раз является опять таким, будто его никогда не видал.

Липы цветут

Липы цветут, и пахнет липовым медом. Между липами в луче солнца стоит в воздухе на своих крылышках та знакомая с детства золотистая мушка. Найдешь ее, пройдешь, оглянешься – стоит в воздухе на прежнем месте.

Так этот вопрос и остается без ответа, и мушка забылась. А теперь вот вспомнилась, и ответ пришел в голову такой: всем бескрылым летать хочется, а у кого есть крылья, то, наверное, в праздник, когда липы цветут, хорошо и постоять.

Музыка

Торжественный день вышел из густого тумана полным тишины и блеска орошенных туманом листьев, – летняя полнота природы.

Сегодня лучезарным, утром в темном лесу была великая тишина, я почувствовал ее, углубился в себя и когда из себя выглянул, то увидел, что в сиянии между деревьями вниз падают с веток светлые капли ночного дождя и от капель внизу дрожат крылья папоротников.

Так в тишине углубляешься и видишь все из себя, как в окошко, и совершенно свободно. А когда ветер, то всегда не сам, а кто-то мне шептывает, наговаривает, трубит, воет. И если бы не знать, что это все ветер, то так бы думал, что не я тут, а кто-то другой пришел.

Но бывает, совсем тихий ветер неслышно играет листьями и ветвями деревьев. Тогда мне кажется, что я глухой и не слышу музыки от прикосновения невидимого существа к листьям. Я смотрю в это время на колебания листьев и веток и догадываюсь о музыке. Больше! – мне представляется тогда, что и мы, как листики: трепещем, и бьемся, и рвемся глухие, без понимания исходящей от нас музыки.

Среди дубов

В лесу много дубов, но каждый дуб окружен березками и осинками.

Любо смотреть, какой независимый и самостоятельный стоит дуб. Только липа не умаляется и стоит рядом с ним женственная, как осина с березой, но независимая, ничем не уступающая дубу.

Дыханье леса

Бывает, тишина приходит в лес просто, и все смолкает, – и сам где-нибудь замрешь на пеньке. А бывает, деревья, кусты, травы, птицы как будто сговорятся друг с другом, скажут: «Будем молчать!» И все делают тишину, и сам глубоко задумаешься и по-новому смотришь на далекое старое.

Не шевельнется ни одна веточка, ни один листик не дрогнет, и только по форме крон знаешь: деревья стоят, как восковые; никто не может сделать из воска все так неправильно, а в общем чтобы выходило из этого лучше правильного.

И вот чувствуешь щекой, будто кто-то из глубины леса дохнул на тебя. Или это так показалось? Нет! Вот тоненький, в вязальную спицу, и длинный, почти до груди

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru человека, увенчанный цветущей метелкой стебелек пырея пошевелился, кивнул другому, и другой нагнулся и кивнул третьему. А дальше там папоротник на одном стебельке перешепнулся с другими, и все о том же, что чувствую я своей щекой: в полной тишине наверху лес дышит изнутри, как человек.

Душа прячется

Сплошное серое небо, как осенью, и мелкий дождь с утра моросит. Душа прячется к себе в дом и тихо радуется, что есть где укрыться от непогоды, и в тишине прийти в себя, и обождать, когда захочется выйти наружу и разбежаться во всем на полях и в лесах.

Дождь

Вчера уснули под дождь и сегодня утром опять встретились с ним и вставали под гром. Но эта гроза была не сама по себе, проходящая, а как бы только для того, чтобы небо везде сдвинулось в сплошную серую шинель.

Дождь шпарит и шпарит, а лошади и коровы пасутся и пасутся себе на лугу.

Ласточка

Паводок, почти как весной, все лавы снесены давно, и некоторые береговые кусты корзиночной ивы стали островами. На одном таком островке ласточка усадила своих питомцев, чтобы никто не мешал их кормить. И люди вокруг стояли маленькие и большие.

Маленькие тужили, что никак их не достанешь, а старшие дивились уму ласточки: нашла же место – все видят, а тронуть не могут.

Жар-птица

<...> Целый день перемены: то яркое солнце, то проливной дождь. Под вечер после дождя вырвалось яркое солнце, поднялись комарики мак толочь, а ветерок не унялся совсем, шевелил сосной, и падали яркие капли, частые, крупные, разделяя на части игру комариков.

Так и душа наша: радость жизни кипит где-то в глубине, неумная, пузырьками, комариками, поднимается, а навстречу радости частые капли чего-то неминуемого падают и опрокидывают всякие надежды на счастье, на волю.

Опять блистательное утро, но к вечеру радио обещает дождь. И пусть дождь, но утро мое. Пусть не будет даже и совсем никакого утра больше – это утро мое!

После грозы

Утро, как счастье, пришло.

После грозы и дождя все дорожки в лесу, доступные солнечным лучам, курились.

Даже в темном ельнике лучи, пробиваясь сквозь полог косыми столбами, падали внутрь леса, и там в этих столбах показывалось наряженное, как к Новому году, деревце, сверкающее огнями всех цветов.

Летающие цветы

Над цветущим картофелем всегда летают белые бабочки, как будто некоторые цветы довольно нацвелись, им захотелось полетать, и это теперь не бабочки, а тоже цветки летают над цветами картофеля.

Август

Чернобыл

Прошел Ильин день, и уже рожь кое-где в копнах, а погода все та же сумрачная с короткими дождями. Чернобыл-трава стоит уже черная, и когда искоса нечаянно увидишь – будто человек стоит и смотрит на тебя со стороны.

Схема дня

Туман сел. Из тумана зелень мокрая, сверкающая. Как туман засел в лесу и лучи его находили. Как туман лег на луга (сдался: делай что хочешь, лежу).

Описание всей росы в летний день, и конец: на осине две капли слились, одна на месте осохла и улетела.

Конец лета

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ласточки, молодые и старые, табунками кружатся над водой, и смелые из них на мгновение задерживают полет, касаются воды и на ней оставляют кружок. –

Я сел у реки и вошел в тишину..

Пришло время

Всяких цветов листья насыпаны в лесу, и между ними ждешь увидеть грибы. И сколько их всяких покажется, сколько раз ошибешься, каждый раз забывая, что, если настоящий белый гриб встретится, не ошибешься.

Пришло время, когда грибам стало тесно, и они появились везде на лесных дорожках.

Выхожу в лес

В такое-то туманное, грибное и охотничье утро выхожу в лес и жду, с чего начнется та параллельная жизнь природы, субъективная моя жизнь поэтическая или философская, – не знаю, как ее вернее назвать.

Я знаю в самой природе какое-то мое личное зернышко, и если я найду его, подгляжу, то и начнется тогда моя внутренняя жизнь в полном соответствии с природой: тогда, на что бы я ни поглядел, все природное встает в моем духе. И зерно это мое в природе, мелькнув, начав, само исчезает, и я никогда не в состоянии бываю сказать, с чего же мне все началось, и какое это зерно. И надо усилие, чтобы желанное повторилось.

Знаю, конечно, что надо прежде всего устроить свое внимание. И я начинаю.

Вот не эти ли папоротники ярко-желтые в темном лесу, такие характерные для начала осени? Не в них ли, в этом ярком свидетельстве движения жизни, содержится зерно мое? Попробовал, записал. И еще увидел: впервые за лето березки начали обсыпать золотыми монетками растущие под ними темные елочки. Так вот, по-видимому, все начинается с движения в природе, возбуждающего движение мысли.

А это что? Сосна-девочка, ростом мне только по грудь, обняла кругом елочку, как мать охватывает кругом ребенка от холода. Из-за позади дерева-матери торчит еловый пальчик верхней мутовки, да внизу из-под сосны-матери едва виднеются несколько веточек, более бледных, чем ее собственные.

Так начались открытия: начались сигналы движения жизни, пожелтелых папоротников и золотых листиков березы на елях. Эти признаки движения обратили мое внимание, и с этого все началось – с движения.

И я могу сказать сегодня: в начале всего было движение в природе, и оно вызвало в человеке внимание, и, раз вызванное в поисках материала, оно нашло себе маленькую светолюбивую сосну, обнявшую светолюбивую елку.

И так человек, разглядывая деревья, как в зеркале, узнал свою жизнь.

Большая Медведица

Ночью, вероятно, было прохладно, и окна отпотели, а звезды, если через отпотевшие стекла смотреть, – вспухли. И как раз против моего окна расположилась Большая Медведица. Не знаю, чем это объясняется, но Большую Медведицу начинаешь замечать почему-то с осени.

Осеннее

Начали слегка днем – протапливать печи. Сегодня – сквозь запотелые окна утром яркое солнце, и роса сплошная блестит не алмазными каплями, а прямо всем лопухом или всей грядкой свеклы.

На небе с утра барашки белые, кудрявые на голубом поле, и по радио обещают, что этот день пройдет без дождя. Сколько же сухих дней должно пройти, чтобы потребитель природы не ругал бы природу за дождливое лето?

Сентябрь

Последнее тепло

Тихо, и синева повисла между еще зелеными деревьями. Сквозь туман и облака

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
солнце с утра медленно пробивает себе путь.

Ночью было похолодание, и, может быть, на болотах на восходе, на невидимой
солнцу северной стороне кочки побелели.

Вечером месяц из-за деревьев пожаром поднимался. Утро солнечное, залитое росой в
густых синих тенях.

Земля и небо
То дождик, то солнце обрадует: во дню сто перемен.

Когда все одожденное вспыхнет на солнце, то и маленькая сосна, вся убранная
блестящими каплями, стоит как девочка и только не говорит: «Я – тоже большая!»

В таком большом дне с такими частыми переменами бывает какая-то минутка полного
спокойствия: кажется, вот все шел, шел на гору и теперь дошел: отдохну минутку и
буду спускаться в долину.

Так начинается осень.

Крапива
Лиловый подлесок пожелтел, и под ним уже ковер желтой листвы, и в лесу пахнет
пряниками.

Листья земляники кровавого цвета. Крапива стоит выше человеческого роста,
почернела, лист измельчал и в дырочках, старая-старая... Хотел пожалеть, тронул, а
она, такая старая, кусается по-прежнему, как молодая!

Опенки
За елками, если глянуть в глубину их между стволами, выдвинулась золотая стена
рая – эта стена озолоченных осенью лип. В большом количестве высыпали опята. И
лесник доложил, что, если всмотреться на вырубке, все пни покрыты мелкими
опятами: завтра, послезавтра будет их время.

Теплое пасмурное утро, и чуть-чуть моросит. Хорошо грибам! И мне тоже здесь, а
не в Москве.

Чудесно охотился, пережидал дождь под елкой. Капельки падали, листья дрожали и
некоторые падали.

Дрогнет листик под каплей и удержится, а другой упадет.

С утра мокро, на небе надежды на свет. День вытекает из ночи, как из темного
леса река.

Ветер
Ветер, все ветер, он дует и дует осенью, как дул весной и летом, и он даже
радуется, когда отрывает с дерева лист и с ним улетает.

Ветер не знает, что эти листья уже мертвые и не могут далеко с ним лететь.

Ветерок
Бывает, стоит трава на горе густо-зеленая, и в тенях междутравье при этом бывает
почти что черно. Случается, ветерок пробежит, погладит свежий травостой, и вся
обласканная ветром трава заблестит.

Веселая тень
На рассвете сгущался туман, и капли падали на листики березы, и листики с
каплями, тяжелея, отрывались и падали на землю.

Когда солнце взошло и туман рассеялся, капли перестали падать и утренний легкий
ветер-забавник стал играть осиновыми листиками, а от листиков на сером стволе
осины прыгали и скакали их тени.

Время от времени какой-нибудь листик отрывался и улетал, и с ним исчезала его
веселая тень.

Колокольчики

Бывает утро, или день, или вечер идет, и ты идешь вслед своей походкой шаг в шаг. Трудно сказать, как надо вести себя, чтобы сошлось. Но только если на таком согласном ходу ты будешь на что-нибудь обращать внимание, то оно становится тебе, как человек, и если – ты о нем что-нибудь напишешь, то оно будет так, будто ты о человеке писал.

Вот сейчас сижу на пне, и я вижу: лист потек и ветер понес, навалило чуть не по колено, и все-таки не могло засыпать листвой высокого голубого колокольчика, и он остался голубым цвести в конце сентября над желтой листвой.

Солнечный луч в темном лесу встретил его, ажурного на длинной солоmine, и он, не сгорая, светил.

Тишина была, и звенели где-то невидимые жуки, а казалось, будто это солнечные лучи, влетая в темный лес, в тишине так звенят.

Первый мороз

Мороз ночью, наверно, был. Утром после мороза солнце ожгло огуречные листья, они свернулись, почернели, и многие скрываемые ими зеленые огурчики открылись.

Опять звездная ночь, но утром мороза не было, а когда разогрело солнце, то лето вернулось, и только остались на памяти от мороза на огорожке черные листья огурцов, похожие на крылья летучих мышей.

Перелет

Ветер несет, аромат тлеющих листьев, но душа отчего-то при этом ветре бодрее, как будто там везде в природе готовится удобрение на будущее лето, а в своей душе поднимается озимь.

Желтые листья березы, как перелетные птички, расселись отдохнуть на аллее, и так на всех елках листья. Но тоже и птички иногда настоящие садятся: им теперь перелет.

Река

Каждый день хожу по берегу реки, и, чуть небо закрывается – какая она холодная, страшная. А когда небо засветится – как она теперь отвечает радости.

Суровые облака – и река им отвечает: лежит холодная, глядит загадочно, как кошка, когда ей ничего от человека не нужно. И ты на нее смотришь и узнаешь не по себе, а со стороны: кошка и кошка глядит!

В поле

В поле что-то лежит. Издали не видно, что именно, а волей-неволей все поглядываешь и поглядываешь в ту сторону и спрашиваешь себя: «Что это лежит?»

И как-то это не просто, бывает «подозрительно» глядишь, а что-то держишь в уме, вроде того, не человек ли это лежит убитый?

Что это? Пусть даже камень, но-раз он лежит, то уже и подозрительно: в поле как-то ничему лежать не положено.

Октябрь

Золотые рощи

День был очень тихий, в больших облаках с просветами солнца. И куда попадал луч – там открывалась чудесная картина с золотыми рощами, и земля в этом свете так вспыхивала бодро, по-своему, что если бы на картину, так никто и не поверил бы художнику.

Цвет и звук

Некоторые сорта винограда дают особое ощущение вкусового аромата. Так и то, что берется на глаз, иногда переходит на звук: я видел однажды в октябре морозным солнечным утрянником золотую березку и слышал от нее звон золотых колокольчиков.

А весной на тяге свет, и цвет, и звук постоянно заступают места друг друга.

Сила жизни

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Все разрушается, все падает, но ничто не умирает, и если даже умрет, тут же переходит в другое. Вот пенёк, сгнивая, оделся плющом зеленого моха. В пазухе старого пня, плотно одетого зеленым плющом, вырос красавец мухомор.

Среди знакомого леса теряешься, как будто все деревья и кусты скинули свою общую зеленую маску и каждое дерево стало особенным. И когда сам поднял голову, взглянул на них, они тоже на тебя поглядели, каждое по-своему.

Последние грибы

Ветер разлетелся, липа вздохнула и как будто выдохнула из себя миллион золотых листиков. Ветер еще разлетелся, рванул со всей силой – и тогда разом слетели все листья, и остались на старой липе, на черных ее ветвях, только редкие золотые монетки.

Так поиграл ветер с липой, подобрался к туче, дунул, и брызнула туча и сразу вся разошлась дождем.

Другую тучу ветер нагнал и погнал, и вот из-под этой тучи вырвались яркие лучи, и мокрые леса и поля засверкали.

Рыжие листья засыпали рыжики, ноя нашел немного и рыжиков, и подосинок, и подберезовиков.

Осенние птицы

Наступило время, когда из мокрых, холодеющих лесов синицы приближаются к домам человеческим.

В кусту шевельнулся лист желтый – от капли он шевельнулся или за кустом птичка?

Вдруг с одного цветка мальвы на другой пониже капнуло, и соединенные капли упали на тяжелый жасминовый лист, и он, желтый, свалился.

Тогда открылось, что за листом была хохлатая головка, и мы по ней узнали синичку: это был королек, и это он тогда первый шевельнул листик жасмина, а капля добила, и листик упал.

Сегодня за день было два случая: два раза большая синица через форточку влетала в наш дом.

Светильники осени

В этом сером осиннике весной, бывало, тянули вальдшнепы, а теперь желтые листья летят.

В темных лесах загорелись светильники, иной лист на темном фоне так ярко горит, что даже больно смотреть.

Липа стоит уже вся черная, но один яркий лист ее остался, висит, как фонарь, на невидимой нити и светит.

Зазимок

Сегодня хватил мороз –8. Солнце открытое на все небо, и душа отвечает вся вполне великому торжеству. А началось это в прошлую ночь: со дня на ночь и всю ночь моросил мельчайший дождь, а к утру пошел снег – первый зазимок, и подмерзшие капли обращались в дождь, а на северной стороне ветерок сдувал снег: на юге шел дождь, на севере снег. Пауки, не ожидая мороза, везде развесили паутину свою на черных мух, а полетели белые и наполнили их тяжело, как гамаки.

В лесу торжественная тишина... Кусты под высокими деревьями – ольха, жимолость, рябина, черемуха – мало ли их! – друг перед другом выставляются, кто больше сохранил на себе золотых монеток.

На горе стоит лес, по-за лесом солнце восходит. И каждое черное дерево укладывает на белую от мороза землю голубую тень.

А в белые просветы между деревьями сюда врываются пучками светлые лучи, и последние золоченые листики лещины горят в них, как и вправду золотые.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
На реке еще, даже у самого берега, нет ни стеклышка.

Клен

Елки всей своей густотой закрыли широколиственный клен, и он между ними осенью не блек, а цвел и светил... Когда же время пришло, он, как иной человек перед лицом смерти сложит руки на груди, так он сложил свои листья и стоит голый, но совершенно спокойный: больше взять с него нечего.

Образ мира

Тихо. Между деревьями синим столбом подымается прямой дым. С самого утра комарики мак толкут. Тепло, светло и так прекрасно, спокойно и умно, как не бывает весной.

А воробьи, живущие над окном под наличниками, ведут себя оживленно, по весеннему, и у одного в носу был даже пух для гнезда. Нашли же они себе место: и им хорошо, и нам не мешают!

Да, вот именно такое утро сегодня, как будто каждое существо на земле нашло свое место, и никто никому не мешает: вот истинный образ мира во всем мире.

Чувство свободы

Давно заметили, что когда ветерок, проникающий в лес, качает ветви деревьев, то в этом есть особенная глубокая прелесть. Давно ищущи средства это изобразить. Может быть, соединить это с листопадом? Буду наблюдать.

Монетки осени так промерзли или подсохли, что слышно, как в трепете друг о друга стучат.

Трепещущие листики бьются друг о друга, стараясь оторваться и улететь. Но когда оторвутся, падают, обращаясь всей массой листы в удобрение. Так листики, и много людей таких, но настоящий человек в чувстве свободы окрыляется и движется вперед и вперед.

Рябчик

Шел по лесной опушке очень тихо, нога не стучала, не чвякала, и вижу, рябчик ходит по тропе и поклевывает. Я стал удерживать туловище точно в одном положении и очень плавно, равномерно переставлять ноги. Рябчик подпустил меня совсем близко и доставил мне собою удовольствие не меньшее, чем если бы со мной было ружье.

Мало того! Я объяснил себе свою охотничью страсть былым избытком сил и нехваткой воображения. Теперь силенок у меня стало мало, но зато, боже мой! Да разве на рябчиков может быть только охота!

Ноябрь

Без ружья

В лесу опять видел близко бегущего рябчика, и это надо заметить: поздней осенью, когда лист опал и землю подморозило, рябчики очень заметны и подпускают близко. Сегодня тоже белка со мной кокетничала. А еще много видел синиц всех вместе: большие, малые, гренадеры, гаечки.

Как хорошо, что я без ружья! Мне кажется, в конце концов можно добиться в себе этой тишины, и каждая точка в лесу будет началом такой жизни, что не будешь успевать все записывать.

Синица вниз головой выбивала клювом что-то себе из балясника веранды, два воробья, живущие постоянно за наличником окошка, это заметили, прилетели, прогнали синицу, сами все осмотрели, ничего не нашли и вернулись к окну.

Лесное зеркало

В лесной луже на дороге более холодные частицы воды при остывании поднимались на поверхность, и мороз сколотил из них белую пленку и наузорила на ней какие-то нам неведомые тропические цветы.

Разве поймешь, для чего у мороза цветы? А по себе – если судить, так все понятно: мороз замечтался о далекой тропической стране, и, пока занимался узорами, теплая вода убежала под землю.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так и осталась от всей лужи тонкая, белая хрусткая пленочка с узорами тропических водорослей. <...>

Замерзает река

Вчера день прошел, как полносолнечный, и вечером встретился с полнолунием. Женщины спускались за водой и повторяли друг другу: «Речка наша замерзнет».

С утра ледяные искорки, вспыхивая, складывались в тонкие льдинки, и потекло, как в ледоход, по реке сало.

Земля и вода больше не верят обещаниям солнца, и даже в самый яркий полносолнечный день в тени и на северных склонах белые пятна снега не проходят и – подумать только! – при скольких-то градусах тепла и в ярких лучах плывут по реке, не переставая, тонкие прозрачные льдинки, образующие потом лед. Идет где-то человек в сапогах, и мерзлая сухая земля бунчит под его сапогами.

Замерзает земля!

А у мостика ледяным салом забились все пролеты, кроме одного на той стороне реки, и туда – в единственный– прет все сало.

Замерзает река!

Все останавливается

Скот выпустили на зеленя, как у нас всегда делают, если с осени зеленя сильно распустятся: бывает полезно с осени их немного подобрать. Казалось бы, скот должен был броситься на зеленя, а нет! Коровы и телята стоят неподвижно: до того им хорошо стоять и греться в последних солнечных лучах.

А по реке тоже лениво плывет сало в узком проходе между заберегами. Все останавливается перед зимой.

Пороша

Легкий мороз, с утра на вчерашнюю крупу сыплется мелкий, ко всякому рельефу внимательный снег–пороша.

Вечерело, и показалось, будто белый заяц вышел из леса и стал. Но это не заяц был, а что-то неподвижное, хотя чем больше мы глядим, тем очевиднее оно изменяется. Но это все-таки не оно двигалось, а сердце человеческое толкало тело...

Осенние зори

Заря утренняя и заря вечерняя, желтая, как спелая антоновка.

К вечеру желтое небо этих дней сильно зарумянилось, и в связи с этим стало теплеть.

Желто-румяная заря была подчеркнута глухой синей полосой, за которой и скрывалось солнце.

Земля приморожена и слегка припорошена по северным склонам. Пью спокойный чай на темнотроне.

Солнце выходит золотой птицей с красными крыльями, над ним малиновые барашки.

Лесная колокольня

Ночной снег отяжелил ветви деревьев, а теперь снег медленно расходился по веткам каплями, и они понемногу поднимались. Когда к вечеру стало холоднеть, то мороз прежде, конечно, заморозил все капли, а из-под снега на ветках они все еще выбегали, живая капля на замерзшую, и тут все сами замерзали, удлиняя сосульки. Мороз остановил тающий снег, когда все дерево успело покрыться маленькими звонкими сосульками.

Утром лесная поляна стала наполняться светом, в лучах солнца чудесными подарками засверкали елочки, и ветер-звонарь заиграл на своей лесной колокольне.

Река стала

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
К вечеру потеплело в воздухе, земля мороженная, на воде что пришло, то и осталось: камень по намерзи пустить – зазвенит, но не пробьет, и больше сало уже не бежит.

Солнце садилось не как вчера в, прозрачные, а в совершенно густые облака. Месяц поднимался красноватый, сердитый, но в воде отражался без своей географии и без всего: без бровей, без носа...

Приметы зимы

День пасмурный, а мороз не боится, и днем держится, и к вечеру еще нарастает. И вот это-то и есть самый верный признак зимы: мороз и тучи создают благоприятные условия нового снегопада, а ведь еще две-три таких пороши, как первая, и конец, все будет завалено и не растает, и все наши охоты с гончими кончатся.

До того похоже на март, что я долго искал каких-нибудь признаков в лесу, чтобы человеку, который очнулся бы после многих лет спанья, определиться в сезоне. И вот, наконец, на просеке, заваленной снегом, я увидел – с одного дерева вниз спустилась паутина, а на конце был шарик. «Не паук ли это замерз?» – подумалось о шарике. Я его разобрал, рассмотрел: это от большого тумана на той неделе собралась капельки и замерзли, а когда пошел снег, то несколько мельчайших шестигранных снежинок облепили застывшую капельку, и та обратилась в шарик.

Так вот и определился ноябрь, а не март: в марте не остается никаких следов паутинок.

Декабрь

Живые капли

Вчера здорово подсыпало снегу. И немного таяло, но большие капли вчерашние замерзли, и сегодня не холодно, но и не тает, и капли висят, как живые, блестят, и небо серое на весу – вот-вот полетит...

Я ошибся: капли на балконе – живые!

Весна теней

Солнцеворот. Композитор Н. поздравил меня с «весной света». Нет сомнения в том, что так это и надолго пойдет от меня: весна света. Сам же я начинаю подумывать о весне теней: только ведь благодаря теням остается жизнь на земле.

Свет и свет! Там не бывает времен года, солнце само по себе горит и горит, а это земля повертывается, и это движение вокруг себя порождает тени, регулирующие свет, чтобы длилась жизнь на земле.

Зеркало человека

Вся природа содержится в душе человека. Но в природе не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше и дальше – ее. Только оглянувшись назад в свое прошлое, человек в зеркале своем видит свою собственную природу.

Вопрос

Юноша пришел с вопросом о девственной природе...

– Я люблю природу, – сказал он, – но не все ее любят, и оттого девственная природа разрушается. А некоторые говорят: «И пусть, мы закуем землю в асфальт!»

– Мало ли глупостей говорят, – ответил я, – и, пусть уничтожают девственную природу. Пока человек будет чувствовать ее в глубине себя самого, как нечто «настоящее», как сокровенную реальность жизни, до тех пор сохранится девственная природа, потому что природа есть сам человек.

Девственная природа тем радость, что в ней себя ребенком чувствуешь и так по-ребячьи понимаешь, что все вокруг живет без хозяина, и сам это все получаешь даром, как родительский сад.

Имена

Человек делает машину по образу своему и подобию и части ее называет по-человечески: пальчики, спинка, головка, – шейка. Но вот перед ним не машина, а природа, где все само собой делалось и откуда вышел сам человек, – какие имена

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru давать существам природы? В приводе нет слов, кроме слов человека, вот почему человек и природу называет своими словами: есть «незабудка», есть даже «анютины глазки».

Не один человек, но вся природа и в ней всякий род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней все живое.

Двери природы

Радость до бессмертия, страдания до конца мира и оупение до бесчувствия, и все это нисходит на людей в той или другой мере, образуя характеры, создавая лица.

Послушайте ручей в лесу – там это все на стороне, послушайте себя в лесной тишине: это наше, и то, что там делается, все сходится в одно.

И когда это общее дело в себе и в природе коснется души, поглядите на что-нибудь, и все станет понятно в движении, в борьбе и жизни: птичка, шелестящая сухими листиками ранней весной, и листик, выражающий жизнь свою особенным запахом, и песня зяблика, отвечающая песне ручья. <...>

Девственная природа

<...> Оттого мы стремимся к дикой, девственной и нерукотворной природе, что утомляемся от своего дела, оттого, что хочется выйти из-за кулис своего дела и сесть в публику.

Человек делает, как и природа: создает лучшее, но посмотреть на дела свои из публики не может, как смотрит он на дела природы.

Весь вопрос сводится к тому, чтобы получить настоящий выходной день от участия в человеческом деле и забраться в этот денек в такое место, где человеческое дело соединяется с делом природы, как неразрывное целое.

Царь природы

Природа есть основное место борьбы за существование. Человек же сделал ее местом борьбы за первенство.

Тут в природе человек получил свое первенство, и вот почему его тянет в природу: там он царь. <...>

В отрывном календаре

Вычитал в отрывном календаре: «В природе милости нет, человек должен от нее требовать не милости...» (Мичурин).

В природе нет милости к человеку: нечего ждать от нее милости. Человек должен бороться с ней, и быть милостивым, и охранять природу, раз он является ее царем-победителем (Пришвин).

Начало сказки

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа. Из этого факта является у нас милость к природе. Но в природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Он умирает в борьбе с этими врагами своими, включенными в природу. Природа является местом борьбы человека за существование. Значит, природа человеку и мать и злая мачеха.

Из этого начались все наши сказки.

Голубиная книга

Попробуйте записать песню соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей – не только он один со своей песней: соловью помогает весь лес или весь сад. И даже если рукой человека посажен сад или парк, где поет соловей, все равно: человеком не все сделано, и человек не может сделать того, о чем поет сам соловей. Его можно дождаться, он прилетит, можно создать место – сад. Он прилетит, но петь он будет сам, его не заведешь (природа неподражаема).

Так я думал, слушая певчих дроздов, разыгрывающих вечернюю зарю. Они пели все вместе, потом был перерыв, и после – перерыва пели птицы поодиночке, как будто одному дрозду задавали вопрос, а другой, подумав, отвечал; как в «Голубиной

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru книге», один спрашивает: «Отчего земля, свет, отчего солнце, отчего звезды?» А другой отвечает.

Заячья капуста

С детства на зеленый росток нашего таланта, как сухие листья осени в осеннем лесу, наваливаются чужие мысли, и их мы должны усвоить, чтобы личный зеленый росток мог выше подняться. Но как трудно среди тлеющих мыслей других людей находить свою собственную.

Вот почему, наверное, когда я вхожу летом в лес, я так внимательно, так искательно смотрю вокруг себя и особенно вниз, на цветы и на травы. Нет еще ни грибов, ни ягод, и я еще сам не знаю, что ищу. Ищу и как будто где-то даже и знаю, вижу, чего я ищу, но только слов не нахожу, чтобы это назвать.

Вот я вижу сейчас, между огромными елями внизу, покрытую тесно стоящими самыми нежными травами заячью капусту.

На моих глазах солнечный луч пробивается узкой стрелой через темные ели и ложится в заячью капусту, и как только луч коснется заячьего трехлистника, все эти листики опускаются и капуста становится зонтиком.

Там, где-то высоко за елкой, движется солнце, луч переходит, и вся заячья капуста на свету обращается в заячьи зонтики.

И я счастлив, я радуюсь: я что-то видел, что-то нашел, и даже я знаю теперь, что я искал, что я нашел: я искал свою мысль и нашел, ее в участии своем в деле солнца, и леса, и земли. Я участник всего, и в этом находится и радость моя и мысль!

Новое русло

Может быть, не разумом, главное, человек отличается от животного, а стыдом: человек начал стыдиться животного размножения.

Вот с тех пор именно, как человек почувствовал стыд, русло реки природы сместилось и осталось на старице, а человек в своем движении вырыл новое русло и потек, все прибывая, а природа течет по старице, все убывая.

На свои берега человек сам переносит и устраивает по-своему все, что когда-то он взял у старой природы.

Отечество

Природа, как и жизнь, не поддается логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове природа. Никто не даст всеохватывающего определения: одному это дрова и стройматериалы, другому – цветы и пенье птиц, третьему – небо, четвертому – воздух, и так без конца. В то же время каждый из этих потребителей знает, что это не все.

Недавно это нечто большее, чем свой личный интерес, – мы почувствовали к природе во время войны, и как мы это почувствовали! Общий интерес: это родина, дом наш.

Природа явилась нам, как родина, и родина-мать обратилась в отечество.

Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самим собой и единственным, как на дереве каждый лист отличается от другого. Но в каждом листике есть нечто общее с другими, и эта общность перебегаем по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева...

Выходит, что природа есть все, но чем же отличается от нее человек?

Человек, как царь природы, есть ствол дерева. Человек задан в природе, как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство.

Природа поправит

Так много всего на лугах, на воде, на коре старого дерева, что не можешь увидеть, глядя в упор, в общем, только чувствуешь. А вот когда книжку читает человек или сам сочиняет и вдруг выгянет из себя, он может застать, захватить врасплох: вон коршун взмыл и парит над лугами, а надо мною паучки спустились и,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пользуюсь легким сквозняком, парят над письменным столом...

Надо оставить дома заботы, исполниться внутренним желанием радости, не торопясь идти, размышляя, внимать. Тогда все отвечает твоему вниманию – какой-то голубой колокольчик кивает, какая-то моховая подушка под сосной приглашает присесть, белка, заигрывая, пустит сверху, прямо в тебя еловую шишку.

Нужно смотреть в природу внимательно и мыслить по-человечески. И вот когда в мыслях заблудишься, к тебе в поправку, в помощь показываются чудесные существа и, улыбаясь, сверкая росой и красками, радуясь, возвращают тебя на верный путь.

Я этому верю, я это знаю наверное, что так бывает, и потому позволяю себе думать о всем, что только захочется, и даже о всем недозволенном.

Я мыслю, как мне только захочется, уверенный в том, что природа поправит меня и покажет, как надо мыслить всему человеку.

«Хочется» и «надо»

Природа показывается в своем волшебном виде, когда сам чем-нибудь стиснут: книгу ли читаешь трудную и голова ломится, в машине скрюченный или в постели, замученный кошмарным сном, – выглянешь из себя и страшно обрадуешься: такая там в природе волшебная жизнь! Хочется все бросить и бежать туда.

И что же? Брось все, но только помни, время твое с тобой пойдет, и чем лучше, чем волшебнее впереди там будет, тем труднее тебе будет нести свое «надо».

Для иных природа – это дрова, уголь, руда, или дача, или просто пейзаж. Для меня природа – это среда, из которой, как цветы, выросли все наши человеческие таланты.

Я думаю, каждый человек, способный войти в себя, в свою природу, может найти там свой талант, таящий в себе и назначение и поведение (свое «надо»).

И еще больше. Он может там найти оправдание своей воли, своего «хочется», отвечающее движению своего таланта, и это движение есть общее движение, всех цветущих растений: вверх к солнцу.

Борьба за первенство

Есть в природе борьба за существование, где каждый борется за свою собственную жизнь, а у человека, сверх этой общей со всей природой борьбы, есть еще борьба за первенство. У нас мало того, чтобы самому выжить, нам хочется и людям помогать.

Мы это делаем невольно, как мучится невольно женщина, рождая нового человека, и ей кажется, будто этот новый человек у нее будет лучше всего. Так и мы в борьбе за первенство, за свое представительство в лучшем, получаем власть вести за собой людей и спасать их.

Сила единства

Сила природы – множество. Сила человека – единство природы: личность. Вот это и есть те два камня, на которых стоит философия природы и человека.

В природе то, что у человека считается постыдным: борьба за существование, пол, бешеная злоба и все прочие прелести бытия – обнажены. Спрашивается: почему же мы, входя в природу, чувствуем радость?

Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это какое-то чистое и единственное человеческое чувство и мысль, соприкасаясь с природой, вспыхивает, оживляет, сам человек встает весь – происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии.

Итак, милые люди, усталые горожане и дачники, вы правы тем, что – не хотите видеть в природе ту самую борьбу, от которой так устали в городе. – Вы в природе восклицаете только, и самые наивные из вас начинают сажать деревья, цветы, парки.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Эти попытки дают картины достижений разумных существ, но это, конечно, только наивные попытки выразить то необъятное, что человек вносит в природу.

Девственный ландшафт

<...> Дети, все дети, и вы, настоящие наши физические дети, и те взрослые, пожилые, и вовсе старики, кто сохраняет в душе себя самого, как своего ребенка!

Все мы когда-то вышли на свет из темной утробы нашей матери. Все мы вышли из тьмы, и все мы движемся к свету, вместе с нами совсем рядом из темной земли поднимаются к солнцу деревья, былинки, соломинки, цветы и вместе с нами живут.

Полет жука

Если бы было все благополучно в природе, то зачем бы жуку в его брачном полете быть пронзенным колючкой? Другой прилетающий жук не придает этому значения и летит как бессмертный, но человек, проходящий по дороге, рассеянным взглядом попав на жука, вдруг остановился, задумался, осторожно и мягко его сжал двумя пальцами, снял с колючки, подбросил высоко в воздух и, когда жук полетел, улыбнулся.

Человек этот был бог и царь природы. Он вернул жуку назначение, и жук полетел опять, как бессмертный.

Мысли и слова человеческого нет в природе, но человек, обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в ее напряженном движении к слову, иногда всякая тварь займет свое место, человек радуется, понимая во всяком звуке природы свое же усилие на пути борьбы своей за слово.

Зеркало человека

Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу.

Но если из природы прийти к человеку, то он предстанет, как бог, и ничего в нем не поймешь потому, что человек давно ушел от общего пути и, оглянувшись, он видит природу в лицо, а природа видит его только в спину: он идет впереди.

Природа – это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств.

Вот как просто, кажется, бегут, догоняя друг друга по проволоке, капельки воды дождевой: одна задержалась, другая нагнала ее, обе слились в одну и вместе упали на землю. Так просто. А если задуматься о себе, что переживают люди в одиночку, пока не найдут друг друга и не сольются, и с этими мыслями станешь исследовать капли в их слиянии, и окажется – у них тоже не так просто капли сливаются.

И если посвятить себя этому изучению, то откроется, как в зеркале, жизнь человека, и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека-царя.

В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек, мало того, что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение.

Собака в зеркале видит в себе другую собаку, но не себя. Понять себя самого в зеркальном изображении скорее всего может только человек.

Вся история культуры и есть рассказ о том, что увидел человек в зеркале, и все будущее наше в том, что еще в этом зеркале он увидит.

Борьба за бессмертие

Природа старается бороться со смертью количеством своих семян: сколько-то выживет, – и так продолжается жизнь.

И когда от природы вернешься к себе, то представляется, что мы, люди, за свое

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
бессмертие боремся не количеством, а качеством, и так стараемся создавать бессмертные вещи.

Отчасти мы и достигаем: есть произведения искусства очень древние, и все-таки они нас и сейчас восхищают.

Рычаг

Природа нам развертывается, как перспектива прошлого самого человека, но когда усилием воли постараешься войти в нее, то тут же и распадаешься на свое прошлое, то есть природу, и на себя, как человека. Значит, не будущее, а настоящее – это точка опоры рычага, отрывающего человека от природы и перебрасывающего в будущее.

Чувство Родины

Как встрепенется человек, услышав где-нибудь крик родной птицы, слышанной в детстве, или песенку, или запах цветка! Как Тургеневу запахло родной коноплей на полях Германии!

Но если это верно, что родина там, где родился, то почему же, когда попадешь куда-нибудь далеко от родины, с природой совсем незнакомой, где звуки иные, и воздух совсем другой, и земля пахнет иначе, тоже весь встрепенешься в узнавании, в понимании невиданного, неслыханного. И кажется: всю жизнь шел сюда, и наконец-то пришел, и теперь начинаешь дивиться всякому пустяку, что вот у нас вороны серые, а здесь черные, что сороки у нас черные, а здесь голубые.

Поймешь, что не вся та родина, где родился и вышел на свет из темной утробы, что и то есть родина, куда пришел, и что чувство родины есть движение к свету.

Путешествие

Каждый из нас, путешествуя, непременно что-нибудь открывает для себя вдали новое. И, вернувшись домой, открывает свои глаза на знакомое и тем самым обогащает и расширяет свою родину.

В юности я поехал на Кавказ и лето прожил среди снежных гор, похожих на облака. Когда я вернулся домой, то впервые увидел у себя на родине облака. Никакого внимания раньше на них я не обращал, но после снежных гор понял облака над равниной елецкого района с ее ржаными полями, васильками и ромашками. Так снежные горы в моем растущем поэтическом сознании превратились на родине в облака, и благодаря поездке на Кавказ я в душе своей стал поэтом родных облаков.

А то еще была у меня на Кавказе встреча с ледником на Эльбрусе. Передо мной была стена голубовато-зеленого льда, из-под которой неслась с шумом и ревом вода. Наверху на леднике лежала серая толстая грязь, покрытая большими и малыми камнями. Лучи солнца падали прямо на ледник, и он понемногу обтаивал, и камни, лежащие у края, с грохотом падали в воду. Невозможно было близко стоять, и я укрылся в пещерку и долго был в ней в ожидании падения новых и новых камней.

С тех пор прошло много времени. Нынешняя сиротская зима в Москве оказалась очень богатой сосульками. Громадные, блестящие, пилами они висели с крыш и почти до балкона, то уменьшаясь, то намерзая, росли. Я увлекся жизнью сосуллек, разгадывая причину их нарастания, и вдруг открыл у себя на крыше ледник, по существу, такой же, каким он был и на Эльбрусе. Из-под снега-ледника на крыше текла вода даже тогда, когда к вечеру начинало морозить, и это капли воды замерзали, и сосулька росла и в толщину и в длину.

Так вот теперь я понимаю, что, несомненно, моя встреча с ледником на Кавказе в былые времена привела к открытию в настоящем подобного ледника у себя на крыше. Вернее, не ледник был открыт, а мои глаза открылись: я увидел у себя на крыше ледник.

И оно так есть во всем: вся природа у нас под рукой, но только, чтобы открылись глаза на нее, нужно удовлетворить свое стремление вдаль и потом вернуться домой.
<...>

Охота

Если бы можно было, сохраняя свой человеческий ум и сердце, обернуться в голубя или ястреба, я бы выбрал себе ястреба, и после того положил ум свой человеческий, и сердце, чтобы всех охотников обернуть в ястребов. Так вот

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru представьте себе, что это уже совершилось: мы, настоящие кровные охотники, представляем собою особое племя человекообразных ястребов.

Обыкновенный ястреб живет для своего гнезда – вот и все. Но человекообразный ястреб-охотник, сохраняя в себе страсть жить для себя, живет и для других, он является лучшим охранителем природы и защитником своей родины.

Спросят нас: однако что же будет с голубями, если все охотники обратятся в ястребов? Так спрашивают нас постоянно люди с добрым сердцем, но лишенные того сложного чувства природы, которым обладают в полной мере охотники.

– Не беспокойтесь, – отвечаем мы, – вспомните народное поверье, что в своем саду своих птиц ястреб не клюет. И это правда, в нашем саду мы, охотники, не убиваем и не ловим. Остается только раскрыть, что же это такое наш лее, где мы, будучи страстными охотниками, разводим живое и обогащаем повседневно наши леса, поля, реки, моря.

Для того чтобы увидеть этот наш чудесный лес, где ястребы не клюют голубей, нам стоит только назвать для примера несколько имен самых страстных охотников: в науке – Миклуха-Маклай, Пржевальский, в поэзии – Тургенев, Некрасов, Лев Толстой. И это выбраны только немногие из всех вершин нашей страны, не говоря уже о богатых долинах, где все прячутся от глаза в высокой траве.

В том-то и дело, оказывается, что ястребы, обогащенные человеческим сердцем и разумом, не разоряют, а обогащают угоды нашей родины. Вот и ответ на вопрос мягких сердцем людей, и нам остается раскрыть перед начинающими охотниками, пионерами, комсомольцами, как это могли известные и неизвестные замечательные охотники свой любимый охотничий спорт сделать средством и познания и возвеличения своей родины. Трудно это, а надо! Каждый разумный человек-охотник, если вдумается в свою жизнь, в свой опыт, может и должен ответить на этот вопрос.

Так вот и я тоже, сейчас силюсь раскрыться, чтобы моим путем шли молодые охотники. И вот замечательно, как только я выйду на свою охоту, так все мне становится ясным, понятным. Вот рассказ, как это было со мной всего только час тому назад.

Придет весна воды, и, конечно, я, как все охотники, отпраздную ее на местах, но весной света я всегда Охочусь в большом городе и не знаю ничего прекраснее такой охоты мыслила солнечным лучом, внезапно пересекающим переулок, за блестящим строем стрел, сосулук, за следами весеннего кота на крыше. И особенно чудом бывает остановиться в виду намороженной водяной колонки. Придет человек с ломом, пробьет для ведра ямку, нальет воды и удалится. А на ближайшем дереве сидит воробей, сидит и ждет. Вот человек удалится. Вода в ямке еще не замерзла. Воробей слетает в нее, купается, и брызги летят от него и радужно сверкают, а воробей торжествует. И вдруг слышу: зовут меня... Остановился в стороне, чтобы не мешать прохожим. Передо мной кирпичная стена высокого дома, как это бывает, когда один дом построили, а другой не успели к нему прислонить. В такой стене везде бывают печурки величиной в один кирпич: одни для чего-то, наверно, делают, другие и сами собой образуются, когда выпадает кирпич.

И слышу я, воробей там, в одной из таких печурок, невидимый, неустанно чирикает, как живые часы, повторяя одно и то же: «Здравствуйте, здравствуйте!» Подумалось – до чего же у охотника обострено внимание к жизни природы, что на улице в толпе людей я услышал голос певца весны света, и так услышал, что как будто кто меня позвал в свою голубую дверцу. И только-только я определил печурку, откуда исходил неустанный зов, как смотрю, уже и другой человек стоит рядом со мной, слушает и улыбается и показывает мне пальцем:

– Вот он где, шельмец!

– Ошибаетесь! – отвечаю.

Поспорив, мы согласились. И мы уже знакомы.

Мне осталось только записать, о чем щебетал воробей в Москве весной света. Он отвечал нам просто на трудный вопрос, как сделать охотничий и любой спорт средством познания и возвеличения нашей родины.

Первое – это хранить радость жизни, заключенную в чувстве охоты. Второе – надо воспитать в себе то внимание, каким я мог на улице открыть воробья. И третье – о дружбе. Не нужно заботиться, она сама собой явится, как на охоте за воробьем явился мне другой такой же охотник, когда я обрадовался зову и обратил внимание на воробья. Радостью жизни, сосредоточением внимания и дружбой питали наши великие предки живущее в нас чувство родины.

Живые часы

Наши часы на столе только тикают, и мы, бывает, совсем даже не слушаем их и даже забываем завести, а между тем вся природа не забывает свои часы, все там живет по своим солнечным часам, строго, не уклоняясь в стороны: и если мы хотим ее наблюдать, понимать, то мы тоже должны слушать ход этих солнечных живых часов.

Удивляюсь всегда на петуха, как он в темноте слышит полночь и приближение света. Но и у человека есть особенное внимание или чувство природы, благодаря которому он может, как в лесах и полях, на море, на горах, и в деревне, и в городе чувствовать движение жизни в природе по своим живым часам. Я не знаю, как назвать у человека эту способность вникать в жизнь природы. Если ее назвать вниманием, то ведь и в шахматной игре надо уметь сосредоточить внимание. Что, если назвать это внимание к живым часам природы родственным вниманием?

Держава ствола

Деревья стоят, ветер перебирает листики, и они болтают между собой, а ветви согласно кивают друг другу. И уже конечно, и ветви кивать, и листики болтать могут только потому, что крепко держит их всех вместе могучий ствол.

Не было у них никогда разладу, как у людей, когда надо и между собой поболтать и надо что-то отдать на питание древесной державе. Листики, все до единого отличные друг от друга, все согласны между собой в необходимости отдавать часть себя на державу. Так они понимают эту необходимость служить каждому всем.

Лицо природы

Все эти солнца и звезды, поверхности вод и земли подозрительны тем, что их прекрасное лицо всегда обращено к лицу человека, и, восторгаясь лицом природы, спрашиваешь себя: «Не любишь ли ты лицом самого человека, отраженным в этих водах и звездах, в огне и цветах?»

Почему так ужасны и отвратительны недра природы, к которым человек не стоит лицом, эти недра воды, где движутся холодные и с неподвижными глазами рыбы, и раки, и гады?

И так все: с лица – это наше лицо, а с черного хода зайдешь – и видишь нечеловеческое и страшное.

Тут важно, однако, не то, что в природе мы видим отраженное лицо человека, а что сам человек только в зеркале природы может увидеть свое настоящее лицо.

Человек, любующийся природой, не нарцисс, а «гадкий утенок», впервые благодаря природе понимающий в себе лебедя.

Моя астрономия

Прочитал популярную астрономию Спенсера Джонса. Книга представляет нам вселенную во всем ее бездушии – и жизнь как случайность. Автор отвечает на вопрос о том, есть ли жизнь в других мирах, сомнением: слишком для этого много должно сойтись случайностей. В особенности у него страшна одна огромная планета с ядовитой атмосферой, исключающей всякую жизнь, и покрытая огромной толщины льдом. Раздумывая об этом, в ужасе прижимаешься к образу человека с его звездами – ангельскими душами – и ясно видишь происхождение космической гармонии в душе человека («на воздушном океане хоры стройные»).

Купался и встретился первым глазом с незабудкой. Не знаю, что и думать, я ли на нее обратил внимание или она сама заставила меня обратить на себя внимание после чтения страшной книги о бездушии вселенной?

В этой незабудке, с ее желтеньким солнцем внутри и с небом голубым о пяти лепестках, я встретил живую вселенную, побеждающую существом своим

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
внутреннее-бессмыслие ее вертящихся органов.

И пусть нет звездочек на небе, как ангельских душек, зато есть на земле незабудки. Так что ангелы вполне заменимы цветами, и нечего особенно горевать об утраченных образах неба.

Чем больше астрономия открывает, на небе мертвых миров, раскаленных солнц и планет, покрытых льдом, толщиной в тысячи километров, окруженных отравленной атмосферой, тем ярче разгораются в нашей душе на нашем собственном человеческом небе глазки ангелов, глядевших в детстве оттуда на нас.

Придет время, когда мы на эти свои огоньки на нашем собственном человеческом небе будем смотреть, не пугаясь бездушного вращения и бега горячих и холодных астрономических тел.

Мало того! У нас есть надежда, что когда-нибудь мы им поможем: горячие отведем, холодные подведем к горячим, чтобы у них началась наша жизнь. Какое тогда откроется над мертвой вселенной одухотворенное человеческое небо!

Но когда еще это будет, а пока каждый из нас должен стать между своим небом и астрономическими телами и должен выбрать для себя такое место, чтобы видно было и свое небо, и то, подлежащее изменению.

Просто говоря, каждый из нас должен найти собственное полезное место в общем творчестве мира и потом держаться его.

Мир, с которым в душе мы приходим, в миллион раз прекрасней того, что мы потом узнаем о нем из книг. Разве можно чудеса звездного неба в какой-нибудь мере сравнить с тем, что открывает нам астрономия. Но знание тем хорошо, что открывает нам силу человека, не такого отдельного, как я и мои знакомые, а всего соединенного законами жизни человека.

После нашей луны, как являлась она нам среди деревьев в аромате лугов и садов, – что скажут нам открытые на ней мертвые бесчеловечные пустыни? Этот глаз соединенного знанием человека, пронзающий пространства, – и этот ум одного великого человека, переходящий по наследству к другому, нарастающий в культуре, как лавина в ужасающей силе, и просторы возможностей в будущем...

Когда же наконец педагоги начнут нашим детям рассказывать о знании, не обманывая их в открытиях чем-то лучшим, а открывая им перспективу нарастающей мощи восходящего в единстве своем человека, способного в будущем повелевать вселенной!

Творческий разум

Берег возвышается, вода снижается, но всегда берег водой бывает размыт, и всегда от этой борьбы образуется плодородие почвы, и на ней вырастают дети вечной борьбы воды с камнем: зеленые деревья, травы, цветы.

Но самое главное в этом, что люди, вникая в дело природы, почему-то находят в нем понимание дела своей собственной жизни, и всегда кажется нам, что законы и образы человеческой жизни вышли из природы и в своей правде пребывают над нами... – Реже приходит в голову человеку, что законы и образы природы и соответствующее им поведение вышли из самого человека, и он, сам глядя в природу, привлекает их туда и объявляет существующими вне человека.

Говорят, из моря вышло все на земле живущее, и море всем нам мать. Люблю море, но плавать по морю мне скучно: вечно тот же круг горизонта, обнимающий голубое.

– Да, я вышел когда-то из моря и обратно туда не хочу. Но с берега я все люблю на море – и бурю и тишину. Люблю на камне сидеть на берегу и думать, глядя на море, о жизни на земле.

Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне:

– Вы достигаете понимания природы, слияния с ней. Но как вы можете туда броситься?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Зачем бросаться, – ответил я, – бросаться можно, лишь вниз, а то, что я люблю в природе, то выше меня: я не бросаюсь, а поднимаюсь.

Все живое в природе поднимается от земли к солнцу: травы, деревья, животные – все растут. Так точно и человек, сливаясь с природой, тоже возвышается и растет.

Помирать собирайся – рожь сей

В движении сезонов горько нам бывает расставаться с весной и летом, но когда наступит слякоть осени, а потом возьмутся злые морозы, – то мы утешаемся неминуемым движением нашей планеты: прошло хорошее, но ведь и эта гадость пройдет.

К этому утешению хамим фактом движения вскоре присоединяется трепетно-радостное ожидание новой весны.

Так движется наша земля, и так вырастает наша вера в добро, преодолевающее зло, и в то, что вместе с планетой мы движемся к чему-то хорошему.

Никакой пессимист не станет против этой веры, и если в самом себе у него ее нет – на себя и вину возьмет: нет и нет у себя, а люди как жили, и так и жить будут в этом: помирать собирайся – рожь сей! <...>.

Моя ботаника

Наберут люди знаний, а силенок своих не хватает, чтобы обороть их и включить в круг своей личности, так они и торчат, как упаковочная солома из тары, а самой вещи-то и нет. Этим путем создавались учебники для школ по естествознанию.

Вечером я нашел свой пень в лесу над рекой. Этот пень еще не развалился, хотя уже сверху на нем часто засела заячья капуста, все больше и больше исчезающая под давлением моего тела. Радостно было увидеть на лугу два стога сена, вырванные нашими людьми у непогоды: говорят, здесь уже дня три не было дождя. Солнце садилось чистое, день догорал свободно.

Я думал о маленькой гвоздичке, определившейся на лугу по образу солнца, и понимал ее существо, как рассказ о солнце, исполненный выразительной силы, и через нее вернулся внутрь того круга, каким обведена природа моего тела и освоена моей личностью.

Мне казалось, что из этого круга заключенной природы можно выглянуть, как выглянула гвоздичка, и всю природу со всеми ее вселенными понять, как свою собственную, и что вот такая ботаника, такая зоология, и геология, и физика, и химия, такая «природа» должна лечь в основу воспитания наших детей.

Источник радости

Какая буря поднимается в душе, когда оглянешься вокруг в природе и почувствуешь себя в ней, как все, обреченным на всеобщую пользу стать частицей гумуса. Когда же буря проходит, начинаешь свой разбросанный хлам приводить в порядок, и эта работа над порядком делается источником радости, и мало-помалу являются силы для охоты за порядком вне себя: так строил человек из века в век свои небеса.

Восстание человека

Подвижное равновесие в природе рассчитано на здоровых, и остальные все, старые, малые, больные, предоставлены себе самим или на попечение сильным, как их «ближние». Итак, в природе, все рассчитано на подвижное равновесие жизни; как будто все деревья, сороки, кошки, слоны, люди находятся в состоянии первой возмужалости к плодоношению. Так называемое «язычество» и было такой религией природы; и смерть принималась, как необходимость замены слабевших – лучшими.

Сущность человеческого прихода в мир природы является восстанием на метод природы, или, просто сказать, возмущением смертью, как способом такого движения.

А помнишь, Михаил, ты стоял на тяге среди молодых неодетых березок над опавшими листьями? И ты думал тогда, что эти прошлогодние листья, как удобрение, переходят теперь в новую жизнь. Человек же не удовлетворяется положением удобрения. Вот даже я – писатель, – какой уж там в сравнении с Пушкиным, и то на неизмеримой высоте стою в сравнении со своим телом, как материалом для удобрения полей будущего человека.

И, конечно, надо быть полубогом, чтобы стать на такую высоту, и, знаю, что Пушкин, прочитав какой-нибудь мой рассказ для детей, будь он живой, обнял бы меня, узнавая во мне действие того же бессмертного духа, как и в себе.

Душа и тело

Человек, организуясь в веках, захватывает в состав своего тела всю природу во всем ее составе, как вселенную, и так, что части, более близкие к животным и растениям, называются телом, а части, более близкие к самому человеку или к тому, чего нет в природе остальной и присуще только ему, называются душой.

Многие силы природы, обращаясь у человека в его душу, неузнаваемо преобразуются. Так, например, ветер, способствующий перенесению пыльцы с мужского пестика на женское рыльце, называют половой страстью, в телесном определении, а в душевном – любовью.

Во свидетельство такого преобразования любви поэты с незапамятных времен говорят о любовных бурях.

Образ и закон

Люди в своих переживаниях бывают похожи на нас самих, и так мы их познаем по себе, а если не похожи, то познаем опять по себе с другой стороны, в том смысле, что я так, а ты вот этак, по-своему.

Так и природу мы постигаем по себе или как «равнодушную» и чуждую нам: мы так, а, она этак, по-своему.

Эти два рода познания, субъективное и объективное в отношении природы, представляются нам, как поэтическое или художественное и научное. На одной стороне образ, на другой закон.

Пузыри

Знакомый поток вошел в тесный лес и заговорил: в той стороне заговорил, и в другой, изогнувшись, говорил, и в третьей бубнил, и весь этот говор в лесу отдавался и соединялся.

Я нашел место, где поток падал и бубнил, сел тут на пень и дивился тому, какое множество пузырей нес поток, – и спрашивал себя, что если все целесообразно в природе, то зачем образуется рядом с таким серьезнейшим делом, как распространение потоком семян, образование рек и т. п., рождение такого множества пузырей?

Падая вместе с потоком, пузыри отходили в сторону по заводи, и тут скоплялись, они, теснились, сжимались, сбивались в огромный белый клуб пены, такой плотный, что ее можно было бы взять в руки, как хлопок.

И вот когда я вдумчиво смотрел в поток с вопросом: – «Зачем пузыри?», мысль моя, подчиняясь каким-то своим законам или беззакониям, перекинулась в мир человеческий, и в нем тоже плыли все пузыри, пузыри, и я спрашивал себя и тут то же самое: «Зачем текущий человеческий поток тоже несет на себе такое множество совершенно пустых пузырей?»

Любовь

Нет нам, людям, в природе дороже и ближе примера весной, когда слышно, как лопаются набухшие почки. Тогда мы думаем о себе: «Мы-то, люди, каждый в отдельности, разве не похожи на почку, в то время как она надувается, на эту чешуйку, заключающую в себе будущее дерево? Разве не чувствуем мы ее в себе, как тело, отделяющее нас от всего великого мира природы?»

Чувством собственного разделено наше тело от мира природы, и мы стремимся так закрепить его, всю жизнь мы тратим на то, чтобы наша почка не лопнула. Но как ни бьются люди над собой, чтобы заморить заключенную в себе жизнь, приходит весна, почки лопаются, зеленое содержимое выходит на свет, и мы же, заскорюзлые собственники заключенной природы, называемой телом, приходим в восторг и это великое чувство свободной жизни называем любовью.

Детская радость

Шел в сосновом бору свежим утром, и вдруг запахло мне чем-то чудесным, и, поймав

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru раз, и два, и три аромат, я понял, что пахло мне той самой детской лошадкой, какие возили нам в детстве в подарок от Троицы. Вскоре оказалось, что вблизи находился завод металлостов в лесу, и пахло от него каким-то эфирным маслом, применяемым в производстве.

Как бы там ни было, но аромат детской игрушки мне показался милее, чем запах бора, и что главное: первее его в моей душе пахла детская игрушка, и уж позднее я научился понимать запах бора.

Да так, наверно, и все любимое, что мы называем «природой», происходит у нас не от самой природы, а от каких-то бесчисленных древних предков, обживавших собою природу первоначальную и наделявших ее своими чувствами, как наделял я сегодня какое-то вонючее масло ароматом детской радости;

Сказочная красавица

Все вдвойне: человек и зверь, день и ночь, любовь и ненависть, растение и животное, лес и поле, рука и нога, и так все, но солнце не имеет своего антипода, и на что уж ночные светила, кажется, годятся к этому, но как подумаешь – тоже нет: солнце, месяц и звезды сходятся вместе, украшая сказочную красавицу.

Свет и тень

Подражание солнцу в природе на цветах для всех очевидное: на каждом лугу есть золотые цветы с золотым солнечным кружком в сердце венчика, с золотыми лучами вокруг во все стороны. И если цветы, если деревья поднимаются всюду на свет, то и человек с этой же биологической точки зрения особенно стремится ввысь, к свету, и, конечно, он это – самое движение свое ввысь, к свету, называет прогрессом.

Вместе с этим движением ввысь, особенно заметным у растений, существует еще движение вширь. И пусть даже растения индивидуально прикреплены к одному месту, семена их, часто снабженные крыльями, перелетают и распространяют свой вид на огромные пространства...

И если мы свой прогресс, как движение к солнцу ввысь, можем наблюдать в каждом маленьком цветочке и относить его к действию солнца, то где найти нам первопричины своего расширения? Кто нам это указывает, где и в чем первообраз нашего движения вширь?

Свет приходит от солнца, тень от земли, и жизнь, порожденная светом и тенью, проходит в вечной борьбе двух этих начал: света и тени.

Красота – это свет правды, а тень красоты – это ложь.

Солнце, вставая и уходя, приближаясь и удаляясь, определяет на земле наш порядок: наше время и наше место. И вся красота на земле, распределение света и тени, линий и красок, звука, очертаний неба и горизонта – все, все есть явления этого порядка. Но где границы солнечного порядка и человеческого?

Леса, поля, вода своими парами и вся жизнь на земле стремится к свету, но если бы не было тени, не могло бы и жизни быть на земле: на солнечном свету все бы сгорело. Мы живем благодаря теням, но тени мы не благодарим и все дурное называем теневой стороной жизни, а все лучшее: разум, добро, красоту – стороной светлой.

Мы все родимся у границ безграничного, все видим черту горизонта, все чувствуем границу своего собственного тела, за ним, как за горизонтом, чувствуем и даже видим безграничность природы с ее океанами, атмосферами и звездными вселенными.
<...>

Все стремится к свету, но если бы всем сразу свет, жизни бы не было: облака облегают тенью своей солнечный свет, так и люди прикрывают друг друга тенью своей, она от нас самих, мы ею защищаем детей своих от непосильного света.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Тепло нам или холодно – какое дело солнцу до нас, оно жарит и жарит, не считаясь с жизнью нашей нисколько. Это земля поворачивается к солнцу той и другой стороной, укрывая нас своими тенями... Тени, тени земной мы обязаны жизнью, но так устроена жизнь, что все живое тянется к свету.

Корабельная чаша, или Слово правды

Повесть-сказка

Часть первая

Васина елочка

Глава первая

Солнце светит одинаково всем, и человеку, и зверю, и дереву. Но судьба одного живого существа чаще всего решается тенью, падающей на него от другого.

Так было ранней весной, горячий луч солнца все осветил и тронул даже семенную шишку на вершине старой ели. На своем парашютике семя, кружась, медленно слетело вниз и упало на тающий снег. Вскоре снег разбежался водой и оставил на земле семечко.

Из этого семечка и родилось дерево – Васина елочка.

Да, конечно, солнце-то светит всем одинаково, а это от нас самих рождается тень. И мы, и животные, и деревья, и все на земле дает разную тень. И даже сама земля по временам тенью своей закрывает иную планету.

Так вот и семечко Васиной елки, конечно, упало в лесу под чью-то тень.

Было это – в селе Усолье, вблизи города. Переславля-Залесского, за много лет до того, как родиться самому Василию Веселкину. Даже и самого старого нашего лесника Антипыча тогда еще не было на свете. Никакой человек не был свидетелем жизни первых лет этого дерева. Родилось оно и росло само собой, и «Васиным» оно сделалось долго спустя, когда стало даже так, что не будь этого Васи на свете, так и не было бы и его елочки.

Была-жила елочка чуть ли не за сто лет до рождения Васи.

Наше семечко, подхваченное весенней водой, сплылось со множеством таких же семян и было выброшено в лесное урочище Ведерки.

В далекие времена тут был великий сосновый бор. Никто не помнит его, но так понимают его происхождение: там и тут от великого, еще более давнего прежнего леса еще оставались отдельные деревья-семенники и от старости засыхали и падали; каждое дерево, падая, разрушало возле себя много молодых новых деревьев, и оттого в сплошном тесном лесу оставалась каждый раз светлая полянка; молодые деревья, обступая полянку, тянулись вверх, догоняли кроны старых деревьев и, догнав, смыкались со всем пологом леса.

Когда деревья наверху смыкались, то лесная полянка делалась похожей на высокое ведро с зеленым доньшком.

Вот оттого-то и сделалось лесное урочище Ведерки, что из каждого последнего дерева старого бора в новом лесу вышло ведерко.

Догадка эта была верная: великаны-сосны с тех незапамятных времен кое-где сохранились и до нашего времени. Тут-то вот под тенью одного такого великого дерева на вспаханную кротами земельку были брошены семена елей, и среди них было семя Васиной елочки.

Еловой породе деревьев тень вначале бывает даже нужна. Елку губит не тень высокого материнского дерева, а малая тень своих собственных мелких собратьев.

Счастливым было семечко, что оно попало в тень великой сосны: такая первая материнская тень охраняет ростки от ожогов мороза и солнца.

Это была первая материнская тень.

Как всегда, семян было множество. Васина елочка была неотличима в ровном бобрике ростков. Иному доброму человеку по такому ельничку даже рукой погладить хочется, как по шерсти его друга-собаки. Но далека, вот как далека от человека эта жизнь

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru беспризорных существ, брошенных игрою случая или бесчеловечного закона в рыхлую, вспаханную кротами землю для беспощадной борьбы между собою за свет.

Да, конечно, солнце дает нам только свет и тепло, но откуда же среди нас берется тень?

Надо думать, солнце в тенях не виновато: свет от солнца, а тень выходит ото всех нас, живущих на земле. Да ведь и сама-то земля тоже закрывает своей тенью луну...

Это, конечно, истинная правда, что солнце для всех деревьев, и всех елок, и всех зверей, и для каждого человека светит одинаково, да мы-то вот на земле все разные, и от каждого из нас на другого падает разная тень...

Не в солнце тут дело, а в самой земле, питающей семена. Не от солнца рождается тень, а от земли и от нас самих..

Мало того, что маленькие деревья затеняли друг друга. Они и просто силой своего движенья теснили, уродовали свои мутовки: каждому хотелось раньше другого подвинуться к солнцу. Вот почему от каждого на каждого падала тень.

А тут вышла и еще беда: лосю вздумалось лечь и почесать себе спину об эти елочки.

Медленно после тяжелого лося поднимались помятые маленькие, но Васина елочка не успела за всеми подняться и осталась в тени.

Так, из-за того только, что лосю надо было почесать себе бок, ей это было, как верная смерть.

Случилось еще, гром ударил почему-то не в самое высокое дерево – в нашу великую сосну, пионера всего этого леса, а рядом с нею, в догонявшую ее издавна елку. После падения этого дерева от всего нашего елового бобрика осталась только Васина елочка и над ней другая, ее затеняющая, отнимала свет до темноты.

С тех пор прошло больше ста лет. За это время родился и вырос, и застарел старый наш лесник Антипыч. Вот это он-то и любил повторять всем, – и от него мы берем эти слова, что солнце светит всем одинаково, и свету солнечного хватило бы всем, да вот мы-то, земные жители, разные, закрываем друг другу солнечный свет.

– А из-за чего, – спрашивал часто Антипыч, – закрываем мы свет?

И, помучив собеседника, сам отвечал:

– Из-за того, что все поодиночке гонимся за своим счастьем.

Собеседник тогда пробовал заступиться за счастье:

– Без этого счастья жить нельзя ни человеку, ни зверю, даже и дереву.

– Нет! – говорил Антипыч. – Нельзя зверю и дереву, а человеку можно: у человека свое счастье и оно в правде.

И тут выкладывал все, из-за чего начинал спор свой о тени и свете.

– Не гонитесь, – говорил он, – как звери поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой!

Вот эти-то слова о правде, наверно, и слышал на печке совсем еще маленький Вася, и скорей всего от этих слов у него все и началось..

Однажды Антипыч пришел к великой сосне, и с ним был мальчик Вася Веселкин. Тут впервые Вася встретился со своей елочкой.

Радостно каждому глубоко вздохнуть чистым воздухом под пологом сомкнутых кронами деревьев. Редкий человек, обрадованный чистым воздухом, обратит внимание на деревце бледное, высотой не больше, как в рост человека с поднятой вверх рукой.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Хвоя на этом деревце тощая, бледная, сучки покрыты сплошь лишаями. Ствол – не толще руки человека, корни поверхностные.

Сильный может легко вытащить дерево и отшвырнуть, – а между тем рядом с этим лесным сиротой стоит елка, его ровесница, могучее столетнее дерево. В тени-то этой счастливцы и хилится маленькая ее ровесница, в сто лет собравшая себе высоту в рост человека с поднятой вверх рукой.

Антипыч уже поднял было топор, чтобы прикончить эту несчастную ненужную жизнь, но Вася остановил его.

– Ладно! – согласился Антипыч.

И минуточку глядел в большие серые серьезные глаза мальчика, вроде как бы даже и с удивлением. Оно и вправду было чему подивиться в лесу: во всей жизни всех лесов на свете не было такого случая, чтобы кто-нибудь, кроме человека, мог заступиться за слабого. И какой же это еще человек – Вася Веселкин, чтобы против всех лесных законов вдруг ни с того, ни с сего выставить свой человеческий!

С другой стороны, тоже, подумаешь: почему бы ему тоже не выставить этот закон, если с незапамятных времен человек начал выбирать в лесу деревья, сажать их возле дома своего, поливать, навозить, ухаживать и, мало того! уходя на войну, потом уносить в душе своей наряду со своими близкими и память о родной березке возле своего дома, сосне или елочке.

Когда Антипыч заносил топор над Васиной елочкой, наверно, это наше всеобщее человеческое чувство мелькнуло в душе мальчика и перешло на дерево.

– Ладно, – ответил Антипыч, отчасти, конечно, и понимая причуду мальчишки: «все ведь и мы, старики, мальчишками были».

У Антипыча в этот раз был не просто его очередной обход лесного участка Ведерки. В лесничестве был получен приказ найти материал для авиационной фанеры. Требовалась сосна не меньше четырех обхватов толщиной и без единого сучка на высоту пяти метров. Во всех Ведерках оставалось только одно такое дерево. Вот за этим-то деревом и пришел теперь Антипыч.

Нечего было и мерить толщину; было видно на глаз – дерево больше четырех обхватов. И какие там пять метров вверх без сучка – куда больше! И смотреть было нечего.

Но Антипыч почему-то все глядел и глядел вверх, все больше и больше откидывая назад свою голову. Вася тоже за ним глядел вверх, пока не стало ему очень трудно. Тогда оба, и старый, и малый, отступили дальше от дерева и все глядели и глядели вверх. И это было без всякого дела, без всякой надобности.

Так бывает с каждым в чистом бору: движение чистых стволов вверх, к солнцу поднимает человека, и ему хочется туда вверх, как дереву, тянуться к солнцу. Голова скоро устает от высоты, приходится возвращаться на землю. Антипыч сел, свернул себе козью ножку и сказал:

– У нас в Ведерках это будет последнее дерево. Упадет – и останется на память последнее ведро в наших Ведерках. Нового больше не будет.

– А есть еще где-нибудь на свете такое? – спросил Вася.

– Есть, – ответил Антипыч. – Мой отец бурлачил на севере, так он зимой нам, детишкам, много рассказывал. Там где-то, в каком-то государстве маленьком, вроде Коми, есть заповедная корабельная Чаша: ее там не рубят, а берегут, как святыню.

Так вот эта чаша сосновая стоит высоко на третьей горе, – и нет в ней ни одного лишнего дерева: там-нигде стяга не вырубить. Вот как часты деревья: срубишь – оно не падает, а остается стоять меж других, как живое. Каждое дерево такое, что два человека будут догонять друг друга кругом, и не увидятся. Каждое дерево прямое, и стоит высоко, как свеча. А внизу белый олений мох, сухой и чистый.

– Высоко, как свеча? – повторил Вася. – И так-таки ни одного сучка до верху?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
На этот вопрос постоянный шутник Антипыч ответил шуткой:

– Есть, – сказал он, – во всей гриве одно дерево, ив нем выпал сучок. Но и то в эту дырочку желтая птичка-зарянка натаскала хламу и свила себе там гнездо.

– Это сказка? – спросил Вася.

В глазах мальчика была такая тревога, так, видно, хотелось ему, чтобы Заповедная Чаща не была просто сказкой!

– Это сказка? – повторил он. Антипыч бросил шутить.

– Про птичку, – ответил он, – я сам выдумал, да и то – что я! в каждом бору есть дерево с пустым сучком, и в дырочке живет желтая птичка-зарянка. А Заповедную Чащу отец мой видел своими глазами: это правда истинная.

– Истинная, – повторил Вася, – а какая же еще бывает на свете правда?

– Кроме правды истинной? – спросил Антипыч.

И опять в лице его щеки начали собираться в гармонику, а ястребиный нос опускаться к усам. Но тут же и опять, заглянув Васе в глаза, Антипыч бросил шутить и сказал:

– Правда на свете одна, только истинная.

– А где она?

– В уме и сердце человека.

– И у тебя?

– Конечно.

– Скажи, Антипыч, какая она сама, эта истинная правда?

Антипыч засмеялся, нос его крючковатый направился к усам.

– Видишь, Вася, – сказал он, – правда, она такая, что ее надо каждому держать в уме, а сказать о ней трудно..

– Отчего же трудно?

– Первое, трудно оттого, что у правды нет слов: в делах она вся, не в словах. Второе, оттого, что как скажешь, то сам ни с чем и останешься.

– Ты мне одному только скажи!

– Скажу, – согласился Антипыч, – только не сейчас: вот буду помирать – ты к тому времени подрастешь, маленько поумнеешь, – ты ко мне подойди тогда – и я тебе на ушко скажу. Хорошо?

– Конечно, хорошо! – согласился Вася. – Только я знаю, что ты мне скажешь тогда.

– Неужто знаешь? – удивился Антипыч.

– А вот и знаю, хоть еще и не подрос, и не поумнел: ты скажешь так: не гонитесь поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

После Васиных слов Антипыч в изумлении остановился и, подумав, сказал:

– Ну и память у тебя, Вася!

Антипыч выплюнул свою козью ножку, поднял топор, подошел к великой сосне, зачистил на сером стволе белое местечко и на белом старательно вывел лиловым карандашом букву «А» (авиация).

Глава вторая

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Когда-то ученые лесоводы думали – есть растения светолюбивые, вроде березки или сосны, и есть, как елка, тенелюбивые.

Так это и понимали: одни растения любят свет, другие какие-то любят тьму.

Ученые люди, сами не зная того, с человеческих отношений переносили мысль свою на деревья. В то время, в 18-м веке, положение господ считалось высоким положением, и один король Франции назывался даже «Король Солнце», а положение раба было низкое, но сверху казалось, будто раб любит свое низкое положение...

Лесоводы с человеческого общества перенесли это на деревья и разделили их на светолюбивые, вроде сосны и березы, и на тенелюбивые, как елка. – Когда же человеческие отношения изменились, то спала пелена с глаз и у лесоводов: оказалось – и елка любит свет не меньше деревьев-господ, но боится на свету ожогов мороза и оттого прячется в тень.

В этом сближении людей и деревьев нет ничего особенного. Стоит только распилить ствол дерева поперек, сосчитать на срезе круги годового прироста, и часто оказывается – год благоприятный для, роста дерева был и у людей урожайным, а тощий для дерева был голодным та у людей: для солнца все одинаково, что деревья, что люди – у тех и других для солнца природа одна.

Другое выходит, когда люди переносят на природу такое, чего в ней нет: неравенство как высшее установление.

Вот почему скорее всего и Антипыч постоянно нам всем с детства говорил, что солнце светит для всех одинаково.

Спрашивали Антипыча:

– Откуда же тень?

Как мог верно ответить Антипыч, если даже в учебниках мало говорилось о происхождении тени. А раз нет в учебниках, то само собою приходилось слушать мудрость старых людей.

– Тень, – Объяснял нам Антипыч, – берется от нас самих. Каждый из нас, – говорил он, – все равно, люди, растения или звери, дорожит светом солнца и спешит: каждому, хочется перед другим скорее продвинуться к тепленькому местечку на солнышке. Вот отчего на другого от этого счастливого и падает тень: от нас самих приходит тень, а солнце всех любит ровно.

Смешные были у нас деревенские мудрецы в лесах, но и мы, школьники, были не лучше. Мы отвечали:

– А если солнце любит нас, то у него тоже должны быть любимцы: всех-то всех, а кого-то любит больше.

– Солнце всех любит ровно, – повторял Антипыч, – никого нет у него любимого, но каждый из нас думает, будто солнце любит всех ровно, и только его самого любит больше, и оттого сам лезет вперед. Вот отчего в споре за место и рождается тень.

И правда, только слепому не видно, что борьба деревьев и всяких растений в лесу бывает больше всего только за место свое к источнику света. И особенно это было заметно, когда пришли с Антипычем лесорубы к тому месту, где стояла великан-сосна.

Было это еще на нашей памяти, когда выпала из лесного полога последняя сосна, последний свидетель давно прошедших времен.

Мы слышали не раз обвалы в горах, но почему-то не так. Эти обвалы хватали за сердце, как хватает каждый раз, когда вдруг в лесу из-под руки человека валится огромное дерево.

В горах бывает гул нечеловеческий, а дерево падает – всегда понимаешь про себя: так и ты сам, человек, можешь прошуметь, потрясти все кругом и навсегда замолчать.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Много было наломано деревьев и подлеска паденьем великана, и сплошной тенью полог был продырявлен. Вот в эту дыру и бросился на лесную поляну свет прямой и великий.

Никто у нас раньше и не задумывался над тем, почему лесное урочище называлось Ведерками. А когда упала древняя сосна, то круглая поляна после нее в лесу стала очень похожа на огромное лесное ведро. И все поняли: оттого и стали Ведерки, что издавна древние сосны падали одна за другой.

Сотни лет на том месте, где стояла великая сосна, все было без перемен, но когда упала сосна, все стало быстро изменяться. Свет великий, желанный и страшный ринулся в дыру лесного полога и начал внутри леса на поляне все изменять, кому на счастье, кому на гибель.

Золотые стрелы света летели неустанно, непрерывно падали на доньшко лесного ведра, на светлюбивые травы. И мы все, у кого были на это глаза, видели, как у растений открывались глазки, подобные солнцу, с белыми, голубыми, красными и всякими лучами.

Васина елочка, столетняя и маленькая, уродливая в бледно-зеленых лишаях, открылась на весь великий солнечный свет, и по виду невозможно было понять, что такое в ней самой происходит. Елочка эта только наводила на мысль о тех людях, нам лично знакомых, кому вдруг нечаянно доставалось незаслуженное богатство, и редко кому оно шло на пользу. Глядя на елку, все думали о человеческом счастье, но никто не мог видеть, что же происходило внутри нее самой под влиянием огромного света.

Во всем лесном районе нашего края справиться о научных вопросах можно было только у нашего учителя – Фокина Ивана Ивановича, и это он-то для нас и нашел в книгах справку о том, что дерево, внезапно выставленное на яркий свет, перестраивает свои теневыносливые клеточки на световыносливые, и от этого на некоторое время слепнет.

Так и наша елочка в борьбе за новую жизнь на какое-то время скорей всего тоже ослепла...

Не всякая елка выдерживает такую борьбу, и одно время некоторые сучки в лишаях стали так отпадать, будто лишай тут же на свету и догрызает те сучки, на которых сами сидят. А еще хуже было, что некоторые другие сучки начали желтеть, и хвоя на них осыпаться.

Так и думали Антипыч с Васей, что этой затее пришел конец, и елка должна неминуемо скоро погибнуть.

Год за годом уходили, и стало забываться когда-то замеченное деревце в Ведерках, на доньшке последнего ведра. В лесных обходах, в случайных налетах за грибами, за ягодами стали проходить мимо елки, ее не замечая.

Пришло наконец время, когда Вася Веселкин дождался пионерского галстука, и вот тут-то, на радостях, вспомнил о когда-то спасенном им деревце.

– Антипыч! – сказал он. – Давай с тобой сходим, поглядим, как наша елочка: совсем ли засохла или, может быть, поправляется. Ты как, при обходах своих не замечал?

– Нет, – ответил Антипыч, – проходить-то проходил, а в глаза чего-то не казалось: скорей всего осыпалось, оттого и не кажется. А поглядеть – отчего же не поглядеть пойдём, мне как раз там сейчас надо оглобли достать.

Так и пошли: Антипыч с топором, Вася – в первый раз в пионерском галстуке.

И вот как это бывает иногда удивительно: думали, были уверены, что там на полянке теперь нет ничего, только пень великого дерева возле скелета столетней елочки в рост человека с поднятой вверх рукой. Когда же подошли, то еще издали увидели возле большого, как обеденный стол, пня, деревце, хотя, конечно, и не великое, но совсем свежее и зеленое.

– Гляди! – воскликнул удивленный Антипыч.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И когда совсем подошли близко, опять повторил с удивлением свое:

– Гляди!

И показал на сучки дерева: они все очистились от лишая бледно-зеленых, все покрылось темно-зелеными хвоинками, и каждая веточка кончалась резко светло-желтой, чуть-чуть с зеленью надставкой, веселой и сильной.

– Это новый прирост! – указал Антипыч.

– А что это? – спросил Вася.

– Это значит, – ответил Антипыч, – что дерево стало на свой путь.

– Какой же это у дерева путь?

– А как же, – ответил Антипыч, – у дерева путь прямой, самый прямой – к солнцу.

И показал кругом в ведре лесном на стволы прямые, и все как один напрямик от земли и к солнцу.

После того Антипыч показал и на сучья, что у каждого хлыста, как он называл стволы, – непременно множество сучьев, и каждый сук непременно кривой.

Чудак этот Антипыч! вот, сколько ни помнишь его, все говорил то ли шутками, то ли на что-то словами своими указывал... Тут он тоже взялся указать на то, что хлысты все прямые, а питающие их сучья все непременно кривые.

Могло даже быть и так, что Антипыч вздумал свой ум показать перед важным человеком: пионером в красном новеньком галстуке.

– Смекнул? – спросил он.

– Нет, – ответил удивленно и просто Вася, – я ничего не смекнул.

– Вот смекни, – сказал он. – Ты смекни это, что ствол у дерева есть прямой путь к солнцу, и он один путь, а сучьев великое множество, и они все разные, и все кривые. Ствол идет к солнцу, по правде, а сучки все по кривде. У вас там учат в школе, что это значит?

– Наверно, учат, – ответил Вася, – только мы до этого еще не дошли.

– То-то вот, – засмеялся Антипыч, – что не дошли, и должно быть не скоро дойдете!

– А ты, – спросил Вася, – ты-то дошел, ты это знаешь, почему у всякого дерева путь прямой, а сучки все кривые?

– Нет, – ответил Антипыч, – скорей всего до этого и я не дошел, мы же ведь и люди все, как кривые сучки, все говорим в одно слово: правда и правда, а когда доходим до дела, то ни у кого правды нет, все мы, как кривые сучки.

– Что ты, что ты, Антипыч! – воскликнул до крайности удивленный Вася. – Помнишь, ты мне давным-давно говорил, что знаешь правду истинную, и когда умирать будешь, то мне перешепнешь ее на ушко.

– Милый ты мой! – воскликнул Антипыч и засмеялся, и долго не мог остановиться: все смеялся и смеялся.

А Вася, не обижаясь, удивленно глядел на него, как мы глядим на что-нибудь такое диковинное в природе и спрашиваем себя постоянно, почему бывает то, а почему другое. Так и Вася серьезно спрашивает:

– Почему ты смеешься, Антипыч?

– Милый ты мой! – сказал наконец Антипыч, – Ведь это я тогда с тобою шутил.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
– Ты шутил? – сказал Вася. – А скажи мне теперь, для чего ты в таком деле, в таком важном деле шутил?

Антипыч вдруг сильно смутился, как будто вдруг почувствовал над собою власть этого небольшого мальчонки в пионерском галстуке.

Ничего так и не мог ответить Антипыч на вопрос мальчика, для чего он над ним так шутил.

– Шутил! – грустно повторил Вася. – А что, если я спрошу учителя нашего Ивана Ивановича, скажет он мне, что такое есть правда истинная?

Антипыч серьезно задумался и потом ответил:

– Наверяд ли даже и Фокин тебе тут ответит: для правды у человека вернее всего, что нет слов, она вся в делах, а как слово, так это говорят взамен дела, взамен правды...

– Нет! – ответил Вася решительно и серьезно. – Ты все шутишь и теперь, я тебе не верю – есть слово и для правды, говорят же все: правда истинная. Я спрошу у Ивана Ивановича!

– Конечно, спроси, – согласился Антипыч, все еще немного смущенный, – спроси, на что же вас там и учат. А что нас, лесников, спрашивать, что мы знаем? В уме-то у каждого есть правда своя, а оглянешься кругом и нет никакой правды на свете.

Глава третья

Какие разные времена, какие разные леса, какие разные в лесах деревья, и как по-разному люди их понимают. В старину говорили так: в сосновом бору богу молиться, в березовом лесу веселиться, а в еловом – трудиться.

Елочка и Васе на это указывала: Васе досталось трудиться.

Елка – дерево собранное, она сучок подбирает к сучку, мутовку к мутовке, она, вырастая, как будто и нам всем путь свой дает, как пример.

Дерево неласковое, но растет чередом, и нашему Васе, может быть, оно с малолетства указало добиваться своего во что бы это ни стало.

Долго Вася не решался спросить своего учителя Ивана Ивановича Фокина о том, что решено было в беседе с Антипычем: спросить хорошего, умного, ученого человека о слове, отвечающем правде.

Да и как спросишь! Дома про себя кажется все так ясно, и в школу придешь, кажется, вот только бы увидеть Ивана Ивановича – и все сразу так и слетит с языка. Но как только появится учитель, то сейчас же приходит в голову – непременно надо то все рассказать, что было перед этим, и о том надо тоже, как и с чего все взялось.

Многие ученики думали, что Иван Иванович только строг и страшно его боялись. Но немало было и таких, что усердием и способностями привлекали к себе внимание учителя и думали: конечно, он очень строг, но тоже и справедлив.

Вася был любимым учеником и совсем не боялся Ивана Ивановича в обыкновенных делах, но зато в чем-то другом боялся его больше всех.

Что это такое, Вася никак не мог бы назвать, но скорей всего, мы думаем, это выходило из признания всех, что учитель справедлив и это значит: он знает правду и поступает по правде.

Поди-ка, расскажи все в двух словах строгому и справедливому учителю! И так вот получается у Васи каждый раз, что когда надо спросить, и можно, и учитель тут рядом стоит и дожидается, все исчезает из головы, все испаряется. А чтобы не показаться явным дураком, то что-нибудь другое спросишь, значит соврешь. И от этого усилия и в жар бросит, и в пот, и в краску.

После таких неудач Вася и зарок даже себе давал, чтобы не думать о таком чем-то и забыть. Но был у Васи какой-то ноготок в душе: точит и точит до тех пор, пока

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru опять захочется спросить Ивана Ивановича это же самое: почему это у каждого правда только в уме, почему тоже – у дерева ствол такой прямой и один единственный, а пути к нему – все эти сучья, несущие соки, разные и не прямые.

Червяк точит дерево, пока жив сам и пока не источит все. И этот ноготок в уме если заведется, то уж и не останавливается, и будет точить до конца. Так пришел и этой Васиной затее конец..

Однажды в классе было очень шумно и на задних скамейках даже дрались. Казалось, весь класс был, как крона лиственного дерева в ветреный день, каждый листик, каждый гибкий сучок хотел сорваться с места, кого-то не послушаться и улететь.

И вдруг кто-то услышал шаги и крикнул:

– Идет!

В один миг в классе все стихло, и каждый, кому хотелось жить, как хочется самому только для себя, стал делать то самое, что каждому надо делать для класса.

Проходили умножение и каждый бросился решать свою задачу.

Учитель вошел. В классе была тишина не мертвая. Такая живая тишина бывает в лесу, когда зеленеют деревья и в тепле горячего света каждый час все переменяется.

– Вася быстро решил трудную задачу и сидел в ожидании учителя: Фокин всех обходил поочередно, кому помогал, кого наводил на ум, на кого сердился, с кем радовался.

Вася, положив перо, сидел на парте своей, ждал и слушал. Один ученик, решая задачу, говорил громким шепотом:

– Два в уме!

Другой, прошептав «пятью семь», повторял:

– Три в уме!

Так было и «четыре в уме», и «пять в уме», и весь класс повторял все то же: в уме и в уме.

Это повторение напомнило Васе ясно вопрос о правде в уме, и когда Иван Иванович подошел и очень обрадовался отлично сделанной работе, Вася вдруг осмелился и решительно произнес:

– Иван Иванович!

Он хотел спросить: «Говорят, что-правда живет только в уме человека, – и так же, как число в умножении, а что самой правды вовсе и нет на свете. Или, может быть, она есть, и живет между нас невидимая правда истинная?»

Вася по годам своим, конечно, не мог бы уложить в слова свои смутный вопрос, как мы теперь его укладываем, но мы знаем это верно тоже и по себе, что такой был – вопрос в Васиной голове, и если бы вышел вопрос, то как бы Фокин обрадовался!

Но случилось, когда Вася назвал учителя по имени и хотел спросить о правде, Иван Иванович что-то заметил в классе и положил руку на плечо Васе:

– погоди! – сказал он.

Так делают учителя в классе: там надо остановить, здесь – переждать.

И пристыдив того нехорошего мальчика, кто хотел списать задачу у другого, вернулся Иван Иванович к Васе и спросил:

– Ну, Вася, что-то ты хотел спросить?

– Иван Иванович! – начал было Вася.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И вдруг весь покраснел и сказать не мог ничего. Учитель погладил его по голове:

– Ты, – сказал он, – ведь о чем-то большом хочешь спросить?

– Ага! – ответил Вася.

– Приходи ко мне после обеда, поговорим! – серьезно сказал Фокин.

И Вася успокоился.

После обеда у Ивана Ивановича был счастливейший час, когда он жил для себя. Конечно, дело свое он любил, и все в деле у него шло хорошо, но это все было для будущего, когда еще дети вырастут, когда еще будущие граждане помянут его добром: его самого тогда может быть и не будет на свете. А так, чтобы вот сейчас, и не для кого-нибудь, и не то делать, что надо, а что самому лично хочется для себя – такого счастья был какой-нибудь только час в рабочем дне деревенского учителя. В этот час он отдыхал и не очень-то думал о будущих гражданах.

В этот час учитель ложился на кушетку и над головой у себя нащупав кнопку, пускал в ход свой приемник.

Счастье это было в том, что весь-то приемник был делом рук самого Ивана Ивановича. Ветряк на крыше был сделан своими руками, динамку от старого автомобиля подарил ему знакомый шофер, и учитель сам выточил для нее новый якорь. Старенький аккумулятор он перебрал тоже сам.

Так с крыши в комнату пришло электричество. А сам ламповый приемник частями переходил из рук любителей. И когда такой самодельный аппарат стал передавать все, что делается на свете, то как тут понять, от чего именно пришел счастливый час: оттого ли что получает каждый техник, входя в стихию изобретательного творчества, или же от соприкосновения своей собственной души с движением дня всего мира, отчего каждый из нас чувствует себя современным..

Скорей всего Фокину хорошо стало оттого, что он по себе и в том и другом увидел величие понятой им силы физики.

Когда в такой час Вася пришел и остановился в дверях, Иван Иванович поманил его пальцем к себе и усадил на кушетке.

– Помолчим! – сказал он.

Передавали рассказ Чехова о том, как фельдшер ключом дергал неудачно кому-то зуб.

Очень смеялись и учитель, и Вася, но ученик не забывался и свой вопрос держал крепко в уме.

После Чехова Фокин закрыл приемник и спросил:

– Ты, Вася, мне что-то хотел сказать в классе, трудно там при всех о чем-то таком своим спрашивать; давай с тобой потихоньку обсудим, а потом, может быть, полезно будет наш разговор вынести в класс. Ничего ты со мной не бойся, не церемонься, через какие-нибудь десять лет ты, может быть, сам будешь учителем.

Васю Фокин очень любил.

Конечно, был грех у Васи с этим вопросом о правде. Он уже стал привыкать к тому, что учитель отличает его, и сейчас с этим вопросом втайне его не так правда к себе тянула, как чтобы удивить Ивана Ивановича. Вот, скорее всего, отчего он так и волновался.

Но теперь, при спокойных ласковых словах учителя, все напускное прошло, и Вася собирался учителя по всей правде спросить.

И это мы поймем: сама задушевная правда умным котеночком глядела из детской души, как глядит на лесной полянке цветочек.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Хочется мне знать, Иван Иванович, – сказал Вася совсем спокойно, – верно ли это, что правда на свете одна для всех: правда истинная?

– Это бесспорно! – ответил учитель.

– И Антипыч тоже мне говорил, что правда на свете должна быть одна, а когда я пристал к нему и просил показать правду, он ответил, что правда у каждого человека своя, и сколько ни есть на свете людей, столько есть и разных правд.

Хорошие, хорошие, чуткие люди бывают среди деревенских учителей. Мальчик что-то о правде спросил – и нужно же так обрадоваться!

Иван Иванович вскочил с кушетки и быстро зашагал по комнате взад и вперед. Шагал и думал о правде, думал и думал, а о Васе как-будто совсем и забыл. О чем он думал?

Он думал о Виссарионе Белинском, соединявшем в свое время в себе пути русской правды. Личность этого человека была ему воплощением правды. Но Вася ничего не знал о Белинском, этим Васе ничего не скажешь.

Вдруг Фокин перестал шагать и спросил:

– Скажи, Вася, как это было у тебя, с чего у тебя начался этот вопрос, потрудись хорошенько, припомни.

– Мне трудиться нечего, – сказал Вася, – началось это давно, я еще и в школе не был. Антипыч, указал мне на елочку в лесу маленькую, в рост человека, и сказал: «Этой елочке больше ста лет, и она не растет оттого, что ее затеняет другая. Солнце светит, – сказал Антипыч, – для всех одинаково, да мы-то все разные: каждому хочется стать поближе к тепленькому местечку на свете. Солнце любит всех, но каждый думает – его оно любит больше, и оттого рождается тень».

– Молодец твой Антипыч! – не удержался Фокин, – Но как же все-таки вы добрались с ним до разговора о правде?

– Так и добрались мало-помалу. Эту елочку мы освободили от тени, и она стала у нас поправляться. Как-то раз и вышел у нас разговор о том, почему это ствол у дерева прямой, а сучья неправильные.

Тут Антипыч и указал мне на правду человеческую, что истинная правда – она тоже одна и прямая, а у нас у каждого свое, и сколько на свете людей, столько в мире и правд, и что это у людей с правдой, как у деревьев с солнцем: каждому хочется стать к свету поближе, и оттого у деревьев тень, а у нас неправда.

Мы с Антипычем давно в лесу говорим, и я его спрашиваю: «Как это, сам говоришь, правда одна, правда истинная, а в уме у человека правда своя. Как это может – быть?»

– Вы-то знаете, Иван Иванович?

– Знаю! – ответил Иван Иванович. – Но честно скажу, сразу ответить тебе не могу. Давай, вместе подумаем.

Так они и сидели на кушетке рядом, ученик с учителем, и оба думали о правде: Вася думал о хитром Антипыче, а Фокин о Белинском. Ясно была Фокину видна правда Белинского – вот как ясно! и в то же время сказать о ней мальчику было нельзя – слова такого не находилось.

– Нет! – сказал наконец учитель. – Слово на правде как-то не держится.

– Это и Антипыч, – ответил Вася, – тоже говорил вроде этого: что у правды слов нет.

– Правда, Вася, не в словах, а в делах. Одна правда на свете: правда истинная, а делают ее все по-разному и по-своему. Мне нравится, как вы с Антипычем выбрали себе примером дерево: оно ведь тоже живое, значит, и в нем есть правда жизни.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Мне нравится ваш прямой путь к солнцу, и что сучья, подводящие от листьев соки к стволу, все разные, и что ни один сучок, ни один листик не складываются – все разные, а все по-своему служат солнцу. Ноя чувствую – есть какое-то слово о правде между нами, людьми, слово наше собственное, близкое всем нам.

Было ли это на время у Васи, что ему показалось, будто он через Ивана Ивановича смысл правды нашел, или такая добрая беседа сама ему представилась правдой, только ему было довольно этого: все служат правде истинной по-разному.

– Правда истинная, – сказал он, – ведь, конечно, много выше солнца?.

– Истинная правда, – ответил Фокин, – обнимает вселенную и еще дальше, все что там за вселенной, и без конца. И в то же время она тут с нами сейчас на кушетке.

И опять Вася почувствовал так, будто правда сейчас тут с ними на той же кушетке сидит.

– Спасибо, Иван Иванович, вы мне на все ответили, и я об этом скажу Антипычу. Скажу так: Иван Иванович тоже так думает, как и мы, что правда прямая, как ствол дерева, а все служат правде по-своему.

После ухода Васи учитель не стал заводить приемника.

Это кому-нибудь со стороны, может быть, и покажется, будто учитель после ухода своего ученика, просто ходил, размышляя, из угла в угол. На самом же деле Иван Иванович не ходил, а летал из одной земли в другую в поисках такого слова, чтобы оно вполне совмещалось бы с делом и было бы словом истинной правды.

Летал Иван Иванович и в наших столетиях, и в далеких от нас временах. Смутно ему чудилось – скорее всего слово правды, надо бы ему искать у Белинского.

И вот он подходит к своему шкафу, переносит книги на стол, пересматривает, перелистывает...

– Нет! – говорит он вслух. – Кажется, это встречалось у Чернышевского.

Ближе всех, казалось учителю, к правде подошел Ленин, и правда его, как особая материя, осязаемая сердцем русского человека, соединяла между собой поколения. У тех старых народов больше великие памятники прошлого, а у нас правда.

Так и полуночные петухи прокричали. Иван Иванович много стран облетел, много книг перебрал и до конца не дошел: правду нашу он понимал и знал, как свою физику, но слова к ней не нашел. И так после всего остался вопрос: «Неужели же правда остается только в одних делах и не может быть слова у правды?»

Глава четвертая

Как ни теснятся деревья, но всегда, если захочется, найдешь себе светлое пятнышко, и с ним приходит надежда на скорый выход из темного, нудного в походе елового долгомошника.

Так идешь, идешь, высматриваешь себе светлое пятнышко и надеешься на скорый выход из леса. Но большею частью это бывает не выход на свет, а сквозь деревья просто небо показывается.

Сколько-то времени идешь без надежды и учишься поневоле понимать глубоко природу северного дерева елки. Это дерево может чахнуть в тени под пологом затеняющих его деревьев целое столетие и при первом соприкосновении со светом раскрыться во всю свою затаенную мощь.

Бывает часто, над чем работаешь всю жизнь, на той сам мало-помалу становишься немного похож.

Так, может быть, и древний наш славянин, как елка под пологом, жил много лет, вырубаясь к свету из леса, и каждое пятнышко света принимал за свет, надеялся, и терял надежду, и все вырубался, и вырубался.

И когда вырубился, то и сам победитель чем-то стал похож на дерево, никогда не теряющее надежду когда-нибудь выйти на свет.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Нам за то, может быть, и приглянулось Васино дерево, что захотелось ближе самого Васю понять.

До сих пор, если сверху посмотреть на северные леса, то кажется лес сплошным от самой Москвы и до северных морей. Там и тут мелькнет среди лесного массива светлое пятнышко, и это пятнышко с полями и есть все, счастье человека в северном лесу, и это счастье он себе, вырубаясь, создал своим топором.

Вокруг такого светлого пятна полей узенькой пилой по небу глядит северный лес на дела человека. Северный человек по себе понимал природу леса, своего врага, он грозил ему топором, повторяя с древних времен: «лес – это бес!»

А лес тоже стоял и, напряженно прищурясь, ждал случая покрыть собой эти вспаханные и удобренные для себя человеком поля.

Чуть война – и мужское население уходит из сел, лес сейчас же приходит в движение. На опушке у него для этого всегда стоит готовая стража. Лес движется по земле опушками: тут стоят его воины – семенные деревья, и ветер с них бросает на человеческие поля семена.

Чуть война затянулась – и в бороздах, и в кротовых кучах уже зеленеют березки, а под березками в тени их, спасаясь от заморозков, переходят елочки, и так лес, собирая силу из множества, идет по земле и часто не оставляет никакого следа от прежней борьбы с ним человека.

Вот она где и таится разгадка и ответ людям, упрекающим северного человека за то, что он редко сажает дерево возле своей хаты. Не дожил он еще до того, не срубил еще далеко свой лес, чтобы ему захотелось сажать у себя возле дома деревья.

Так оно выходит как бы какой-то закон по всей земле: чтобы дикий лес у себя извести, а потом сажать вновь и любить отдельное дерево.

Для чего так делают на всем свете: изведут – и опять все сначала?

Мы так делать не будем!

Конечно, и у нас в Усолье эта дикая повадка в борьбе с лесом человека оставалась в полной сохранности: мало ухаживали за лесом, и, всякий тасил себе оттуда на еду ягоды и грибы, на топливо – дрова, на стройку – деревья. Обходиться с деревьями, с каждым отдельно, как с человеком, сажать, удобрять, поливать – это первый завел у намучит ель Фокин Иван Иванович.

Это он первый вздумал весь большой школьный участок засадить двойным рядом лип, и что самое главное: он заставлял самих своих учеников находить в лесу эти липы в десятилетнем возрасте, выкапывать их, переносить, рыть ямы, удобрять, сажать, поливать.

И каждое посаженное кем-нибудь дерево непременно сохраняло в себе особенности того, кто его сажал. Иногда казалось, будто человек не дерево посадил, а сам себя на стороне увидел, и что хорошо особенно: с хорошей стороны себя самого увидал!

Так говорил у нас в Усолье учитель Фокин.

– Не будь этой посадки лип, может быть, и Вася Веселкин забыл бы в лесу свою елочку вместе с детской правдой своей? Скорей всего так бы и забыл, а когда потом хватился – так и не нашел бы в лесу, может быть, и того ведерка, где стояла сосна-великан, и в ее фильтрованном свете стояла, глубокой тенью угнетавшая его елочку, сытая и довольная елка.

Тоже, может быть, и так совершается переход от леса дикого к лесу саженому в сознании самого человека: человек, посадивший дерево, начинает, как всякий, ценить свой собственный труд и через это ценить и любить самое дерево?

– А от своего трудового дерева перекинется к дикому и задумается над тем, что и дикие леса, даровые, тоже надо хранить.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так было и с Васей, он вспомнил, сколько борьбы с Антипычем он перенес, чтобы заставить лесорубов срубить угнетавшую его деревце большую сытую елку.

В то время Антипыч еще, был жив, они вместе с ним пришли к лесному ведерку, где сейчас мох зеленый, кукушкин лен, травы, цветы, грибы хоронили пень великого дерева – последнего пионера и могикана в Ведерках.

Васина елочка на первый взгляд была все еще угнетенным деревом, ничем не отличная во всем множестве угнетенных деревьев, составляющих особый лес в лесу, называемый подлеском. Но для опытного глаза старого лесника Антипыча много было изменений. Много и знать было надо о жизни елки, чтобы понять эти изменения.

Дерево лиственное то ли не успевает за короткое время жизни своих листьев выработать себе форму: лиственное дерево бесформенное, как нечесаная голова, а у елки веточка к веточке прибирается, и ветви все вместе образуют нам хорошо известную форму.

Почему-то ночью в закрытых глазах нам представляется, будто все елки в лесу держат единую правильную форму. Но когда пойдешь в лес с топором, чтобы к Новому Году найти себе елочку, то правильную не скоро найдешь, а если и попадетсЯ такая, то все-таки и у правильной надо бывает что-то подправить.

Тогда ясно становится, что родилась-то елка в лесу, – неправильной формы, но человек понял ее форму как стремление к свету и на этом пути все поправляет и направляет.

Шли годы, и елочка, перестроив на свету свои клеточки, изменяла из года в год форму своих ветвей. А Вася, конечно, как и всякий человек, глядел на нее и ожидал от нее свершения правильной формы.

Комсомольцем он после нескольких лет застал свою елочку однажды, когда она большинство своих ветвей начала поднимать вверх, как руки. Это было оттого, что, каждая, более нижняя ветка старалась выйти из-под тени более верхней. И обогнав ее, нижняя ветка поднималась, – загибалась вверх к свету, как поднимается каждый сук, выходящий из тени на свет.

От этого каждый сук выходил рогом, снизу более длинным, кверху все более коротким.

Прошло время, Вася кончил семилетку, елка была не очень велика в высоту, но неузнаваемо расширилась снизу. Только самые нижние ветви почему-то не поднимались, как все, а оставались внизу.

После школы Вася стал лесником на место умершего Антипыча и во время ежедневных обходов встречался со своей елочкой и, каждый день глядя на нее, изменения перестал замечать.

Так он женился, и с молодой женой Лизой был тут, рассказывал ей о великой сосне, показывал пень, больше и больше зарастающий цветами. И тут он, показывая жене на свое дерево, вдруг заметил всю огромную перемену.

Когда Лиза, не зная прошлого елочки, стала любоваться деревом, каким оно стало, Вася вдруг начал понимать, почему елка его растет, и очень быстро и правильно.

Заметил он что-нибудь? Нет! он в первую минуту ничего не заметил, отчего так стало. Но так и со всеми бывает: сначала представится что-нибудь через перемену, а потом начинаешь и сам разбираться, отчего так представилось.

Теперь не хилая елка стояла, а красавица во всем своем счастливом дыхании...

Но отчего она такая была, какая перемена случилась, что она такая, Вася не знал.

– Только почему же нижние ветви ее не поднимаются? – спросила Лиза.

И Вася не мог ничего ей на это сказать.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
После того опять каждый день в лесном обходе он встречался со своей елочкой и не обращал на нее особенного внимания.

Потом, когда первый раз пришли с ним в лесное ведерко его детишки – Митраша и Настя, он опять обратил внимание, до чего правильно и роскошно на великом свету образуется его прежняя елочка.

Митраша, как и мать его, Лиза, сразу обратил внимание на нижние ветки, лежащие на земле. С того он и начал знакомство с елкой, что стал поднимать ветку. А когда поднял, то увидел, что она пустила свои корешки и держится за землю. Он дернул ветку с силой и оторвал. Эта ветка у него стала дверцей для входа в шатер.

Он вошел туда, в шатер, позвал Настю и дома ответил своей матери, для чего нижние ветви держались за землю и не поднимались к свету: для того, чтобы они с Настей могли в своем любимом шатре складывать грибы, ягоды, спастись от внезапного дождя или просто сидеть.

– Как грибы под елкой? – спросила мать.

А Митраша отчего-то обиделся и ответил:

– Грибы не просто под елкой сидят...

– А зачем же они там сидят? – спросила мать.

– Они там растут, – ответил, насупившись, Митраша.

– Ну что ж, растите и вы, детки! – ответила Лиза и отчего-то тревожно вздохнула.

Детям было – Митраше девять, а Насте одиннадцать, когда началась война, и отец их Василий Веселкин ушел...

Сказать, чтобы перед уходом лесник нарочно пришел к своей елочке проститься – это нельзя так сказать: наши люди таких чувств стыдятся и их не показывают... Так тоже нельзя сказать ни о ком, чтобы память о любимой, свободно растущей на круче сосне, или о веселой березке возле родной хаты, или о елочке, вроде Васиной, оставалась в душе и на памяти...

Скорее всего она оставалась как заступница родины, но сказывалась только в крайней беде.

Так было и с Василием. Он просто в раздумье перед уходом зашел на ту поляну, где стояла елка. Тут первое, что он увидел, это, что пень великой сосны весь скрылся во мху и цветах. Тут ему вспомнилось, что когда хоронили Антипыча, то родные и в гроб ему положили цветов полевых и на могиле тоже посадили цветы.

Посмотрев на убранный цветами пень великой сосны, Василий подумал: «Вот оно откуда взялось у людей убирать цветами покойников».

И тут же, взглянув на елку, он навсегда потерял свою мысль о том, что природа могилы своих покойников убирает цветами и что люди это взяли себе у природы.

Он увидел на своей елке, что каждый сук, рогом выходящий из тени вышележащего сука, держал и как бы торжественно поднимал на себе нескольких маленьких шишек кровавого цвета.

Сколько времени, сколько незаметного труда было истрачено у этой елки на образование ее правильной формы – и вот пришел конец: всякий изгиб любого сука находил себе оправдание и награду: он держал на себе знамя будущей жизни – маленькую шишку кровавого цвета.

С других веток на эти красные шишки летела великой массой золотая пыльца. У елки наступила брачная пора: ее семенные годы.

Василий, конечно, не мог бы сказать, как мы сейчас после всего говорим, что новая законченная форма елки была охватом бурных стремлений, направляемых к свету. Все это движение заканчивалось верхней мутовкой с единственным верхним

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru указующим пальцем на солнце.

Так было, что сломись этот пальчик – и все сочетание миллионов сучков и хвоинок теряло бы смысл.

Сказать, чтобы Василий Веселкин так-таки все и думал на войне о своей елке в шишках кровавого цвета, осыпаемых золотой пылью, – нет! он никогда об этом не думал. Но случилось однажды, когда война уже решалась в пользу нас, сержант Веселкин вышел из окопа и приказал части своей подниматься в атаку.

Казалось, все было вокруг обыкновенно и просто, но, – вдруг свет, великий свет больше солнца, может быть, свет самой истинной правды просиял перед ним, и он открытыми глазами мог смотреть на него! Он видел на поле елочку правильной формы, и каждый сук, каждая ветка на ней выносила из тени на свет знамя будущего, сложенное в шишечку кровавого цвета, и на шишечку со всех сторон летела золотая пыльца.

Так было человеку, так ему и бывает порой, а люди видели самое обыкновенное, то, что видят они каждый день на войне: сержант Веселкин упал.

Часть вторая
Круглые сироты
Глава пятая

С тех пор как пришла похоронная о сержанте Веселкине, убитом где-то на западе, жена его Елизавета каждый вечер, уложив детей, уходила в лес, и всю ночь, если очень прислушаться, долетал до села ее надрывный стон. Раньше, в прежние войны мужики очень боялись этого бабьего стона, слабый на сердце человек не мог выносить его и отводил душу по-своему как-нибудь, больше, конечно, в вине.

В этом женском вопле каждый у нас из войны в войну, от пожара к пожару является наследником переходящего из поколения в поколение чувства сиротства.

Казалось иногда, мы, русские люди, не живем, а какими-то круглыми сиротами переходим из одного времени в другое, новое, а там тоже война и опять переходим куда-то.

Но это, конечно, не всякому так именно складывается русская история. Можно думать даже, что это время сиротства кончается и новый человек входит в историю с чувством беззаветной любви к своей матери-земле и с великим пониманием отца своего.

И мало того! нам, участникам эпохи сиротства, кажется, что прежний круглый сирота несет с собою какую-то новую правду для всего мира.

И нет! конечно, не всякий мужчина отвечает на женский стон непременно вином. Иной человек от этого стона погружался в глубокое молчание и собирался с духом, чтобы когда-нибудь с этим всем злом разом покончить и начать какую-то новую жизнь.

Да, так собиралась гроза революции, гроза кругом на весь мир.

Утром дети Веселкины уходили к матери в лес, к тому самому месту, где клюква, брусника, черника, папоротники, горошки, незабудки, гвоздички и всякие всевозможные цветы хоронили навсегда пень великой сосны и тут же мало-помалу расцветала Васина елочка.

Тут на широком ложе соснового пня, на его цветах дети находили в беспмятстве свою мать и начинали реветь. И мать, слушая детский плач, приходила в себя, поднималась...

Так и пришел этот страшный час для сирот, когда мать их и не поднялась.

Тогда, первые дни, кто бы ни встречал детей, каждый старался выразить им свое сочувствие и со слезами в глазах говорил:

– Круглые сироты!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Попробуйте весной ударьте в березу ножом – сок польется из дерева белый, потом рана делается красной: сок перестанет литься, но рана, след ее, останется навсегда. Так и с нашими детьми было, как с березой, только что на березе рану всем видно, а люди привыкают свои душевные раны таить: каждый таит, а все вместе, конечно, к чему-то выходят. Наши дети с виду скоро поправились и всех удивляли своим недетским мужеством.

Все мы видели, как не без помощи, конечно, добрых людей дети справились с хозяйством и стали жить между нами в селе настоящими большими хозяевами: Митраша, как маленький настойчивый и упрямый мужичок, Настя, годом старше его, вела себя, как женщина совсем взрослая, умница.

У всех на глазах так это удивительно случилось, что Митраша случайно из большого отцовского ружья убил страшного вредителя деревенских стад – известного волка, прозванного Серым помещиком. Всем тоже пришлось по нраву, что когда из колонии ленинградских детей пришли в село за помощью сиротам, то Настя отдала им весь свой годовой запас весенней сладкой клюквы, целебной ягоды, собранной ею самой в болотах. Да, пожалуй, этот поступок девочки нашим людям еще больше пришелся по душе, чем геройская расправа мальчика с Серым помещиком.

В этом общем сочувствии Насте сказывалось, может быть, то самое сиротство, скопленное из войны в войну, из поколения в поколение. Ленинградские дети были у всех на глазах, рассказы о каждом ребенке переходили из села в село и, случалось, так трогали сердца простых людей, что бездетные брали сирот, и эти сироты находили себе отцов и матерей.

Так можно сказать, что в какой-то мере в это время сироты Митраша и Настя вели и оказывали всю тайную сердечную жизнь нашего села.

Было однажды, в первые дни самой ранней весны, Митраша с Настей вышли на солнечную опушку. Тут они, хотели вместе подумать, не пора ли собираться в болота за вытравившей из-под снега самой сладкой весенней и полезной от всех болезней клюквой.

Само собой так сложилось, что дети пришли и сели на пни у той самой опушки, у той самой полосы колхозных полей, где корчевал перед самой войной пни их отец, и вся семья – и жена и дети – ему помогала. Работа была трудная: отец и мать выкапывали пни, а ямы от пней на поле заделывали дети. Приказ от старших был детям такой, чтобы нижнюю землю, бесплодный песок укладывать в яму на низ, а наверх чтобы приходилась темная хорошая земля из-под леса. Теперь, за годы войны, лес успел собраться с силами и повел свое наступление на дела человека. На каждой разделанной ямке, разрыхленной, удобренной, трехлетняя березка маленькая под тенью своей выводила совсем крошечную малютку-елочку.

Через дело отцовское, через труд его и через ужасное горе Митраша, как сильный мужичок, вник в самую жизнь этих маленьких деревьев, самовольно выросших на месте труда человека и, преодолев горе, обрадовался одной своей догадке. Он так ей обрадовался, что захотел сию же минуту об этом Насте сказать, и сказал, не оглядываясь на нее:

– Настя, а деревья-то ведь тоже ходят!

Это и была его догадка, что деревья живые и тоже, как люди, могут ходить по полям.

Мало того! Разве это не удивительно, что и по всему полю там и тут деревца вышли на простор полей, как маленькие люди.

– Настя! – даже немного и рассердился Митраша. – Чего же ты молчишь? Ты погляди только, ведь под каждой березкой на поле укрывается елочка. Деревья, как люди, выходят из леса и расходятся полями.

Настя, однако, молчала. Когда же Митраша на нее оглянулся, то лицо ее было все облито слезами, и сквозь слезы блестели большие карие и чуть-чуть с раскосом глаза. Митраша сильно испугался этого лица Настина, отвернулся и долго молчал и, дергаясь изредка плечами, все так сидел и сидел.

Тут весенний первый дождик пошел, и он под дождиком на своем пне мокрым

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
кобчиком, все не оглядываясь, сидел и сидел. Но дождик все шел, и Митраша не
оглядываясь наконец сказал:

– Настя, ты не плачь, отец наш, может, еще и жив.

Настя же давно поняла, почему Митраша сидит молча так долго, не оглядываясь,
почему плечи его дергаются время от времени, собралась с духом и на слова
Митрашины, сказанные ей в утешение, ответила:

– А ты это верно, Митраша, сказал, деревья тоже по нашим полям ходят, как люди.

Глава шестая

Не у нас одних, в Усолье, это было, – а тоже на торфоразработках в Купани пришел
домой схороненный и оплаканный Михаил Новоселов. За озером в Хмельниках было
двое, об одном бумага пришла, что убит, о другом, как о без вести пропавшем, –
тоже оба пришли. За лесами же Бармазовскими в селе Половецком был и такой
случай, что жена успела и похоронить, и устроиться по-новому с другим, с новым
мужем, и только устроилась, откуда ни возьмись, приходит старый муж.

Тоже бывало и так, что никакого нового мужа не было, а просто женщина мысль эту
о муже потеряла, схоронила ее, стала на свои ноги, полюбила свою независимость,
а тут-то вот и появляется муж!

Все было. Если взять посчитать, сколько такого случалось во всем-то большом
Переславском районе, так и задумаешься и спросишь себя, отчего же раньше-то в
прежних войнах бывало такое редко до крайности, а в этой войне сколько-то
случаев на то или другое место было, как правило.

Мы опять скажем об этом: а ведь раньше и войн таких не бывало, чтобы кругом со
всего земного шара люди сходились убивать друг друга такими массами. Раньше был
твердый счет человеку; все, конечно, были как все, – но и каждый в отдельности
тоже не забывался. Теперь же в таком массовом деле сплошь да рядом выходили
ошибки.

Так было, когда Митраша и Настя вернулись домой из леса, возле избы у них на
завалинке в ожидании их сидела почтальонша и с ней двое наших любопытных. И уж,
конечно, эти любопытные держали в уме догадку о хороших вестях для наших сирот.

Письмо было трудное для чтения. Василий Веселкин писал его левой рукой и с этого
и начал писать, что правую руку ему хотели отнять, да он не дал: рука висит, и
он учится писать левой рукой. Это было понятно написано, а дальше приходилось по
отдельным словам только догадываться. Все складывалось в письме к такому смыслу,
что после первого большого ранения, когда все думали, что он убит, он не скоро
поправился и в это время послал письма. Этих-то писем дома и не получали, и
оттого вся беда и вышла: получили только похоронную. Во второй раз он был ранен
в руку на севере, и, как поправится, то его больше в строй не возьмут, а как
лесника назначат искать в северных лесах материал для фанеры на самолеты. За
весну и за лето он надеется работу свою, закончить и его совсем отпустят домой,
все равно: кончится война или затянется.

Пока это письмо разбирали, народу собралось возле хаты Веселкиных множество, и
всем хотелось помочь написать сейчас же Веселкину ответ.

Так случается в жизни: людям даже и в такое ужасное время, какого и никогда на
свете не бывало, приходит радость. Такая была это радость, что дети сидели на
завалинке с горящими щеками, с блестящими глазами: у Насти блестели глаза карие,
чуть-чуть с искосом, как у монголов, у Митраши серые большие глаза были
точь-в-точь как у отца..

Дети сидели и радовались, а вокруг них народ все прибывал, пока наконец не
решили, что писать ответ надо немедленно, и о чем писать, надо детям помочь. С
этим решением писать сейчас же ответ все ввалились в избу.

Митраша достал лист писчей бумаги, Настя что-то мешала в чернильнице, все стояли
вокруг стола. И только бы вот начать вместе сочинять и диктовать хором
маленькому Митраше, вдруг догадливый бондарь Скворешников Леня носик острый свой
просунул между плечами чужими к столу и так говорит:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Писать, писать, а куда же мы посылать будем?

Ему конечно ответили:

– Писать по адресу.

Стали искать адрес, а в письме об этом ничего не было. Вертели, вертели, да так понемногу бросили, и человек по человеку стали выходить.

Так вот люди все ушли, да и радость тоже с ними ушла из избы. Что-то смешалось в душах детей, и радость о том, что, отец жив, и печаль, что правая рука у него висит, и тревога о том, что нет адреса и что ждать надо до осени, а придет осень, опять что-нибудь выйдет плохое... Так, измученные за день и счастьем и горем, дети в этот раз, не зажигая огня, улеглись было спать.

И, конечно, дети и тут оставались детьми: как легли, так и заснули.

Еще не было очень поздно, сосед бондарь Скворешников Леня стругал своим ладилом дощечки для бочки и пел. Вскоре взялся петь и сверчок.

Вдруг Митраша как вскочит с постели, как закричит:

– Настя, Настя, скорей просыпайся, скорей вставай.

Настя села на постельке заспанная, но быстро, умница, собралась.

– Что с тобой, Митраша?

– Настя? – сказал Митраша твердым и решительным голосом. – Я пойду на север искать отца. Его, больного, нельзя так оставить. Ты пойдешь со мной или тут останешься?

– А куда же мы пойдем, Митраша, ведь у нас нет его адреса?

– Об этом мы будем говорить у Фокина Ивана Ивановича. А ты мне сейчас говори ясно и твердо и навсегда: пойдешь ты со мной искать отца?

– А куда мы пойдем? – повторила Настя.

Митраше не терпелось, и он резко сказал:

– Пойдем, Настя, отца искать, об этом я тебя спрашиваю, пойдешь, куда глаза глядят. Понимаешь меня?

Настя и правда только сейчас спросонья совсем очнулась и сразу все поняла и ответила:

– Поняла, Митраша, я тебя поняла только сейчас. Куда же я тебя одного от себя пушу – конечно, пойдём..

– Куда же пойдём? – спросил Митраша.

Настя улыбнулась и ответила:

– Куда глаза глядят.

И Митраша успокоился: Настя его поняла. Тогда Митраша встал и сел на кровать рядом с сестрой.

– Сейчас еще время не поздно, вставай, одевайся и пойдём к Фокину Ивану Ивановичу. У меня есть план: все, все ему сказать, всю правду истинную, и он, как отец наш, он станет за нас и даст верный совет и все сделает нам.

– Как же сказать ему правду истинную? – спросила Настя.

– Так просто и скажем: умрем, а отца найдем.

– Да, это правда, – ответила Настя, – мы отца своего найдем.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так под горячую руку Митраша нашего дорогого учителя Фокина Ивана Ивановича назвал отцом и ему, как отцу, захотел тут же ночью сказать, открыть всю свою сиротскую правду истинную.

Так широка, велика, так огромна и как часто пустынна бывает наша дорога к отцу! Но каждый из нас знает, – за каждым кустиком, из каждого овражка во все глаза на нас кто-то глядит.

кто это?

Еще маленький человек, Митраша это уже знал, уже понимал, кто это, но слова этой великой правды не знал.

И к этому ли отцу он звал свою Настю.

Тоже, и Настя, конечно, это знала.

И дети к своему учителю сейчас вместе пошли, как к отцу.

Подумаешь о прошлом нашем, что из войны в войну отцы от нас уходили и умирали, но правда-то наша, та самая, что только такому человеку, как отец, ее можно открыть – эта правда с нами с сиротами так и остается, так и ждет, чтобы открыться самому хорошему для нас человеку.

Глава седьмая

Старые учителя деревенские у нас очень долго оставались на своих местах и были такие, что даже и до конца своего оставались в той же школе.

Таким учителем был у нас Фокин. Липы, посаженные десятилетними четверть века тому назад, были свидетелями учительской жизни Ивана Ивановича. Все теперь, кто бы ни приехал, любовались летом тенистыми аллеями вокруг всего школьного участка. Зимой же, если окна не были совсем заморожены, еще удивительней были разросшиеся за четверть века лимоны и фикусы. В каждом классе было большое дерево до потолка, и дети с того начинали свои занятия, что тряпочками протирали пыль с каждого листа своего фикуса. Из окна же зимой, если снаружи посмотреть, удивительно казалось, что вокруг везде белый снег и трескучий мороз, а в классе дети сидят, как в раю, под своим классным фикусом или рододендронном.

В каждом городе нашей области и в самом Ярославле в начальниках были ученики Ивана Ивановича, но люди, как люди – и особенно хорошие люди, уходят в свои дела и в них затаиваются. А деревья вокруг школы и в классах все-таки собой показывают и рассказывают о человеке.

Большое это было дело, и много лет надо было, чтобы вырастить деревья вокруг школы и так устроить внутри, чтобы зимой из окна школы выглядывал рай.

Зато через много лет теперь растения каждому стали сами собой рассказывать о хорошем человеке, о тех самых людях, кого вел за собой учитель.

Поседели виски, побелели от времени усы. Лицо, всегда загорелое, теперь потемнело, как бронза. Но динамка на крыше, много раз отремонтированный аккумулятор, самодельный приемник были все те же самые.

Вечерний час для учителя был самый счастливый, когда он, еще не раздеваясь, лежал на своей кушетке и, не глядя на приемник, рукой над своей головой управлял знакомыми кнопками. В этот-то самый спокойный час кто-то постучался в окно.

Учитель приподнялся, открыл форточку и на свой вопрос «кто там?» получил ответ:

– Мы, Веселкины, Митраша и Настя, пришли по большому делу. Пустите нас, Иван Иванович.

Фокин спокойно, встал, закрыл приемник, снял с двери крючок, открыл дверь и дети вошли.

Усадив гостей, учитель спросил:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– По какому же делу, на ночь глядя, вы пришли ко мне?

– На ночь глядя, – ответил Митраша, – мы к вам, Иван Иванович, пришли по большому делу, по самому большому, какое только у нас может быть.

Чем хорош был Иван Иванович, это что лишних слов никогда не тратил и нужные слова в другом человеке сразу узнавал и выбирал.

– По большому? – повторил он вслед за Митрашей. – какое это дело?

– Отец находится, – ответил Митраша.

Иван Иванович от этих слов Митраши чуть заметно вздрогнул: он вдруг вспомнил, что четверть века тому назад совершенно такой же мальчик, любимый ученик его Вася Веселкин, разговаривал с ним на том же месте о правде истинной. Вспомнилось ему, как тогда сам чуть-чуть оторопел от вопроса мальчика и стал с ним вместе думать. И хорошо помнилось до сих пор это, что вместе придумалось: у правды нет слов, что истинная правда в делах.

– Четверть века тому назад, – сказал Иван Иванович, – мы с отцом, твоим говорили на этом самом месте, что истинная правда не в словах, а в делах. Вот они теперь слова-то: чего казалось верней, похоронная! а оказывается теперь это не правда. Что же вы, письмо от отца получили?

— В эту минуту Настя, умница, понимая, что нельзя у Ивана Ивановича на ночь глядя отнимать время на разговоры, сказала спокойно и учтиво:

– Извините нас, Иван Иванович, мы письмо получили и прямо к вам, как к отцу.

И подала ему в руки письмо.

– А! – только и сказал Иван Иванович, сразу все поняв и мгновенно по привычке учительской переходя от слова к делу.

Он повернулся к столу, к лампе. Долго читал, долго изучал письмо с таким видом, как будто делал самое-что-то важное, самое главное. После того хватился за конверт и стал его долго разглядывать.

Закончив изучение конверта, в таком же раздумье, как бывало в старину с Васей Веселкиным, обратился к гостям: сам один не может решить, а необходимо вместе подумать.

И пересел на кушетку и детей позвал сесть рядом с собой.

– Все понимаю, – начал Иван Иванович, – у нас было одно такое дерево, теперь от него остался только пень, и там растет Васина елочка: вы ее знаете. Это дерево срубили на фанеру для самолетов. А старый лесник Антипыч тогда рассказывал Васе и мне тоже не раз говорил, что где-то на севере у какого-то маленького народа есть священная чаша и там дерево к дереву стоит так часто, что стяга не вырубешь, и если дерево срубить, то оно не упадет, а только прислонится к соседнему и будет стоять. Эти деревья так чисты, что нет сучков на большую высоту, а под деревьями мох белый олений и тоже чистый и теплый, станешь на колени и только чуть хрустнет и будет, как на ковре. Тогда кажется человеку, будто его эти деревья, поднимаясь к солнцу, и самого поднимают. Сам Антипыч так рассказывал. Вася, отец ваш, ему говорил: «Ты, Антипыч, это нам сказку заводишь».

В ответ на эти слова Антипыч снимал с головы шапку и говорил: «Это не сказка, это правда истинная».

А после Вася ко мне приходил и спрашивал меня, есть ли на свете какая-нибудь другая правда, одна истинная и какая-нибудь неистинная.

«Правда неистинная, – отвечал я, – называется ложью, а истинная правда на свете одна, и эта правда не в словах, а в делах».

– Ты теперь меня понимаешь, Митраша? – спросил учитель.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru – Хорошо понимаю, – ответил Митраша, – мне тоже кажется, будто отец рассказывал про белый мох со слов Антипыча, что на мху чисто, как в императорском дворце.

– Вот правда! – сказал учитель. – Я тоже помню Антипыч говорил, конечно, так: в императорском дворце. Теперь я думаю, что это не сказка: чаша эта есть где-то на севере, и отец ваш вспомнил ее и теперь хочет помочь нашему делу: руки-то все-таки нет у него, и правой руки, так просто воевать нельзя ему, то вот он хочет помочь этим способом. По-моему, чаша эта есть на свете, и отец ваш ее непременно найдет. Отец ваш – смелый, умный и правдивый человек: он правду не променяет на сказку, напротив, он и сказку сделает правдой, он эту чашу найдет.

– Сказку сделает правдой! – повторил Митраша. – Разве так можно?

В это время, когда Митраша и сам учитель его Иван Иванович, такой маленький Митраша и такой большой и даже старый учитель, вместе приходили к какой-то неведомой чаше и в чаше находили какую-то правду истинную, маленькая женщина Настя сгорала от нетерпения перейти к правде, к самой правде, как она ее понимала. Вот почему, улучив минутку, когда Митраша открыл учителю свой план идти на север искать отца, тихонько и спокойно сказала:

– Вот только, Иван Иванович, мы адреса-то не знаем: отец не пишет, где эта чаша, где даже он сам.

– Как не пишет, – ответил Иван Иванович, – а на конверте разве вы не заметили штемпель: Пинега. Чаша, наверно, где-нибудь там, и сам он где-нибудь в больнице или в лазарете. Очень даже просто пойти туда и найти. Поезжайте, поезжайте – сказал Иван Иванович.

И детям показалось, будто учитель ушел от них куда-то далеко в свою какую-то учительскую и оттуда глядит и все видит, и знает, о чем думают дети. Но детям туда, в учительскую, нельзя и оттого никак не поймешь, то ли вправду можно ехать им за отцом, то ли учитель смеется.

Помолчав недолго, дети смущенно и осторожно спросили, сначала Митраша:

– Это вправду, Иван Иванович?

Умница Настя хитро поправила:

– Как ты смеешь, Митраша, так говорить: Иван Иванович всегда говорит правду.

Между тем Иван Иванович, глядя на детей издали, вдруг как будто вышел из своей далекой учительской, повеселел, погладил Настю по головке, сказал:

– Сейчас пока вы никому ничего не говорите. Пусть это будет вашей великой тайной и вы храните ее. Там, на Пинеге, я слышал, живут простые, хорошие люди, и их смешно зовут там: пинжаки. Поезжайте, детишки, смело, такое раз в жизни приходит, счастьем будет великим на всю жизнь, если найдете отца.

Митраша поверил учителю и сказал:

– И отца найдем, и Корабельную Чашу.

Настя же все еще не совсем вверилась тому, что учитель говорит совершенно серьезно и спросила:

– А вы нам поможете, Иван Иванович?

Тогда Иван Иванович уже несомненно вполне серьезно ответил:

– Вы сейчас, детки, идите спать и будьте спокойны, я же все обдумаю, посоветуюсь с кем надо и после все вам скажу. Да, конечно, если только возможно, я вам помогу.

Тогда дети, как будто и вправду свалив заботу о будущем на учителя, пошли домой и там сразу уснули.

Часть третья

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Друзья

Глава восьмая

Медицинская сестра Клавдия Никитина, вставая утром, привыкла начинать день с того, что отрывала листок своего календаря на столе и, покручивая бумажку, некоторое время в постели собиралась с мыслями.

Она была немолодая, но нельзя тоже сказать, чтобы совсем и старая девушка. Может быть, оттого каждое утро мысли ее разлетались веером в стороны, и каждое утро их надо было связать.

Вот отчего она каждое утро скручивала в трубочку листик и все крутила и крутила, пока не складывался ясный план рабочего дня.

Собравшись с мыслями, сестрица одевалась, умывалась, делала свою гимнастику и в то же время не выпускала из рук скрученный в трубочку листик отрывного календаря.

Бывало, положит где-нибудь рядом трубочку во время умывания или гимнастики, а потом непременно найдет и все крутит и крутит, теперь скорей всего уж без всякой мысли, по одной только привычке.

До того ее доводила эта досадная привычка, что потом и после чая захватит трубочку на службу, да так и ходит от больного к больному. Бывает, конечно, возле какого-нибудь серьезного больного она и забудет трубочку. Так вот до чего же берет в свои руки человека привычка, что деловая женщина тут же начинает искать, свою игрушку.

– Чего это вы ищете, Клавдия? – спрашивает старшая сестра Махова.

И Клавдия тут непременно что-нибудь соврет: скажет– пинцет потеряла, щипцы или бинт. Нельзя же сказать старшей сестре, что ищет свою крученую трубочку из листика отрывного календаря.

В этот раз, обходя поутру больных, Клавдия должна была поправить подушку у сержанта Веселкина. И тут-то, в его постели она и потеряла свою бумажку. После, когда она хватилась и вернулась к Веселкину, чтобы взять свою трубочку, сержант уже нашел ее, раскрутил здоровой левой рукой и читал.

Охотно бы Клавдия подошла к сержанту и поболтала, с ним. Была она далеко не молодая девушка, но сохранилась птичкой, летала и щебетала, как молоденькая, Старшая сестра Махова, женщина с большой семьей на руках, говорила о Клавдии:

– Птичка все о чем-то мечтает!

И вот как раз; когда птичка подлетала к сержанту, внезапно встречается Махова и спрашивает:

– Вы опять что-то ищете?

Клавдия без слов повернулась, и Веселкин сделался обладателем календарного листка.

Часто бывает, даже и целая книга лежит-лежит в библиотеке на полке, и люди ее обходят. Но случайно обратит на нее внимание ее настоящий читатель, и книга оживает.

Так и этот календарный листик, скрученный в глупую трубочку, попал теперь в руки того, кто его ждал.

На развернутом листике был напечатан портрет Белинского, и Веселкин прочитал под ним его знаменитые слова о том, что мы – русские – призваны сказать всему миру новое слово, подать новую мысль.

Так постоянно бывает между людьми: мысль, как крылатое семечко по ветру, находит какой-то свой способ лететь от человека к человеку и находить своего друга, хотя бы и через сто лет и за тысячи верст.

Так и в этот раз слово нашло своего человека и сделалось его собственной жизнью.

Кто знает, совсем это может быть и не случайно, если вникнуть всем своим умом и сердцем в жизнь этого человека, разобрать во всех подробностях, почему, может быть, сотни людей на то же самое слово глядели слепыми глазами, а тысячу первый взглянул и понял.

Веселкин взглянул – и схваченное глазами слово проникло в него.

Веселкин понял.

И вышло теперь, что мысль Белинского, как крылатое семечко, вылетело от одного человека, через сто лет прилетело к другому и пришлось ему так же точно, как приходится на сухую разогретую землю капля дождя.

Бывает же так!

Веселкину сразу же вспомнилось, как он мальчиком со своим учителем Фокиным решали когда-то вопрос о правде, о том, что вся правда в делах остается, и оттого, – может быть, у правды нет слов, и постоянно люди между собой говорят:

– Дайте нам правду, а не пустые слова!

Но как же это может быть, правда отдельно, как голая, живет только в делах, а слова о ней, как одежда голых людей, висит и болтается где-то в стороне на веревочке?

А вот у Белинского правда всего нашего дела переходит в слово. И это новое слово укажет всему миру новый путь.

Обернув страничку на другую сторону, Веселкин прочитал там о том, что великий демократ родился в 1811 году, а умер в 1848-м. Выходило, что новую мысль Белинский предсказал в первой половине прошлого столетия.

«Как это могло быть, – спросил сам себя Веселкин, – что Белинский задолго до нашей революции мог сказать так смело и решительно?»

В прежнее время, когда был здоров, Веселкин не стал бы заниматься праздными вопросами. Он бы просто вспомнил Фокина, примерился бы к его пониманию, и так бы ответил сам себе:

«Каждый из нас понемногу думает вперед, и это от каждого складывается в одно место, куда приходит великий человек, соединяет все в одно и решает».

Теперь же из-за больной руки он шевельнуться не мог, и голова от нечего делать вертела вопрос, раньше казавшийся праздным.

Сержант, раздумывая, повернул глаза к окошку. Небо с его места нельзя было видеть. Но пойменный луг, заваленный снегом, широко расстилался. Было на севере самое время начала весны света, когда свет после долгих, почти неразмыкаемых между собой ночей, приходит, как великая радость жизни.

Это время весны света, когда о весне думают только хозяйственники, да мельчайшие черные блошки появляются во множестве великом и сидят на снегу.

По нарочно приготовленной зимней ледяной дороге лошади «ледяночки» вывозили на берег для весеннего сплава из леса ошкуренные желтые «хлысты».

День был солнечный, и на белом снегу тени от сложенных ярусами хлыстов были голубые. Так и догадался Веселкин, не видя неба, что большие, голубые, переходящие пойму по снегу тени были от облаков.

«Вот, – подумал он, возвращаясь к своей мысли, – неба-то я и не вижу, а по этой пойме понимаю облака и что на воле сейчас ветер, и не очень сильный: тени проходят степенно. Так может быть и Белинский догадался о том, что родная земля когда-нибудь скажет новое слово для всего света. Родится у нас, а придется для всех слово правды».

Ему представилось: где-то на невидимом небе всего человечества бродят скопленные

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru всеми веками великие мысли, бросают тени, как облака, и по этим теням особенно чуткие люди догадываются и понимают самые мысли...

Еще раз прочитал он о Белинском и только теперь обратил внимание на заключительные слова: «...какое это слово, какая это мысль, об этом пока рано нам хлопотать...»

«Служу Советскому Союзу, – ответил сам себе Веселкин на эти слова Белинского. – Это мое дело правды». – «А вся большая правда?»

И повторил из Белинского: «...а какое это слово, какая это мысль, об этом пока рано нам хлопотать...»

Этим он как будто заглушил в себе, как ему казалось, «праздную» мысль о необходимости слова. Но зато в чистой совести раненого воина сошлись и остановились без спора и те проходящие на невидимом небе облака, и видимые голубые тени на снегу, и все стало так – о чем бы только ни подумаешь, все тут же мгновенно разрешается в согласие.

Тихо стало в душе, ясно в голове, и тут явилась на памяти угнетенная елочка, за сто лет собравшая рост человека с поднятой рукой. Но в минуту согласия даже такое несчастное деревце вдруг процвело.

Свет великий, безмерный, могучий и страшный бросился к угнетенному существу, но этот страшный свет тут же был взят, измерен, устроен, жизнь победила – и елка покрылась красными кровяными цветами в золотой пыльце.

Веселкин радостно подумал и об этой своей елочке, и о собственном сучке своей правды, и о себе самом, и о всем русском угнетенном народе, и о том, что на всех нас бросился свет правды безмерной, могучей и страшной...

«Если даже простая елка, – думал Веселкин, – столько лет должна была болеть и перестраивать теневые хвоинки на солнечные, то как же, переделываясь, должен болеть русский человек, чтобы вынести такой великий и страшный свет!»

Вспомнился и Антипыч, как он, указывая на солнце, говорил: «У них солнце, а у нас правда!»

Приходило все хорошее, все складывалось, все устраивалось так ладно в чистой совести раненого воина.

Или это он так выздоравливал? Скорей всего так, а то почему же его здоровая левая рука, самостоятельно и независимо от мечты о каком-то новом слове для всего света, явно пыталась выкрутить из листка отрывного календаря козью ножку. А уж когда больному курить захотелось – это бывает самый верный признак выздоровления.

Глава девятая

День весны света на севере в снегах сиял много ярче того, как он сияет на юге над темной землей. День сиял на радость и другого больного, лежащего недалеко от Веселкина.

Человек этот был такой большой, что длины койки ему не хватало, и ноги свои он то подгибал, то помещал, вытягиваясь, сверх стенки железной кровати.

Такой большой человек и немолодой, лет под шестьдесят, видно очень крепкий, мощный, теперь лежа внимательно глядел в одну точку, и глаза его, совсем детские и ясные, какие иногда бывают у больших людей, на досуге чему-то по-детски улыбались.

А это было, что он давно заметил, как Веселкин своей здоровой левой рукой начал что-то выкручивать из календарного листика. Простой человек легко мог догадаться о добрых мыслях соседа и потому, что мало-помалу ему становилась понятна цель кручения: пальцы здоровой руки делали козью ножку.

«Покурить захотел!» – понял большой человек, и тут-то он и стал следить за пальцами светящимся глазом и с детской улыбкой.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Кто не знает, что когда больному курить захотелось, то это значит то же самое, что жить захотелось.

Большой человек сочувствовал своему соседу. Видно, ему от души хотелось, чтобы больной сосед свернул козью ножку и, может быть, как-нибудь исхитрился и покурил.

Да и самому-то ему, наверное, захотелось с соседом покурить и побеседовать.

Не так легко, однако, было одной рукой свернуть папиросу. Раненый, о чем-то размышляя, здоровой рукой подносит бумажку к забинтованной руке с торчащими из-под белого бинта белыми бескровными пальцами с синими ногтями. Три пальца забинтованной руки – большой, средний и указательный – зашевелились и помогли здоровой руке скрутить козью ножку.

Вот тогда-то большой человек, уверенный, что дела у соседа пошли к лучшему, обратился к нему:

– Товарищ дорогой! Вижу, ты скрутил себе козью ножку. Может быть, ты знаешь, где бы нам с тобой можно было достать табачку и покурить?

Веселкину нельзя было повернуться, чтобы увидеть лицо соседа. Но по голосу он чувствовал друга и ответил ему:

– Очень бы хотел покурить, но можно ли? Мне и в голову не приходило покурить. Я думал совсем о другом. А рука это сама крутила. Видно, должно быть, и в руке тоже свой какой-то умишко живет.

Большому человеку эти слова очень понравились. Он засмеялся и, как водится у всех людей в дороге или на чужбине, спросил:

– Ты сам-то, товарищ, откудаешься?

Охотно и с дружеским чувством, возбужденным одним только голосом, сержант ответил:

– Я издалека, из-под города Переславля-Залесского.

И потом, отвечая на другие вопросы, и о том, где этот город, и что в этом городе люди делают, о всем таком рассказал. И еще – что живет он не в самом городе, а в селе Усолье, и что жена его Елизавета, и он не знает верно: жива ли она, и что дети у него, и тоже не знает – живы ли они двое.

До тех пор пришлось отвечать Веселкину, пока соседу его стало все ясно. И сержант стал ему своим близким человеком.

Вот только после этого длинного опроса Веселкину тоже захотелось узнать, кто же его сосед.

На первый же вопрос, откуда он родом, сосед охотно ответил:

– Мы – пинжаки.

Веселкину до того это показалось чудно, что он чуть-чуть не забылся, и двинулся, чтобы повернуть голову в сторону соседа.

Это заметил сосед и, упредив вопрос, сам пояснил:

– Бурлачим мы, по всем северным рекам бурлачим, и как мы с Пинеги, так все и зовут нас «пинжаки».

– С Пинеги? – повторил Веселкин.

И стал с трудом вспоминать, что это такое хорошее и даже прекрасное связано в его памяти с этим словом.

– Пинега-река впадает в Северную Двину, – сказал он.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– В Двину, – повторил за ним сосед. – А в Пинегу бегут наши две речки две сестры
– Кода и Лода.

– Что-то я, – сказал Веселкин, – слышал такое хорошее о ваших местах, лучше чего
и на свете нет...

Сосед ответил:

– Нет краше на свете места, где Кода и Лода, а между ними село Журавли.

И приподнялся над койкой, а ноги спустил и стал говорить в волнении, чуть
заметно покачиваясь в стороны, как маятник, но такой великий маятник, что ему
качаться много не надо, и только чуть намекнуть на ту сторону, куда маленькому
маятнику необходимо надо качнуться.

– Нет краше нашей Пинеги! – повторил сосед,

И чуть-чуть качнулся.

– Обрывы и скалы!

И намекнул другую сторону.

– Красные и белые горы!

И опять намек.

– А на горе стоит монастырь!

Пятнадцать верст не доедешь –

И видко!

И пятнадцать верст переедешь –

Все видко!

Под высокий берег уходит вода.

И под землей едут карбасы.

Живые помочи!

На этом месте Веселкин остановил своего соседа и спросил:

– А что это: Живые помочи!

– Не знаю, – ответил сосед, – так пинжаки всегда говорят, когда гораздо высоко
зайдешь или гораздо низко спустишься, или станет порато жарко, или порато
морозно, или порато страшно, или чудно, или зверь нападет, или черт за ногу
схватит.

– Вот оно что, – подивился Веселкин, – значит, ты сказочник?

– Нет, – ответил сосед, – сказками у нас заманивают в небывалое, а я говорю
только то, что между нами самими: я только правду говорю и никуда не заманиваю.
Я говорю: нет на свете краше того места, где реки текут Кода и Лода.

– А как тебя зовут?

– Меня зовут Мануйло, и они все думают: за то меня называли Мануйло, что я умею
манить. А я говорю только правду, они же до того врут, что мою правду считают за
сказку и ходят ко мне слушать. Я же так люблю сказывать правду! Они приходят, и
я ставлю им самовар.

– А кто же это они такие? – спросил Веселкин.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Наши колхозники, – ответил Мануйло, – такие же пинжаки, что и я. Только они теперь на землю садятся, а я все бурлачу и остаюсь на своем путике.

– Каким таким путике? – спросил Веселкин.

– Путика не знаешь? – спросил Мануйло. – Ну об этом надо много сказать. Кода и Лода – это, я сказывал, две родные сестры, и между ними стоит наша деревня Журавли.

В прежнее время все пинжаки в Журавлях бурлачили и охотились на путиках.

Но как все люди разные, то и тут тоже было по человеку: одни больше бурлачили, другие больше охотились на своих путиках.

Что же до того, сладко ли мы живем, я тебе на это отвечу: не гораздо сладко, но тоже нельзя сказать, что гораздо и горько.

Мы не от бедности бурлачим и охотимся, а что живем в лесах и между реками.

И колхоз наш «Бедняк» не по бедности назван, а по глупости.

Думали бедностью своей похвалиться и вызвать к себе самим жалость.

Вот и получилось теперь: в государстве стоит знамя «Зажиточная жизнь», а пинжаки хвалятся бедностью.

Видно, Мануйло был сильно задет своим спором с колхозом «Бедняк». Он опять поднялся на кровати, спустил ноги и опять стал помогать своей речи чуть заметным покачиванием.

– Становую избу, друг мой, на путике ставил мой прадед Дорофей.

Одним рубышом мой прадед Дорофей на первом дереве от становой избы поставил свое знамя.

Это знамя на путике было волчий зуб..

Мой прадед шел на путике и через девять деревьев ставил свое знамя на север, на полдень, на восход и на закат.

Ставил свое знамя и приговаривал:

– Живые помочи!

И это значило у моего прадеда: «Ты, другой человек, не ходи на мой путик ни с восхода, ни с заката, ни с севера, ни с полудня.

Живые помочи!

И ты, ворон, не смей клевать мою дичь.

Живые помочи!»

Так идет мой прадед по своему путику, зачищает пролысинки, разметает птичьи гульбища, поправляет пуржала, ставит петельки, сильшки и приговаривает постоянно:

– Живые помочи!

На конце путика, далеко в суземе, мой прадед поставил едомную избушку[5]: в ней он ночевал, складывал дичь, подвешивал пушнину.

Мой дед Тимофей от отца своего Дорофея получил по наследству тот путик, и на могиле Дорофея он поставил деревянный памятник и на нем топором вывел наше знамя: Волчий зуб.

Памятник и сейчас стоит.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И я тоже, как получил от отца своего по наследству путик, на могиле его поставил деревянный памятник и вывел на нем топором наше родовое знамя – Волчий зуб. Памятник этот и сейчас стоит.

На кладбище разные знамена: Воронья пята – три рубыша, Сорочье крыло – четыре рубыша, наше знамя Волчий зуб делается одним рубышем.

Моя обида с колхозом вышла из того, что когда начались колхозы, с меня потребовали: отдал бы я по доброй воле в колхоз свой путик.

А я свой путик любил и не хотел отдавать своего путика. Никто не может по моему путику ходить, как я.

Я сказал: «Примите меня в колхоз со своим путиком. Я буду мясо и пушнину для колхоза доставать больше всех». Я сто раз их просил, я умолял: «Примите меня в колхоз со своим путиком».

Они же меня не принимали, и я хожу в единоличниках.

Они называют свой колхоз «Бедняком», а кругом везде знамя «Зажиточная жизнь».

Они не хотят меня принять со своим путиком, а я не хочу быть единоличником.

Что делать?

Я работал в лесу на свалке, работал и на скатке хлыстов, и на окорке, и на вывозе.

Тошно было на душе, падало дерево, не захотелось от него уходить. Я не поспешил – и попал под дерево.

Высказав свою обиду, Мануйло перестал покачиваться и просто спросил:

– Скажи, друг Вася, кто у нас прав: я или они?

– Конечно, – ответил безо всякого раздумья сержант, – правда на твоей стороне. Ты хочешь добра колхозу, ты говоришь им правду, а они твою правду принимают за сказку и боятся – ты обманешь их своим путиком.

– Друг, – сказал Мануйло, – дай мне совет, как же мне теперь свою правду сыскать: ведь чуть из нашего леса вышел, никто и не понимает наших путиков, никто ничего не разберет.

– А ты иди прямо к Калинину, – сказал Веселкин, – он разберет.

– Что ты говоришь: идти к Калинину со своим путиком?

– То-то и будет хорошо. Ты придешь со своим путиком, тебе там помогут, вот как только поправишься, так прямо и иди в Москву и успеешь вернуться на весеннее бурлачество к сплаву лесов.

Мануйло в глубоком раздумье поставил на колени локти, на ладони положил голову со всеми своими щеками, покрытыми какими-то кустами и волосатыми бородавками.

Зато какие чистые, какие ясно-голубые детские глаза теперь раздумчиво глядели вдаль.

И великан повторял:

– Иди в Москву! Иди к Калинину со своим путиком! Живые помочи!

– Отчего же не идти, – отвечал ему добрый товарищ. – Раз ты правду свою чувствуешь, ты за нее должен стоять и биться. К Калинину люди идут за правдой даже с Ангары, с Енисея.

– С Ангары, с Енисея, – ответил Мануйло, – люди идут с делами. А я пойду со своим путиком!

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Не с путиком своим ты пойдешь, а с правдой: у каждого к правде есть свой собственный путь, и каждый должен за него стоять и бороться. Смело иди!

После того Мануйло выглянул в свою какую-то даль, и то ли он там что-то хорошее разглядел, чему-то заметно обрадовался, вернулся сюда к себе, и радостно, и твердо сказал:

– Это верно, у каждого человека на пути к правде есть свой путик, робеть тут нечего, спасибо, Вася, иду к Калинину!

Глава десятая

– Есть у каждого на родине что-нибудь такое дорогое, такое заветное, о чем хочется сказать вслух на весь мир, а сказать отчего-то совестно.

Так, правда, совестно об этом сказать! Кажется, все равно, что срубить заповедный лес.

Отчего это?

Не оттого ли совестно, что родина у всякого чужестранца есть, и каждый про себя думает, будто его родина лучше всех, и если каждый из нас перед другим будет выхваляться своей родиной, то будет раздор ни для чего.

И оттого, если кто-нибудь любит свою родину по-настоящему, то об этом не мечет бисер слов перед людьми, а молчит.

Мы же сейчас об этом самом дорогом на родине скажем не для того, чтобы хвалиться, а чтобы понять этих двух больных в госпитале за номером 231.

Такой вышел случай в этом полевом госпитале, что раненый сержант Веселкин, не имея возможности поглядеть на собеседника, узнавая его душу только по голосу, вдруг соединился душой вот с тем самым заветным, дорогим, о чем вслух говорить не хочется, и, наверно, оно и не надо говорить.

Вот это самое дорогое на родине и есть то, что в какую бы трущобу ты ни попал, нигде на родине ты не будешь один, как на чужбине, везде найдется понимающий тебя друг, и кажется тогда при душевной беседе, что вся родина, огромная страна со всеми своими веками жизни сейчас является в двух лицах: ты, как представитель одной стороны, и твой друг – представитель другой, и вы с ним советуетесь.

И такая она вся – советская Русь.

Вот это и есть нам самое дорогое: наша родина есть родина нашего друга.

Так оно, конечно, и есть: в этом чувстве друга и состоит главное богатство нашей родины.

Так оно и было: одного раненого привезли в госпиталь с поля сражения, другого, ушибленного деревом, принесли и положили рядом.

И оба они, каждый отдельно, стали думать, молча, об одном и том же: «Что это со мной случилось такое?»

Веселкин думал по-своему, Мануйло по-своему о чем-то близком тому и другому: один стоял за всех с одной стороны, другой – тоже за всех с другой, оба уверенные – если сойдется, то это и будет правдой.

Трудно было сержанту слышать голос близкого душой человека и не видеть его лица. Уже несколько раз он порывался повернуть голову и поглядеть на лицо своего друга, но каждый раз приближение боли его останавливало..

И только уж когда из разговора вдруг вышло, что идти к Калинину со своим путиком, это значит за правдой идти. Веселкин не выдержал, резко, повернулся..

Ничего не удалось ему увидеть: от боли все замутилось в глазах и вырвался крик.

Как раз тут проходила клада с теплой водой и бинтами. Услыхав стон, сестра

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru поставила на табуретку тазе кувшином и принялась разбинтовывать плечо у больного сержанта.

Сестра, наверное, поторопилась и что-то сделала неправильно.

– Что вы делаете? – остановил ее старый врач. Эти добрые люди, старые земские врачи, закалялись в строгости, и сейчас, конечно, голос прозвучал так, что сестра опомнилась:

– Как вы не видите, что бинт присох! Вам ли, медицинской сестре, мне говорить, что надо размочить теплой водой, а потом уже и снимать бинт.

Услышав недовольный голос врача, тут же явилась и старшая сестра Махова и тоже на Клавдию:

– Вы все мечтаете, все ищете и забываете, а что возле – ничего не видите...

Смущенная Клава отмочила бинт, и он легко снялся.

Осмотрев рану, доктор поморщился, и, больной понял – руку ему скорей всего придется отнять. Как и многие больные, он, конечно, не знал того, что знают врачи, но тоже и чувствовал нечто такое, о чем врачи знать не могут: так он чувствовал сейчас, что рука его жива, что она не мертвая и еще может ему пригодиться.

– Прошу вас, доктор, – сказал он, – руку мне эту не отнимать: ведь это правая моя рука и на что-нибудь мне еще и пригодится.

– Что вы говорите! – ответил врач. – На что она вам такая годна? А отнимать, мы сделаем, будет совсем нечувствительно.

– Какие уж тут чувства! – ответил больной.

От этих слов доктор, как это с ними бывает, вдруг направил внимание свое не к болезни, а к самому больному. Так бывает у них.

– Будьте рассудительны, сержант, – сказал он, – если так оставить, то вам все время придется только тем и заниматься, что следить за рукой. Вам ничего нельзя будет делать.

«Делать!» – повторил про себя Веселкин.

И в одно мгновение пронеслось у него в голове что-то очень хорошее, пережитое, вот только-только, сию же минуту. И это хорошее тут же и определилось: с рукой своей, по правде говоря, он уже про себя простился, и как-то стало ему не жалко руки. Но до того хорошо ему что-то сейчас пришлось по мысли: какая там рука, если потеря миллионов живых людей находила себе оправдание: наша страна скажет миру новое слово!

В один миг это все пронеслось у него в голове, и на слова доктора о том, что без правой руки ему ничего нельзя будет делать, он ответил:

– Не все же, доктор, делать и делать!

Доктор очень обрадованный, что нашелся больной с признаками самостоятельной мысли, улыбнулся и спросил:

– Ну, а что же останется, если сидеть инвалидом и ничего не делать?

– Подумать можно, – ответил Веселкин. – Вот я сейчас в отрывном календаре прочитал: Россия за то и терпит так много, что в конце концов должна сказать всему миру новое слово.

– Это верно, – сказал доктор, – Россия между востоком и западом столько терпела и от Востока и от Запада, что наконец должна же понять, из-за чего и за что она – все терпела. И если она после всего скажет какое-то слово, то это будет словом правды.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Словом правды! – повторил Веселкин. И чему-то улыбнулся.

Доктор вопросительно поглядел на больного. И Веселкин сказал:

– Почему-то бывает часто, подумаешь о чем-то великом, а тут же из-под рук и маленькое показывается. Мне подумалось, что если бы на руке хотя бы два пальца могли работать, и то можно бы папироску свернуть.

И показал доктору, как он этими своими двумя пальцами правой руки мог себе из календарного листика скрутить козью ножку.

Доктор очень смутился, он никак не думал, что при оборванной «аксиллярис» и разбитых плечевых сочленениях пальцы все-таки могли бы действовать.

В раздумье он развернул козью ножку и увидел портрет Белинского и под ним прочитал его слова о том, что Россия скажет на весь мир новое слово.

Веселкину очень бы хотелось сказать доктору что-то совсем от души, но вдруг почему-то ему стало неловко, и он заставил себя от лишних слов отказаться.

А как ему хотелось бы сказать, что не только от Белинского он узнал о великом свете человеческой правды. Он хотел бы в этом раскрыть самый смысл слов: служу Советскому Союзу. И потом хотел бы рассказать об угнетенной елочке, как бросился на нее свет великий, могучий и страшный, как юна ослепла в этом свете и долгое столетие неподвижная стояла на всем свету, оставаясь ростом в человека с поднятой рукой. И как она потом расцвела красно-фиолетовыми цветами-шишками, осыпаемая золотой пылью.

И как он, прочитав Белинского, вспомнил, как елочку, всю родину свою в свете великом, могучем и страшном.

Если бы Василий решился своими словами сказать это доктору и он, старый земский, врач, отдавший всю жизнь свою на службу народу, узнал бы себя самого в этой елочке, как бы он тут же обнял солдата этого!

Сына так не обнимешь!

Но так уж почему-то у нас всюду хорошим людям о самом главном стыдно бывает сказать.

Доктор, прочитав листик, старательно расправил его и передал обратно больному.

После нового осмотра правую руку Веселкину оставили, а здоровую левую доктор от всего сердца пожал.

Глава одиннадцатая

Веселкин часами лежал с закрытыми глазами, стараясь вспомнить то хорошее, что связывалось у него в памяти с Пинегой. И вот однажды, перебирая в памяти далекое прошлое, он вспомнил рассказы Антипыча о какой-то заповедной Корабельной Чаше, такой чудесной, на какой-то горе, третьей от речного берега.

И тут ему, как молния, сверкнуло:

«Эта Корабельная Чаша была где-то за Пинегой».

Выхватив это из памяти, Веселкин сейчас же обратился к своему теперь дорогому товарищу и спросил его:

– Вот, Мануйло, в детстве наши мне лесники сказывали о какой-то удивительной Корабельной Чаше за Пинегой: что будто бы в этой сосновой чаше дерево к дереву стоят так часто, что старому и свалиться некуда: падая, облокотится о близкое дерево и, стоит, как живое.

На какой реке эта Чаша, я не запомню, а только так понимаю: у этой реки берег поднимается тремя горами, на первой горе лес прижался ко второй скале еловый, на второй горе какой-то лес – не запомню, кажется березовый, а на третьей горе стоит Корабельная Чаша.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и в этой чаше так часто – стяга не вырубишь, и мох белый, как скатерть лежит. В этой чаше и тебя самого деревья всем миром поднимают, и тебе кажется, будто ты прямо к солнцу летишь.

– Скажи, Мануйло, ты слышал когда-нибудь эту сказку?

– Это не сказка, – ответил Мануйло, – Корабельная Чаша стоит за Пинегой верст на сто подалее в сузем в немеряных лесах. Это не сказка.

– А разве за Пинегой еще сохранились немеряные леса? – спросил Веселкин.

– Мало здесь, но там в области Коми такие леса еще есть, и Корабельная Чаша – совсем не сказка: Корабельная Чаша вся на правде стоит.

Бывало, старики начинают манить, вот и думаешь, сам еще маленький, – это они нас, ребят, заманивают в царство Коми.

Речки Кода и Лода, по их словам, будто бы там и начинались, в царстве Коми. И там протекала большая река, всем тамошним рекам река, Мезень.

А мы думали, ничего этого нет, ни Корабельной Чаши, ни Коми.

Бывало, слушаешь, слушаешь, да и спросишь:

– А где это, царство Коми?

Бабушка всегда отвечает на это:.

– В немеряных лесах, дитяtko.

– А разве, – спросишь, – есть леса немеряные?

– В Коми все леса немеряные!

Так мы и думали с детства – нет на свете никакого царства Коми и нет немеряных лесов и Мезень-реки, и все это держится только на сказках для нас, маленьких, а по правде ничего этого нет, даже и реки Мезени нет, а есть только наши Кода и Лода.

Тоже так говорили нам о каком-то некотором царстве и некотором государстве при каком-то царе Горохе.

И вдруг однажды оказывается, что и Коми есть, и леса немеряные там, и на третьей горе у реки стоит Корабельная Чаша.

Так зачем же, думаю, нужно все запутывать в сказки, если можно о правде говорить, и оно будет лучше сказки? Так я с этого начал в сказках правду искать, и у меня это дело бойко пошло, люди стали ко мне ходить – слушать меня. На своих сказках для людей сколько я в своем самоваре воды выпарил!

Было однажды – я уж начал тогда полесовать, – пришли мы, полесники, из далекого промысла...

Было как у всех: мы прибрали свою пушнину, бабы прибрались, поставили на стол всякую снедь, вино. Тут мой друг Кузьма достал из своей сумки палочку, и это было ушкало, на чем мы расправляем и высушиваем беличьи шкурки. Ушкало было не нашей работы, и Кузьма захватил его скорей всего на потеху ребятишкам.

Вот как раз в то время, как Кузьма достал ушкало и положил на стол, постучись к нам неизвестный человек и попроси у нас ночлега.

По нашему северному обычаю гостя впустили, приняли, как своего, и, не спрашивая даже имени, – усадили за стол.

И он, спустя малое время, сам говорит о себе:

– Я из Коми иду.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ребятишки на печке зашевелились. По себе их понимаю: сам тоже долго думал, что Коми – это в сказках и что в Коми леса немеряные и цепь землемерная, цепь врага рода человеческого, тех лесов не касалась.

Сказки это о враге рода человеческого – Антихристе передавались старухами из рода в род.

И на вот! из этих сказочных немеряных лесов приходит живой человек!

Ребятишки головки подняли, локотками подперлись и замерли.

Гость был нестарый, со светлой бородкой, ясными, светло-голубыми, небного цвета, глазами.

По-русски говорил он, как и мы сами говорим, только все-таки можно было понять – не русский был человек, – а тутошний: из Коми. Долго он отказывался от вина и все не спускал глаз с той палочки, принесенной полесниками с промысла...

Было очень похоже, гость все собирается спросить об этой палочке или взять ее в руки, но все не решается. Когда же стало ему неловко отказываться от вина, и он стакан свой налитый выпил, то осмелился, протянул руку к палочке, осмотрел ее и спросил особенно почтительно и робко:

– А могу я узнать, мои добрые хозяева, где вы нашли это ушколо?

– Это ушколо, – отвечаю я, – не нашей работы, так делают их только у вас, мы из ваших краев принесли ее показать нашим ребятишкам.

Тут гость в чем-то своем уверился и заволновался.

– Это, – говорит, – мое личное ушколо, своими руками я его вырезал. Скажите, где вы его нашли?

– В суземе, – говорю, – нашли и подивились, И показал гостю, как у нас делают ушкала.

– Это я знаю, – говорит гость, – как у вас делают. Мне бы охота узнать, в каком суземе вы нашли его: сами знаете, какой наш сузем.

– Да, – говорю, – сузем наш велик.

– Велик-то велик, – говорит гость, – но зато же он чуткий. Человек, зверь, даже птица пролетит бывало – и то чутко. Сузем наш, как море, один человек пройдет – и во все стороны побегут от него вести. Десять лет в прошлом я потерял в суземе это ушколо, а вы пришли и его увидели. Я даже точно скажу теперь, где вы нашли мое ушколо: нашли вы его в наших немеряных лесах на путике Воронья пята.

Тут не выдержали и ребятишки на печке и все там зашептали:

– В немеряных лесах!

– Скажу, Вася, я даже и оробел и по привычке своей говорю:

– Живые помочи! Да как же ты знаешь, где мы нашли твое ушколо?

– Воронья пята, – сказал гость, – это наш родовой путик и достался нам от прадеда, и наш прадед вырубил там везде наше знамя: два коротких рубыша – это два пальчика вороньей пята, третий же – пальчик и ногу в один длинный рубыш... А какое вы сами ставите на своем путике знамя, можно сказать?

– Да отчего же нельзя, – говорим, – конечно, можно. Наше знамя – Волчий зуб – мы ставим одним рубышом.

– Волчий зуб! – говорит. – Знаю и знал его с малолетства. Ну, теперь я вам точно все расскажу, где вы нашли мое ушколо.

Тут полесники наши все затихли: понимаю их, боятся чужого человека.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
– Все, все расскажу, – говорит гость, – как у вас вышло на промысле. На вашем путике была вам незадача: дичь попадает, но ее обирает медведь.

– Живые помочи! – говорю, – да как же ты это узнал?

– Медведя этого, – говорит, – вы скорее всего чем-то отпугнули, но дальше стало еще хуже медведя: вас ворон одолит.

– Живые помочи! да как же ты знаешь? – спрашиваю.

А он смеется и говорит:

– Что ты на мои правдивые слова твердишь все свои «Живые помочи». Я не колдун.

И перекрестился по-нашему.

А я, Вася, в колдунов и сам не верю, только отцы, деды, прадеды этим оборонялись в лесах, и я за ними по привычке говорю постоянно: живые помочи. А оно вроде как бы и помогает.

Так вот, говорю я этому чудному человеку:

– Имя твое наше, христианское?

– Имя мое, – отвечает, – Сидор.

– Скажи, – говорю, – Сидор, как это могло быть, чтобы узнал все наши пути?

– Подожди, Мануйло, – отвечает он мне, – я еще больше вас удивлю, а потом ты сам поймешь, как я понял ваши пути. Медведя вы прогнали, а после из-за ворона бросили свои лесами перешли в наши немеряные.

– Так, – говорим, – в точности было.

– На границе ваших лесов и наших немеряных стоит часовенька старая, забытая, вся в зеленом мху, вся зеленая. Креста на ней нет, и вместо креста стоит скворешник. Видели эту часовенку?

– Видели, – отвечают все наши полесники.

– А видели, – спрашивает, – как там скворец выходит из дырочки и начинает служить свою обедню, раздувается, бормочет, – это видели?

Смеются полесники: все они это видели и на скворца на том месте дивились и много смеялись.

– От этой часовенки, – продолжает Сидор, – вы шли долго по общей тропе и вот видите: общую тропу пересекает путик, мой путик Воронья пята. Вы тут увидели: хозяйство охотничье давно заброшено, петли порваны, дичь давно выбрана вороньем и медведями. Вы тут-то решили взяться за дело и попробовать счастья на Вороньей пята.

– Верно! – отвечаю. – Так оно и было: мы никого обижать не хотели – видим, все брошено, взяли путик и пошли к становой избе.

– Цела ли, – спрашивает гость, – становая избушка?

– Все, – говорю, – там цело, избушка и беседка: два бревна, одно посидеть, к другому прислонить спину. Прудик тут вырыт, вода чистая, вокруг растет кукушкин лен, и во льну плиця[6] лежит.

– Это моя собственная плиця, – говорит гость.

– Каждый камешек, – говорю, – на дне прудика виден, и возле камушков жмутся две рыбки.

– Вьюн и карась? – спросил гость, и когда мы ему ответили, что своими глазами видели: вьюн там был и карась, – он нам весело так говорит:

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Ну, вот, друзья мои, тут где-нибудь возле прудика вы и нашли мое ушкало.

Тут все мы обрадовались, все поняли, что были на путике у старого хозяина, и никакого нет в этом колдовства. Стали мы тут, как товарищи и друзья, просто пить вино, закусывать. Гость больше нас не стеснялся ничем, был как свой, но только заметно было: хотя он и пил, но ничуть не хмелел.

– Ты что-то таишь – сказал наконец гостю один, откровенный охотник.

И гость ему ответил:

– Ты это верно сказал: я таю.

После такого ответа как будто все сразу стали трезвыми, и гость, собравшись весь в себя, спросил вполголоса:

– А вы дошли до того места, где Лода – уходит под землю, а Кода одна бежит?

– Дошли!

– Тут берег высокий горой поднимается, как стена, и к этой стене деревья как бы ветром прибиты, и на этой стене, отступя, стоит вторая стена. Вы туда поднимались?

– Поднимались.

– И как поднимешься и пройдешь немного, то увидишь – третья речная стена горой поднимается выше всех, вы и туда поднимались, и что вы там видели или не видели?

– Видели мы там, – говорю, – Сосновую Чащу – великое чудо в наших лесах: каждое дерево в четыре обхвата и до верху чистое, и ни одного сучка. Дерево стоит к дереву часто – стяга не вырубшь, и если срубшь одно дерево, оно не упадет, прислонится к другому и будет стоять.

– Ну, вот, друзья мои, – сказал гость, – эту Сосновую Чащу в немеряных лесах мы и таим, и весь народ наш таит. И вас я прошу, не показывайте этот лес никому из начальства: мы в Коми с этой тайной все растем.

– Мы это слышали, – ответил я. После этих слов я понял все, повеселел и налил всем по стаканчику.

– Чего ты смеешься? – спросил меня гость.

– Не смеюсь, – отвечаю, – а жалею вас. Кто хочет молиться – на каждом месте, к чему только захочется, может обратить свое сердце. Зачем же для этого назначать лес? Сколько ни молись в лесу, он, рано ли, поздно ли, без пользы пропадет для людей от червя или пожара.

Больше охотники в этот раз ничего не говорили, а все улеглись спать. Утром, расставаясь с гостем, спросил я:

– Ты нам имя свой оставишь или так уйдешь?

– Да я ж вам вчера сказал, – ответил гость, – имя мое Сидор.

Стало тогда в лице этого человека не по-прежнему, пришло что-то в него не свое. И я это заметил и говорю:

– Нет, это неправда, тебя не Сидором зовут.

А он глубоко взгляделся в меня, как будто что-то нашел во мне. И улыбнулся.

– Ты, – сказал он, – Мануйло, ясный человек, я тебе верю и открою тебе: я не Сидор, настоящее мое имя Онисим.

Тут я спросил этого человека:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Скажи мне, Онисим, для чего ты о себе неправду сказал?

– О себе, – ответил Онисим, – часто человеку ради истинной правды надо неправду сказать, ты разве этого не знал? Человеку часто в наших лесах надо таиться, чтобы только жизнь свою сохранить.

Так мы расстались тогда хорошо с этим человеком, и с тех пор я еще больше стал понимать, что сама правда прямая, как ствол дерева, а мы сами, как сучки поневоле все кривые.

И так я веду свои слова: кажется – сказка, а я веду к правде!

Может быть, всякая настоящая хорошая и всем нужная сказка является попыткой каждого из нас по-своему сказать правду, найти свое собственное слово правды?

Как хорошо, если так!

Но во всяком случае мы-то это знаем наверно, что Мануйло из-за этого только всем и рассказывал о всем по-своему, чтобы какую-то смутную, но существующую правду сказать.

И когда, случалось, на его слова сердца других людей раскрывались, и вдруг все понимали свободно, весело и радостно и одинаково его слова, его сказку, он знал тогда: это правда, это он сумел правду сказать.

Сколько сказок, похожих на правду, и сколько правды, похожей на сказку, пробежало между, солдатом и полесником, когда перед весной под тяжелым ледяным одеялом дремала вода!

– Так неужели же это правда, – спросил Веселкин, – что Сосновая Чаша и сейчас еще стоит на том месте, где ты сказал. Точь-в-точь и в тех же самых словах я слышал о ней от старого лесника Антипыча. Чаша эта сосновая, деревья в четыре обхвата, и что деревья такие так часто стоят, что не могут упасть?

– Как же им упасть в такой чаше?

– И что там только одни великаны, и между ними стяга не вырубить?

– Только белый мох.

– Неужели же и это правда, – спросил Веселкин, – что на пути в Чашу старая часовня, и в ней скворец играет?

– Видел своими глазами.

– А как это может быть, что сколько-то лет вьюн с карасем в одной луже дружат? Может, они и сейчас там?

– А что им там делается! люди проходят по общей тропе, возле прудика скамеечка, тут все отдыхают, все наслышаны, все ищут глазами, где вьюн, где карась. Все видят – все радуются. Что же им сделается?... Эх, Вася, вижу и ты мою правду тоже, как все, за сказку хочешь принять, а я только о правде и думаю.

– Нет! – решительно ответил Василий. – Я тебе во всем верю, только сам в себе не могу скоро увериться: как-то кажется, не бывает все вместе: и Чаша Сосновая, и скворец за дьякона, и вьюн, и карась...

– Все бывает! – сказал великан, расставаясь со своим новым другом и любовно его оглаживая. – И бывает, и было! и что было, и чего не было – нам с тобой на стороне никогда-не разобратся. Только верно одно, что нас с тобой, двух таких чудачков, на свете еще не было.

Так из госпиталя Мануйло и отправился прямо к Калинину правду искать, и очень скоро после того и Веселкин вышел с твердой решимостью найти Корабельную Чашу.

Сержанту даже и в голову не приходило, чтобы могла быть помеха какая-нибудь на пути необходимости победы в этой войне, он ни на мгновение не сомневался, что

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru люди, укрывающие Корабельную чашу, поймут его с первых слов и отдадут сокровище свое на дело спасения родины.

Он был уверен, что как только он откроет, как нужна теперь для авиации фанера высокого качества, так все за ним и пойдут.

С большим трудом левой рукой он написал домой письмо о себе, наскоро в районе по начальству оформился в своем начинании, и весь, со своей найденной на пути к выздоровлению великой мыслью о новом Слове для всего мира, обратился к исполнению военного долга: служить Советскому Союзу.

Часть четвертая

Мануйло из Журавлей

Глава двенадцатая

Дети Веселкины были похожи на перелетных птиц, задержанных в пути медленным таянием снега. Как птички сидят у края снегов и дожидаются вешней воды, так и они сидели и ждали. И как только двинулись первые ручьи, птицы полетели на места гнездований, дети пустились тоже на север искать родного отца.

Они глядели в окна и засыпали, и опять просыпались, глядели и опять засыпали.

Скоро леса начались и пошли на север почти рядом с поездом. Стало понятно, почему почти каждое лето под городом Переславлем-Залесским в его малинниках показывается медведь и так страшно пугает наших женщин, собирающих малину. Медведь идет сюда с севера сплошными лесами, обходя светлые места редких городов, сел и деревень. Ничего нет в этом удивительного: дорога медведя большая, широкая, зеленая, а дом, его теплая шуба, с ним тоже идет...

Вспомнив родного медведя, ребята опять засыпают, и опять, очнувшись, сквозь окно глядят в далекие леса, как будто они там оставили что-то самое дорогое и теперь стремятся к нему.

Так им, бедным, пришлось, что в лесах далеко где-то затерялся и их родной отец. Но что потеряли мы все в этих лесах, когда сами с какого-нибудь лесного холма глядим в зеленые и синие голубеющие дали, и так тянет, тянет там далеко походить, поискать чего-то?..

С древних времен вырубаясь из леса на свет в поля, что это мы, потомки славян, оставили там в диких лесах, что мы там забыли, почему нас всех тянет в эту девственную природу, никогда не знавшую ни пилы, ни топора человека?

Да и есть ли еще такие леса? И почему так хочется, чтобы они были, и кажется, будто все мы там, как дети, оставили своего родного отца.

Всего только сутки какие-то проехали дети на поезде, а сколько лесов прошло, сколько было в них деревень, сел, и наконец одним ранним утром пришел большой город – Вологда.

– Настя, – сказала проводница, – буди Митрашу! Что это вы заспались? Я же с вечера говорила, Вологда рано будет.

И стала помогать Насте складываться.

Так вот и приехали. Из вагона вышел Митраша с большим мешком за спиной и с отцовским длинным ружьем. Рядом с мальчиком шла золотистая девочка Настя тоже с мешком и с небольшой свернутой палаткой.

Ребята вышли и сразу заметили перемену в природе: в Переславле шоколадные почки на березах были с зелеными хвостиками и такие густые, что в почках этих птица скрывалась от глаз. Тут никаких хвостиков не было, на берегу реки Вологды еще лежал снег, река только что освободилась ото льда, но из берегов вода еще не выходила.

– Ты заметила, Настя, – сказал Митраше, – тут у березовых почек еще нет зеленых хвостиков.

– Почки, – ответила Настя, – боятся мороза. Может быть, они тут и были, но пришел мороз, и они спрятались.

Митраша снисходительно улыбнулся сестре:

– Так не бывает, где ты видела, чтобы почки раскрытые опять закрывались? Это ты с людей берешь: у людей – показались и спрятались, а у них только раз бывает: показался на свет и в почку назад не вернешься. Нет! тут они еще не показывались, и оттого, что мы едем на север. Ты замечай, такого у нас много будет, такое увидим, такое узнаем, чего у нас не было и не будет!

Теперь пришло время Насте, маленькой женщине, улыбнуться на мальчика. Сказать она не собралась, но про себя подумала: «Искать отца – это дело, но гоняться за тем, чего не было – это пустяки, и об этом нечего и говорить».

Так они перешли привокзальную площадь и остановились. Митраша вынул из кармана план, начерченный ему Фокиным, и разостлав его на коленке, стал раздумывать, в какую улицу им свернуть.

В это время постовой милиционер внимательно приглядывался к детям. То ли он умирился стоять и не на что было глядеть, то ли и правда ему было дивно видеть мальчика с таким огромным ружьем и девочку, похожую на водяную курочку на длинных ногах.

– А ну-ка, охотник, – подмигнул он весело Митраше, – права-то у тебя имеются?

Митраша не ответил на улыбку и серьезно, даже с оттенком важности сказал:

– Права? Вот наши права.

И подал милиционеру сложенную и перевязанную ниточкой газету. Из газеты вышел пакет. Из пакета – бумага с печатью.

Бумага была адресована Вологодскому Завгороно, и в ней подробно описано положение сирот, с просьбой помочь им доехать до Пинеги.

Удивительного милиционеру в этом ничего не было: мало ли теперь в военное время кто кого ищет.

«Вы круглые сироты?» – хотел спросить милиционер, но по ошибке спросил:

– Вы голые сироты?

– Какие же мы голые, – сердито, сказал Митраша, – мы одеты, обуты.

– Я вас спрашиваю: матери у вас тоже нет, и если ни отца ни матери, то, значит, вы сироты круглые. Понятно?

– Круглые! – повторил Митраша. – А ты сказал: голые.

Тут маленькая женщина поняла, что милиционер им, будет полезен и нельзя с ним обходиться по-митрашиному резко.

– Да, дяденька, – сказала Настя жалостливо, – нам сказали, что отец убит, и мать, услышав это, умерла от горя. А теперь пришло письмо – вроде как бы и жив. Хорошие люди все нам помогают, и вы, дяденька, нам помогайте!

Подумав немного, может быть, о том самом, о чем Настя его попросила, милиционер сказал:

– А как у вас с деньгами, есть деньги?

– Есть! – сказал было Митраша.

Но Настя быстро перехватила его слова и ответила:

– Мало!

– Если мало, – сказал милиционер, – так зачем вам обращаться к Завгороно и беспокоить его в таком легком деле: круглым сиротам у нас везде помогут. А

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru сейчас вода вас доставит даром на место. Поезжайте прямо на щуке!

Настя по голосу поняла милиционера, что он им серьезно хочет добра, и только ей надо было спросить, про какую щуку он говорит. Но вдруг Митраша как будто вырвался у нее из рук и заносчиво выпалил:

– Вот хорошо! Мы поедем на щуке, а ты поезжай за нами на окуне.

– Пацан! – строго и серьезно сказал милиционер. – Я, мой милый, не смеюсь, и ты не обижайся. Ведь я тоже с Пинеги, я сам тоже пинжак.

– Как пинжак? – оторопел Митраша.

– Дяденька, дорогой наш, – вцепилась Настя, – если ты с Пинеги, то помоги нам туда попасть!

– Да, детки, – отвечал милиционер, – я с Пинеги, и щука – не рыба, а это у нас особая сплотка леса зовется: щукой. Шкуренные хлысты сейчас лежат на берегу, и бурлаки их между собою связывают. Получается щука, голова у нее и хвост, а посередине строится будка, и в ней сидят пинжаки.

По всем северным рекам бурлачат наши пинжаки. Пойдемте сейчас к реке, найдем щуку. У меня на реке все знакомые, даже родня. Я ведь сам тоже...

И милиционер опять назвал себя пинжаком.

Счастливо пришлось, что на смену милиционера как раз вовремя пришел другой и, узнав в чем дело, сказал:

– Пинжаков сейчас там полный берег, ты, Шуренок, поди, их проводи.

А река Вологда была тут совсем недалеко, средняя река вроде нашей реки Москвы, но, конечно, весной посильней. Весенняя вода еще только чуть коснулась шкуреного круглого леса на берегах. Но некоторые хлысты уже были тронуты водой и, желтые, плыли рядом с белыми гусями. Всюду на берегах люди возились с лесом, приготавливали его к сплаву.

Милиционер крикнул им сверху:

– Есть пинжаки?

– А как же? – ответили ему снизу. И показали готовую щуку.

– Там, – сказали, – в будке сейчас Мануйло из журавлей.

– Мануйло! – обрадовался милиционер. – Он мне дядя.

Великан Мануйло, услышав эти слова, вышел из будки и, увидев милиционера с детьми, сказал:

– Здравствуй, Шуренок, куда тебя несет с детьми?

– К тебе, – ответил Шуренок.

– Идите ко мне, – сказал Мануйло, – будем чай пить.

И полез в будку обратно.

Разговор за чаем был про дела на Пинеге, о том, что Мануйлу не хотели принимать в колхоз со своим путиком, но что он ходил в Москву, к Михаилу Ивановичу Калинину, и что он теперь войдет – ему можно теперь войти в колхоз со своим путиком.

– Как же так это у тебя вышло? – спросил Шуренок. – В колхоз и со своим путиком?

– Ничего тут нет удивительного: каждый в колхоз должен нести что-нибудь свое, и такой колхоз будет «Богач», а не «Бедняк», как у нас до сих пор называется.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Там над «Бедняком» посмеялись, и все поняли: я не для себя прошу, а для общего дела.

Шуренок покачал головой с большим удивлением и, подумав, сказал:

– Ты-у нас, Мануйло, похож на медведя: первое, тем похож, что никому нельзя, а ему можно, и только за то, – что медведь. Второе, тем похож, что когда он встает и выходит весной из берлоги, то подымет на задние лапы, померяется на первой елочке и делает загрыз. Так и ты встал и меряешься со всем колхозом.

– Давно ли, Шуренок, – ответил Мануйло, – ты со своего путика в милицию попал, и уже наши охотничьи приметы путаешь! Медведь делает на елке загрыз не когда встает из берлоги, а когда ложится на зиму.

– Так я это и хотел сказать, – засмеялся Шуренок, – медведь меряется, – когда ложится, а Мануйло меряется, когда встает: тем он от медведя и отличается.

Тут Митраша не выдержал и решился спросить:

– А для чего медведь меряется, когда ложится в берлогу?

– Это, – ответил Мануйло, – приглядываясь к Митраше, – медведь хочет заметить, сколько за зиму он подрастет.

– Значит, – сказал Митраша, – весной медведь еще раз меряется?

– Нет, – ответил Мануйло, – на зиму ложится медведь и с горя померяется, а когда придет весна, то обрадуется воле своей, встает и забывает померяться.

Мануйло, рассказывая о медведе, глаз не спускал с мальчика, Митраша ему напоминал кого-то, но кого, он вспомнить не мог.

– Вот что! – сказал он вдруг Шуренку. – Ты куда хочешь плавить детей?

– К нам, – ответил Шуренок, – на Пинегу, там у них раненый отец где-то в суземе.

– Отец? – сказал Мануйло. – Ну так что отец?

– Дети отца ищут: у них мать умерла.

– Мать померла, – повторил Мануйло, – так чего же отца-то искать? в свое время отец сам придет.

– Когда еще придет, когда еще война кончится, – ответил Шуренок. – Им одним без отца, без матери жить горько, взяли и собрались искать отца.

– А из какой же он местности?

– Из города Переславля-Залесского.

– Знаю, – сказал Мануйло, – хорошие там люди, со мной в госпитале один лежал – вот был человек! Это, он меня на путь поставил, он сказал: «Иди, Мануйло, к Калинину и не бойся, помни, ты со своим путиком за правдой идешь». И так оно точно и вышло, и я правду нашел.

– Правду нашел, – повторил Шуренок.

И засмеялся морщинами на щеках и возле губ.

– Тебе бы, – ответил Мануйло, – это не дивно бы слышать, ты же милиционер: на законе стоишь.

После чая Шуренок ушел. Мануйло сказал детям:

– Не горюйте, ребята. Взались искать отца и найдете. Сузем наш чуткий. Будете спрашивать – и люди скажут. Сузем наш чуткий, порато чуткий: олень копытом наступит – и на том месте другая чем раньше травка растет. А человек слово земле

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru скажет – и на том месте березка встанет.

– Не может быть! – сказал Митраша.

– А вот и было! – усмехнулся Мануйло. – Были у царя ослиные уши. И никто никому не смел сказать об этом. Вот один человек не мог вытерпеть, наклонился и земле перешепнул: «У нашего царя ослиные уши!»

Прошли годы, на том месте выросла березка.

Проезжал однажды мимо того места царь. Березка наклонилась к нему и шепнула: «У нашего царя ослиные уши!»

– Это сказка! – вскрикнул Митраша.

– В этой сказке есть правда: затем и сказка, чтоб правду найти, – ответил Мануйло. – Наш сузем чуткий. И где отдыхает человек, там всегда вырастает березка. – Придете к тому месту, где ваш отец отдыхал, и березка вам скажет, где ваш отец.

Было еще раз вечером, перед тем как спать ложиться.

Мануйло внимательно поглядел в глаза Митраше и чуть бы только – и вспомнил бы он друга своего Василия Веселкина, и понял бы, что эти дети – его. Вот бы обрадовался Мануйло, вот бы помог! Да он и не расстался бы с ними, он бы их к себе взял на свой путик, он бы повел их на Воронью пята и в самую бы Чашу доставил, в благодарность их отцу за совет его пойти к Михаилу Ивановичу.

Так, может быть, и все мы около правды истинной ходим и обходим ее: она тут рядом, ее можно рукой достать, – а нас направляют в какой-то сузем далеко, в дикий лес, спрашивать об отце какую-то березку...

Дети как легли, так и уснули, камушками. А Мануйло ночью отвязал канаты, подобрал их на плот, поработал рулем и отпустил шуку свою плыть по течению головой вперед.

Глава тринадцатая

Митраша с Настей выросли в Усолье и Москву никогда не видали. Сейчас тоже объехали Москву северным путем из Переславля через станцию Берендеево.

Во время войны в Усолье собирался народ по ночам на высокое место, смотрел на небо в сторону Москвы, и небо было в зареве, и какие-то страшные огни то вспыхивали, то потухали, и народ повторял одно злое слово:

– Бомбят!

А недавно в той стороне стали показывать другие огни, они высоко поднимались на темном небе: голубые, красные, зеленые, и сыпались разноцветными фонтанами вниз, и всем видно было – это огни радости, и люди весело повторяли:

– Победа! И все это горе и радость – в Москве, а самой Москвы не видеть.

Вот отчего, с первых же слов Мануйлы, как только он сказал, что был у Калинина, Митраша подумал о нем с уважением: Мануйло видел Москву! Вот бы теперь узнать от него все о Москве: какая она сама, какие там люди и что они делают. И еще хорошо бы тоже узнать, как Мануйло в Москве достигал своего путика и что это за свои путики и какие они.

Утром, как только дети проснулись, Мануйло уже и рыбы поймал и наварил ухи и дождался у теплинки, когда они встанут и будут с ним вместе уху хлебать.

За ухой Митраша подумал, что первое надо спросить о своем путике, а потом, как Мануйло его достигал.

– Что это: свой путик? – спросил Митраша.

– А у отца твоего разве не было, – ответил Мануйло. – Кто твой отец?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Мой отец лесник.

– А если он лесник, – сказал Мануйло, – то как же ты ничего не знаешь о путиках?

– У нас на родине нет своих путеиков, – сказал Митраша, – ты дядя Мануйло, скажи нам, какой бывает свой путик, и как ты в Москве достигал своего путика, и какая Москва.

– Свой путик, ребята – сказал Мануйло, – долгий, он достается нам от отцов и дедов, и прадедов.

Путик у меня долгий, и на деревьях затесы: наше знамя, охотничье делается одним рубышом и означает Волчий зуб.

Путик мой пересекает чужой путик, и на росошине у меня стоит знамя Волчий зуб.

Наше знамя на росошине означает мою сторону, мой полуденный ветер.

Знамя Волчий зуб означает: – Не ходи другой на мой ветер, на мой топор.

Знамя другого человека стоит на другой росошине и означает Воронью пята и делается в три рубыша.

Знамя другого человека на росошине, означает: – Не ходи на мой ветер, на мою пята, на мой топор.

Такой у нас в суземе закон: другой не ходи на мой топор!

Мануйло остановился и задумчиво глядел в глаза Митраши.

Было ему так, что с малолетства слышал про этот закон и думал о нем одно, что это верный, хороший и твердый закон. А вот теперь говорит, глядит в эти ясные большие серые глаза, и что-то ему чудится; где-то он видел эти глаза и что-то было такое, вроде бы кто против этого закона ему говорил.

И вот этот мальчик сейчас его спрашивает:

– Страшно у вас?

И на вопрос: «Чего страшно?» – отвечает:

– Тебе-то, дядя Мануйло, хорошо на путике, а другому страшно: вдруг нечаянно и попадешь как-нибудь на твой топор?

– Нечаянно можно, – ответил Мануйло, – нельзя только с умыслом. Так вот я вам сказываю дальше:

На путике своем у корней дерева я вижу от солнца светлое пятнышко, насыпаю на это место песочку, и на том гуменце ставлю сильшко.

Откуда не посмотришь на сильшко – гуменце все бывает видко.

Глядит птица с высоты – и ей внизу гуменце видко.

Летит мимо птица, и ей гуменце мое вот как видко: и сверху, и снизу, и сбоку.

Все видко.

Птица в лесу любит песочек на солнышке, пуржится в нем, трепьшется и попадается в сильшко.

И тут я иду, собираю дичь, и отец мой ходил по тому же путик, и дед, и прадед ходил, и у них всегда было одно знамя Волчий зуб. Теперь же пришло время, и с меня требуют, чтобы я свой путик отдал в колхоз, а меня назначат на чужой путик.

– Нет, – ответил я, – никто не может управлять моим путиком: у меня есть свои тайны, и я о них никому не скажу. Примите меня в колхоз со своим путиком.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru Колхоз назывался «Бедняк», и им было завидко. Я же хотел им добра: не себе, а всем было бы мясо с моего путика. Но им было завидко, и они меня не приняли в колхоз со своим путиком. Живые помочи!

– А это что? – спросил Митраша.

– Ничего, – ответил Мануйло, – у нас полесники все так говорят, помогает... Так вот я дальше сказываю:

Горько мне было на душе, когда я бурлачил в лесу этой зимой: от горя своего потерял я голову, и оттого упало на меня высокое дерево, и я тоже под ним упал на землю.

И тут вспомнилось. Мануйле ясно, что был у него разговор с другим человеком о своем путике, и где именно: в госпитале с сержантом Веселкиным.

Теперь бы еще о глазах вспомнить, что там же он и видел такие глаза, как у Митраши, и спросить сироту о том, как звали его раненого отца. Но как раз в это время над самой рекой бреющим полетом пролетел с грозным шумом самолет и вышиб из головы Мануйлы нарастающее внимание к человеку.

Он продолжал о своем путике:

– Потерял голову! – дивился Митраша.

– Ну да! – ходил, как в тумане, все равно, что не было у меня головы, и я не мог услышать, скоро обернуться, увидеть, увернуться: я потерял голову – и дерево упало на меня.

Мне было на душе горько: я не мог жить без людей и не мог жить без своего путика. – Прощайте! – сказал я.

Но меня подняли и в больнице выходили. И один человек, самый хороший, какого я только видал на свете, послал меня в Москву искать правды.

– Бедный Мануйло! – сказала Настя, и глаза ее большие темные заблестели от слез, как ягоды блестят, на дожде.

Не пожалей Настя Мануйло, очень может быть Мануйло и стал бы расспрашивать у Митраши про отца, и так бы все и дошли до правды. Но Мануйло заметил, какой милой от слез сделалась девочка, и своей огромной ладонью погладил ее золотистые волосы.

– Ты не меня жалеешь, а наш колхоз, недаром же он сам себя назвал «Бедняком». Мне же, деточка, везде хорошо: что ни задумаю, мне во всем счастье. И об одном я горю, что люди не хотят брать свое счастье и похваляются своей беднотой.

– Дядя Мануйло, – сказал Митраша, – не надо больше про колхоз «Бедняк» и про путик, расскажи нам, что это за Москва, и какая она, на что похожа?

– Москва ни на что не похожа, – ответил Мануйло. – Большой дом и много окон: десять, двадцать, может сто. А над этим большим домом построен другой большой дом, и тоже все окна и окна: не пересчитать. Над этим вторым домом сверху третий такой же, и опять все окна и окна, и опять вверх. Есть дома в двадцать домов и вверх.

А к этому дому рядом примазан другой такой же, с другим смазан третий, и так целая улица.

И тоже улица – не улица, как ручей – не река. Улицы, как речки, вливаются в большую реку, и по ней течет не вода, а народ.

Вот иду я, иду, и нигде мне самому ничего не видно, только все люди и люди, как льдины в ледоход.

Иду я, иду, и ничего, мне самому не слышно: все везде кругом гудит, стучит, звенит и огнями играет: и красный ми, и зелеными, и желтыми.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Иду я иду, и вижу перед собой великий мост через реку выгнулся и повис, по мосту люди идут тесно по той и по другой стороне. А по середине машины, много машин, как жуки: и черные, и синие, и разные. А под мостом внизу по реке идут пароходы по воде, а по берегам реки – опять машины. Только по мосту они ползут нешибко, как жуки по земле, а там они летят, как жук по воздуху, и гудят.

Иду по мосту, на ту сторону, гляжу на пароход, и мне мнится, будто не пароход идет, а мост подо мною идет.

Голова кружится!

Иду я и не смотрю больше на пароход, и голова у меня больше не кружится и будто стала на свое место. Все впереди видко мне опять.

Вот на той стороне дом великий, а на дворе уже темнеет, и в том великом доме загораются огни: один огонек, другой, третий, и пошло, и пошло; не счесть, сколько огней!

Я больше не иду, а как стал на мосту, так и стою, и смотрю, когда вовсе стемнеет, и все огни загорятся.

Много огней в доме загорелось, и от низу и до верху в окнах все видко.

Там укладывает мать, вся в белом, маленьких детей в кровати.

Там умываются.

А там – пьют вино.

А еще повыше – двое так сидят.

И все внизу видко, и только невидко, где окна завешаны...

А в одном окне мальчик сидит за столом, пишет, читает, губками перебирает, себе помогает, весь кудрявенький, хорошенький, а лампа зеленая.

Гляжу я на мальчика под зеленой лампой и забыл про себя, что я приехал в Москву, и куда мне идти, и что мне делать.

Стою спиной у железной решетки и гляжу туда на огни. Сам не вижу и не знаю, кто проходит, кто стоит возле меня и на меня глядит.

Вдруг человек хорошего вида, немолодой-нестарый, из-под руки меня спрашивает ласково:

– Скажи, друг, откуда ты к нам пожаловал?

– С Пинеги, – отвечаю, – мы пинжакй.

– Оно и видно, – говорит, – издалека приехал. Похоже, еще и не устроился нигде. Чего-же ты тут так долго стоишь и глядишь. Что ты видишь?

– Мне, – говорю, – вон тот мальчик полюбился под зеленой лампой: сидит, пишет, читает, губками себе помогает, какие веселые волосы. Не можешь ли мне сказать, кто этот мальчик у вас?

Засмеялся неизвестный человек на мои слова и говорит:

– Мальчик этот у нас, это вернее всего – новый Пушкин родился. Мы ждем от него, чтобы он так сказал о правде, чтобы все ее поняли и чтобы весь свет пошел за нашей правдой. Вот мы какие, вот какой у нас мальчик! Слыхал, – спрашивает, про Пушкина?

– Нет, – отвечаю, – человек я – северный, бурлак и охотник, сказки сам сказываю, а про Пушкина, может, и слыхал, да к чему он – не понимаю. Сделай милость, расскажи!

– Пушкин, – говорит, – был человек замечательный: он говорил только правду. Мы

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru все ждем, чтобы он опять родился: вот, может быть, этот мальчик и есть новый Пушкин.

Тут я понял, что он это пошутил: не может человек два раза родиться. Но мне полюбилось, как он сказал: мне самому тоже хочется в своих сказках правду сказывать.

– Милый ты мой, – говорю я, и радуюсь, и прошу его: – друг, давай где-нибудь посидим, – поговорим.

И показываю ему в окно на тех двух в окошке, что вот уже час или более так сидят, ничего не делают и между собой неслышно говорят.

– Можно! – отвечает мне мой друг.

И повел меня опять назад через тот великий мост.

Ну вот, пришли, мы в другой большой дом, там все сидели, ели, пили, и мы сели за столик одни. Он меня накормил и сам немного отведал, а потом спрашивал и записывал, и так-то ему это полюбилось, когда я ему рассказал, что приехал в Москву просить, чтобы приняли меня в колхоз со своим путиком.

– Счастливый, ты, – говорит, – человек!

– Это, – говорю, – я знаю.

– Нет, в том счастливый ты, – говорит, – человек, что на меня напал!

Так сложил он свои бумажки, заплатил по счету и велел вызвать машину.

Сели мы в машину и поехали скоро, вся Москва со всеми огнями за нами гонится и не может догнать.

– Хороша, – говорю, – Москва!

А он мне:

– Да и ты хорош!

Так приехали мы в общежитие, и тут велено мне было жить спокойно и ждать, когда меня позовут. Прощаясь, друг мне еще раз сказал:

– Счастлив, что напал на меня.

И назвался Иваном Егорычем.

Ну, хорошо! Рано утром я просыпаюсь на белой постели, а вокруг все до одного человека спят. Слышу: внизу где-то люди шумят, покрикивают, скребут и машины гудят и шуршат.

– Что бы это было такое?

А кругом меня человек к человеку спят на белых простынях.

Спросить некого.

Вижу, кот сидит на окне и тоже вроде меня слышит и тревожится: что бы это было такое?

Окно все голубеет, все светлеет. Кот что-то по-своему понял, сел на задние лапки, поднялся и передними двумя, часто перебирая, начинает драть по мороженому стеклу.

Драл-драл, и ему стало видко.

Видит кот, галки летят, много летит галок, и он мордочкой ведет в их сторону:

Галки прямо – и кот прямо, галки вбок – и кот вбок, галки вправо, галки, влево:

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
куда-галки – туда кот.

Подхожу и я сам к окну. Живые помочи!

Полна улица людей, и все с лопатами. Машины приходят, машины уходят. Приходят машины пустые, уходят – полны снега.

Все работают, улицу очищают, снег накладывают.

Чем думаю, я-то плох? Потихоньку оделся, спускаюсь с лестницы и спрашиваю у людей:

– Что вы делаете?

А они мне весело отвечают:.

– Весну делаем!

Чем же, думаю, я-то плох? Беру себе лопату в руки...

Так у них в Москве: головой работают больше по ночам, и эти – по утрам долго спят.

А кто руками, так еще начинают работать в темноте, как и у нас, на Пинеге. И я с теми каждый день в темноте начинаю, в темноте и кончаю.

Так у нас все скоро вышло: весну в Москве сделали.

Хорошо весну сделали мы: ни одного пятнышка белого. А, когда снегу не стало – что делать солнцу? Сушить улицу. Сушит оно и играет цветными платочками на головах. Любо!

Первые дни меня в общежитии спрашивали:

– Что ты делаешь?

А я в ответ:

– Весну делаю!

А они мне:

– Ты что же, в дворниках, или в трест по очистке нанялся?

А я им:

– Нет, я это незадаром в Москве хлеб ем.

С тем они от меня и отошли.

Потом вдруг приходит машина и говорят мне:

– За тобой!

И повезли меня к Калинин.

Часть пятая

Утиная вечерка

Глава четырнадцатая

Бывает, в бору у какой-нибудь золотисто-рыжей сосны из белого соснового тела выпадет сучок. Пройдет год или два, и эту глубокую дырочку оглядит зарянка, маленькая птичка точно такого же цвета, как золотисто-рыжая кора у сосны. Эта птичка натаскает в пустой сучок перышков, сенца, пуха, прутиков, устроит себе теплое гнездышко в пустом сучке, потом выпрыгнет на веточки и запоет.

И так начинает птичка весну.

Через какое-то время, а той прямо тут вслед за птичкой приходит охотник и

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru останавливается у этого самого дерева в ожидании вечерней зари.

Вот где-то, с какой-то высоты на холме, певчий дрозд первый увидел признаки вечерней зари и просвистел свой сигнал. На этот сигнал отозвалась зарянка и вылетела из пустого сучка, и, прыгая с сучка на сучок выше и выше, оттуда сверху тоже увидела зарю, и на сигнал певчего дрозда ответила своим сигналом.

Охотник, конечно, слышал сигнал дрозда и видел, как по сигналу вылетела зарянка. Он даже заметил, что зарянка, маленькая птичка, открыла свой клювик, но что она пикнула – он не слышал: голос маленькой птички не дошел до земли.

Птицы уже начали славить зарю, а человеку внизу зари не было видно.

Но пришло время, над всем лесом встала заря, и охотник увидел: высоко на сучке птичка свой клювик то открывает, то закрывает.

Это зарянка поет, зарянка славит зарю, но песни ее человеку не слышно.

Охотник все так понимает, по-своему, что зарянка славит зарю, а отчего ему ее песню не слышно – это оттого, что зарянка поет, чтобы славить зарю, а не чтобы самой славиться перед людьми.

И вот мы считаем, что как только человек подумал об этом, чтобы ему тоже так хорошо было, чтобы ему славить зарю, а не чтобы зарей самому славиться, так и начинается весна самого человека.

Все наши настоящие любители-охотники, от самого маленького и простого человека до самого большого, только тем и дышат, чтобы прославить весну, а не самому весной прославиться.

И сколько таких хороших людей есть на свете и никто из них сам не знает о себе, и так все привыкнут к нему, что никто и не догадывается о нем, что он хорош, что он для того только и существует на свете, чтобы славить зарю и начинать собой такую хорошую весну человека.

Вот тоже и у нас в Вологде на самом берегу реки жил такой плотник Федор Силыч. Как все плотники, он работал всегда молча, но если станешь ему рассказывать о чем-нибудь, то слушает охотно, не говорит даже ни да и ни нет, а только улыбается и, насколько ему можно оторваться от топора или рубанка, поглядывает понимающим глазом. Самому себе всегда кажется, будто разговор с ним идет ему впрок, и оттого так скоро между ним и тобой вырастает целая большая пахучая гора стружек.

А когда отойдешь от него, то всегда думаешь: а не пойти ли самому в плотники, не заделаться ли самому столяром?

Когда Силыч сильно стал стареть и вертеть бревнами стало ему не в состоянии, он перешел на столярные работы, и на этом деле он и свил себе такое же гнездышко незаметное, как свивает зарянка в пустом сучку Силычу на своем деле удалось послужить хорошо, и всякий вологодский охотник поминает его добром.

Бывало, Силыч работает, а дорога уже подопревает, рыжая по белому, и в душе охотника начинает мутить, и тянет куда-то. Вот и скажешь:

– Силыч! А дорога-то подопревает...

Он улыбнется, поглядит то на дорогу, то на тебя.

– Ты знаешь, Силыч! – скажешь ему, – охотничья душа начинается от разлуки, что-то – мы с тобой потеряли в лесах и в болотах, к чему-то так теперь тянет.

Он улыбается.

Каждую весну мы так начинаем, и наконец лет уже тридцать, а может быть, даже и сорок Силыч, услышав о разлуке, бросил обычную работу и начал делать что-то другое и стал на долгое время каким-то другим человеком и рассказы всякие слушал рассеянно.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так родился наш замечательный вологодский ялик из мысли этого скромного человека о разлуке и твердом своем решении соединить разлученного городского человека с природой.

Не знаю, конечно, свет велик, и может быть, где-нибудь делают охотничьи ялики лучше нашего, но нам ялики Силыча всем так пришлось по душе, что кажется, будто лучше яликов Силыча не было и нет ничего лучше на свете.

Сколько людей было, что вовсе ружья никогда в руках не держали, – а как поглядит на ялик Силыча, так закажет себе, а как проедется, так ружьишко достанет и начнет, из своего собственного ялика, как птичка из пустого сучка славить зарю..

Эта знаменитая лодка делается из двойной фанеры, и оттого она такая лёгкая, что одному легко можно ее перетащить с одной речки в другую. На ней есть и палуба, чтобы в непогоду забраться, закрыть за собой отверстие, и в бурю, и дождь, и холод быть, как у себя дома.

Мало того! захочется подышать свежим воздухом, или в ветер и дождь чаю сварить, или жирную утку зажарить на примусе, то отверстие прикрывается особой маленькой палаткой, А по бортам ялика частые гнезда, в них вставляются ветки, и ялик обращается в плавучий шалаш.

Умеючи обращаясь с веслом, можно на близкий выстрел, подплывать к уткам, гусям, лебедям. А если ветер походный, то есть гнездо для мачты, можно парус поставить и на легком ялике птицей мчаться по ветру.

Несет ветер вперед на воду – воде нет конца, мчись водой хоть в Северную Двину, хоть в Белое море, хоть в Ледовитый океан..

Прощайте, домашние люди, я мчусь в океан!

Несет ветер домой, тоже как хорошо!

Здравствуйте, милые люди мои и мой любимый труд!

Удивляются и смеются люди со стороны на взрослых людей, даже и на стариков, что они все свое свободное время проводят на яликах, смеются и не понимают того, что это новый человек возвращает себе древнюю силу природы.

Так вот оно и вышло, что от разговоров о разлуке человека с природой наш Силыч перешел к делу и за долгую жизнь свою создал целый флот охотников на вологодских яликах..

Где теперь эти охотники? Один где-нибудь в ночное время на постройке плотины для перехода своей части на ту сторону задержал собственным телом прорыв ледяной струи, другой, может быть, телом своим закрыл пулемет, третьему посчастливилось: сидит у огня и пишет жене, чтобы берегла в сарае его ялик, и хорошо, если она у шофера достанет отработанного масла и на всякий случай промажет им весь ялик.

Все здоровью охотники теперь на войне, весь флот Силыча теперь у жен под замком, и остались охотники теперь одни только те, кому нельзя на войну: люди они хорошие, как и все, только негодны оказались для войны и оттого их зовут негодниками.

Из негодников первые охотники, спорить об этом никто не станет, это, конечно, братки, два одинаковых брата – Петр и Павел. До того братки друг на друга похожи, что узнать верно, кто у них Петр и кто Павел, можно только, когда они рядом. Но хорошо, что никогда и нельзя увидеть их отдельно. От рождения Петр был совершенно глухой, а Павел слепой, но зато глухой Петр имел такое острое зрение, что видел, говорят все, вдвое дальше среднего человека, а слепой Павел слышал вдвое против среднего человека.

Вот почему всегда так бывало, что когда слепой Павел издали услышит такое, чего средний человек еще слышать не может, то, почуввав движение брата, глухой Петр поворачивает туда голову и видит такое, что для среднего человека еще совершенно невидимо.

А еще у братков то замечательно и всем тоже известно в Вологде, что они могут

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru говорить только правду и ни разу никого в жизни своей не обманывали.

Иные слабые люди у нас до того изверились в правде, что в Вологде всюду в привычку вошло отвечать на всякий обман тем, что правды вовсе и нет на свете, что правда только у Петра да у Павла.

А есть и такие, по-нашему – совсем негодные, до того изверились, что не удивляются даже и на Петра и на Павла и говорят, будто оттого у них и правда, что слепой и глухой не умеют между собой сговориться, чтобы обманывать.

Братки служили на одной должности повара на железной дороге, и вологодский буфет далеко славился по всей Северной дороге их пирожками, жареной дичью и гарнирами. Когда поезд подкатывал, то люди, даже и сытые, выходили попробовать знаменитых пирожков и всегда при этом дивились на двух граждан, соединенных поневоле в одного повара.

Дивились, что два обиженных природой человека, соединенные в одного, работали, пожалуй что, лучше, чем два несоединенных нормальных. И некоторые высказывали:

– Вот бы всем так!

Но тут же с горечью вспоминали, что Павел был слепой, а Петр глухой, всем же хотелось непременно и видеть и слышать.

Покушав пирожков, с этим примером все уезжали, но мало кто знал о братках самое удивительное, о чем знали только мы, кровные вологодские охотники. Братки у нас в городе были самые замечательные охотники, и глухарей они всегда приносили много больше охотников с полноценным зрением и слухом.

Все было в том, что глухарь поет очень тихо и успех зависит много от того, кто раньше других глухаря слышит. Раньше всех, конечно, слышал глухаря в лесу слепой Павел и, заслышав песню, хватал братка за руку и скакал с ним к глухарям.

И вторая причина успеха в этой охоте была оттого, кто раньше во мраке рассвета разглядит среди ветвей птицу. На это был мастером глухой Петр: завидев глухаря, когда еще никто не мог видеть, Петр останавливал. Павла и глядел то на глухаря, то на брата. По уговору слепой Павел трогал Петра за левое плечо, когда глухарь начинал песню, и Петр под песню стрелял.

Так вот все со смехом в Вологде говорили, что правда только у Петра да у Павла; а на службе у братков выходили славные пирожки, и на охоте птиц у них всегда больше всех. Осенью поздней, когда утки жирные и захочется кому-нибудь покушать, то с этим желанием безошибочно можно бывает пристать только к ялику братков: они всегда накормят, когда уткой, когда гусем, а случится – даже и лебедем.

Все эти охотники, и сам Силыч, и братки, и еще, хоть и мало оставалось из-за войны, привыкли каждый год, когда Мануйло отправлялся на щуке, тоже к этому дню начинать свой отпуск и садиться в ялики.

Стар стал к этой весне Силыч, до того стар, что никак и не чаял на своем десятом десятке и эту весну, как всегда, встречать на воде. Даже и утке-то его подсадной Маруське пошел восемнадцатый год. Про утку не думал, что доживет. И кто бы ни поглядел и на охотника и на утку, никто бы не поверил, что оба они встретят еще одну весну на воде.

Но закричала Маруська, почуяв весну, и Силыч, услышав утку, перемог свои ревматизмы, собрался и поплыл вслед за Мануйлой.

А за Силычем собрались в ту же ночь и братки.

Нельзя пересказать о всех вологодских негодниках, но нельзя никак забыть Журавля.

Мы знали, еще когда он жил в своем маленьком глинобитном домике на-болотах в присухонской низине, в свое время, по молодости, он поверил в такую мечту, чтобы жить только охотой.

Дичи так много бывает на присухонской низине, что он захотел устроиться прямо на

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
болоте в комарах и даже сманил на эту особенную жизнь одну вологодскую девушку.

Скоро жена испугалась этой жизни в болотах и убежала обратно в Вологду. Что ее испугало?

Разве мало рыбы в Сухоне, и в Леже, и в Вологде? Мало ли уток выводится, и гусей пролетает, и лебедей? А боровая дичь когда весной подымает свой голос, так и кажется, будто весь горизонт кругом заговорил!

Нет, конечно, голодной на присухонской низине не могла быть жена Журавля. Ошибка его расчета была в том, что охота его была не в том только, чтобы убить, – это было самое последнее. Его любительская охота была в чем-то совсем непитательном, как тоже и девушка городская искала общества, а муж угощал её тетеревами и утками.

Вот она от него и ушла.

После ухода жены охотник еще долго жил в мазанке, и все мы его знали.

Бывало, прилетят на присухонскую низину в великом множестве журавли, погамят весной, пошумят, покричат и разбиваются на пары, и этими парами скрываются в болотных зарослях. Каждой весной появляется на пойме один какой-нибудь одинокий журавль, он не прячется, а ходит по лугам с утра до ночи и не трубит, как трубят все журавли, а свистит.

– Чего он свистит? – спрашивают люди прохожие местных.

– Наверно, – отвечают, – пары не может себе подобрать!

И указывают на мазанку одинокого охотника на пойме.

И так говорят:

– Вот тоже был человек, жил – распевал, а как жена его оставила, он теперь тоже свистит...

Если же время придет такое суровое, что спрячется в зарослях даже и тот одинокий журавль, то разговор бывает иной:

– Кто, – спрашивают, – живет на болоте в таком маленьком мазаном домике?

– Одинокий человек, – отвечают, – по прозвищу Журавль.

– А почему он «Журавль»?

На этот вопрос местные люди охотно рассказывают о том одиноком журавле, что не трубит, когда все трубят о победе весны, а только свистит.

Все, однако, кончилось счастливо тем, что умерла старушка – теща Журавля, и жена возвратила мужа с болота к себе в Вологду на свою жилплощадь. Все и кончилось тем, что Журавль сделался шорником и завел себе охотничий ялик.

Другой охотник, по прозвищу Длинный чулок, тоже когда-то мечтал заниматься охотой, как делом, но поглядел на судьбу Журавля и купил себе во время нэпа чулочную машину.

Случилось однажды, загорелась в Вологде деревянная слободка, и все бросились бежать из своих домиков и спасать вещи. Тоже и чулочник бросился со всеми со своей машиной, и за ним кишкой через всю улицу тянулся неразрезанный чулок.

Тут-то все и увидели, и многие поняли это в первый раз, что чулок в своем происхождении бывает един и делается как бы на ногу всего единого человека. Это всех так удивило, что чулочника с тех пор стали звать «Длинный чулок». Вскоре, однако, он свою машину забросил и вернулся к любимой охоте, но прозвище за ним так чулком и тянулось.

Вот и этот Длинный чулок был охотник неплохой и тем же охотничьим чутьем почуял утиный пролет и выехал на своем ялике. Еще несколько охотников с броней было с

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
лесной биржи, несколько новых инвалидов Отечественной войны...

Раньше всех отчалил Мануйло, но, конечно, его щука не могла без помощи весел двигаться так же скоро, как легкие ялики. Вот отчего среди ночи Силыч первый нагнал щуку. Вода немного отсвечивала даже и ночью, и Силыч даже в темноте узнал в огромной фигуре у руля Мануйлу.

– Здорово, пинжак, – сказал он, – ты куда это плавешь щуку?

Мануйло дремал у руля и не сразу узнал Силыча, да к тому же они давно не встречались, и Мануйло думал, старик уже давно, на том свете живет. Когда же он взглянул, опаматовался, узнал, то в глубоком изумлении воскликнул:

– Живые помочи! ведь это ты, Силыч!

И заставил Силыча вылезти к нему на щуку.

С трудом, из-за проклятой, спины, выкарабкался Силыч на щуку, а ялик его Мануйло переставил с воды на щуку, как коробочку из-под спичек.

– Ай да дед! – сказал весело Мануйло старинному охотнику. – Всё живешь – не сдаешь. Сколько же у тебя, Силыч, из рубля вышло копеек?

И как рыбак рыбака, так и охотник сразу понял охотника:

– До рубля, – ответил он, – осталось мне семь копеечек.

И это означало, что Силычу теперь было девяносто три года.

– А сколько старухе твоей? – спросил Мануйло, поглядев на его утку.

– Маруське, – ответил Силыч, – пошел восемнадцатый год.

Другие охотники, перегоняя щуку, узнавали Силыча, и сами, конечно, просились на щуку.

– Живые помочи! – повторял Мануйло, помогая тому и другому выбраться на щуку.

Так еще до рассвета собрались славно все вместе с Мануйлой на щуке наши лучшие охотники: старый Силыч, братки, Журавль и Длинный чулок.

Всех их Мануйло предупредил, что он плавит детей, и они сейчас тут спят у него. Стараясь не шуметь, не смеяться, не будить детей, охотники поджалась, замолкли и на заре все прикорнули.

Мы знаем, как хорошо им всем было: сами в молодости немало поплавали.

Глава пятнадцатая

Река Вологда впадает в реку Сухону, а с другой стороны, почти напротив, впадает в Сухону река Лежа. Неподалеку на присухонской низине есть никогда не затопляемый весенней водой холм Выгор, и с него все три наши реки – как на ладони.

Выгор – место весенних утиных охот.

Этой весной все эти реки прошли на очень низком горизонте, оттого захватили на молевой сплав только ближайšie к воде хлысты. Теперь редкая желтая моль из этих хлыстов плыла по Сухоне в сторону Северной Двины, изредка потукивая в бока буксирных маленьких пароходов.

Всю зиму люди работали, окатывая срубленный и ошкуренный лес к берегам рек. Но только самая малая часть этого круглого леса была захвачена первой весенней водой. В лесах еще полным-полно снегу, и та сплавная весна, настоящая весна воды для бассейна Северной Двины еще не пришла.

Но скорей всего дело было так близко к половодью, что охотники, чуя, как животные по запаху болот, приближение последнего часа зимы, при встрече делились этой радостью и говорили друг другу:

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Часом все кончится!

Напряжение этого часа в душе охотника бывает так велико, что им на сторону и смотреть нечего, они чувствуют по себе приближение этого великого начала весны – воды.

Рассказывая, мы вот тоже вспоминаем, как было раз в молодости, в одиночной камере политического заключенного: нам с соседом по камерам в тюрьме так запахло болотом. Какой это был чудесный запах!

И потом явственно в закрытых глазах показалось болото с кочками, обтаявшими на солнце. Такие видения бывают в одиночном заключении. Тоненьким зеркальцем была окружена в этом видении каждая кочка, и тяжелая кряква, переваливаясь с боку на бок, несмело переходила с кочки на кочку по неверному льду.

Не знаю никаких на свете приманок жизни чудеснее видения такого болота в тюрьме!

И вдруг товарищ, тоже страстный охотник, заключенный в соседней камере, выстукивает в стенку слова:

«Зима теперь часом кончится!»

И оказалось, что и ему тоже запахло собой весеннее болото, и он тоже вспомнил свою крякву на тоненьком льду между кочками.

Много не настучишься в тюрьме – надзиратель заглянет в дырочку и заругается, только и было сказано, что – часом все кончится.

– Мы были уверены, что это так из тюрьмы хорошо показалось болото и является прелестью, чтобы нас мучить в тюрьме, и после, как выпустят, все пройдет непременно, как сон.

И вот нет! из шалаша глядеть на болото оказывается еще лучше, и так оно пошло на всю жизнь.

Сколько раз, тоже из шалаша, мы своими глазами видели, что кряква иногда ошибается: бывает, и оскользнется и провалится, и так это было чудесно посмеяться вместе, и какие это милые люди, охотники, что могут в шалаше посмеяться над кряквой!

Как раз вот так и было в болотах на присухонской низине, когда Мануйло вывел свою щуку в реку Сухону. Кочки были окружены тонким зеркалом льда. А потом, когда солнце расправилось со льдом, вдруг, в какой-то час это сделалось: на каждой кочке сидела раздумчивая птица с большими черными глазами и длинным носом.

Чудесная картина! Кажется, это не просто известные птицы, а само болото очнулось, и так по-своему думает. Так понемногу и тебя втягивает болото в раздумье. И в болоте, кажется тогда, вовсе и нет времени, и время как-то уходит из-под души, и счет исчез.

Не сразу хватишься, одумаешься, придешь в себя и начнешь разбирать все по-своему.

Тут и большие кулики сидят, самые большие – кроншнепы, к лесам поближе сидят вдвое меньше кроншнепов вальдшнепы, вдвое меньше этих сидят дупеля, вдвое мельче дупелей – божий баран.

А еще меньше барана или бекаса, совсем каплюшка с воробья – гаршнеп: сам, правда, не больше воробья, а нос длинный, и в ночных раздумчивых глазах общая вековая и напрасная попытка всех болот что-то вспомнить.

Вот она, эта попытка что-то вспомнить, повторяется бесконечно и переходит от кочки к кочке, от птицы до птицы:

– На веках это было, на веках это было, на веках это было...

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Отчего-то становится грустно и даже жалко их всех, и в ответ на их слова о том, что на веках все это было, с досадой скажешь:

– Все было и было, да скажите хоть одно слово о том, что оно было-то?

И вдруг все откроется: все эти птицы и кочки болотные, как были, так и остались в былом, а я с малолетства оторвался от них и стремительно мчусь к небывалому.

Они весной летели вперед и прилетели на места гнездований, где они были. Я же человек, и у меня впереди – небывалое!

Дело Мануйлы было самосплавом довести щуку по течению до того места, где сходятся все три реки: Сухона, Лежа и Вологда, и тут у лесной биржи на Леже дожидаться буксирного парохода и отправить с ним щуку вверх по Сухоне на известный завод «Сокол» на Кубенском озере.

Для того и сплывается лес щукой, чтобы он легче шел против течения.

Счастливым вышло, что буксир как раз тут и был на Леже и поджидал щуку. Мануйло тут же и сдал ее и, свободный, вместе с охотниками и ребятами вышел на Выгор.

Между охотниками с детьми теперь выходило, как и у нас в былое время в больших семьях в гостях: поглядят на тебя старшие одну минуту и забудут тебя, и ты живешь себе у чужих сразу как дома.

Особенно же хорошо было детям с Мануйлой. Познакомился он с ними, наговорил им всего от себя, и стало, как будто он что-то посеял и посеянное оставил с заветом: «Сами растите и радуйтесь!»

Время уж близилось к вечерней охоте, все большие и малые охотники бросились устраивать себе шалаши.

Присухонская низина, можно сказать, так и создавалась для встречи охотников с утками и для редкостных теперь уже в других местах дупелиных токов, тех самых, когда охотники, поняв места тока, днем ставят на нем зажженный фонарик. В темноте дупеля, собираясь на ток, почему-то теснятся к фонарику, и охотники стреляют по огоньку.

В особенности пришелся к сухонской долине незатопляемый холм Выгор. В ольховых зарослях тут есть, и елочки, чтобы взять с них лапнику на шалаши, есть гибкая ива, черемуха. Все с годами, конечно, сильно пощипано, зато на самой низине остается множество жердей от стогов сена, да тоже в тех же одоньях немало бывает и сена для спокойного спанья в шалаше.

За много лет у каждого охотника, конечно, определилось свое любимое место на Выгоре, и Силыч, пожалуй, не меньше как лет уже сорок ставил на одном и том же месте свой утиный шалаш.

Ни одного лишнего шага, ни одного случайного движения руки, и оттого у старого человека Хватает силенки, чтобы и в эту весну устроить себе все ладно и добыть своего весеннего селезня, как и в молодости.

Каких только болей нет в старых костях: и нытье, и ломота, и всякие внезапные схватки, пронзительные прострелы. Но долгая жизнь против всего этого находит защиту. И никак, не боли боится Силыч, а такого боится, что приходит без всякой боли.

– Бывает, вечером, когда наступит желанная минута и на светлой воде, как на озаренном чистом глазу самой земли, проплывает, сияя всеми красками в своем брачном наряде, селезень, Силыч тихонько выставляет сквозь дырочку в шалаше на этого селезня ствол своей «Крынки»...

Что это за «Крынка»?

А это редкостное ружье, в давнишние времена переделанное в охотничье из военного кремневого ружья крымской кампании. Таких ружей осталось теперь очень мало, но у кого оно есть, тот всех уверяет, что никакое ружье на свете, не может так сильно и громко ударить, как «Крынка».

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

В нашей округе такое ружье сохранилось только одно, звук его всем известен, и когда вечерней зарей раздаётся такой выстрел, все в своих шалашах обрадуются и скажут:

– Это Силыч ляпнул из «Крынки»!

Вот сейчас мы скажем о самом большом горе Силыча. Бывает, Силыч и пороху подсыпал на полку, и просунул длинное дуло в щелку шалаша, и вон он, селезень, разноцветный, выплывает на озаренную воду. Остается только нажать на гашетку. И вдруг вся цветущая жизнь исчезает, все обращается в глазах в кромешную тьму.

Вот этого и боится одного Силыч, и это бедствие неотвратимое называется куриной слепотой.

Не всякий раз, однако, это бывает, и не всегда беда приходится к тому мгновению, когда целишься.

Нельзя, однако, сказать, чтобы и на куриную слепоту в широкой душе Силыча не находилось бы утешительной защиты: куриная слепота приходит на короткое время, откроются глаза – приплывет другой селезень. А что тот селезень жив остался и даже весело потоптал его Маруську, то ведь, как раздумаешь, и то не беда.

Маруське тоже ведь надо отдохнуть от вечного обмана в пользу хозяина. Да и стара уже становится, ей теперь уже пошел восемнадцатый год, ей тоже надо оставить Силычу наследницу свою от дикого селезня.

Помаленьку, не торопясь, Силыч натаскал себе жердей, лапнику, сена и устроил шалаш. После того он достал себе хороший долгий кол, с одного конца затесал его, чтобы легко воткнуть в дно, а к другому прибил гвоздем привезенный из дому деревянный кружок. С этим маленьким круглым столиком, прибитым к длинному столбу, старик в высоких сапогах прошел по разливу на расстояние близкого выстрела, тут вбил он кол в дно так, что круглый столик пришелся как раз к самому зеркалу воды.

Все время, пока Силыч возился с устройством деревянного круга на воде для своей круговой утки, возле шалаша на ялике из открытой корзины за ним неотрывно следила Маруська своим маленьким круглым агатовым глазом. За семнадцать лет жизни с Силычем она отлично научилась понимать черед всех его действий на охоте, и теперь она ждала завершающий все позыв старика, приглашение занять сухое место на круглом столике.

Закончив работу, Силыч позвал ее тем голосом, как шваркает селезень, и Маруська безо всякого промедления стала на крыло и села на столик.

Никогда в обычное время Силыч не подрезает крылья своей подсадной утке и не связывает их, даже и корзину ее не накрывает: она у него совершенно свободна.

Единственно только теперь самой ранней весной, когда вся дикая утка с юга тронулась на север на места гнездований, Силыч опасается, не умахнула бы от него его Маруська, осторожно и вежливо вытягивает из-под нее утиную ее ногу и обносит ее круглым ремешком, нагавкой, к этой нагавке привязывает бечеву и конец бечевки привязывает к колу под водой. Утка, если захочет, может плавать кругом на длину бечевы, может отдыхать на кругу, а улететь ей не дает привязанная к ноге бечевка.

Тоже так и братки Павел и Петр устроились на своем месте в одном шалаше. Зрячий Петр глядел в дырочку на подсадную утку, а слепой Павел слушал, и когда что-нибудь слышал, то быстро и тихонько толкал Петра под локоток.

Вот какой слух был у Павла, что полет и шварканье селезня он слышал раньше подсадной утки!

Получив толчок под локоть, Петр приготавливался и глядел на утку в ожидании, когда у нее начнет открываться клюв для крика. После того он ждал в воздухе приближение селезня.

Если же селезень, услышав позывные утки, где-нибудь невидимо для Петра садился

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru на воду, Павел всей ладонью трогал Петра по спине, и это значило, что он услышал всплеск воды, когда селезень где-нибудь неподалеку садился.

Мало того! Слепой слышал самое подплывание селезня, слышал, как утка почесывается, если селезня почему-то долго все нет.

Вот почему и выходила охота двух человек, соединенных в одном, много лучше, чем охота двух даже отличных охотников, но разделенных друг от друга отдельными маленькими желаниями. Вот отчего Петр и Павел всегда были правдивы: у них было все вместе, у них не было отдельных желаний.

Точно так же, как все, устроив на круг свою подсадную утку, сидел тоже и Журавль. Шалаш его был совсем недалеко от того места, где когда-то стояла его мазанка, где он пытался свою охоту за утками, дупелями, тетеревами устроить как дело жизни. Что только он ни перенес от жены, кто только ни посмеялся над ним за эту попытку жить не тем, что установлено испокон веку для человека, а тем, чего только себе самому хочется!

Плохо было, главное, что ничему он, по правде, в этом опыте не научился. Дичи и рыбы для жизни было довольно. Уменья достать пищу на воде и в лесу ему хватало. Так почему же все-таки получилось, что жить одной любовью к своему делу нельзя?

Почему нельзя хорошему охотнику в богатейших дичью местах жить с любимой женой?

Этот вопрос оставался Журавлю нерешенным и оттого, что благородный охотник не хотел всю беду свалить на жену.

Нерешенный вопрос всего дела жизни создавал в душе Журавля, как у всякого человека, особую встревоженность на охоте, и это, как у всякого утинового охотника, передавалось и утке.

Такая нервная утка кричит не только селезню, но даже и всякой вороне: была бы тень – на воде и слышался бы в воздухе свист и шелест крыла. Летят же на вечерке, конечно, больше вороны и галки, чем селезни, и оттого и утка без перерыву кричит, и от каждой вороны охотнику приходится вздрагивать.

Зато у чулочника утка была такая спокойная, что хоть сюда в шалаш чулочную машину поставь. Закричит – и смело хватайся за ружье: подплывает селезень, замолчит – садись, и хоть машину сюда: и вяжи и вяжи длинный чулок.

Но это, конечно, только к слову пришлось, а на деле чулочник все на свете сейчас забыл, и ничего ему больше на свете не надо, как только бы на небе или на воде где-нибудь тихонько бы шваркнул селезень и на шварканье взметнулась бы утка и на всю округу по-своему заахала:

– Ах! Ах! Ах!

Глава шестнадцатая

Многим непонятно, как это можно любить природу и всей душой сосредотачиваться на убийстве животных. Для многих совсем непереносимо, как это охотники-любители, поэты в душе, могут на поющую во мраке ночи птицу в брачном наряде наводить ружье и потом друг перед другом хвалиться тем, чет он больше всех убил и даже набил.

Со стороны, и правда, это совсем невозможно понять, но по себе мы должны разобраться и в природе охотника-поэта. Мы так понимаем, что каждый страстный охотник является обладателем огромного и многим вовсе неведомого чувства природы. Прямо же тут, близко за околицей, для него начинается волшебный мир. Душа его, как у пьяного, куда-то летит в переменах, ему, как пьяному, хочется за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть. Как и пьяный, он ищет друга, чтобы ему все сказать. Ему нужен трофей – доказать, что мир чудес существует и начинается совсем близко, прямо же тут, за околицей.

Настоящий поэт свое видение чудесного мира, его истинную правду утверждает стройным хором звуков. В этот хор вступают друзья поэта, и правда поэта между людьми утверждается: за околицей мир чудес существует. А сколько раз, бывало, в какую-нибудь деревеньку приходит дикий поэт, охотник, с глухарем в руках, и вся деревня собирается вокруг охотника, вся деревня удивляется, и тут между ребятами

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru утверждает новая правда: за околицей начинается действительно мир чудес.

Так было на веках, с этого началось: само же страстное чувство природы требует поймать бегущего зверя, метким выстрелом остановить летящую птицу. И после самому своей собственной рукой поднять, поддержать...

На этом для самого дикого поэта страсть кончается и остается еще тоже очень большое наслаждение: показать свой трофей близкому человеку, убедить его, удивить: такой чудесный мир у нас так близко, прямо же тут, за околицей.

– Друг мой! – говорит он, – пойдем со мной, я тебе все покажу, вот бери мое ружье.

На эти слова другой кто-нибудь и ответит:

– Милый друг! мне ружья не надо, я без ружья верю тебе: мир чудес существует, и прямо тут же, у нас за околицей, чудеса начинаются.

Так, может быть, с древних времен что-нибудь одно ладно складывалось с другим, в природе и в жизни человеками сама собой из этого выходила народная сказочка или песенка свадебная или похоронная. И вот кто-нибудь когда-нибудь понял поэзию как закон природы.

– А что, если, – сказал он, – я и сам так ладно сложу, как оно складывается?

Так он попробовал, сложил и запел. И так создался на свете настоящий поэт. Было тоже так и с Мануйлой. Он с малолетства был промысловым охотником, для него поймать зверя или остановить полет Птицы было постоянным занятием, но с охотниками-любителями он сходилась, как он думал сам, из-за дружбы, и они держались его из-за его понимания всего, что делается к природе. Ему нужно было только след увидеть, чтобы без всяких собак выставить зверя на охотника. Самое же главное, что после всего Мануйло рассказывал, и слова его лучше, чем все трофеи охотников, всех убеждали в том, что мир чудес начинается прямо тут же у нас, за околицей.

Так у Мануйлы складывалось, что для охоты ему уже не надо было ни ружья, ни подсадной утки и собаки, да, пожалуй, и совсем без охотничьих угодий он мог бы оставаться с одной «правдой» охоты в душе, как он сам называл свои сказки.

И в этот раз он совсем не рассчитывал на утиную охоту и нарочно поставил свой шалаш на самом вершине Выгора, чтобы отсюда лучше видеть движение птиц на вечерке, а так же побережиться тут на высоте от внезапной весенней воды: до сих пор еще никогда весенняя вода не затопляла Выгор доверху.

Как часто мы говорим между собой: «Ну, скажите по правде». Или тоже и так: «По правде говоря...» И так часто мы говорим, ссылаясь на правду, что со стороны можно подумать, будто вообще-то мы друг от друга всегда что-то скрываем. И так чувствует себя и ведет себя каждый.

Но Мануйло так понимал, что в природе все, что там есть, на правде стоит, и он, рассказывая, как бы черпает воду глубоким ведром и вытаскивает ее со дна из глубины на свет.

Как хороши эти еще не сказанные слова о всяком животном, какое только полюбит, о каждой цветке, дереве, птице, если только в них поместил частицу себя самого. Тогда какая-то утка, или береза, или этот Выгор на присухонской низине оживают по-человечески во всем единстве природы.

С высоты своего шалаша Мануйло спокойно мог наблюдать всех охотников и всех пролетающих птиц. Постепенно входя в тишину, он озарился, и начались для него чудеса.

Летела парочка: впереди серая утка кряква, за ней селезень в своем чудесном брачном наряде. Вдруг навстречу им откуда-то вывернулась другая пара. И только бы обоим парам встретиться и разлететься: одной паре в хвою сторону, другой – в другую, вдруг ястреб кинулся на утку из второй пары, и все смешалось.

Сердце оторвалось у охотника без ружья, но, к счастью, ястреб в этот раз

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru промахнулся.

Тронутая когтями ястреба испуганная утка бросилась прямо вниз и на пойме скрылась в кустах.

Ястреб, ошеломленный неудачей, и какой – из четырех уток он не взял ни одной! – ястреб медленно подплыл под синюю тучу.

Селезень из разбитой пары, придя в себя, стал искать свою утицу и сделал небольшой круг. Нигде пары его не было, и только далеко впереди первая пара продолжала свой путь.

И вдруг одинокий селезень стал на длинное крыло и, вытянув и так-то длинную шею, стрелой пустился догонять ту пару.

Тут замороженный зарею Мануйло не выдержал.

– Ты понимаешь, Митраша – сказал он, – зачем он так пустился?

– Не понимаю, – ответил Митраша.

А вот я тебе скажу: он подумал, что какой-то другой селезень подхватил его утку, и теперь они вместе от него удирают. Вот он теперь и помчался.

Потерянная утка скоро опомнилась от нападения ястреба, выплыла из кустов на плес и стала кричать.

– Это она зовет своего потерянного селезня? – спросил Митраша.

– Может быть, своего, – ответил Мануйло, – а может быть, и другого – у них время скорое, потужила и будет.

Вдруг показался на желтой заре новый одинокий дикий селезень и услышал два разных голоса: звала его и та дикая утка, потерявшая своего селезня, и подсадная утка охотника Журавля.

Между двумя утками, дикой и подсадной, завязалась борьба голосами. Утка Журавля разрывалась на части от крика, но дикая все-таки ее пересилила, Селезень выбрал дикую и потоптал,

– Летят, летят, – сказал Мануйло.

– Где, где? – шепнул Митраша.

И сам увидал.

Совершив огромный круг, возвращалась первая пара, и за ней мчался тот селезень первый, потерявший из-за ястреба свою пару. Он, видимо, как это и у людей постоянно бывает, мчался за воображаемой уткой, принимая ее за свою, украденную чужим селезнем.

Его же настоящая утка, довольная, очищала сейчас на плесе перышки, смазывала их жиром, и молчала, молчала..

Зато подсадная утка охотника Журавля, теперь одна, без соперниц, взялась достигать дикого селезня.

И он услышал ее и оставил воображаемую утку.

– А ты говорил, – сказал Митраша, – он мчался за своей. Как же так?

– Очень просто, – ответил Мануйло, – у них время скорое: по-ихнему, время прошло, и догонишь ли еще ту, да и хватит ли силы отбить, а тут вон орет, разрывается.

Селезень так стремительно бросился к подсадной утке, что Журавль не успел выстрелить, и он потоптал. После того счастливый селезень стал делать свои обычный селезневый благодарственный круг. Журавль мог бы спокойно целиться, но

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru ему вспомнилась его горячая молодость, когда он так полюбил свою девушку, что хотел присвоить себе всю природу и утвердил среди поймы свою мазанку. Весь мир на этой пойме ему явился, как возлюбленная.

Так, вспомнив себя, охотник не стал стрелять дикого селезня, и он улетел.

– Почему же он его не стрелял? – спросил Митраша.

Мануйло ответил:

– Это бывает.

Митраша почти рассердился.

– Как так – бывает?

– Очень просто, – ответил спокойно Мануйло, – налаялся охотник за день и уснул.

Глава семнадцатая

Еще светила лимонно-желтая заря, еще можно было хорошему стрелку схватить тень пролетающей крупной птицы, но маленьких ночных птиц уже не было видно, и слышались только их голоса. Ученые люди, конечно, знают и понимают все голоса на болоте. Но простые охотники всего за всю жизнь свою не узнают, и для каждого, самого даже хорошего, остаются такие голоса, что в темноте слышишь каждую весну и знаешь голос хорошо, а какой он сам, кто прокричал, не знаешь и не можешь сказать.

Вот когда пришло время к вечеру и маленькую птицу стало не видно, Митраша услышал этот голос. Знакомый голос неизвестного существа, может быть, даже и не птицы, похож был на то, как если бы маленький конек-горбунок, летая по твердому воздуху, без перерыву стучал звонко и часто своими крошечными копытцами.

В свое время Митраша спрашивал отца своего, но тот тогда вслушался и стал дожидаться, когда оно повторится, а оно не повторилось тогда, и вот теперь явственно слышалось: конек скакал и стучал копытцами.

Услыхав теперь, Митраша толкнул Мануйлу и тихонько спросил:

– Это кто?

Как и отец тогда, Мануйло повернул лицо в ту сторону и стал дожидаться. Скоро конек опять застучал, и Митраша опять тронул Мануйлу и сказал тихонько:

– Вот!

Опять Мануйло молча проводил таинственный звук, и опять неведомая птица сделала круг и вернулась.

– Вот слышишь теперь? – опять тронул Митраша.

– Слышу! – ответил Мануйло.

Митраша это «слышу» так понял, будто Мануйло прямо так-таки и сказал:

– Слышать-то, мальчик, слышу, да не знаю, нужно ли нам это знать, мало ли на свете есть такого, что лучше нам о нем с тобой и вовсе не знать.

Вечерело все больше и больше. То и дело пронеслись спаренные утки. А подсадные до того насиделись дома за зиму в ожидании весны, что орал даже и спаренным селезням. Холостые же селезни, как только появлялись, так, услышав голос той или другой подсадной, сразу поддавались обману и попадали в руки охотника.

Но один селезень не поддавался обману, скорей всего, понял такой обман еще прошлой весной. Каждую весну везде бывает непременно один такой селезень – мучитель охотников – и почему-то называется у них «профессором».

Уже совсем стемнело, и едва-едва только на фоне воды можно было навести мушку. У всех охотников, кроме Силыча, было довольно настролено, но бедному старику в

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru этот раз все не везло: то, было раз, кремень старинного ружья подвел, то сам поскользнулся и пошумел, то, как водится, нечистый помешал...

Все утки орали и орали, стараясь завлечь «профессора», но старый опытный «профессор» кружился и не обращал на голоса никакого внимания.

Все утки кричали в одно:

– Ах-ах-ах!

Но Марусяк вдруг почему-то крикнула по-своему:

– Ха-ха-ха!

Такой голос понравился «профессору», он опустил вниз шею-стрелу, скосил-согнул крылья и, упав на воду, так шукнул, что даже и Силыч услышал и приготовился.

А уж как Марусяк-то надрывалась! Нам даже со стороны казалось, что вроде как бы ястреб налетел: все утки вдруг, услышав, наверно, эти необыкновенные позывные Марусяки, на мгновение примолкли, и слышалось одно Марусякино:

– Ха-ха-ха!

Какие-то разные прутики, в темноте и не поймешь, закрывали «профессора» от Силыча, и старик уже начинал думать, не подшумел ли уж он «профессора», или, может быть, «профессор» и сам разгадал предательство Марусяки, затаился и так будет ждать, а там полная темнота наступит, не разглядишь даже и на воде.

Заря совсем, совсем доцветала.

И вдруг тут совсем рядом послышалось со стороны «профессора»:

– Шварк!

От последней зари зеркальце стало желтеньким и на желтом прямо весь и выкатил черный, как вырезанный, «профессор».

Силычу было, как будто он все свои старые годы, со всеми болезнями, битком забил пыжами в свою огромную «Крынку» и нажал гашетку – и старые годы разом все вылетели.

Тогда в тишине вечерней зари не только мы тут, все охотники на присухонской низине, но и там поняли, далеко на лесной бирже, на реке Леже, и каждый сказал:

– Вот это так, это Силыч ляпнул из «Крынки»!

Так пришло счастье, и по нашим охотничьим правилам в таком случае непременно надо сплунуть на левое плечо. Так мы к этому привыкли, что некоторые даже перенесли на погоду: что как только заиграет небывало прекрасный денек, так не очень-то показывать радость, а лучше удержаться, а что лишнее накопело в душе, взять тут же и сплунуть через левое плечо.

А сколько накопело всего лишнего от радости у Силыча! Вот он скорей всего тут и не сплунул...

Когда рассеялся дым, Силыч ясно видел еще, что селезень-«профессор» плоским темным пятном неподвижно лежал на лимонно-желтой воде между двумя черными кочками. Вовсе не чувствуя лет своих, резвым юношей выскочил он из шалаша, вошел в воду и тут-то вдруг мгновенно, как самая темная ночь, охватила его всего куриная слепота.

Тут надо сказать, что не всякая слепота одинакова, Бывает, слепой, как и все слепые, наружу ничего не видит, а сам в себе с закрытыми глазами видит чудесные картины, написанные то огненными, то водяными знаками. А вот эта куриная слепота, как она бывала у Силыча, ничего и там внутри человеку не оставляла. Да и не мудрено, что темнота у Силыча застелила не только селезня между черными кочками, но и весь его внутренний мир.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ведь эта темнота застала его, охотника, на том самом месте, когда все долгие ожидания весны, все бесчисленные порывы, устремления, попытки сошлись в единый момент исполнения всех желаний: прекрасное мгновенье остановилось.

Мало того! это действительно было так, что болезни свои Силыч забил в стволы, и они все вылетели. Теперь ему, как всякому охотнику, оставалось только взять то самое, чего он добивался...

Удивительно в охоте это мгновенье, когда охотнику остается только пойти и взять убитую дичь. Пожалуй, можно даже сказать, что взять и подержать немного в руке убитую дичь и взглянуть на нее глубоким глазом, перед тем, как опустить ее в сумку, есть самый важный, самый глубокий момент охоты. Опустив дичь в сумку, охотник вроде как бы с чем-то простился, расстался...

Некоторые охотники даже любят поскорей кому-нибудь свою дичь подарить, другие хвалятся, что они, как охотничьи собаки, дичь свою не едят.

Взять свою дичь, пожалуй, действительно самый важный момент, и это видно особенно, когда почему-нибудь нельзя бывает взять убитую дичь: в темноте подстрел убежит, нырнет и затаится под листом утка, с горы свалится козел в недоступную глубину. Да, это хуже всего, когда убитую дичь взять нельзя.

Так это и случилось с Силычем. Конечно, внезапная слепота не остановила его движения к убитому селезню: ведь он же увидел его, и, казалось, идет теперь прямо в том направлении. Но только он ошибался, он шел не туда, а вода становилась ему все глубже и глубже.

Хорошо еще было, что Мануйло с горы все видел и понял сразу куриную слепоту: старик шел водой в одну сторону, а селезень оставался в другой.

Мануйло бросился бежать с горы и остановил старика в то время, когда вода начала уже заливать к нему в сапоги. Он вывел его на берег, а Митраша принес и отдал ему селезенья.

Хорошо, что это бывало уже не раз и ничуть не расстроило Силыча: пусть темнота, но селезенья он держит в своих руках! И еще он знал хорошо, – через какой-нибудь час прямо сном уйдет его слепота и он успеет даже в эту ночь попасть на глухариный ток.

Устраиваясь в шалаше на сон грядущий, он сказал:

– Доплечусь как-нибудь и на Красные Гривы.

И, поблагодарив Мануйлу, уснул.

Часть шестая

Красные гривы

Глава восемнадцатая

В самом начале половодья у охотников есть еще время вздремнуть между вечерней зарей, когда на воде уже и утку не видно, и до утренней, когда еще в полной темноте запеваает глухарь.

Решено было идти на Красные Гривы, на большой глухариный ток, а перед этим несколько часов хорошенько поспать.

Любоваться и отдыхать душой можно было каждому, глядя, как Мануйло укладывал в шалаше детей своего друга. Не у каждого из нас был отец таким товарищем, как сделался Мануйло этим совершенно чужим ему детям.

Или бывают люди – всем детям отцы?

Мы знаем, как собаки открывают невидимую им дичь в траве, и мы эту способность называем чутьем. Но как назвать у людей подобную способность угадывать в душе другого человека самое главное, самое для него нужное?

Называют эту способность вниманьем, но как-то в этом чудесном слове не хватает немного чего-то, чтобы выразить самое дорогое, самое великое. Разве сказать – любовь? И тоже: назовут, а вслед за словом спрашивают – а что такое любовь?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Скорее всего, люди еще не дошли до того, чтобы словом называть то самое дорогое, самое великое, чем, может быть, еще и держатся на свете.

А чтобы, не ошибаться и попусту не тратить дорогие слова, называют, как и собачью способность узнавать о невидимом, тоже чутьем, и людей таких, самых хороших, называют чуткими.

У нас в прошлом был такой чудесный дедушка, великий охотник и горячий друг всем ребятам. Однажды вышло так, что час решающий в природе, охотничий час, как раз совпал с часом, решающим в школе: подошли экзамены.

Тут Миша и выкинул свою самую скверную штуку: он, никому не сказав, потихоньку, от экзаменов ушел из города к дедушке. Старик, увидав внука, очень обрадовался и, ни о чем не спросив, увел его на охоту в леса и на озера.

Недели две они так счастливо жили.

А в школе внимание тоже направлено было целиком в большое дело экзаменов. А что Миши нет, так думали, он к родителям ушел и отрезан половодьем. И родители думали – он в городе отрезан от них полой водой. После сколько беды из-за дедушки вышло, и из-за того только, что он, любя детей и охоту, не обращал своего внимания на то, что Миша есть Миша, а не какой-нибудь Саша.

Такой был и Мануйло: всем детям товарищ и друг, сто аз отец, но только не родной – заботливый; при всей его радости жизни и даже внимании к детям, любви, может быть, не хватало такой чуткости родного отца, чтобы сразу понять и схватиться за то самое главное, из-за чего они и явились на свет.

Об этом на охоте он даже почти что забыл...

Когда все улеглись и хорошо согрелись под сеном перед сном, захотелось поговорить, и Митраша спросил:

– А что это – Красные Гривы?

Мануйло повел свою речь о Красных Гривах издалека.

– Бывает, – сказал он, – идешь, идешь по темному лесу с утра до ночи, переночуешь, и опять идешь, и опять переночуешь, и опять все идешь и идешь...

Вот какие наши леса!

Дня три так пройдешь в долгомошниках и в борах, и ничего даже не увидишь, не услышишь: ни глухаря, ни чухаря, ни рябца.

Ты не бывал в таких лесах, ты спросишь: а где же вся птица?

И я тебе отвечаю: все глухари улетели на ток, на большой ток в Красных Гривах.

Вот какой ток на Красных Гривах, там птицы хватало на всех охотников.

С вечера глухари прилетают с разных сторон. Красные Гривы большие, глухари собираются кучками в разных местах, там больше, там меньше.

Каждый глухариный охотник еще по весеннему снегу, по насту на лыжах выходит искать себе ток.

Каждое утро поет глухарь, и каждое утро свет прибывает, и глухарина песня становится все дольше. Каждое утро шея у глухаря больше раздувается.

Время придет – и глухарь шею себе наиграет, а в шее-то у него вся певчая сила. Когда шею себе глухарь наиграет, он с тока не улетает, а падает на снег с дерева и уходит по снегу, оставляя следы.

Охотник идёт на лыжах до следа и по следу в пяту, приходит к тому самому дереву, где утром глухарь пел.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Охотник приходит по следу прямо на певчий помет.

– Спите ребята?

– Ну, вот еще! – ответил Митраша.

– Хотите спать, или еще поманить?

– Мани, мани, – Мануйло! – сказал Митраша.

– А где спят глухари? – спросила Настя.

– Умница! – сказал Мануйло. – Спят они диковинно.

Вечером, еще засветло, они прилетают на ток и рассаживаются по деревьям.

Случалось, вечером налетят раньше времени и застанут тебя на свету. Что делать?

Прижмешься к дереву, а они прямо у тебя над головой рассядутся. Что тут делать?

– А если тихонько уйти? – спросила Настя...

– Нельзя, красавица, нельзя даже и кашлянуть: весь ток разлетится!

– Что же делать? – спросил Митраша.

– А только стоять, – ответил Мануйло, – стоять и дожидаться, пока не уснут.

– Как же это узнать?

– Слушать надо. Стоишь и ждешь, и становится в лесу все слышней и слышней. Капелька капала с дерева на лужу, а то начала стучать. Вот когда со всех сторон капли стали по лужам стучать, начинают похрапывать и глухари.

– Ну, это сказки! – отрезал Митраша.

– Сам раньше не верил себе, а после понял: храпят, просто, как люди храпят. Спят они головой в перья и дышат. Воздух играет перышками, и оттого кажется нам, будто птица храпит. После глухарей я дома кур стал слушать, и куры, бывает, тоже храпят, все птицы спят и во сне храпят.

Вот когда услышишь, там и тут, и подальше, пока слуха хватит, спят глухари, храпят, – сам тихонечко начнешь отходить от своего дерева, чтобы их не разбудить! на пятках идешь больше, и так пятагать, пятагать, пока их будет не слышно. Да так и уйдешь, и переночуешь у своего огонька.

– Спите, ребята! = остановился Мануйло.

Митраша и Настя вместе в один голос сказали:

– Мани, мани, Мануйло.

– А дальше и ничего, – ответил Мануйло, – вы это знаете, как подходят к глухарю под песню.

– Да, – сказал Митраша, – глухари поют везде одинаково.

– Конечно, – ответил Мануйло, – пока одинаково, а как вот, у вас утки: то же самое – черные, белые, пестрые?

– Те же утки, – ответил Митраша, – только у нас не так много.

– И селезни так же шваркают?

– Как и у вас, шваркают.

– И крякуши подзывают?

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Крякают.

– А можешь ты, как чухарь, чуфыкнуть?

– Могу чуфыкнуть, и бормотать могу, и тетеркой квохтать.

– И ухать можешь, как бык водяной?

– Еще бы!

– И волков подзывать?

– Конечно, могу: завою, и мне откликнутся все, и я их сосчитаю, я даже одного сам убил, и волк был страшный, его у нас звали Серым помещиком.

– Кто же тебя всему научил?

– Да я же тебе говорил: мой отец был лесником.

– Да, помню, – ответил Мануйло, – он где-то у тебя пропадает за Пинегой. У меня отец был тоже полесником. А твой дедушка кто?

– Дедушка мой, Антипыч, был тоже лесником и, говорят, он знал правду истинную.

– Что ты говоришь!

– Не я говорю, а люди говорят, и будто бы он, когда умирал, то правду истинную перешептал собаке своей Травке, и эта собака Травка потом вытащила меня из болота.

– Это бывает, – ответил Мануйло, – собака – это, истинный друг человека.

Тут Мануйло ясно вспомнил свой разговор в лазарете с другом своим о правде и, вспоминая, непременно бы скоро догадался подумать и спросить себя: не он ли и был тем самым отцом, кого теперь ищут ребята. И что бы тогда это было!

Митраша мыслью своей ходил кругом около самого главного, а Настя умным сердцем своим почуяла что-то, в Мануйле такое хорошее, будто он им был тоже отец, только не свой родной, а какой-то общий: всем детям отец.

Мануйло всегда засыпал так, что пережитое за последнее время располагалось как бы пирогами на вертящемся тихо круглом столе. Подойдет это что-то к нему, еще неясная, неконченная мысль пирогом, и он ткнет; пальцем в пирог и говорит:

– Катись дальше, ты еще не поспел!

И стол, медленно двигаясь, уносит этот и подкатывает другой.

И так это было всегда: Мануйло не заставлял себя через меру убиваться над думой и каждую новую мысль отводил от себя, как отводит сеятель заботу о зерне, когда оно бывает брошено в землю.

Подкатил сейчас к нему на столе и тот пирог с правдой, как он был начат когда-то в лазарете.

– Поспел! – хотел крикнуть Мануйло.

Но стол вдруг перестал вертеться, и Мануйло уснул.

Вот так точно и вы, и я, и ты, мой друг дорогой, и все люди на всем свете живут с далекой правдой в глубине души. Бывает постоянно, что близенько она возле тебя, стоит только бы руку протянуть, и человек был бы спасен.

Мануйло сейчас был так близок к правде, что еще бы одно мгновение, и он соединил бы в себе отца с детьми, он уже хотел спросить даже Митрашу о том, как звали его отца, и тут сразу бы открылся путь к нему, и сам бы он непременно отвез их туда в Корабельную Чашу за Пинегой возле Мезени.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Есть у каждого в жизни такое одно мгновение, и его надо схватить, когда оно близко приходит, и когда упустишь его и поймешь, то в горе хочется на все махнуть рукой и жить как придется... Один только свет остается, одна надежда на то, что чудесное мгновение когда-нибудь снова вернется и еще больше и лучше будет: каждый на каждого будет глядеть и догадываться о самом его главном, о том, что у самого сердца лежит.

Глава девятнадцатая

Время такое, когда бывает на дню сто перемен. Так было и на присухонской низине. Днем казалось – вот-вот все оборвется, и пойдет большая вода: все болотные кочки уже потонули в воде, и так держалась вода все прибывая до тех пор, пока не кончилась вечерка, не погасла лимонная заря, не уснули все перед глухариной охотой. Засыпая, все рассчитывали через какие-нибудь два-три часа плыть водой на Красные Гривы.

Когда уснули охотники, вдруг на небо вышел месяц, а на земле откуда-то взялся мороз, и скоро заковал всю пойму, да и как еще заковал! ступи человек – и не провалится.

Простые люди думают – это приходит весной уже не сам мороз, а его внук. Сам могучий дед Мороз теперь уже кончился, пришел его слабенький внук. Будь это настоящий мороз, так бы этой перемене и остаться. Но вдруг среди ночи опять все переменялось: ветер потянул с юго-запада, небо закрылось, повалил снег крупными хлопьями, в один час вся пойма стала; как одна широкая белая скатерть.

Такая нежданная пороша обманула даже нашего старика Сильча. Он вышел из шалаша, оглянулся вокруг себя, ногой твердо на лед наступили поверил.

– Ему это было на руку тихонько идти до самого тока, нем мучиться с яликом между кочками в темноте.

Обрадованный морозом, он весело сказал:

– За дедом внук пришел!

Кругом почесался, что-то на себе подтянул, где-то привязал, что-то пхнул в карман, застегнулся, подпоясался, надел на себя «Крынку» и степенно по льду между кочками зашагал на глухариный ток Красные Гривы.

После Сильча проснулись и наши первые в Вологде глухариные охотники братки и тоже, как старик, были обмануты морозом. Очень уж выходило соблазнительно: чем пробиваться водой на ялике, а в лесу все равно ялик бросать, куда лучше прямо из шалаша идти пешком по морозцу на Красные Гривы.

И, собравшись, подумав – чего бы не забыть, слепой и глухой, два лучших охотника на глухарей, с одним-единственным ружьем на двух, как на одного, зашагали.

Рука слепого была за кожаным поясом у глухого, и чуть что, слепой Павел тянул за пояс глухого Петра и про одерживал.

– Чего ты? – тихо спрашивал зоркий Петр, устремляя глаза свои в темную даль.

– Звенит! – отвечал Павел.

И так они ждали, один ушами, другой глазами.

Так бывает, и это скорей всего лось переходил пойму, и под ногами его звенели, разлетаясь в стороны тонкие льдинки. Потом, когда лось, одолев пойму, перебрался в лес и там затих, Павел говорил:

– Пойдем, больше ничего я не слышу.

Тут опять слепой крепко ухватился за пояс глухого. – И так они шли.

Может быть, на всем севере нет охотника лучше Мануйлы, но в этот раз и его обманула погода, как маленького: он то же самое поверил: мороз продержится, и можно будет по морозу пройти на ток в лес и вернуться в свой шалаш на Выгоре.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Как ни подумать бы такому опытному охотнику о том, что вода на носу, и вся держава лесная может в какой-нибудь час оборваться и к утру вся пойма сделаться морем!

В этом разбираясь, так надо понимать, что идет такой смельчак до последнего часу по закону и верит в закон, а если выйдет какое-нибудь случайное беззаконие не от себя, так чего же бояться случая: все мы видели, русские люди, где наша не пропадала!

Мануйло без часов знал часы, как петух. Тронув Митрашу, он шепнул ему:

– Сам подымайся, а девочку не буди, пусть ее спит.

– Это не такая девочка, – ответил Митраша, – ее не удержишь, Настя, подымайся на глухарей!

– Пойдемте! – ответила Настя, вставая.

И все трое вышли из шалаша.

Хорошо пахнет болото первой весенней водой, но не хуже пахнет на нем и последний снег. Есть великая сила радости в аромате такого снега, и эта радость в темноте понесла детей в неведомые уголья, куда слетаются необыкновенные птицы, как души северных лесов.

Но у Мануйлы в этом ночном походе была своя особенная забота. Вернувшись недавно из Москвы, на ходу он от кого-то слышал, будто Красные Гривы этой зимой пошли под топор. Кто это сказал, где было сказано? Теперь вспоминал Мануйло и не мог вспомнить, и начал уже подумывать, не обманулся ли он, не во сне ли ему это почудилось.

Так дети шли в темноте, доверяясь ногам, слушаясь ног, как днем слушаешься глаз. И по-другому стали чувствовать землю: тут был еще глубокий снег, сейчас скованный настом. По насту они пошли, как по скатерти, и даже еще лучше: наст не проваливался, но как бы чуть-чуть пружинил, и оттого выходило идти веселей.

Вспомнив на такой дороге о порубке глухариного тока Красные Гривы, Мануйло решительно сказал:

– Набрехали!

Только это сказал – нога донесла ему о чем-то совсем другом, чем пружинистый наст.

Перещупав свой путь ногами в разные стороны, Мануйло скоро понял, что у него под ногой была засыпанная порошей ледянка: дорога ледяная, устроенная в зимнее время для вывоза круглого леса на берег реки.

– Плохо наше дело! – сказал он.

– Митраша спросил, отчего дело плохо.

Мануйло указал Митраше ледянку.

Помолчав, он сказал печально:

– Простимся, детки, с Красными Гривами!

Митраша понял, что Красные Гривы с глухариным током этой зимой срублены и окатаны на сплав к берегам.

– Назад? – спросил он.

– Зачем назад? – ответил Мануйло, – ток недалеко отсюда, пойдём поглядим, о чем думают теперь глухари.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Силыч стороной шагнул на ток и на ледянку не вышел. Он знал такой прямой путь на ток, что каждый год выходил прямо на песню и теперь ощупью все шел, шел, и, наконец, вроде как-бы что-то ему почудилось, он остановился.

В лесу было очень темно.

А он знал – темнее всего бывает перед рассветом.

Вокруг не было ни одного высокого дерева, кругом кусты, подлесок, а самого леса не было вовсе.

Но мало ли чего ночью в лесу ни почудится. Поняв чутьем сейчас самое темное время, Силыч стал слушать и ждать...

Так и братки тоже в темноте, угадав место тока, затаились.

В это самое время как раз и подкрадывался к людям тот час, когда начинается и как бы бросается дружная весна всей водой на дело человека.

В это самое время как раз и подходит тот страстно ожидаемый охотниками час, тот крылатый час в природе, когда спящая красавица пробуждается и говорит: «Ах, как долго я спала!»

Началось это где-то на каком-то дереве, на какой-то очень тоненькой веточке, по-зимнему голой. Там от сырости скопились две капли – одна повыше, другая пониже.

Нарастившая на себя сырость, одна капля отяжелела и покатилась к другой.

Так, одна капля догнала на ветке другую, и, соединенные, отяжелев, две капли упали.

С этого и началась весна воды.

Падая, тяжелая капля о что-то тихонечко тукнула, и получился от этого в лесу особенный звук, похожий на: «Тэк!»

И это как раз был тот самый звук, когда глухарь, начиная свою песню, по-своему совершенно так же «тэкает».

Никакой охотник на том расстоянии, как это было, не мог бы расслышать этот звук первой капли весны.

Но слепой Павел отчетливо услышал и принял, ее за первое щелканье глухаря в темноте.

Он дернул Петра за пояс.

А Петр сейчас в темноте был такой же слепой, как и Павел.

– Ничего не видно! – шепнул он.

– Поет! – ответил Павел, показывая пальцами на место, откуда шел звук.

Петр, усиливаясь в зрении, даже рот немного открыл.

– Не вижу, – повторил он.

В ответ на это Павел зашел вперед, протянул руку к Петру и тихонечко подвинулся. По-настоящему нельзя бы шевелиться, когда слышишь это глухариное капанье, но Павел так привык верить своему слуху, что разрешал себе всегда, если слышал, немного подвинуться.

Так братки и подвинулись.

– Нет, – шепнул Петр, – я не вижу.

– Нет, – ответил Павел, – это не глухарь, это капли с веточек каплют, видишь

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
это?

И опять показал.

Теперь душа охотника была отдана ожиданию глухариного пения, и ему было совсем невдомек, что это вода идет, что им теперь выхода из леса не будет. Его занимало сейчас только одно: среди тэканья капель услышать к понять глухаря.

Вдруг какая-то никому неведомая птичка спросонья не сказать прямо, что запела, а как бывает и с человеком: хочет потянуться, а вроде как бы что-то и скажет. И друг его спросит:

– Ты что говоришь?

– Нет, – отвечает проснувшийся, – я это так...

Наверно, и птичка эта неведомая тоже пикнула что-то спросонья и замолчала.

Но это было все-таки непросто. В эту самую минуту на небе стало, как говорят охотники, лунеть.

И тут глухарь на слух Павла явственно заиграл.

– Поет! – сказал Павел.

И братки, как это делают все, начали скакать: поет глухарь и не слышит, как охотники подбегают к нему на прыжках. Он остановится, и охотники в тот же миг замирают.

Братки скакали под песню глухаря не совсем как мы все скачем в одиночку. Благодаря чуть светлеющему небу кое-что все-таки было и видно, и оттого нельзя удариться лбом о дерево. Видимую светлую лужу мы тоже можем обскákat, но в невидимую мы все равно попадем и с полным зрением и слухом. То же самое, если глубоко попал в болотное тесто, а глухарь в этот миг перестал, петь, тут все равно, слепой, глухой или здоровый человек со всем своим счастьем, раз уж попал, то и стой в грязи в ожидании, когда глухарь опять заиграет.

Братки скачут рядом, взявшись за руки, до тех пор, пока зрячий глазами не увидел самого певца. Так всегда и было, что Павел раньше услышит, чем все, а Петр раньше увидит. И это маленькое «раньше всех» решало весь успех у двух людей, соединенных в одно лицо: у них всегда глухарей бывало убито больше, чем у отдельных охотников.

Еще было совсем темно и неразлично, когда братки вдруг перестали скакать и остановились, как пораженные...

То же самое было и с Мануйлой, и Силыч тоже начал и вдруг замер.

Все охотники замерли не оттого, что глухарь петь перестал, и надо было дожидаться, когда он опять запоет и оглохнет на короткое время, на какие-то пять, шесть скачков человека вперед.

Охотники замерли от небывалого с ними: пел не один глухарь, а множество, и нельзя было понять в этом множестве звуков, какой глухарь свою песню пропел и теперь отлично слышит шаги охотников, и встревоженный только изредка «тэкает», а какой сейчас только свою песню заводит и сам глохнет на все.

Было так, будто в лесу разожгли огромную чугунную сковороду, и на горячем кипело, шипело и лопалось масло.

И так близко! казалось, вот еще немного подберись к этой шипящей сковородке – и тебе самому глаза выжжет.

Вот, поняв это близкое и необычайное скопление громадных птиц на одном месте, охотники и замерли. Мало-помалу на небе стало все больше и больше лунеть, а вокруг все светлеть и светлеть, и вдруг как бы что-то моргнуло и все открылось на глаз.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Оказалось, леса вокруг вовсе и не было, оставался только после порубки подлесок, разные кусты и хилые деревья. Там же, где раньше были самые Красные Гривы, на большом видимом пространстве были одни только широкие пни от огромных деревьев, и на пнях, на самых пнях сидели и пели глухари!

Некоторые глухари на этой огромной сковороде были так близко, что каждому легко было взять своего, но у какого же охотника поднимется рука на такого глухаря!

Каждый охотник понимал сейчас птицу по себе, представляя, что сгорел у него собственный обжитой и милый ему дом, и он, прибыв на свадьбу, видит одни обгорелые бревна. На этот страшный случай придумал человек свое слово: «помирать собирайся – рожь сей!»

А у глухарей это выходит по-своему, но тоже очень и очень сходно с человеческим: на пне того же дерева, где раньше он пел, скрытый в густой листве высоко, теперь он сидит на этом пне беззащитный и поет. Глухарь поет теперь ту самую правду, какая остается и человеку: «Помирать собирайся – рожь сей!»

Долго раздумывать охотникам не пришлось: хлынул весенний дождь, оставляющий людям на окнах те, всем известные весенние слезы радости, собой серые, а нам всем такие прекрасные!

Глухари сразу все примолкли: какие прыгнули с пней и мокрые куда-то побежали, какие стали на крыло и разлетелись все неизвестно куда. Тогда охотники открытыми глазами оглянулись кругом и сразу все увидели друг друга: там стоял Мануйло с Митрашей и Настей, там с одним ружьем жались друг ко другу братки, там, прикрывая осторожно от дождя ладонью полку с порохом своей кремневой «Крынки», стоял Силыч.

Все они, удивленные, не смели стрелять в поющих на пнях бездомных теперь глухарей.

После каждой крупной рубки в лесах непременно от лесорубов остается избушка, где они зимой грелись и варили себе пищу; Была и на Красных Гривах такая избушка. В ней-то и укрылись все наши незадачливые охотники и, прогуляв всю ночь, утомленные все скоро уснули.

Часть седьмая

Половодье

Глава двадцатая

Ветер несущий снежную пыль, поземок, перед встречей с каким-нибудь деревом не бросает поземок прямо на дерево, на его ствол, а обносит, и от этого выходит кругом дерева ямка, еще и до весны заметная.

Некоторые говорят, будто такая весенняя приствольная чаша вокруг дерева бывает от воды, стекающей по стволу на снег. Конечно, и от этого тоже бывает. Но мы своими глазами видели тоже, как ветер обносил поземок, и оттого вокруг дерева делалась ямка. Мы тоже видели много раз, как в туманную весеннюю оттепель ветки дерева льят сырость-в воздухе так усердно, будто нарочно так сделано, чтобы всеми ветвями со всех сторон деревьев ловили туман в воздухе и обращали его в воду. Сгущаясь на каждой веточке, туман разбегается водой, множеством ручейков льется на ствол, и по стволу – вода рекой катится вниз в приствольную чашу.

Часто бывает и это ранневесеннее время, на дерево садятся отдохнуть разные перелетные птички и, высмотрев эту первую воду приствольной чаши, купаются в ней. Нам приходилось видеть, как в солнечный день, купаясь, птичка разбрасывает в воздухе столько мелких брызг, что над чашей складывается на короткое время маленькая радуга. И все кончается тем, что вода из одной приствольной чаши сбегает в другую, переполняет ее, и так начинается в глубине леса первый ручей.

Так бывает каждую весну: где-то из глубины лесов выходит первый ручей.

В то время как первой весной на низких горизонтах проходили реки, в глубоких лесных радах и сурадьях медленно создавалась та самая весна половодья, когда размываются все приствольные чаши, прорываются все временные плотники, и вся огромная лесная вода ручьями, реками, водопадами и всякими временными потоками и протоками бросится в настоящие постоянные реки и подхватывает с берега и несет вместе с собой весь круглый лес, приготовленный для сплава зимой.

Исподволь, медленно подготавливается половодье, и часто бывает, что держит-то долго, многими днями, а часом все кончится.

Так было этой весной, в те часы, когда охотники спали на глухарином току. Присухонская низина быстро сделалась морем, и Красные Гривы были на нем, как острова.

Первым проснулся Мануйло и, глянув в окошко, сразу принял решение и никого даже не стал и будить. Бурлак природный не боится воды и, если приходится спасать от прорыва какую-нибудь запонь, с багром в руке для равновесия и на одном бревне проносится в потоке и заделывает в брызгах пены прорыв.

Теперь он спустился к воде, посмотрел тут два незахваченных водою бревна, связал их, вырубил длинный шест и, упираясь им в дно мелкого моря, стоя помчался куда-то и скрылся в тумане.

Можно подумать было, он это поплыл за лодкой для детей и для спящих товарищей.

Так оно было, конечно, так и подумали все, когда пробудились и хватились Мануйлы.

Выждав немного, стали поглядывать в туманную даль и ничего уже между собой не говорили.

Ждали, ждали, а Мануйлы все не было.

От нечего делать развели огонек, вскипятили воду, Запасливые братцы достали чаю, сахару. Силыч выложил свой запас хлеба. Так и сели за чай. А Мануйлы все не было.

Много разговаривали о токующих глухарях на пнях срубленного леса, много дивились тому, что птица так привязывается к своему месту, к своему дереву. Обсуждали вопрос, для чего так устроено, что глухарь лишается слуха на то время, когда, поет.

Тоже и о том говорили и хотели решить вопрос: с горя поет глухарь или от радости. Силыч стоял на том, что поет глухарь с горя, и оттого, когда он поет, у него дрожит каждое перышко. Петр на это отвечал, что ведь и от радости тоже может дрожать у живой птицы каждое перышко.

Так решали мудрецы и решить ничего не могли оттого только, что хотели понять глухаря по себе, а как чувствует себя сам глухарь – знать не могли.

О всем переговорили. За разговором и чайник остыл, а Мануйлы так все и не было...

Силыч первый забеспокоился и стал высматривать материал для плота; Митраша и Настя драли вицу на сплотку; братки, не разделяясь, помогали то детям, то Силычу. Всем работа по сплотке деревьев была с малолетства знакома, и оттого очень скоро сделался плот, охотники вышли на него, стали и, упираясь жердью в дно, выехали.

Как только обогнули заслонявшую вид на море гриву, так и показался вдали Выгор, как небольшой остров на море. При виде острова даже и старое сердце Силыча сжалось: никаких следов от нижних шалашей не оставалось, и яликов не было, и Маруська, видно, уплыла куда-то вместе с яликами.

Загоревали тоже и братки, увидев на воде, что от всего Выгора остался теперь один пятачок.

Медленно двигался плот, но мало-помалу глаза, присматриваясь, стали привыкать и кое-что узнавать впереди. Так и узнали наверху Выгора шалаш Мануйлы: он как стоял, так и теперь стоит нетронутый. Потом разглядели возле этого шалаша вытащенные к нему ялики. А когда еще ближе подплыли, то из корзины на ялике Силыча вытянулась Марушкина шея и показалась ее голова.

На близком расстоянии Силыч не удержался, крикнул свое «шварк» по-селезневому, и Маруська вмиг стала на крыло и опустилась на плот прямо на руки Силычу.

Все было спасено, все было на месте и в полном порядке сложено: продовольствие, чайник, котелки, все было перенесено и переложено сюда, но самого Мануйлы не было.

Как можно было понять исчезновение Мануйлы? Мысль о том, чтобы такой бурлак мог утонуть, никому и в голову не приходила. И какой разговор мог быть о случайности, если Мануйло так хорошо о всех позаботился, все стащил наверх к своему шалашу. Он не забыл даже и о детях, все продовольствие сложил, снес и уложил в одном месте, посуду всю вымыл и даже покрыл тряпочкой. Так все решили согласно, что скорее всего внезапная вода заставила принять его какое-то решение в бурлацких делах: может быть, затрещала где-нибудь запонь, буксирчик подхватил знаменитого бурлака...

Дедушка Силыч при этом разговоре не спускал глаз с детей и наконец сказал:

– Вам бы обратно со мной в Вологду...

Настя поглядела на Митрашу, и тот, долго не думая, сказал:

– Мануйло нас не бросит, мы его здесь будем ждать. Нам надо на Пинегу, а не назад. Мы дождемся!

– Как знать! – сказал Силыч, – бывает, сам думаешь твердо: дождусь! а выйдет не по-нашему. Семьдесят рек впадает в Северную Двину по грубому счету, а маленьких и не перечесть, и таких еще много, что летом нет ничего, только потное место, а сейчас тут река, и тоже несет на себе круглый лес. Вы и понять сейчас не можете, какое дело теперь закипело вокруг леса.

Конечно, о том и говорить нечего, чтобы бросить сирот, но и о том надо подумать, что сирот у нас каждый пожалеет, каждый им поможет, а к тому же они сейчас не обижены: продовольствия хватит им на неделю. И опять еще надо знать, что в таком деле сам не волен: рад бы всей душой так, а оно подхватит тебя и унесет в другое место.

– Поневоле Мануйло вас оставил, – сказал Силыч, – не он сам, а дело. А вы все будете ждать? Садитесь–ка лучше ко мне в ялик!

– Спасибо, дедушка! – ответила Настя, – мы все-таки Мануйлу здесь подождем, а если ему нельзя будет нам помочь, люди добрые нас не оставят.

– Как знаете! – ответил Силыч, укладывая убитого селезня в ту самую корзинку, где жила и Маруся. – Тоже и так сказать: для чего и дом родной бросили, как не за тем, чтобы найти отца. Странствуйте, детки, ищите: Мануйло не один-единственный хороший человек на свете белом, вам каждый поможет, прощайте! Считайте по солнышку, через пять дней я к вам наведаюсь. Не Мануйло, так Силыч вас на Пинегу доставит!

Так простившись с детьми, Силыч кивнул браткам головой, и те сели в ялик: слепой Павел взялся за весла, а глухой Петр сел у руля.

И все поплыли.

Дальше и дальше плыли по разливу между островками, и на каждом пятачке затопленной земли кто-нибудь их встречал и потом провожал: было много зайцев, много водяных крыс, и то волк, то лиса сидят, глядят и не боятся людей.

Как это с нами часто бывает, что вот сейчас были тут около нас какие-то люди, и мы тоже вовсе и не думали, что они такие добрые, такие хорошие, и главное, такие нам нужные, необходимые. И вот они уезжают, вот совсем уехали, скрылись с глаз...

И мы остались одни! Одни мы, совершенно одни на затопленном острове. Кругом лас вода, и вот они вместо людей показываются на воде плывущие к нам сюда голодные напуганные мыши и водяные крысы.

Дети, поначалу немного смущенные своим одиночеством, стояли молча, и каждый по-своему наблюдал за плывущими животными. Митраша для наблюдения выбрал себе одну водяную крысу, видно, уж очень уставшую. Как только эта крыса достигла

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru берега, сразу же и повалилась на бок.

– Крыса кончилась! – сказал он.

– А я, – ответила Настя, – за мышонком слежу, все как только попадают на берег, так и разбегаются в разные стороны, а этот, как прикоснулся земли, так и сидит. Наверно, плохо ему?

– Еще бы! – ответил Митраша.

И, скользнув глазами по мышонку, вернулся к своей крысе. Нет! оказалось, она только устала, а не умерла, Отдохнув немного, она встала, и по стволу обыкновенной корзиночной ивы стала подниматься к развилочку. Добравшись, тут в развилочке она и устроилась. Ей было хорошо, удобно на седловинке. По одну сторону у нее поднималось вверх деревце, по другую ветка была когда-то срезана, и теперь от нее рос вверх целый пучок тонких веточек.

Митраша до того заинтересовался судьбой водяной крысы, что подошел к ней поближе и осторожно, подвигаясь вперед шаг за шагом, стал к ней совсем близко и видел даже, какие у нее глаза. Такие, показалось ему, глаза были умные!

Усталая водяная крыса не обращала на него никакого внимания.

Митраше казалось, будто в глазах водяной крысы загорелся огонек.

Может быть, это отсвечивался так в глазу солнечный луч?

Конечно, может быть. Но почему же, как только это что-то сверкнуло в глазу, так и вся крыса зашевелилась?

Почему это? Крыса устроилась поближе к пучку тонких прутиков ивы, в один раз, двинув челюстью, срезала прутик и стала его кругом объедать.

Почему тоже это?

«Грызуны!» – ответил себе Митраша, вспомнив школьную свою книгу.

И обратил особенное внимание на то, что срез прута был косою и в один раз.

Крыса очистила так три прутика, а когда срезала четвертый, то не стала его есть, а поджала к себе и вместе с прутиком начала спускаться вниз по иве. Не отпуская прутика, крыса вместе с ним бросилась в воду и поплыла, и когда бросалась, то Митраша опять заметил, как в ее глазу сверкнул огонек, и он опять спросил себя: «Почему тоже и это?»

Его, конечно, удивляло, что перед каждым решением у крысы в глазу сверкал огонек, но он не разбирался, а только дивился и оттого спрашивал, когда удивлялся: почему то, почему другое?

От крысы его удивление расходилось на все, но самое главное, конечно, было, что с этим прутиком крыса и поплыла. Не было для Митраши никакого сомнения в том, – крыса взяла прутик себе про запас, на случай, если она также устанет, а на берегу покушать будет нечего.

Значит, огонек тот мелькал не даром, но почему это все?

А крыса плыла с прутиком все дальше и дальше, и Митраше было-так же, как и нам было в наше время. Нам казалось тогда, что если у кого-нибудь самого ученого, самого умного выспросить, вызнать обо всем на свете, почему это так делается, то можно бы все на свете объяснить, все открыть, и тогда – как тогда было бы всем хорошо жить!

Митраша сейчас утопал в своих безответных вопросах. Ему казалось теперь, будто все это – где-то, не здесь у них, а в настоящей, хорошей жизни, когда один спрашивает, другой ему отвечает. И эта их жизнь не настоящая, если нет ответа на свой вопрос.

Бывало у него такое сомнение и дома, и всегда оно кончалось горем о своем отце.

Отец его все знал, и отца у него нет, и от этого жизнь его не настоящая...

В это самое время, когда Митраша занимался крысой и провожал ее очень далеко, пока глаз мог терпеть, Настя глядела на своего мышонка. Один раз даже она попробовала привлечь к нему внимание Митраши и дернула его за рукав и показала.

– На что тебе мышонок нужен? – спросил Митраша.

И опять вернулся к уплывающей крысе, и стал, как мы все в свое время стояли, на свое «почему»?

У Насти был совсем какой-то другой интерес, но тоже не менее сильный, чем у Митраши его «почему»? Понаблюдав за мышонком, сидящим в одном и том же положении, она подошла к нему и тут увидела – он был очень хорошенький и глядел на нее добрыми, милыми глазками. До того мышонок был мил, что она осмелилась, взяла его двумя пальцами и посадила себе на ладонь. Мышонок не боялся, не пробовал убежать, как будто ему было хорошо.

И вот тут-то Настя прямо и спросила мышонка, совсем, как маленького человека:

– Кто ты такой?

Так спросила, будто мышонок был и справду родной. Ей самой что-то в этом вопросе понравилось, она вертела мышонка, перекидывала его тихонько с ладони на ладонь и все время спрашивала:

– Да скажи же, наконец, кто ты такой?

Мышонок заметно повеселел.

Поняв по-своему, что мышонок веселеет, она понесла его в шалаш, нашла кусочек сала, нарезала его тоненькими кусочками, дала, и он стал есть.

После того Настя вспомнила, сколько там внизу было мышей и нельзя ли им тоже помочь. Пошарив в шалаше, нашла картошку, натерла с постным маслом и на блюде отнесла вниз и поставила мышам. Как только она отошла, мыши бросились к блюду.

Когда же Настя вернулась в шалаш, то мышонок, оказалось, наелся и теперь сидел в ожидании с надеждой: может быть, ему и опять что-нибудь перепадет. Опять Настя взяла его себе на ладонь и опять спрашивала: «Кто ты такой? Почему тебя, такого маленького и хорошенького, люди боятся? Почему я сама, еще так недавно, вскрикивала и бросалась на скамью или на стол, если в избе по полу пробегал мышонок? Почему говорят: ты, мышонок, поганный?»

Ничего не мог ответить мышонок девочке, но если бы мог, то на вопрос, отчего он-такой хорошенький и людьми считается поганным, ответил бы так:

«Люди, милая девочка, больше любят такое, чтобы скушать, а меня кушать нельзя!»

Мышонок сам, конечно, не мог так сказать, но глядел точно, будто он так и говорил доброй Насте, и она повторяла ему:

– Какой же ты умница!

Сколько всего передумал Митраша, пока скрылась у него с глаз умная крыса. Он и спрашивал все свое «почему?», и скучал, что ему нет ответа. Он еще не мог знать тогда, что ответы на это все собраны и надо только научиться читать их, где-то находить.

Если вопрос приходил такой, что ответа на него еще не было, то это значило – ему самому надо пожить, потрудиться и догадаться.

Так и везде теперь было по разливу: на всех бугорках, на кустах, на ветках затопленных деревьев сидели захваченные врасплох животные, большие и маленькие, зайцы, лисицы, волки, лоси. На иных прутиках так часто устраивались мелкие зверушки, что издали были похожи на кисти черного винограда.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Все жизненные ареалы теперь ими были оставлены, вся настоящая жизнь перешла у них в будущее, в один-единственный вопрос:

«Как быть теперь дальше?» Вся присухонская низина теперь задумалась над этим, и к этой общей думе присоединились и маленькие люди:

Митраша спрашивал в тревоге:

– Почему это все?

Настя спокойно улыбалась и говорила каждому:

– Кто вы такие?

И хорошо вглядевшись, – что-то свое понимала и повторяла:

– Какой же ты умница!

Глава двадцать первая

Бывало не раз и с нами на охоте весной, когда разольется река и неодетые деревья там и тут верхушками торчат из-под воды и на этих сучках собирается столько всяких маленьких темных зверушек, что иная веточка от них издали кажется похожей на гроздь черного винограда.

Сидят зверушки на ветках, теснятся кучками на островках. Другие, маленькие, куда-то плывут. И больше бывают звери: плывут лоси, медведи, волки, а все ведут себя, как маленькие испуганные дети.

Рядом, видишь, плывут злейшие враги: лесная куница и белка, и хищнице-кунице и в голову не приходит схватить свою белку, и кажется, у всех этих зверей, больших и малых зверушек, одна какая-то рождается общая мысль или чувство, вроде как бы каждый твердил:

«Чур меня!»

Только это одно они чувствуют, и оттого никогда в такой беде не кусаются.

Бывало и с нами в такое время во время весеннего потопа на охоте: товарищ привезет тебя на какой-нибудь островок с кустарниками. Тут свяжешь кусты вроде шалаша, чтобы в нем укрыться, устроишься. Мы сговариваемся: после охоты он заедет за тобой.

И остаешься один, конечно, еще в полной темноте. В это время потопа счастливы только птицы да охотники. Плывут, конечно, не одни только крупные животные, плывут миллионы миллионов всяких блошек и вошек. А на берегах островков, как ни в чем не бывало, бегают проворные трясогузки и встречают гостей этих: разных жучков и блошек.

Какое бедствие всем этим насекомым и какая потеха трясогузкам: вот наклюются, вот им истинный пир на весь мир!

А какое раздолье на разливах водоплавающим птицам всех пород – уткам, гусям, лебедям! Сидишь сам в шалаше и на глазах у тебя твоя же подсадная утка из серой делается черной: это плывут массаи всякие жучки, блошки и вошки, принимая птицу за остров спасения, лезут на них.

Тут-то вот во время величайшего бедствия зверей и насекомых со всей страстью разгорается птичья любовь и свобода. Вот, может быть, откуда и взялось у нас всех почитание крылатых существ, как посланников небесных: какие они счастливые!

А может быть, и так надо понять, что и в нашей человеческой природе есть какие-то скрытые, крылышки, и оттого каждому хочется полететь, иной раз даже чувствуешь на плечах место прикрепления крыльев, вроде как бы тут чешется, иной раз во сне так явственно все мы летаем.

Не из этого ли чувства свободы крылатой выходим и мы, природные страстные охотники? А то откуда же взялось это чувство радости у охотников, такой ощутимой?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так вот едешь на лодочке ночью в сырости, а иногда даже и зябнешь, дрожишь от холода, а за спиной каждое перышко на своих крыльях трепещет от радости. Встречаешь рассвет с ружьем в руке на своем островке.

А между тем потеплело, и вода, быстро стала прибавляться. Вот и самому заметно на рассвете, что, когда садился ночью, вокруг шалаша был большой темный круг земли, а теперь остается он всей этой земли пяточок. Конечно, очень не хочется расставаться с крыльями радости, думаешь – товарищ, конечно, устроился где-нибудь тут близко тоже на островке, и он по себе поймет: когда вода сильно прибавится – он за тобой и приедет.

Успокаивать себя можно разными мыслями, а вода неумолимо, неминуемо, вода сама по себе, по своим правилам потихонечку все ползет и ползет и вот уже пяточок мой скрылся, подходит уже вода к сапогам, и от всей великой радости жизни крылатой остается радость одна, что сапоги-то все-таки резиновые и высокие!

Мало-помалу становится так, что и глаз не, можешь оторвать от воды, и тут-то вот начинаешь понимать этих плывущих к тебе мышей, взлетающих на ветки твоего шалаша водяных крыс, и кажется тогда, все они шепчут неумолимой воде:

«Чур меня!»

Вдруг подсадная утка взялась, весь расписанный яркими красками селезень шлепнулся на воду, за спиной у себя опять взметнулись крылья свободы...

Но пока этому радовался, воды еще прибавилось, и крысы водяные сидят теперь на ветках рядом с тобой, а товарищ после того селезня подумал, что значит все хорошо, если охотник стреляет.

Крикнуть разве?

Тут ветер подул как раз с той стороны, куда надо кричать.

А звери разные плывут, все выше и выше поднимаются, утка подсадная все чернеет и чернеет от наседающих на нее насекомых.

Стыдно сказать, но как и не сказать, если то была правда: был этот грех, тоже тогда сорвалось с языка у человека вместе со всеми;

«Чур меня!»

Потому теперь так и стыдно, что потерял на короткое время разум и, как всякий зверь окруженный водой, отдался судьбе своей:

«Чур меня!»

Так бывает, волчий щенок перевортывается на брюхо, когда его догоняет борзая. И ему тоже остается одно только это:

«Чур меня!»

То же и с медведем, говорят, бывает, когда человек у него под носом, прошептал свое: «Чур меня!», притворяется мертвым и лежит неподвижно. Говорят, это «чур» иногда помогает, и медведь удаляется...

Так и со мной было: послышался плеск весла, вдали показалась лодка, и за плечами опять, зачесалось то место, где охотники чувствуют по временам у себя крылья.

К счастью, Выгор на присухонской низине такой высокий, что его никогда не заливают водой, да и Мануйло никогда бы такие сделал, чтобы оставить детей на волю воды. Вскоре на лодке, пробиваясь между бревнами, приехал бурлак с лесной биржи и рассказал, что Мануйло по телефону сказал из Верхней Тоймы: он должен там стеречь запонь, а дети или ждали бы на бирже парохода, или, если не боятся, связали бы плот и плыли бы потихоньку к нему: вода будто бы как раз и принесет их к самой Верхней Тойме.

Митраша, долго не думая, решил плыть как можно скорее к Мануйле, и бурлак до

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru самого вечера помогал ему вязать надежный плот из проплывающих бревен.

Работу закончили только к самому вечеру, и тут бурлак поглядел на детей и задумался и долго о чем-то размышлял.

– А хотите, – сказал он наконец, – я, так и быть, вам свою лодку отдам, а сам как-нибудь к себе проберусь на плоту. Дядя Мануйло, я знаю, потом в долгу не останется.

– Ну, а как ты думаешь, – спросил Митраша, – ничего с нами не будет худого, если мы на плоту поплывем?

– Тоже ничего, если не боитесь: мало ли у нас плавают на плотках. Варить можно, греться у костра, у нудьи, а на лодке как сел, так и сиди, и дрожи!

– Плыдем, Настя, на плоту! – решил Митраша.

И бурлак повеселел, а сам все повторял:

– Ну, а ежели хотите на лодке, что же, берите, дядя Мануйло не такой какой-нибудь, берите!

– Спасибо, спасибо! – повторяли Митраша и Настя.

А бурлак все веселел, уж сидя в лодке, отчаливая, все повторял:

– А мне что, я и на плоту перееду, ежели надо, берите лодку!

Так он и уплыл, и после него к вечеру поднялись на пойме голоса, сколько голосов, и все голоса повторяли некоторое время все одно и то же: последнее слово бурлака.

– Берите, берите!

Странно и так удивительно это бывает, что когда о чем-нибудь и очень крепко задумаешься, и тут где-нибудь тоже вблизи петух прокричит – то кажется, петух этот поймал твое последнее олово из того, о чем ты задумался, и выкрикивает на весь свет.

А тут было Митраше, что вся пойма, тысячи болотных птиц подхватили одно слово, и все на свой лад повторяют:

– Берите, берите!

И нужно сказать, – это не просто бывает с людьми, когда свои слова начинаешь узнавать в птичьих голосах. Это бывает, когда к человеку подходит какая-то своя новая догадка, своя собственная новая мысль.

Бывает это со всеми нами – придет какая-нибудь своя новая мысль, и ты о чем-нибудь сам догадаешься вдруг, сам откроешь, вот тогда почему-то и кажется тебе: все на свете этим обрадованы, и даже в крике петуха слышится твоя эта какая-то мысль на его лад.

Так было с Митрашей в шалаше на вечерней заре: он вдруг догадался...

Было это совсем перед тем как уснуть в тепле под сеном. Уже проводил Митраша все голоса на пойме, знакомые и незнакомые, и любимый его конек-горбунок проскакал, стуча копытцем, по твердому воздуху. Кругом всего неба по горизонту началось уже бормотание тетеревов, колыбельная песнь на весь мир.

Тут-то вот в последнюю минуту перед засыпанием и пришла Митраше в голову одна догадка, озаряющая всю. Душу.

Себе самому потом кажется, будто эта догадка просилась к тебе давно уже и не раз стучалась в двери души твоей, но ты почему-то ее не впустил. Другой раз даже и волосы на голове у себя рвать хочется, до того винишь себя в этом, что вовремя не догадался. В конце концов кажется, что не она замедлилась, а что сам виноват: не догадался.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

А пока не кончилось, то кажется, будто мысль сама тебя ищет, и она тебя находит. Придет время, и она тебя непременно найдет и от мысли этой ты никуда не уйдешь...

У Митраши эта мысль была о той Корабельной Чаще, куда ушел их отец. Эта мысль, теперь совершенно ясная, законченная, вдруг толкнула Митрашу в момент засыпания, и она была такая большая, что прямо и не помещалась в себе, как не помещается иногда в ведре вода под капелью: места в себе не хватало.

– Настя! – сказал он, – ты не спишь? Ты знаешь, о чем я думаю?

– Нет, – ответила Настя, – не знаю, а что?

– Вот что! Наш отец и есть тот самый, помнишь, тот, кто говорил Мануйле о правде истинной.

– Это, кто лежал с ним в больнице? – воскликнула Настя, поднимаясь с постели. И потом, сидя:

– А я давно об этом думала, только несмела как-то сказать...

– Я все время тоже думал и почему-то не смел сам себе это сказать: как-то вроде как в сказке все получалось...

– Теперь я знаю, конечно, оно так и было – отец раненый с больной рукой лежал в лазарете, а на Мануйлу упало дерево, и его доставили в тот же лазарет. Они там познакомились и говорили о правде истинной.

– Мало того! И та Корабельная Чаща и есть та самая Чаща, куда отец ушел! на какую-то важную работу! – И весь путь этот, и по пути Волчий зуб, и Воронья пята, и все это на пути к отцу.

– А помнишь, как эта река называется?

– Мне кажется, Кода.

– Их две реки, они сестры: Кода и Лода.

– А помнишь, скворец там где-то на том же пути в старой часовне служит за дьякона?

– А как потом где-то возле становой избы, откуда начинается путик Мануйлы, там прудик, и в нем живет рыбка Вьюн?

– Две рыбки: Вьюн и Карась.

– А помнишь: еще он говорил...

– Нет: вот самое главное, почему же он-то, такой хороший и умный, не догадался, что мы – дети его друга?

– Мне кажется, – ответил Митраша – он временами догадывался, он так долго глядел то на меня, – то на тебя. И скорее всего, после он догадался.

– Я тоже так думаю, – ответила Настя, – временами он догадывался, а мы на глазах мешали ему, теперь, как и мы, он догадался!

– Если бы он догадался!

Так подошли в разговоре дети к чему-то большому, самому простому и такому непосильному им для решения, что вдруг смолкли.

Какая-то великая мысль о правде, переходящей в понимание людей между собою, какая-то догадка о правде понимания людей между собою носилась тут в воздухе и не могла войти в головки этих детей.

Эта догадка была скорее всего о какой-то великой правде понимания людей между собою: не в том ли правда, что если бы только чуть-чуть – внимания больше, и они

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru были бы сейчас с Мануйлой, как с отцом родным, и он бы просто привел их к отцу. Вот если бы все-все так, и все на свете было бы наше и мы все были, как один человек!

Не тут ли зрела эта мысль, общая всему миру, созревая, изменяясь? Может быть, дети прошли тут около какого-то слова, где ходит весь мир, а назвать слово не может... Какое это слово?

Но это думалось детям далеко не так, как теперь хочется об этом сказать: их тянуло куда-то далеко, в неизвестное и казалось, что решение всему там, а не здесь возле себя, в простом понимании близкого человека.

– Ты слышишь, Настя, – сказал тихо Митраша, – мне кажется, будто маленький конек-горбунок скачет по воздуху и тукает копытцами...

– Слышу, как рассыпается, – ответила Настя. – А что это?

– Это и отец не знал, – ответил Митраша. – Дай есть ли такой человек, что все знает? – добавил он, подумав.

Насте нравилось, что есть среди лесных голосов голос конька-горбунка и никто о нем не знает. Помолчав, она сказала:

– А нужно это, чтоб все знать?

– Как же не нужно! – ответил Митраша с неудовольствием.

Было же это, как будто кто-то далеко и высоко, пролетая в небе, сказал совсем по-человечески:

– А?

Митраша прислушался и сказал:

– Давай вылезем!

И они вылезли из шалаша прямо под звезды над великим весенним разливом.

Сколько всяких звуков было, сколько витало загадок, и над всем этим, изредка повторяясь, что-то спрашивало:

– А?

Митраша замер в попытке догадаться, но вдруг понял, что звук этот повторяется, проходя по какому-то невидимому следу прямо с юга на север. И когда напал на след летящего с юга на север существа, вспомнил отца на охоте и Насте сказал:

– Это цапля летит на места гнездований, на север!

Так он вспомнил отца.

А Насте уже было все равно, что это летело и кто это спрашивал. Он думала только об отце: ужасно жаль, что упустили они Мануйлу, но теперь зато они напали на верный след, и только бы жив был отец, только бы не захворал, а то теперь его непременно найдут.

Часть восьмая

Глубинный залом

Глава двадцать вторая

Пока дети спали, солнце невидимо за горизонтом переодевалось в новую утреннюю одежду. Так бывает всегда в стране полуночного солнца: уже начиная с полудня воды солнце не садится, как на юге, а переодевается из вечерней зари в утреннюю и выходит в новой одежде.

Так и в это утро, дети еще только уснули по-настоящему, а солнце уже встало. В это утро для солнечного глаза перемена в зеленых лесах. Раньше в зеленом река бежала синяя, а теперь от схваченного полудня водой шкуреного леса река стала желтая. В эту желтую реку из лесов бежала одна маленькая речка – прежняя синяя

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru жилка. Но то была не речка, а временный поток по зимней дороге-ледянке, сделанной зимой для ската срубленных и ошкуренных деревьев к реке. Вот теперь, спасаясь от половодья, на эту ледянку выбежал из глубоких снегов потревоженный водою медведь и бросился в эту малую речку на зимней дороге.

По этой ледянке медведь, где было глубоко, плыл, а где мелко, бежал. В то самое время, как медведь несся по ледянке, вслед за ним выбился из глубоких снегов мокрый, долгий худой измученный лось. Его начали преследовать охотники еще по насту, когда он не мог бежать, и резал себе ноги о наст. Но вдруг стало теплеть, наст размяк, лосю стало легче даже и в глубоком снегу, он стал набирать скорость и подбежал к ледянке в то самое время, как по ней проплывал медведь.

Так велик был у лося страх от человека, что на медведя он не обратил никакого внимания, как будто Медведь ему был свой. Только уж когда эти лесные братья добрались до желтой реки плывущего леса и медведь в раздумье остановился на берегу, то и лось, не дойдя до медведя, тоже остановился и как бы задумался.

Вдруг послышались назади подозрительный, шум и крики охотников, потерявших надежду настигнуть лося, и медведь бросился прямо в тесноту плывущих хлыстов. Лось по примеру своего лесного товарища бросился тоже.

Встречаясь с плывущими по реке деревьями, медведь с такой силой раздвигал их сильными ударами, что некоторые хлысты глубоко ныряли, а другие как бы не успевали от ударов опомниться, на мгновение задерживались и оттого на короткое время на желтой реке сохранялась водная синяя дорожка. Оттого-то лось и спешил воспользоваться водной дорожкой за медведем, чтобы не дать деревьям сомкнуться.

С трудом медведь наконец пересек реку и на разливе достиг какого-то берега. Вслед за ним вылез и лось, и как-то вышло у него это не сразу: сначала он выбросил передние ноги и немного помедлил с задними, казалось, он ожидал, что лесной брат ему, совершенно измученному, поможет. Но, не обращая на лося никакого внимания, медведь как только вылез, так развалил задние лапы, согнулся туда и стал там что-то настойчиво вылизывать.

Лосю же пришлось сделать очень большое усилие, и так он, мокрый, длинный, худой и странный, был очень похож на подъемный кран, а кто в детстве читал «Дон-Кихота», ему был похож на Рыцаря Печального Образа.

По крутому взлобку над животными на самом верху затопленного Выгора стоял шалаш и сквозь просветы сена, покрывающего жерди, на зверей глядели человеческие глаза.: – Что нам делать? – шепнула Настя.

– Ничего, – ответил спокойно Митраша, – они нас не тронут, они сами еле-еле на ногах держатся. Смотри, как бревна лосю шею натукали.

– Тише! – шепнула Настя, – они, кажется, собираются ложиться.

– Это лось, – сказал Митраша, – а медведь, смотри, опять собирается в путь.

И то была правда. Медведь что-то высмотрел недоброе, своими маленькими глазками остановился на шалаше и вдруг бросился в воду. Лось тоже вдруг ожил и бросился вслед за медведем. И лесные братья направились в ту сторону, где серой щеточкой между небом и водой стоял лес.

Долго не думая, Митраша с Настей закусили, не разводя огня, перетащили запасы продовольствия на плот, подправили приготовленное вчера спалье на плоту, шалашик, заготовили запас дров для нудьи, устроились сами хорошо и, развязав причало, вверили свой плот и свою судьбу общему движению по реке круглого желтого леса.

Глава двадцать третья

Бывало со всеми, кто ночевал на плоту у своего костра и не проспал то первое мгновение, когда первый солнечный луч встречался с нашим огнем: казалось, будто солнце с удивлением глядит на этот маленький, но такой тоже и упрямый на своем месте огонек.

«Откуда ты взялся такой?» – спрашивает удивленное солнце.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
А он горит себе и горит, не обращая никакого внимания на удивленное солнце.

Сказать так, что это похоже на то, как если бы великий и славный отец встретился со своим малюткой сыном, – нет! Что-то есть человечески независимое даже и от самого солнца в этих наших красных угольках на рассвете.

Огонек был на желтой реке – это горела северная нудья на плоту. Нудья же – это сухое толстое дерево горит посередине себя, а маленький человек Митраша дремлет и, просыпаясь по необходимости, сдвигает концы прогоревшей середины.

Северная нудья – это всеобщий очаг промыслового человека ночующего на сендухе, или, по-нашему, просто на воле: на лесных полянах, на берегах реки тоже всегда на плотках; нижние деревья, составляющие самый плот, погруженные в воду, от нудьи не загораются.

По эту сторону нудьи, ближе к рулю, сидит сейчас Митраша, а по другую сторону спит Настя под еловым лапником. Горячее дыхание девочки пробивается сквозь еловые ветки и так успевает охладиться, что кристаллы белым снегом остаются на ветках елки и, накапливаясь, так плотно складываются, что кажется, спящая девочка покрыта белым платком.

Но это кажется только, что спящей холодно, под толстым слоем лапника на сене у нудьи очень тепло. И Митраше, не спавшему ночь, конечно, очень бы хотелось поскорее попасть на это сено.

У кормщика на плоту не одно только дело, чтобы время от времени сдвигать концы перегорающей нудьи. Его главное дело держать плот на стрежне, где вода самая быстрая и где у желтых хлыстов меньше спора, чем в других местах реки: на быстрой воде им хорошо.

Только очень издали кажется, что на желтой реке все так спокойно. Стать же поближе и посмотреть на все с берега, то на реке видишь то же самое, что и бывает в ледоход, когда каждая льдина дерется с другой, чтобы успеть не растаять и цельной льдиной, может быть, даже и приплыть в океан.

Но то льдины, и это нам очень понятно – зачем они так спешат, за что стоят и за что борются между собой: за то, чтобы скорей всех прийти в море. Но за что спорят? бревна, неужели только за то, чтобы первым бревном приплыть к месту назначения, на лесопильный станок, и обратиться в безличные доски и тес определенного размера?

Так нам, людям, живым существам, представляется, будто и бревна тоже, как люди, плывут невольные и вольные, борются между собой за лучшее, стремятся в законе идти и без закона, по-своему.

Невозможно часами и днями сидеть человеку и особенно живому мальчику Митраше, чтобы в этом движении круглого леса, этих желтых хлыстов не узнать тоже и наше человеческое движение.

Казалось так ясно, что одна масса бревен вместе с плотом на стрежне плывет стройно и в законе, а дальше до самых берегов между хлыстами идет борьба. И все кончается тем, что законные в движении бревна выпирают на берег незаконных и так сильно выпирают, что им остается только лежать, сохнуть и дожидаться, когда наконец придут женщины с баграми и будут их снова скатывать в воду.

Берега реки – высокие слуды и низкие, намытые водой наволоки; на крутые берега бревнам не выбраться, а низкие наволоки желтеют от наседающих на них беззаконных хлыстов.

К середине реки, конечно, подбирались хлысты поровней, и оттого им, легче было согласиться между собой и вместе плыть по быстрой воде. Это сразу понял Митраша, и дело его главное и было в том, чтобы держать плот непременно на быстрой воде.

Но как ни собирались, как ни подбирались деревья по сходству, все-таки и среди этих попадались, втираясь к ним такие, что ровно плыть никак не хотят, останавливаются, кружатся, ныряют и всем мешают до тех пор, пока со стрежня не выгонят их в беспорядочную кутерьму несходных и борющихся между собой за первенство береговых хлыстов.

Длинною жердью, вроде багра, Митраша отводит наседающие бревна и этим толчком тоже и помогает движению плота.

Так вот все и двигалось по желтой реке: по стрежню на быстрине строго и в законе движения всей воды шла главная масса круглого леса, и закон этот был – закон подбора всех бревен по сходству между собой. По другому закону различия плыли все несхожие между собою бревна, чем-нибудь друг от друга отличные, и безобразной и непонятной борьбой друг с другом как будто тоже стремились установить свой отдельный какой-то закон: по различию.

Наш же плот человеческий шел по самому стрежню, не уклоняясь ни к слудам высокого берега, ни к наволокам берега низменного. Этот плот с огоньком, управляемым маленьким человеком, плыл, не повинуюсь единому неизменному закону движения, но плыл он не как льдины плывут в океан, не как бревна плывут на завод, а по законам человеческого ума и сердца: пользуясь законом движения для всех, дети-сироты плыли в неведомую даль на розыск своего родного отца.

Так вот как же и не удивиться было солнцу, когда его первые лучи встретились с человеческим огоньком на плоту: от солнца же от самого, этого же нашего общего солнца родился огонек, но был он зажжен рукой человека и плыл даже и самому солнцу в неведомом направлении.

Плыви же, плыви, огонек нашей человеческой правды, нашей суровой борьбы за любовь!

Глава двадцать четвертая

Солнце, поднимаясь, грело все больше и больше, а спереди грела нудья, – вот бы обласканному и солнцем и человеческим огнем Митраше уснуть и оставить свой плот на волю воды, несущейся в огромную реку – Северную Двину.

Поддаваясь этой двойной ласке, Митраша и поставил было уже свои локотки на колена и подпирал себе кулачками подбородок, оставалось бы только закрыть глаза, и они сами собой узились, вот только бы закрыться, вдруг среди бревен он заметил одно бревно необыкновенное и странное. Все оно было не желтое, как все, а пестрое из желтого, белого и черного и серого. Вершина его была опущена в воду, и, поддевая ею всякое дерево, – бревно ныряло и выходило на плес, как подводная лодка.

Митраша даже и полусонный понял, что такое страшное бревно могло, конечно, нырнуть и под плот и так хватить по нем из-под низу в какой-нибудь край, что другой конец плота погрузится на время в воду и холодная волна окатит сено и спящую на нем Настю. Кто знает? Может быть, волна эта снесет с плота и все их продовольствие и хозяйственную утварь?

А может быть, этот Топляк где-нибудь одним концом упрется в дно реки, а другой конец разорвет, развяжет их плот и сбросит их в воду?

Митраша, конечно, очень устал, и это огромное пестрое бревно-змея представилось ему существом самовольным, не признающим никаких законов на свете, ни солнечных, ни человеческих.

Рядом плыли такие мирные бревна: было одно, и на нем чудесная птичка, стройная, подвижная, хорошенькая, сизая с черным фартуком, священная птица древних египтян, у нас же непонятая и прозванная просто трясогузкой. Удивительная птичка теперь плыла на этом бревне и пела!

Священная посланница египетского солнца не гнушалась бревном, плыла себе и пела, прославляя своей песенкой и священное солнце, и священное бревно, на котором плыла.

И вдруг со всего маху бревно-змея из-под низу так хратило по мирному бревну, что оно колом встало, нырнуло и выбросилось прямо на плот.

А священная египетская птичка вспорхнула, села на другое, бревно и на нем, как ни в чем не бывало, тоже запела.

Видел Митраша и тоже удивлялся, как пауки двигались в неведомый мир, стоя на

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru воде, как мы на земле: каждый паук на своих длинных коленчатых ногах стоял на воде, как мы, спускаясь и поднимаясь, стоим в метро на лесенке эскалатора, и их несло. Пауков было множество, казалось, они всем народом переселяются в какие-то новые земли.

Многим из них нравилось больше взбираться на бревна, чем стоять на воде. Одно бревно почему-то они особенно облюбовали, оно было им особенно хорошо, на нем ехали густо паук к пауку.

Тут-то вот, где было хорошо и ладно, по-видимому, и было ненавистно бревну-змее, тут и бедокурил Топляк.

Так чудилось измученному бессонницей Митраше, будто этот Топляк нарочно и метится туда, где хорошо. И вот оно хватило в излюбленное пауками бревно и так сильно, что все пауки разлетелись и расставились опять прямо босыми ногами на своем водяном холодном эскалаторе.

Всему стройно плывущему на стрежне составу бревен невозможно было бороться с этим одним-единственным бревном. Как только добрые хлысты нажимали на Топляк, он нырял своей опущенной в воду вершиной, поддевал какой-нибудь хлыст, отбрасывал его в сторону, а сам становился на его место, намечая себе в кого-то новый удар.

Так подобрался Топляк и к Митраше. К счастью, мальчик не продремал, ударил со всей силой жердью во врага, нажал грудью, сильно подвинул вперед плот, а сбежистое пестрое бревно нырнуло под другую самоплавно сплоченную группу хлыстов.

И вот тут-то с Митрашей случилось то самое, что часто случается с победителями и потом оказывается почти что закон: победить-то оказывается легче бывает, чем победу удержать за собой.

Почему бы теперь, подумалось Митраше, не поставить локотки на колени против доброго огонька, а спину не отдать теплым лучам солнца?

И так он уснул.

Вдруг что-то сильно толкнуло. Митраша едва не кувыркнулся в воду, но справился, вскочил и увидел прямо перед собой половину огромного змея-бревна, а другая половина, передняя, была уже под плотом и вершиной, ударила как раз в то самое место, где Настя спала.

Толчок был сильный, Настя вскочила, разметала над собой лапник, укрытый снегом собственного дыхания, бросилась на помощь Митраше, и они в две жерди, крепко нажав, освободили плот от бревна.

Поглядев в измученное лицо Митраши, Настя сказала ему:

– Ложись-ка ты спать на мое место, я теперь буду и править и кашу пора нам варить: поспеет – я тебя разбуду.

Глава двадцать пятая

Не один раз в жизни приходилось нам бороться и со льдами, и с коварной полой водой, и с мошкой таежной, и всяким гнусом земным. И каждый раз после аварии схватывался и все зло как свою вину понимал: то надо было побережиться знакомого коварства воды, то вспомнить, что против льдов северных есть ледоколы, против гнуса лесного есть особая частая сетка. И так против всего есть что-нибудь. Если же ты не предусмотрел, не запасся там продовольствием, там какой-нибудь сеткой, или даже просто не научился ждать или терпеть, как это необходимо в путешествии, то потом сам себя и вини!

Но как предусмотреть какой-то топляк, скрытый под водой, направленный в самое дно твоего суденышка, груженного добром человеческим?

Есть у нас один такой знакомый топляк, правда, не тот, что бросился на детей, плывущих к своему отцу, но похожий на него, как все топляки друг на друга похожи.

Было это на реке Тойме, впадающей в Северную Двину, где на берегу высится

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
каменная слуда. С этой слуды тонкой струей падает в реку ручеек.

Каждому хочется выйти на этот берег, поглядеть, разузнать, с чего и как начинаются на севере могучие реки.

Так было раз, мы вышли на берег и увидели: много больших деревьев стояли на берегу и, сплетенные корнями, делались запрудой огромных болот. Сквозь эту запруду и выбирался ручеек, падающий с высоты слуды в реку Верхнюю Тойму.

Но не тут было начало ручья.

За этой береговой плотиной начиналась длинная и широкая темная рада, или болото с редкими и корявыми елками.

Эта темная рада тоже не была первым истоком ручья.

За темной радой начиналась рада светлая – болото, покрытое небольшими березками.

Тоже и светлая рада не была самым первым началом.

Дальше, много дальше, перейдя все эти сурадьа, мы увидели сверкающее на солнце взгорье, все покрытое блистающими родниками.

Это взгорье, покрытое сотнями родников, и было самым первым началом, питающим все сурадьа и замеченный нами ручей.

Вот тут, на горе, высоко над всеми сурадьями, стояла лиственница – дерево с опадающими осенью хвоями.

Миллионы хвойных деревьев, елок, сосен, по пути к этой лиственнице показывалось нам на глаза, но в памяти осталась только эта очень высокая лиственница на взгорье, покрытом сверкающими родниками.

И так вот они всегда на севере, везде по Двине, эти высокие одинокие с нежной зеленью деревья запоминаются и далеко раскрывают нам картину рек, и лесов, и озер.

Каждый охотник на севере, каждый промышленник благодарит такое дерево, помогающее запоминать пройденный путь и открывающее ему путь впереди.

Высокое дерево-маяк – это настоящий друг человека, но бывает, такое же дерево делается истинным врагом человека и называется у нас оно топляком.

Вот, когда долго идешь северными лесами, то ведь голову никуда не денешь, непременно думаешь о том, о другом, и если о дереве думаешь, о его судьбе, то переходишь на судьбу человека. Устанешь от человека и опять возвращаешься к дереву. Да так вот понемногу иной раз судьба дерева и человека сближаются.

Так вот жила-была одна молоденькая нежная лиственница на высоком берегу, и будь бы все благополучно в ее судьбе, она бы сделалась маяком, указателем пути человеку в лесах.

Но случилось, еще в ранней юности это нежное деревце облюбовал себе глухарь и одним движением клюва наискось срезал себе нежную сочную верхнюю мутовку с молодого деревца.

Вся судьба лиственницы переменилась из-за этой несчастной минуты! И точно так у людей бывает, что иной расположенный к добру и дружбе становится врагом человека и всю жизнь проводит вроде какого-то демона.

Поднимаясь вверх год за годом, наше раненное смолоду дерево получило форму дерева сбегистого, с влагоемкой вершиной. Когда деревья срубили, то все хлысты имели форму цилиндра, а наша лиственница вышла конусом, и так, что на воде одна ее влагоемкая часть опускалась вниз, а другая – торчала.

И плохо иному кораблю, если капитан на неглубоком месте проглядит этот топляк. Бывает, дно парохода, опираясь в верхний конец топляка, заставляя дерево упереться другим концом, и оно делает в дне корабля пробоину.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так вот быть бы лиственнице маяком, а оно сделалось из-за ничтожной случайности топляком!

А чего только не бывает с этими топляками на сбежистых речках молевого сплава! Дерево-топляк, от низу и до вершины утончаясь, как бы сбегает, и тоже река иная называется сбежистой, значит, от весны и до лета постепенно сбегает.

Взять Верхнюю Тойму. Весной эта река в половодье, как мы не раз ее такой видели, река могущественная, несущая на себе в Северную Двину тысячи ошкуренных желтых деревьев, а осенью по ней, как посуху, переезжают свободно машины, телеги и будто бы даже курица сама пешком переходит на другую сторону.

Верхняя Тойма не одна у Двины молевая река, их очень много таких сбежистых рек молевых, и если бы свободно, не вмешиваясь, пустить со всех рек всю моль в Двину, то весной ни одному пароходу невозможно бы пройти, и едва ли можно бы тогда и весь сплав удержать и направить на завод. Тогда, пожалуй, и вся бы моль прорвалась в Белое море, и часть прошла бы, может быть, даже и в океан.

И это бывает, часть леса уходит из рук человека. А отчего уходит?

Только из-за того, что деревья неодинаковые и ведут между собой, как люди, борьбу.

А отчего деревья разные – это оттого, что деревья эти рубили, пилили, окатывали, шкурили люди же и своими человеческими руками. Оттого и деревья все разные, что люди над ними работали тоже все разные.

Скоро с лесами будет все по-иному, но пока что делается все по-старому. Близко от впадения Верхней Тоймы в Двину с берега на берег протягивается дорожка из крепко связанных между собою деревьев. По этой дорожке можно свободно человеку ходить, но с высокой слуды, как нам приходилось наблюдать, этот разделяющий реку бон кажется паутинкой, и трудно поверить, что такая паутинка может удержать напор сплошной массы моли в несколько километров.

Таких паутинок, направляющих бонов, раскидывается много по Двине, и с той нашей высокой слуды их узнаешь, только если по ним зачем-нибудь идет человек: кажется, человек идет по воде.

Есть много бонов, разделяющих моль на сорта, но этот бон, удерживающий моль от выхода в Двину, называется запонью.

Тут где-нибудь у запони сидит в будке бурлак самый опытный и смелый. Тут он пережидает время, когда можно будет открывать в запони воротца и выпускать, разбираясь в сортах, лес в ту или другую сторону двинской воды, опутанной направляющими бонами.

В каждую клетку из запони направляется тот или другой сорт круглого леса, тут же вяжут из него плоты и переправляют на завод возле Архангельска.

Запонец, это паутинка в сравнении со всей напирющей на нее массой моли, является преградой, конечно, только для плывущих на поверхности деревьев. Тут каждый новый ряд деревьев делается запонью для следующего.

Из-за того-то и получается такая видимость, будто тонкая паутинка из связанных деревьев держит несколько километров напирющей на нее моли.

Но всему бывает конец: не какое-нибудь особенное сбежистое дерево с влагоемкой вершиной – топляк, а и самое простое, тупое дерево под огромным давлением как бы наконец догадается нырнуть под этот потолок на воде и попробовать плыть под водой.

Нырнуть-то в ее воле. Но как оно может там плыть, если оно легче воды и его тянет вверх? Как оно может плыть, если и другое дерево догадалось нырнуть и нажимает снизу? А там и третье, и пятое, и десятое тоже догадались и ныряют, ныряют одно под другое до самой последней глубины и наконец всей своей желтой массой, наполняющей реку от поверхности до самого дна, образуют глубинный залом.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
До чего же плотно сдвигаются деревья в глубинном заломе, что мы своими глазами видели, как большой старый медведь по глубинному залому перешел реку Верхнюю Тойму.

Постоянно бывает в глубинном заломе, что верхние деревья под давлением нижних начинают там и тут подниматься, и наконец все встают, как у ежа иглы.

Белой ночью на севере, когда деревья в глубинном заломе начинают подниматься, суеверному человеку можно напугаться, да и несуеверному жутко бывает смотреть, когда в белой прозрачной тишине северной ночи эти огромные деревья, эти лесные мертвецы начинают одно за другим вставать: тогда вспоминается одно страшное кладбище на Днепре у Гоголя, где мертвецы в полночь тоже так поднимались над своими могилами...

Вот такой бывает страшный на севере глубинный залом!

Если бы наше дерево-топляк плыло бы в одном из первых к запони рядов, конечно, оно не стало бы ждать напора на себя плывущих сзади рядов: своей опущенной вниз влагоемкой вершиной оно бы легко поддело первые ряды и нырнуло бы под запонь.

Так бы оно вошло в Двину и встретило бы паутину бонов, разделяющих роду на клетки для сортиментов лесного материала. И если оно могло справиться даже с запонью, с глубинным заломом, то как легко могло бы оно здесь нырять под разделяющие и направляющие боны и выбиться на свободную воду Двины и плыть куда хочется, в море или даже в океан.

Чаще бывает, конечно, что сбежистое дерево плывет не в первых рядах и ныряет, когда и простые деревья тупыми вершинами догадались тоже нырнуть. Вот тогда сбежистому дереву приходится долго ждать, пока под огромным давлением глубинного залама запонь не разорвется и масса лесная не разорвет и направляющие боны.

Труднее бывает прорваться, когда запонь чередом разбирается на сортименты в приготовленные на Двине клетки. Тут распределяющий деревья на сортименты бурлак может понять всю загадку самовольного дерева и пустить его куда-нибудь в дело на месте.

Но бывает, бурлак и проглядит, мы это однажды и видели, и теперь мы можем историю нашей лиственницы с поврежденной вершиной закончить на необитаемом острове.

Было это в Северном Ледовитом океане.

Под нажимом плывущих льдин корабль наш чуть-чуть заблудился, и путь наш на Новую Землю был отклонен. В тумане показалась какая-то земля, и мы сначала думали – это как раз и есть остров Новая Земля.

Но когда мы подъехали к этой земле, то сразу же поняли – это не старый остров Новая Земля, а действительно остров новый, и земля новая, где не ступала еще нога человека.

Была видна нам только узенькая полоска зари, и на ней силуэтами виднелись частые головки тесно сидящих на скалах диких гусей. Морские зайцы с человеческими усатыми головами попрыгали с берега в воду, от нас.

Остров был небольшой, мы обошли его кругом, имея в виду найти хоть какие-нибудь следы человека.

Такая была бесчеловечная пустота на заполярном островке, что стремились всей душой найти хоть какой-нибудь след человека.

Далеко на льдине проплыл белый медведь, и то чуть-чуть повеяло человеком: так он важно и задумчиво сидел на снегу, как человек на мягком диване.

И мы все, ничего не говоря, поглядели на него теми морскими глазами, когда люди куда-то глядят и молча думают о прелестях ароматной земли и населяющего ее человека.

Вот тут-то и увидели мы и все сразу заметили на берегу шкурное бревно,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru сохранившее во всей свежести свой пестрый, как бы змеиный цвет.

Это и был топляк, выкинутый волнами Северного Ледовитого океана.

Это и был тот самый демон, из-за случайной раны ставший врагом человека.

Но что это нам было теперь, как будто это враг человека среди – камней, льдов, диких гусей и медведей умолял нас признать его человеком..

Рассмотрев дерево со всех сторон, мы его перекатили на другую сторону, и там открылись нам слова человеческие.

До того страшно и пусто было на необитаемом острове, что мы и простым деловым словам обрадовались, как счастью: на дереве всего был только штамп: «СЕВЛЕС».

Глава двадцать шестая

Когда круглый лес, сдержанный запонью в устье молевой реки, под нажимом плывущего сверху начинает нырять под верхний слой сплава и набивать реку на всю ее глубину, то вся эта набитая лесом часть реки называется у бурлаков пыжом.

Так ведь и пыж в ружье из войлока натуго прибавается к пороху: пыж в ружье – из войлока, пыж в реке – из круглого леса.

Иной пыж бывает на несколько километров вверх от устья и толщиной до самого дна. Какое же, значит, давление снизу испытывает на себе каждое верхнее бревно! Вот отчего при крайнем нажиме нижних деревьев верхние сплошной щетиной поднимаются вверх.

Долго, конечно, под таким давлением и вся запонь оставаться не может. Тут или бурлаки дружно возьмутся за дело, откроют в запони воротца и мало-помалу, разбирая лес на сорта, выпустят его по направляющим бонам в Двину, и река от пыжа освободится. Или же, если бурлаки прозевают, «мертвяки» с якорями вырвутся, запонь разорвется и пыж вылетит из устья реки на всю волю двинской воды, как настоящий пыж вылетает из ружья после выстрела.

Хорошо еще, если так вырвется одна молевая река вроде нашей Верхней Тоймы, а если в то же время вывалит лес сразу в Двину из всех молевых речек, что это будет?

Оттого-то на всем севере бурлаки так боятся дружной весны.

Сколько тревоги, сколько волнений, сколько лишних людей, отлынивающих от дела, приходят прямо по пыжу из любопытства в сплавную контору. Сколько тоже и лишних слов вылетает из уст таких любопытных, сколько дают они всяких советов, а в глубине души, в ее сокровенной праздности, бывает, как на пожаре: бездельники втайне желают, чтобы пламя разгоралось все больше, больше.

Отчего это?

На памяти старых людей не было еще такого пыжа на Верхней Тойме, какой собрался в устье реки в ту весну, когда кончалась война и двое ребятишек, брат и сестра, в поисках своего отца показывались там и тут между людьми.

Теперь уже издали кажется, будто тогда только и говорили о том, как и где странствуют детишки, и даже некоторые настойчиво требуют проверить их бумаги, и если они своевольно плавают и ходят в лесах, то перехватить бы их и вернуть в родные места.

Еще была молва – о том, что какой-то солдат без руки прошел куда-то за Пинегу в Корабельную Чашу. Эта молва катилась от человека к человеку, как морская волна, и, может быть, не раз уже успела вернуться к тому самому, кто, казалось бы, первый от кого-то услышал и кому-то сам рассказал.

Так было и между теми людьми, кто, чуя опасность прорыва запони, приходил по пыжу через реку в контору на сплаве.

По раннему времени года в конторе горела железка, и многие приходили в контору, только чтобы погреться, сами же делали вид, будто тоже принимают горячее участие

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
в спасении запони.

Больше всех тут разглагольствовал какой-то неизвестный пришлец, будто бы инструктор канадского лесопиления. Он тем отличался от всех наших знакомых, что у нас принято о всем главном помалкивать, он же делал вид, как будто и об этом всем нашем тайном все знал и смело мог о всем заключать и к чему-то всех подводить.

И все у него сводилось к тому, что у нас ничего не понимают в лесном деле.

В Канаде, в Канаде, только в Канаде о лесах известна вся правда.

Наш бухгалтер из Райзо, самый скромный гражданин в мире, слушал «канадца» долго и с тихой улыбкой, как от стыда, опускал голову. Но, видно, и такому скромному и застенчивому Ивану Назарычу слушать канадца стало неловко.

– Милый мой! – сказал он, – ты все говоришь о правде в Канаде, да какая же в этом правда, что пилить леса и пилить. Если в этом одном будет правда и все мы будем леса пилить по-канадски, то кто же их будет растить и хранить?

– А зачем их растить? – ответил канадец, – мы же скоро перейдем на каменный уголь.

Иван Назарыч опешил и успел только сказать:

– Вот оно что!

И остался с открытым ртом.

– Вот оно что! – повторил за ним канадец, – а ты думаешь, надолго человечеству хватит угля? На самое короткое время! Но и тогда опять ничего не будет плохого.

Тут Иван Назарыч не утерпел.

– А уголь, – сказал он, – ведь, как и лес, кончится – сгорит. Что тогда?

– Ничего опять не будет плохого: тогда перейдут на силу атомную, и этого в природе столько, что над нами после смеяться будут: для чего мы так долго берегли свои леса от пилы.

– Вот оно что! – повторил Иван Назарыч, не успевший одуматься еще и от каменного угля.

– То-то вот оно и есть, – продолжал канадец, – люди за леса держатся из-за робости, и лес делается аккумулятором всего отсталого, всякой косности, он консервативен, как старая баба, и чем скорей мы с этой зеленой дрянью покончим, тем свободней, лучше нам будет жить.

– Это не способ! – заявил Иван Назарыч.

И вдруг загорелся, как это бывает с такими людьми, как с медведями в лесу: копался-ковырялся в корешках в ягодках и вдруг, почуяв врага, стал на дыбы.

– Ты говоришь, – сказал он, – леса пилить. Сон ты это видишь или от большого ума говоришь? Наше горе пилит леса, а не мы. Ты – нет! ты не от ума говоришь. Ты же понимать должен: наша сила в лесах совершается. Есть среди наших лесов за Пинегой краса всего нашего края: Корабельная Чаща. Триста, лет ее берегли в республике Коми. И выросла Чаща дерево к дереву так часто, что срубишь дерево и оно на землю не упадет: прислонится к другому дереву и останется.

– Ты говоришь, – сказал он, – леса надо пилить. Сон ты это видишь наяву или от большого ума говоришь?

Канадец чуть-чуть смутился от внезапного нападения и растерянно спросил:

– Зачем сон?

– А затем сон, – ответил Иван Назарыч, – что есть люди вроде тебя, говорят

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru складно и такие слова, что хоть возьми, да прямо в карман положи. И кладут многие в карман и верят, а это после окажется сон, и кто сказал их – это сказал сон-человек.

– Как это сон-человек? – повторил канадец, не понимая еще, с какой стороны будет на него нападение.

– А так – сон, – ответил Иван Назарыч. – Как же это не сон, ежели ты горе человеческое хочешь нам представить как правду и хвалишься тем, что в Канаде спешат уничтожить леса поскорей и взяться за каменный уголь.

– А чего ты-то ерепенишься? – спросил, собираясь с духом, канадец, – Тебе-то что?

– Как же не беспокоиться мне за леса, – ответил Назарыч, – если в лесах наша сила совершается. Ты это понимаешь?

– Не понимаю, – ответил канадец.

– А вот я сейчас тебе притчу скажу, и ты поймешь. Есть у нас возле реки Мезени в маленьком государстве Коми Корабельная Чаша, вот какой силы и красоты, что каждое дерево на подбор: дерево к дереву так часто, что какому надлежит падать, упасть нельзя; прислонится к другому и стоит, как живое. Полюбилась людям эта роща, и решили они ее хранить. Старики молодым передавали завет свой хранить Корабельную Чашу: сила в этой роще хранится и правда. Так триста лет эту Чашу укрывали от пилы и топора.

– Суеверие и косность! – сказал канадец, собираясь с духом.

– Не суеверие, а сила правды, – ответил Назарыч, – и я сейчас тебе это выведу. Триста лет хранили Корабельную Чашу, и вот приходит с войны чужой солдатик без руки и говорит: «Я лесник по природе своей и дорожу лесами не меньше вас. Я солдат и служу Советскому Союзу, и я знаю: Ленин сказал и завещал нам правду сказать, и мы должны эту правду сказать на весь мир, и слово у нас это найдется, слово правды на весь мир».

Так сказал простой солдатик, и люди задумались. Не по-нашему он им сказал, не сон были его слова.

Умел сказать простой солдатик, люди задумались и порешили свою священную рощу отдать. Триста лет берегли и, услышав слово о правде, нашли в себе силу расстаться.

Понял? Горе наше заставляет рубить леса, и радоваться тут нечему: леса надо растить и хранить, в лесах народная сила растет. Когда же время придет, мы ничего не пожалеем.

Так сказал Иван Назарыч, и кто-то спросил его о Корабельной Чаше и о солдате с подвязанной рукой, но он сел на свое место, с улыбкой для всех и с вопросом: «Не сказал ли чего-нибудь лишнего?»

А молва людская, как морская волна, о Корабельной Чаше и о безруком солдате и каком-то его слове правды покатила дальше и дальше.

Из области вышел приказ держать в устье Верхней Тоймы запонь до прихода одного парохода, названного в честь славного северного партизана Быстровым. Приказ был решительный: «До прихода Быстрова запонь ни в коем случае не спускать».

Вот и поговори теперь о необходимости спустить запонь, если есть из области такой решительный приказ. Кто возьмет на себя ответственность не послушаться и поступать не как надумали в области, а как надо поступить, учитывая видимый здесь и невидимый в области закон природы.

Оно, конечно, понятно, почему в области вышел такой решительный приказ: Быстров назначен пройти с продовольствием в такие глухие места, куда можно на пароходе попасть только раз в полугодие. Если же Быстров вовремя не попадет в те места, то люди, занятые охотничьим промыслом, останутся на весь сезон без муки.

Выходит, что Быстрова во что бы то ни стало надо пропустить.

Против этого разумного приказа восстал только один человек, вроде атамана у бурлаков, заведующий запонью Верхней Тоймы. Он требовал запонь сейчас же открывать и брался устроить такое распределение направляющих бонов, – что Быстров мог бы между ними свободно пройти вверх.

Правда была, конечно, у бурлаков; из конторы никак нельзя было служащим увидеть того, что ясно указывало на приближение тех признаков стихийной катастрофы, какую чуяли бурлаки и не могли словами понятно об этом сказать тем, кто склонялся больше понимать приказы, чем прямые указания жизни.

Бурлак, заведующий запонью, стал раздраженно требовать разбора запони, контора вздыбилась и пошла «на принцип».

Кому-кому, а уж никак не бухгалтеру Ивану Назарычу спорить с приказом из области: все понимает, а до времени все помалкивает. И так все: один за другого, другой за третьего, снаружи как будто все за приказ, и все тоже помалкивают, а слово берет на себя сон-человек один-единственный.

Так, через какого-то пустозвона канадца контора и пошла «на принцип», хотя втайне ни у кого настоящего принципа не было: настоящий принцип, по нашему мнению, был только у бурлака, заведующего запонью.

Кто же он, этот человек, что может спорить и с приказом из области?

Все знают, это не простой человек.

Река сбегистая в весенних водах – это река безумная, она мчится, чтобы всю лесную воду почти что досуха сбросить в Двину. Такая река все равно что водопад, и вот по такому-то водопаду лесной наездник, бурлак, мчится, бывает, на одном бревне, как степняк на коне. Бурлаки на сплавах такие же молодцы, как степные наездники на своих конях.

Бывает даже, когда разнесет вдребезги запонь и моль вырвется в Двину, то и тут ватага удалых бурлаков под управлением своего природного атамана, кто на челне, кто на бревне окружают всю моль и успеют за одну какую-нибудь ночь обвязать и обнести ее бонами.

Вот такой-то молодец атаман был сейчас заведующим запонью. Не легко было такого найти. Не легко теперь с ним и справиться. За его спиной стоят сейчас все бурлаки. Вот он опять звонит по телефону:

– Долго ли вы будете реку держать?

Человек у телефона ничего не может ответить.

– Что он спрашивает? – говорит канадец.

– Спрашивает: долго ли вы будете реку держать?

– Скажи ему: скоро пустим, а если спросит: «Как скоро?» – скажи ему: «Как скоро, так сейчас».

На короткое время телефон смолкает, но вот он опять.

– Дешевый мужик! – сказал инструктор лесопиления.

И тут же объяснил свои слова:

– Такие они все пинжаки дешевые: сохранит запонь – награждать не надо, он даже и не поймет, за что его наградят, а упустит, запонь разлетится – не, жалко такого и наказать... Вон опять накручивает, спроси, что ему надо.

По телефону сказали:

– Открывайте запонь – последнее предупреждение: лес встает!

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Все бросились к окнам, а некоторые выбежали даже вон из конторы, и все увидели, что там и тут по всей желтой поверхности пьжа отдельные деревья, вернее – скелеты деревьев, тут же у всех на глазах без всякой видимой причины вдруг вскакивали быстро и некоторое время, чуть покачиваясь, утверждались.

– Лес встает! – повторяли свидетели этого редкого и странного явления.

И шептали суеверно о заведующем запонью.

– Он что-то знает.

Это была действительно правда: Мануйло кое-что знал.

Теперь из своей будочки с телефоном из окошка он смотрел на береговую грамоту, написанную лапками птички, смотрел на свои собственные заметки на песке, на подплывающих паучков, соображал, думал, и правда – старый бурлак кое-что знал.

Он знал – это наступает последняя ночь нажима новых и новых деревьев на пьж: в эту ночь запонь больше не выдержит.

Что же ему было особенно трудно и отчего ему было так тяжело на душе: он знал, а людям сказать и их уверить не мог. Если бы он своими словами указал бы на разные признаки, вроде грамоты птички, все бы только посмеялись, полагая, что Мануйло заводит свою новую сказку о какой-то грамотной птичке.

И еще тяжелее было, что они знать того не хотели, что ему как главному бурлаку, вроде атамана, ему, заведующему запонью, так же, как и им там в конторе, хотелось бы пропустить Быстрова, и он по себе самому больше их понимал, какая – промысловым охотникам бывает нужда в продовольствии. У него даже сложился план в голове, как это сделать, чтобы и лес спустить и дать пройти пароходу. Им же было все дело только в приказе и в том, – что Мануйло приказа не хочет слушаться.

Не для себя же, не для своей какой-нибудь выгоды он не хочет слушаться приказа, тоже не для их и благополучия.

И вдруг вспомнилось ему, как лежали они вместе в больнице с тем сержантом.

«Как его звали?» – стал вспоминать Мануйло.

И вспомнилось – звали его Васей, и говорили они с ним о правде истинной.

«Вот куда надо смотреть, – сказал он себе, – вот кому надо служить».

И когда от этого разговора с Васей пришел к спору своему сейчас с начальником, вдруг ему стало все ясно: он будет слушаться и не будет нарушать приказа, но он приготовится на случай, если запонь полетит в эту ночь. Он распорядится сейчас всем бурлакам приготовиться и в эту ночь, не смыкая глаз, сидеть возле лодок: дело трудное, опасное, но бывалое: окружить на Двине бонами всю моль и запереть ее.

Теперь после решения веселей ему стало смотреть из своего окошка на крутой песчаный берег с грамотой птички.

Он видел, как пауки, растопырив ноги, пешком по воде прибывали на берег, видел, как всякие букашки подплывали на остров спасения, какие-то ничтожные блошки и вошки плыли, скакали, ехали, кто на чем, кто на ком.

Их всех встречала самая хорошенькая птичка, вся ровно сизая, и на груди у ней черный галстук, сама узенькая, стройная, хвостик длинный, ножки тонкие; и все бегаёт, бегаёт и до того забегается по краю взад и вперед, что когда надо остановиться, то хоть и на одном месте стоит, но все равно движется и на тонких ножках своих раскачивается и трясёт хвостиком. И вдруг – цап! носиком одного из прибывших гостей – цап! другого – цап! третьего, – много нацапается, нахватается, и себе на пользу, и им, такому множеству, никогда не в убыток. И опять примется бегать по краю вперед и назад, вперед и назад.

Такие уж, видно, и гости, что им от этого ничего не делается, на то так и

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
множится вся эта мелочь, чтобы все ее кушали и чтоб хватало на всех..

Тут были с прилету и зяблики, и тоже клевали, но правильных следов на песке ни от каких птиц не оставалось: таких следов, чтобы по ним, как по следам трясогузки, можно было бы понимать движение прибывающей и убывающей воды на Двине.

С утра до ночи бегают трясогузка по песку у самой воды. И от лапок птички у самой воды, лапочка за лапочкой, складывается настоящая строчка.

Прибывает вода, строчка набеганная тонет, а птичка гонит новую и опять новая тонет: вода, прибывает.

Скоро тонет, скоро и птичка бегают, и, значит, очень, очень сильно вода прибывает.

А то и птички нет на берегу, а на глазах строчки выходят из-под воды, много или мало, скоро или медленно, смотря по тому, мало или много прибывает вода.

Какое множество рек больших и малых впадают в Двину, этого птичка не знает, ее дело только встречать гостей и брать от них свою долю. Птичке кажется, она работает только для себя, только, чтобы самой наклеваться, а выходит ее дело на всех. Ведь если повысится горизонт какой-нибудь речки, Двина это чувствует, и если понизится, тоже чувствует, и все это передается на песке через лапки бегающей птички трясогузки.

Мануйло дожил почти до старости, но все удивляется и старается всегда понять, зачем это и к чему. А когда сам поймет, то это самое и считает за правду и об этом на пользу хочет сказать. А вот какие-то они, вроде канадца, знать не хотят этой правды, слушают какого-то приказа, его же правду принимают за сказку, за птичью грамоту.

День как-то странно кончался, темнело больше чем темнеет в это время, чем оно может темнеть в это время года. Строчки тонули прямо даже из-под лапок птички.

И вдруг Мануйло понял все и до конца.

Это Вычегда, большая река, вся разом бросилась в Двину, теперь неминуемо запонь в эту ночь разлетится. Вот на глазах даже и птичка бросила бегать и улетела. Надо идти, бежать, готовиться к беде и самому с собой тоже укладываться: редко бывает, чтобы спасение леса обошлось без человеческой жизни.

Была тут минутка, когда Мануйло вспомнил, что детям он послал записку и все их ждал и их все почему-то не было.

Так он подумал сейчас, уходя к бурлакам на работу, что скорей всего детей тогда забрали охотники и увезли обратно в Вологду.

И он надолго перед наступлением темноты отвел свои глаза от Двины, и вот нужно же, что как раз в эти какие-то, может быть, два часа и случилось на Двине: подплывал какой-то маленький плот с огоньком.

Глава двадцать седьмая
Высокий берег на севере называется слудой. Вода, ударяясь о слуду, конечно, размывает ее и мельчайшие частицы переносит на другой, низменный берег.

Тот новый намытый берег называется наволоком, и там бывает веселая, радостная, разделенная травка. Весной рано, выйдя прямо из берлоги, медведь любит копаться у воды на зеленой травке.

Мы не раз бывали на высокой слуде ранней весной и смотрели, как там на другой стороне по наволоку бродил Мишка и долго на одном месте копался. Возле нас всегда люди делали свои догадки о том, чем в такое раннее время занимается медведь: добывает ли он после долгой берложной жизни себе сладкие корешки для питания или, может быть, лечится и очищает себе желудок травами?

Высокая слуда на Верхней Тойме была кругом выше всего, и еще к тому же на ней росла тоже очень высокая лиственница. Возле самой этой лиственницы в

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru незапамятные времена вышел из-под земли большой камень, и рядом с этим камнем проходила постоянная тропа из Нижней Тоймы.

С этого высокого места далеко видно, и каждый прохожий, скинув с плеч сумку, садится на камень и, обрадованный отдыхом, куда-то смотрит по разливу Двины и по-своему о чем-то думает.

Сейчас и под слудой и на той стороне по наволоку забиты в землю чугунные мертвяки с якорями, и ими-то на тросах и держится запонь, раскинутая по устью Верхней Тоймы. Запонь разделяет, воду бурной сбежистой реки от великой и с виду спокойной Двины.

Немало на свете великих рек, и что они многоводные и широкие – это, само собой, всех их делает и красивыми. Но Двина красива своими лесами.

А белая ночь!

Сквозь белый сумрак глядишь в эти леса, и почему-то тянет туда далеко в эти леса, как будто вышел когда-то из них давным-давно и никак не можешь вспомнить, что такое там свое самое дорогое когда-то забыл...

Мало ли у каждого из нас бывает разных причуд, и разве стал бы о них говорить, если бы касалось только себя одного. Но послушайте, что люди между собой говорят, раздумчиво глядя с высокой слуды на море лесов по Двине.

– Чего ты все глядишь туда, – спрашивает один отдыхающий прохожий, – что ты там потерял?

– Ты угадал, – отвечает спрошенный, – я чую сейчас, будто я там что-то оставил, забыл там самое мое дорогое.

И говорят люди между собой о том, что сильно порублены там, за Двиной, эти леса из-за этих великих войн между людьми. Но еще хорошо, что мы понимаем это и все жалеем леса. На всем же свете думают так, что с лесами надо кончать. И кончают везде, а потом, когда все размотают, опомнятся и давай их сажать.

– Понимаю, – говорит один, – леса можно посадить и вернуть, только чего-то все-таки и не вернешь.

– Ты угадал: вот это самое и мне чудится, будто я там свое что-то самое себе дорогое забыл и тревожусь теперь, как бы не срубили леса, не погубили бы то самое мое дорогое, чего уже никогда не вернешь. Понимаешь?

– Понимаю, друг, леса наши надо беречь.

Иногда кажется в тишине белой ночи на великом разливе Северной Двины, будто это не наши живые люди идут по тропе, а те, что прошли: они-то прошли, а сам еще здесь и теперь, сам живой еще, их всех вспоминаешь, и они от этого показываются, не они, какими были, а только их призраки.

Так белою ночью на Северной Двине все кажется призрачным.

Показалась древняя женщина, сгорбленная, с большой палкой и мешком за спиной. Тоже и она, как другие прохожие, села отдохнуть на большой камень и, устроившись, поглядела сначала в сторону Двины.

Вся-то большая вода сейчас была в паутинках. Такими с высоты слуды казались боны, приготовленные для распределения сортов выпускаемого из запони круглого леса.

Вдали в обход направляющих бонов старуха заметила движущийся огонек и старыми глазами остановилась на, нем.

«Плот идет! – подумала она. – Кашу варят бурлаки или уху».

И повернулась в другую сторону, где над водой Двины теперь висела стеной вода Верхней Тоймы, замкнутая в своем движении запонью с пьжом желтого леса длиной в

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru несколько верст и глубиной до самого дна.

По тропе же люди все проходили – какие с мешками, какие с корзинами, какие просто с палками. И уж ей-то, усталой старухе, конечно, казалось: это не здешние люди проходят, а те, что в ее жизни прошли.

Такая на севере всегда белая ночь: детишки, молодежь, конечно, спят, а кто постарше вспоминают и думают больше все о тех, кто прошел.

Не на все же разом смотреть! а было так, что попало на глаза какое-то одно большое желтое шкуреное бревно круглого леса, и почему-то глаза так на нем и остались: одно только это бревно без всякого смысла торчит, а все другое, как было в жизни, так теперь и проходит в призраках.

Тут-то вот, белою ночью и показалось старухе, будто желтое большое бревно на ее глазах пошевелилось, легонечко вскочило, покачалось, кивнуло ей и опять легло.

Видно, старуха в жизни своей такого еще никогда не видала и подумала на себя, что это не там на реке делается, а у себя в голове мешается.

Медленно подняла старуха руку с дуперстным сложением и перекрестилась внимательным староверским крестом.

А там мертвое бревно не только не унялось от креста, а живенько прыгнуло вверх, погрозило старухе и так осталось как бы с угрозой:

«Попробуй-ка еще перекрестись!»

И как только старуха попробовала занести руку, вдруг как прыгнет вверх другое мертвое дерево, как прыгнет другое, третье, как начнут везде во всех сторонах и концах мертвецы вставать и грозить, вставать и грозить...

Так вскоре и весь пыж на всем видимом пространстве замкнутой реки ошетинился.

Когда весь пыж, как одно существо, поднялся и ошетинился, старуха одумалась, твердо перекрестилась и стала слушать, как об этом всем люди говорят тут на камне возле нее.

Говорили, что скорей всего это наделала Вычегда, что это большая вода тронулась. Другие уверяли, будто это своя вода, здешняя, пришла из верхних сурадий, вырвалась из-под темных ельников и бросилась.

Кто-то позвал;

– Глядите, глядите сюда!

Все повернулись к Двине, и старуха, повернувшись со всеми лицом на ту сторону, узнала тот раньше замеченный огонек. Теперь было ясно видно – это был маленький плот с огоньком. Он плыл прямо на паутинку бона и остановился возле этой дорожки из двух связанных бревен. Двое детей, мальчик и девочка, – сошли с плота на бон и стали вытаскивать и вешать на себя какое-то имущество.

И вдруг в одну минуту потемнело и белая ночь стала темной. Тучи закрыли все небо, и дети исчезли из глаз.

Тут-то вот и случилось то самое, чего так боялись на лесной бирже, так боялись, так много говорили, так спорили.

Вдруг отчего-то чугунный мертвяк, глубоко врытый в землю, обвитый тросами толщиной в руку, закрепленный якорями, выскочил из-под земли и, как маленький, со своими якорями и тросами помчался к реке.

Тогда в один миг прорвало запонь, и все мертвецы, как по сигналу, мгновенно легли на воду и всей желтой массой понеслись в Двину.

Какие уж там направляющие и разделяющие боны! Все приготовленное, все, связанное и сшитое человеком, летело, как паутинка!

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Пришли темные тучи, хлынул дождь, и белая ночь стала черной.

Все, кто видел, как вырвался из рук человеческих глубинный залом, теперь молчали и думали только о том, как бы самим благополучно добраться домой.

Нельзя сказать, чтобы никто не подумал о детях на паутинке, схваченных теперь, наверно, силой массы мертвого дерева. Что будет с этими детьми?

Нет, никак нельзя сказать, чтобы никто не подумал о детях, скорее напротив, про себя каждый подумал, каждого чуть-чуть царапнула за сердце мысленка о детях: нельзя ли хоть за что-нибудь ухватиться и помочь им?

Так и утопающий хватается за соломинку, но в темноте и соломинки нет. И никому больше не видно, где мчится и что разрушает и топит теперь желтый поток круглого леса. Может быть, и дети, как зверушки в половодье, уцепились за что-нибудь, прижались друг к другу и дрожат.

Нет, никак нельзя сказать, чтобы люди не думали. Но что же делать? Теперь каждый шел по мокрой скользкой тропе, рискуя каждый миг сам оборваться и полететь туда, где сейчас на глазах чугунный мертвяк, как детская игрушка, улетел со своими якорями.

Мало того! Совесть каждого спрашивала:

«А что ты сам сделал для спасения этих детей?»

И каждый на это, как бы в свое оправдание, вроде как бы обвинял самих детей такими словами: «Да откуда же вы взялись и кто вас пустил ходить по направляющим и разделяющим бонам: они же приготовлены для дела, а вас понесло в эту пропасть из баловства».

И так каждый, свалив всю беду на самих детей, очищал свою совесть и с каждым шагом приближался к своему дому, где в тепле сам уснет от забот и рядом с ним уснет его совесть.

Часть девятая

Сузем

Глава двадцать восьмая

Пусть и наш лес велик, но если есть в нем хоть одна деревенька или село, это уже не сузем.

Так говорят на севере, проходя деревню на берегу зеленого моря сузема:

– Последнюю деревню проходим!

И это значит, что дальше будет только сузем, и в нем уже больше нет ни деревень, ни дорог и ничего человеческого, кроме общей тропы и охотничьих путиков с их маленькими курными избушками.

Мы когда проходили в первый раз в жизни последнюю деревню и вступали в сузем, то казалось нам, будто мы куда-то идем к началу человека и там, в глубине сузема, пойдем, где же та самая граница в нас самих: по одну сторону ее леса, воды, деревья, животные, вся природа, а по другую начинается такое, чего нет в природе: начинается сам человек.

И когда мы прощались с последней деревней, то и правда в себе самом как бы отделялся человек с чем-то своим небывалым, и мы приходили в восторг, когда в диком суземе встречали начало чего-то небывалого в природе и своего собственного человеческого.

В стужу, в бурю с глазами, залепленными мокрым снегом, мы однажды пришли ночью в маленькую курную избушку после огромного перехода по общей тропе. Пошарив там руками по лавочке, мы нашли там спички и пучок лучинок сухих, заготовленных кем-то для другого неизвестного человека, странника вроде нас самих, замерзающего в стуже сузема.

А что это делается с собой, когда разгорятся дрова, распалится камень и начнет отдавать своё тепло человеку?

Не камень раскаленный причина радости, а что другой человек о тебе подумал и свое добро тебе же тут и отдает в этом тепле.

Дым, как черное небо, сверху садится ниже и ниже, делается все теплей и теплей и там вверху дым; а у себя на лавочке в себе самом – чувство великой благодарности тому, кто подумал вперед о тебе.

После, когда уходить, сам тоже заготовишь сухих лучинок для неизвестного, и тогда открывается тебе – душа самого сузема, как душа самого человека, и началом этой души кажется небольшое усилие заготовить дрова для подобного тебе человека.

Чем вот он нам и хорош, сузем, и, наверно, оттого и тянет в леса, что в населенных местах мы привыкли ко всему и не обращаем внимание на добро; тут же, в суземе, благодаришь за всякий пустяк и готовишься сам сделать что-нибудь из одной даже только благодарности за лучинку, за спички, за красный глаз горячего камня в темноте курной избушки..

Было в конце великой войны, в последней перед суземом деревне одна старушка помолилась богу, зажгла четверговую свечу и, прикрывая старой рукой огонек, обошла кругом всю деревню.

Возле старенького последнего домика начиналась общая тропа в сузем, и тут на тропе поджидал бабушку с огоньком неизвестный прохожий человек. Собираясь в сузем, этот пожилой человек с голубыми глазами и с большой бородой остановился, подивился на старушку и спросил ее, что случилось, почему она вздумала обойти кругом с огоньком всю деревню.

– Скажи мне, – ответила старушка, – как твое имечко-то святое?

– Имя мое, бабушка, – ответил прохожий, – Онисим.

– Так вот, добрый человек, Онисим, – сказала старушка, вместе и строго и ласково, – слух пришел к нам верный. Сними свою шапку и выслушай.

До того строго сказала старушка и до того ласково, что прохожий человек сразу послушался и снял свою шапку.

– Не то ли, – спросил он, – ты хочешь сказать, что и я слышал и теперь спешу вернуться с этим в сузем: я слышал, что война кончилась.

Старушка, ничего не сказав, медленно поклонилась прохожему, и он тоже по-старинному склонился до пояса и, надев шапку, пошел по тропе в сторону сузема.

Глава двадцать девятая
Чуткий, вот какой же он чуткий этот сузем!

Такой он чуткий, как и степь, великая степь-пустыня, где новость летит от одного каравана к другому, от всадника к всаднику.

Такой же чуткий сузем, как и море, и только в море одна волна, перекатываясь, говорит что-то другой, а в суземе одна веточка что-то перешептывает другой, и все дальше и дальше.

Как ветер по елочкам, так и весть о конце войны понеслась скоро по таежным местам, от Пинеги к Мезени, от Мезени к Печоре и дальше – по Тобольской неисходимой тайге.

Такой чуткий сузем, что один раз только олень копытом нажал на мох – и на бровке копытной ямки на другую весну вырастает другая какая-то сладкая травка, и другой олень, – завидев ее, по-своему понимает: тут прошлой весной был тоже олень.

Много убыло белых пятен в лесу, и хрусткий лед на общей тропе, черепок, почти совершенно исчез. Теперь только где-нибудь под множеством грудями наваленных, наломанных деревьев, в этих непроходимых ламах лежит по-настоящему снег и все-таки, подтаивая даже в ламах, питает весенние сбежистые реки.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Так бывает весенняя перемена в суземе, как и в наших обыкновенных лесах, но все же и так и не так.

У нас идешь по лесу, и тут же на ходу на глазах лесные породы меняются, кажется даже иногда, сам ты стоишь, а мимо тебя проходят елки, березки, сосны, осинки, дуб, липа, бузина, можжевельники.

А в суземе, как заладит елка, так и будешь елкой идти недели две: ты будешь тонуть ногой в долгомошнике, а в голове будет спеть мечта о сухой сосновой гриве, где нога больше не вязнет в долгих мхах, а идет по белому оленьему сухому мху, как по ковру. И там деревья не впиваются, как в ельнике, друг в друга сухими суками, а чистые большие стоят тесно и не мешают друг другу, там деревья вовсе даже и не падают, и если случится, какое-то дерево кончит свой жизненный путь, оно не падает: покачнется и, прислонясь к другому, стоит, как живое.

Так идешь по долгомошнику неделю, другую и все думаешь об этой какой-то чудесной Корабельной Чаще, где сам не тонешь, как в долгомошнике, а напротив, прямые высокие дружные деревья и тебя поднимают наверх...

И что всего удивительней: знаешь верно, что такая своя чудесная сказочная Корабельная Чаща существует в суземе и когда-нибудь ты к ней непременно придешь.

У нас в обжитых лесах прилетит по весне кукушка, и девушка будет считать, сколько лет ей еще остается жить до замужества.

Бедная девушка! Она думает только о себе и понимает весеннее время так, что кукушка только затем прилетает, чтобы поведать о девичьем счастье.

В суземных местах, в этой великой пустыне, голос кукушки гремит без помех с утра до ночи. И сколько ни иди в суземе, весной все будешь слышать кукушку.

Это оттого, что-на ходу одна кукушка другой передает голос и уводит все дальше, все глубже в сузем.

Шагом идешь трудным, размеренным и все время прислушиваешься к голосу кукушки: и кажется, не шаг это свой, а счет времени.

Какие тут соловьи, какие тут песни и девушки! Тут идет счет срока жизни самой земли, самой нашей планеты. Кукушка считает не для девушки, а для всей нашей земли: сколько лет остается еще жить всей нашей земле.

Глава тридцатая

Река Пинега начинается в суземе двумя речками: одна речка Белая, другая – Черная.

Белая речка рождается в глухом болоте, где растет мелкая хилая сосна. Такая местность с мелкой сосной по болоту называется светлой радой.

Белая речка вытекает из светлой рады.

Черная речка берется в темной раде, где по болоту растет корявая елка, похожая на какую-то злую чертову тещу на метле, хотя и бывает – на добрую бабушку с подарками. Идешь по такой темной раде к той доброй бабушке, а земля под ногой ходуном ходит, и сам начинаешь понимать – не добрая бабушка впереди ожидает тебя с подарком, а все та же чертова теща притворяется доброй бабушкой. Вот из такой-то темной рады и вытекает Черная речка.

Светлая рада скорее всего названа по растущей на ней светлюбивой сосне, темная рада – по теневыносливой елке.

Вытекает ли речка своим первым ручьем из рады светлой или темной, все равно смешно смотреть, как этот бойкий ручей бросается к деревьям, подрывает их и тут же прямо и валит их на себя.

Смешно на это смотреть из-за того, что вспоминаешь себя самого в ранней молодости: тоже в свое время как бушевал и все думал, для хороших людей добро делаю, на самом же деле все валит на себя.

Чем дальше от матери рады удаляется ручей, тем деревья и коренастей, и толще, и выше, тем кажется ближе гибель ручья от навала на него вдоль и поперек крупных деревьев.

Но как бывает в горах, целая огромная скала, подточенная ручейком, валится на него. Кажется, ничего от ручья не останется, а вскоре глядишь, он снова мчится из-под скалы, и ты понимаешь, что и самая тяжелая гора не может задавить самого маленького живого ручья. Так и в суземе бывает с деревьями. И в лесах деревья заваливают речку, но она бежит и бежит себе под ними и все больше и больше валит их на себя.

Мало-помалу эта лама из поваленных деревьев как-то выравнивается, покрывается мохом, обрастает кустарником черной ольхи, а под ней глубоко невидимая речка журчит и ворчит.

Кто это знает, сколько лет прошло, нужных для зарастания лама, чтобы какой-то умный прохожий нашелся и решился сойти с общей тропы и, сокращая себе путь, перебраться на ту сторону речки по ламе?

Сокращая себе далекий обход, этот беспокойный – человек очень недавно свернул с общей тропы и топором просек себе через густые кустарники путь на ту сторону, и перешел ламу.

После того неизвестного этот путь проходил тот знакомый нам человек с большой бородой и голубыми глазами, по имени Онисим. Он заметил новый просеченный путь через ламу, свернул на него и подумал:

«Вот неглупый человек – и сам себе сократил путь и сколько людям сделал добра: теперь общая тропа непременно завернет по его следу и пойдет по-над речкой через ламу».

Так Онисим перешел через ламу и вдруг заметил на мху чьи-то следы.

Тем-то вот и еще сузем не такой, как наши обжитые леса. Разве у нас кто станет обращать внимание свое и тратить его на чьи-то человеческие следы: мало ли ходит у нас по лесным дорожкам разных людей!

Какое дело самому себе до чужого следа. У нас идет человек по лесной дорожке и насвистывает и глядит на что-нибудь по сторонам. Зачем ему наклоняться и глядеть на чей-то след себе под ноги?

В суземе, если глядеть по сторонам, то разве только на просветлилки в пологе леса: не расступается ли это лес перед концом пути, не обещает ли просветлинка полянки с березами и скамьей для отдыха на общей тропе.

Человек больше всего по человеку скучает в суземе, он и боится недоброго, но жить так хочется, что часто забывает плохое...

Вот почему в суземе один человек не жалеет внимания на то, чтобы увидеть чей-то след на своем пути и, увидев, подумать, кто бы это мог идти перед ним и куда...

Так и Онисим стал с интересом разглядывать следы: на мху остались чьи-то следы, но разобрать, кто именно шел – один или двое, мужчина или женщина, – было невозможно.

Когда же прохожий перешел ламу, то у берега скрытой под ламой реки сказался хорошо намытый песочек и подальше кустик черной смородины, только что распускающей зеленые почки.

Вот как раз тут-то на песке возле лама были две пары человеческих ног, одна побольше – догадывался Онисим – от мальчика и другая поменьше – от девочки.

Еще заметил Онисим, что если маленькая пара ног отвечала девочке, то это, конечно, она завернула по песчаной намоине к кусту смородины, сорвала с него веточку и, восхищенная ароматом почек, догнала своего спутника и передала ему веточку смородины. Тот же под влиянием девочки, может быть, на минуту отдался прелести аромата смородины, но вдруг увидел нечто более интересное для мальчика,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru прямой, как свеча, посошок из черемухи. Бросив на свой след ветку смородины, он вырубил себе топором посошок и некоторое время очищал его ножиком.

Онисим подумал – это скорее всего дети какого-нибудь охотника: что-нибудь случилось с матерью, и они отправились искать отца. В суземе так бывает, и эти – маленькие охотники иногда даже вырубают на деревьях свои особые заметки пониже других.

Обход через ламу сократил путь версты на три и вывел к обратному переходу через речку, через другую ламу к общей тропе. Тут опять на береговом песочке были отпечатки маленьких ног, и на дереве в четыре рубыша было вырублено знамя путика Воронья пята! Тут Онисим остановился и над этим известным знаменем задумался.

Часть десятая
Свой путик
Глава тридцать первая
Некоторые говорят, будто счастья нет и быть не может на свете.

– Какое же счастье, – говорят они, – может быть в жизни человеку, если каждому даже и с жизнью своей расстаться приходится.

Вот и поговори с такими людьми!

Мы говорим:

– Хорошо яблочко!

Они отвечают:

– Чем же оно хорошо, если неделю полежит и сопреет.

Мы возражаем:

– А ты не давай ему преть, возьми с окошка и съешь.

– Да как же, – говорит, – я его возьму, если оно лежит на чужом окошке.

Так вот и поговори с такими, посмекай, что, может быть, к этому чужому окошку и вся беда сводится.

Мы же на вопрос: «Кому на свете жить хорошо?» – в простоте своей отвечаем:

– Тому хорошо, кто занят своим делом, и оно себе дело любимое, а другим людям полезное.

Но даже и на такое простое и ясное решение те люди с яблочком на чужом окошке скажут:

– Любимое дело! поди-ка, поделай, что самому хочется. Полезное дело! поди-ка, добейся признания в людях.

После того опять начинается сказка про белого бычка или про яблочко на чужом окошке.

И все это оттого, что сделать шаг по направлению к своему счастью не хочется, и это усилие взять жизнь в свои руки кажется трудным.

Зачем же об этом мы все-таки теперь говорим?

А затем говорим, что под руками добрый пример: наш Мануйло сделал именно вот такое усилие, шагнул прямо к своему счастью и был действительно счастлив: после всего он попал на свой путик.

Мы затем говорим об этом, что редко бывает так у людей, что любимое дело свое собственное получало общее признание.

Вот почему мы сейчас и вспомним все шаги Мануйлы к своему счастью.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Мы оставили его в то время, когда прорвало запонь и бурлаки, им организованные, бросились кто в карбас, кто в ялик, кто прямо стал на струю и с багром в руке на одном бревне понесся в пучину.

В то время как бурлаки окружали шкурёный лес на Двине против Верхней Тоймы, часть этого леса подплывала уже по Двине к Нижней Тойме и встретила с идущим вверх пароходом «Быстровым». Капитан «Быстрова», сам бурлак из пинжаков, сразу понял, что повыше бурлаки окружают лес, а этот у них вырвался из-под рук, и, значит, надо немедленно его самим окружить. Весь экипаж бросился в шлюпки и тут, окружая лес, матросы заметили на бревнах детей со всеми своими дорожными вещами.

Их немедленно доставили в Нижнюю Тойму.

Мануйло же в своей Верхней Тойме ничего не знал о детях, он и не думал о них, он был уверен, что они давно уже вернулись обратно в Вологду.

Собрав лес в эту ночь, – он еще дня три занимался его сортировкой и, закончив бурлацкие дела, с чистым сердцем направился на лошадке казенной «лебяночке» за сто верст, в свою родную деревню Журавли.

Тут-то вот, в Журавлях, и вспыхнуло ярким огнем – его заслуженное счастье.

Нечего и говорить, как приняли Мануйлу односельчане колхоза «Бедняк». Верные слова Мануйлы – о том, что название «Бедняк» устарелое и ни к чему теперь не ведет, вскоре после его ухода оправдались: стали отовсюду приходить вести о зажиточной жизни, и в газетах, даже самых маленьких, стали на все лады повторять новый идеал экономики: зажиточную жизнь. И вот когда все колхозы кругом и все единоличники даже стали смеяться над колхозом «Бедняк», прибыл Мануйло с указаниями от Калинина и о названии и о том, чтобы охотникам дали возможность работать для колхоза на своих путиках.

– А что вы скажете, – спросил Мануйло на собрании, – если мы колхоз назовем...

И замялся.

– Ну, ну! – подстегнул его председатель, – время меняется, и мы сами меняемся со временем. Теперь мы уже не такие глупые, как были прежде. Говори смело: ты был у Калинина.

– Смело? – спросил Мануйло. – Хотите смело, назовем колхоз «Богачом», Ничего в этом нет плохого, если бедняк станет у нас богачом.

Кто-то возразил:

– Как же так, только что богачей выгоняли, а теперь сами на себя берем это имя.

Председатель на это ответил:

– Так мы не на себя лично берем это имя, а на колхоз: мы хотим прежде всего не лично быть богатыми, а дать пользу колхозу, чтобы колхоз был богат.

– А почему же и не лично? – спросил Мануйло. – Если колхоз будет богат, то мы и лично будем богаты, и чем это плохо, если я сделаю колхозу добро и колхоз в ответ меня наградит?

Вот тут-то, наверное, кому-то и мелькнуло в уме, что Мануйлу следует не только принять в колхоз со своим путиком, но чем-нибудь и наградить.

Раскинув думы во все стороны, пинжаки пришли все до одного к ясному сознанию, что от богатого колхоза всем будет лучше, и название «Богач» – очень хорошее и умное...

– «Богач» так «Богач»! – весело решил председатель, – сознательность ничему не мешает!

На этом собрании Мануйло был единогласно принят в колхоз со своим путиком, но мало того! был поднят вопрос о награждении Мануйлы двумя мешками ржаной муки для возможности на первых порах устроиться на своем путике.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так Мануйло добился своего счастья: работать для своего колхоза на своем любимом путике.

И он был счастлив.

Глава тридцать вторая

В поисках счастья на своем путике Мануйло чуть не погиб там под деревом, а когда признали и даже наградили мукой – изволь-ка эту муку на своих плечах доставить на свой путик!

Хорошо было везти на стружке муку по чистой реке Пинеге, неплохо по реке Коде, впадающей в Пинегу, подниматься вверх, тоже пока река чистая. Но вверху, когда начинаются завалы, становится все трудней и трудней.

Там наверху деревья тесно стоят, воде нет простору, и, как будто в сердцах, сильная весенняя вода валит деревья, и они ложатся одно за другим с берега на берег, как мосты. Тут уже сила нужна не чтобы двигать стружок веслом против воды, а чтобы еще, кроме того, прорубать топором путь стружку – тут мука становится мукой.

Так, может быть, и всегда бывает, что трудно свое счастье найти, но нелегко тоже его и нести, до того нелегко, что настоящего счастливого человека между нами и незаметно.

Нелегко давалось счастье Мануйле, но в том-то и было оно, что Мануйло не вел счета силам, истраченным на достижение своего счастья, и это досталось ему от своих отцов, и деда, и прадеда – сил своих на добро не жалеть и не считать.

– Где наша не пропадай!

Когда же стало так на реке, что выходило больше только рубить деревья, чем двигаться вперед, Мануйло посмотрел тропку в суземе и стал таскать частями муку и другие припасы на своих плечах, к становой избе на своем путике под знаменем Волчий зуб.

Таскал и таскал в становую избу на своем путике, и расход своих сил не считал и не вел.

Нам бы и смотреть не на что на эту становую избу: такую избу делает в короткое время один человек. Он выбирает место в лесу, где почаще, чтобы, срубив деревья, ему не трудно было собирать хлысты в одно место. Сделав себе эту становую избу, он делает особую маленькую избушку для продовольствия и для хранения пушнины. Эта избушка ставится на особые ножки, такие, чтобы мышь обмануть. И этим ножкам мышь поднимается сначала просто вверх как по стене, но вдруг на пути ее в клеть с продовольствием является выступ, вроде как бы для нас этот выступ был потолок. Вниз головой мышь не может и возвращается вниз или падает.

Таким грибок делают все ножки и для стульев, и для столов, и, скорей всего, глядя на такую придумку, древний сказочник создал для нас свою. «избушку на курьих ножках».

Так, прямо в двух мешках, забравшись по лестнице, Мануйло и уложил свою драгоценную муку в эту клеть на высоких ногах. Сверху же он поставил крышу с дожатым устилом, с накатом и скатом для дождя в обе стороны.

Устроив все это с хозяйственной и охотничьей радостью, Мануйло приступил к своему любимому делу: с ружьем, топором, ножом и пучком конских волос для петелек на лесную дичь он вышел на путик. Расчет его был такой, чтобы к ночи дойти до другой избушки, называемой едомной, в конце путика, переночевать в ней и на другой день вернуться в свою становую избу.

Ему хотелось поправить всякого рода огрехи на путике за пропущенное время, чтобы потом, осенью, по-новому начать свой любимый промысел.

Ну вот и началась желанная жизнь: охотник выходит на свой путик; и как в селениях хочется каждому прежде всего рассказать о своих соседях, так из сузема о своих ближайших деревьях. Нет человека, и вот дерево соседнее становится тебе,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как родной человек. И тут впервые понимаешь, что деревья ведь тоже самое живут и только они вверх живут, на прямой путь к солнцу, а ты между ними можешь и в стороны: они стоят, а ты между ними идешь, и с тобой рядом, ежик проходит, и мышка шуршит в старой листве, и где-нибудь олень, и где-нибудь медведь, и еще мало ли кто и все так...

Вот они, две знакомые с детства елки, стоят рядом по ту и по другую сторону на путике: только-только между ними человеку пройти.

Протянув большую ветку с прямым указом на путик, одно дерево хочет уступить дорогу другому, остановилось и пропускает его, приглашая веткой:

– Прошу!

Другое дерево точно такой же веткой, как рукой, любезно хочет само уступить и тоже:

– Прошу!

Так они давно на месте стоят и не сдвигаются, а пока они церемонятся, между ними и человек, и медведь, и олень пройдут, и заяц проковыляет, и лисица прошмыгнет.

Вот как раз возле одного дерева, если идти от становой избы путиком, с правой стороны стоит молодая елка, дочка его. Ростом эта дочка не больше, как в два человека с надбавкой на верхнюю мутовку. Как раз вот на этой елочке оказался свежий загрыз медведя.

Тут, заметив сразу новый загрыз, Мануйло остановился и крепко задумался...

Да и задумаешься!

И по виду, и по всему, что было известно о медвежьих загрызах у охотников, медведь сделал такую заметку осенью, когда ложился в берлогу.

Мануйло так понимает, что медведь загрыз делает на ближайшей елке, чтобы весной померяться и узнать, насколько он подрос за зиму. Но весна ему бывает поначалу трудна: не всегда ему удается выбросить пробку. Вот за этим-то неприятным делом он и забывает, что весной ему надо померяться.

Когда же, наконец, он сбросит пробку, тут весна для всех в такую приходит радость, что и медведю делается не до того, чтобы поминать прошлое и загадывать о том, насколько он подрастет, лежа в берлоге.

Так медведь весной забывает печаль и заботу, так и все и все по-новому!

Но Мануйло, увидев на молодой елке осенний загрыз медведя, смутился...

Да и как не смутиться, если медведь на путике самый опасный сосед. Ворон, конечно, опасен, если примется клевать пойманную дичь, но ворона нетрудно убить, а медведь повадится собирать дичь на путике, тут уж самому ничего не достанется.

Как же теперь отделаться от опасного соседа?

Вот так с первых шагов на своем путике Мануйле пришлось задуматься.

Конечно, можно убить медведя. Но это наверно по крови передалось Мануйле от предков, чтобы, по возможности, на путике не очень-то спорить с медведем и останавливать его не пулей, а вещим словом.

– Живые помочи! – прошептал Мануйло.

И, все раздумывая о недобром соседе и участвуя во всей лесной жизни живым глазом, охотник пошел дальше по древней тропе, выбитой его предками.

При переходе по своему путику через общую тропу охотник заметил на мху неясный след величиною в теплый сапог.

– Не он ли? – подумал Мануйло.

И, чтобы понять, чей это был след, завернул с общей тропы на какой-то новый обход через ламу. Тут на ламе он увидел, что большой след идет за двумя маленькими.

И понял так, что большой в тёплый сапог след вроде как бы гонится за двумя маленькими.

– Не он ли? – подумал охотник и бездумно опять ответил сам себе:

– Живые помочи!

За ламой на песке возле куста черной смородины Мануйло ясно увидел, что не медведь шел, а человек, а маленькие следы были тоже человеческие, только маленькие, детские.

Пройдя немного дальше, он увидел на дереве детскую зарубку топором в четыре рубыша: было выбито знамя путика Воронья пята.

– Что такое?

Подумав об этом всем, Мануйло тряхнул головой и веселым глазом оглянулся кругом. Так он делал всегда, когда в голове что-то начнет путаться.

И, отбросив мысль о недобром соседе и об этих каких-то детских следах, вернулся через ламу обратно к общей тропе и с тропы повернул на свой путик.

Сколько раз вот мы тоже замечали, добираясь до своего счастья, каким чудесным оно кажется издали и как оно прячется в труде и всяких заботах, когда его достигаешь. До того глубоко прячется, что со стороны люди его не замечают и сам живешь и о счастье не думаешь. Скорей всего, это у всех, и оттого, когда хочешь указать на счастливого, то кажется, будто счастья и вовсе нет на земле.

Но это мы знаем: Мануйло на своем путике пока еще был счастлив.

Глава тридцать третья

Самое главное на путике для охотника – это высмотреть птичье пуржало. Тут надо себя самого птицей представить, будто летишь в лесу среди мелькающих пятен и выбираешь себе самое заметное. Для того птица себе такое пятно выбирает, чтобы сесть на него и под солнечным лучом пуржиться, или купаться на солнце в песке.

В темном лесу солнечное пятно на песке, как фонарь, – привлекает к себе птицу. А еще в этой солнечной купальне на песке много мелких камушков, и вся боровая дичь – тетерева, глухари, моховые куропатки, рябчики нуждаются в этих камушках для растирания пищи в зобах: камушки у них в зобах, как жернова у нас на мельницах. И еще на песке птицы вроде как бы чистятся, освобождаются от своих постоянных прихвостней и подхалимов, разных блошек и вошек.

Мануйле об этом выборе места для пуржала думать нечего: за него это сделали отцы, деды и прадеды. Испокон веков на одних и тех же местах они ставили свои силышки. Но случается, конечно, там дерево упадет, там новое вместится в общий полог леса, и от этого на пуржале распределение света и тени, конечно, изменится. Тогда нужно к родительскому путикю прибавить свое внимание и, может быть, даже найти другое место для пуржала. Так вот лес подрос, и человек тоже изменился, в лесу свет и тень стали по-иному, и человек по-иному, по-своему становится к делу отцов.

И, наверное, от того, что к прежнему прибавил сам что-то свое, каждый раз делается на душе весело, и кажется тогда, что и все так в лесу живут и на всем свете так: каждое существо на свете к делу отцов прибавляет что-то свое, и от этого ему делается весело. Что бы тогда ни попало на глаза, все как будто складывается, в свою кладовую и лежит до встречи с кем-нибудь, кому можно об этом рассказать. Тут вот и получается почему-то так, что сам рассказываешь только потому, что сам видел и хочешь о виденном самую правду сказать, пусть даже люди это и принимают за сказку.

И еще тоже бывает, когда сходится в себе дело отцов с тобой самим на чем-то хорошем, вдруг почему-то кажется, что на всякий вопрос, какой бы ни задал тебе

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru самый мудрый, даже самый ученый человек, ты можешь ответить.

Кажется, даже и всю самую великую тайну жизни ты мог бы открыть, если бы нашлся такой человек, кто мог тебя об этом тут же спросить.

Душа такого человека похожа на тысячелетние залежи торфа, ожидающего огня, чтобы вернуться к большому огню, от которого начался и все складывался и складывался в торфе тысячи лет.

Вот как этот торф ждет огня, так и душа простого человека на своем пути ждет вопроса большого, окончательного..

Так и наш Мануйло в иные минуты радостно чувствовал в себе какие-то огромные силы, и только бы, только бы кто-нибудь спросил его о чем-нибудь таком нужном, таком великом для всех.

Вопроса-то вот такого все и не было.

Но нельзя сказать, чтобы Мануйло томился, – нет! он радостно чувствовал в себе эту слежалость древних пластов, и раз его об этом не спрашивают, то зачем ему томиться: он на все вокруг тогда глядит, будто все они, от большого и до самой ничтожной безделицы, все свои, и всех он их, как своих, понимает.

Затем, может быть, потом при встречах с людьми и поднимается из души сказка, чтобы вызвать у человека тот желанный вопрос к себе и ответить ему на него словом правды.

Они же не понимают и слово его принимают просто за сказку. Но Мануйло не томится этим и просто ожидает такого вопроса, как торф ожидает огня.

И теперь он на своем пути идет, как среди своих: там подсыпает песочку на пуржале, там оправляет и переменяет затянутые и разорванные петельки, и всякие сильшки настораживает на высоте самой птицы: на рябца кулак от земли, на глухаря кулак с большим пальцем.

Раз было, в одно старое сильшко белка попала, и по сосне было видно, как долго она билась, пока не порвала сило: цепляясь за сосну, белка так ее исцарапала, что кора на дереве зарумянилась.

Видеть такое дело на своем пути Мануйле еще не приходилось, и оттого, разобрав все, прочитав и поняв всю историю борьбы белки за жизнь, он опустил и эту историю в незабываемость своей кладовой сказок, чтобы при случае потом людям о правде сказать, о том, как бывает, когда белка попадет в сильшко.

Мануйло, разобрав все, даже и улыбнулся и сказал вслух отсутствующей белке:

– Теперь будешь знать, тебе это наука!

А то вот ястреб-тетеревятник попался с прилету в старое сило и сидит, красивый, глаза желтые горят, сам пощелкивает.

Видел ли кто-нибудь ястреба в петле? Может быть, кто-нибудь и видел, но сам-то я вижу теперь его таким в первый раз и отчего-то об этом, как я увидел сам в первый раз своими глазами, ужасно хочется кому-то другому сказать.

Может быть, при встрече и не дойдет разговор до ястреба, а может быть, когда-нибудь кто-нибудь спросит, и от вопроса опять непременно покажется перед глазами красивая птица с желтыми глазами.

Попадись в петлю ворон, Мануйло бы его так не отпустил: ворон-злодей повадится собирать дичь на путике, так и будет грабить, пока его не убьешь, но ястреб – случайный гость.

Мануйло сломил веточку и начал дразнить ястреба, а тот, обозленный, стал щелкать, шипеть. До того было занятно подразнить ястреба, что Мануйло даже оглянулся кругом, нет ли кого, показать бы..

Внизу кругом никого не было, но наверху сидела и глядела на все куница какая-то,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
рассиделась, хвост убрала, голову подобрала на короткую шею и на себя не похожа,
толстущечкой сидит и глядит.

Мех у куницы сейчас невыходной, трогать ее охотнику незачем.

– Вон он какой! – показал Мануйло на ястреба, – погляди, погляди на него.

Куница от слова человеческого подвинулась на елке назад и закрылась сучком.

– Ну, будет тебе щелкать, – сказал Мануйло ястребу.

И отпустил его.

Пустых минут, как для многих из нас в лесу, у Мануйлы никогда не бывает: непременно во всякую минуту совершается хоть что-нибудь, да все-таки новое, и это небывалое прибавляется постоянно к бывалому, и этим, наверно, весь мир растет. Сейчас он вспомнил, как два года тому назад на вязком месте был глубокий след: это олень прижал долгий мох своим копытцем. Вода от нажима копыта понизилась, и бровка на ямке после осохла.

Мануйло узнал ямку от копыта оленя по необычайному для болота злачному стебельку с пустым колоском: на осушенной бровке на ямке копыта вырос этот высокий стебелек и, осыпав осенью семена, сохранил колосок до весны.

Не удивительно ли, что только ступил олень, только раз прижал мох, и вот через два года сохраняется в суземе память о том, как олень тут прошел.

Какой же он чуткий, сузем!

А теперь легонький торочок, ветерок, как внутреннее дыхание леса, такой нежный, что, пожалуй, не почуял бы даже охотник своей обветренной, огрубелой щекой, а колосок чуть-чуть качнулся...

Какой же он весь чуткий, сузем, и какой тоже чуткий в нем идет человек, что ничего не пропускает и вовсе не знает пустых минут.

В этом и было все счастье Мануйлы, что на своем пути у него в суземе пустых минут не бывало, и он все время узнавал что-нибудь новое и в небывалом понимал жизненный рост.

Только к самому вечеру Мануйло пришел к своей едомной избушке в конце своего путика.

Истопив печку, наполнив избушку черным дымом, усталому охотнику только бы забыться под черным одеялом дыма, как вдруг за стеной тихонько, кашлянул полщок.

Это в суземе охотники приметой считают, что если полщок, полосатый зверек, вроде белки, кашляет, то это бывает перед погодой, значит, перед бурей, снегом или дождем.

Плохая погода сейчас не страшила Мануйлу, но это неприятное, связанное с кашлем зверька, вдруг пробудило в голове неприятное воспоминание о том, что, выходя на путь от становой избы, он забыл убраться лестницу от клетки на ножках.

Для чего же ведь и ставится клеть на особые высокие ножки с «грибком» посередине, как не затем, чтобы россомаха не могла добраться до продовольствия, а он, как нарочно, для нее теперь поставил лестницу.

Успокоил себя Мануйло тем, что россомаха человеческих рук побоится и, учуяв человека, не полезет по лестнице.

Только бы теперь с этим уснуть, вдруг полщок опять кашлянул, и Мануйле вспомнился медвежий загрыз: если медведю доведется подобраться к лестнице, тот не побоится человеческих рук, и тогда колхозной муке несдобровать: медведь любит муку.

– Побоится! – подумал Мануйло.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru И только бы успокоиться, полщок опять кашлянул. И тогда вспомнились детские ножки возле лампы на песочке у самого куста черной смородины. Вспомнилось тоже детской рукой выбитое на дереве в четыре рубыша знамя Воронья пята. Оставалось бы только вспомнить, как он сам рассказывал детям о старинном путике Воронья пята в самой близости Корабельной Чащи.

Вспомнилось бы, и все бы стало ясно, но как раз в это время полщок опять кашлянул, и верная примета о кашле перед непогодой перешла в душе Мануйлы в суеверное предчувствие того, что полщок кашляет перед бедой.

С этим он и уснул.

А погода наутро пришла лучше всякой: лужицы весенние были окружены все кружевом утреннего мороза, и на этот мороз вставало солнце и не какое-нибудь мягкое, темно-красное, а веселое, светло-золотистое; вставало солнце, как встает человек деловой в твердом уме и памяти.

Казалось бы, и человеку теперь тоже бодрым вставать, но только встал было Мануйло, только плеснул себе на лицо холодной воды, проклятый полщок опять, кашлянул.

– Живые помочи! – прошептал Мануйло.

И в недобром духе пошел своим путиком в свою становую избу.

Так мы думаем, что скорей всего тесно стало Мануйле на своем путике, и вот отчего душа его отозвалась на суеверие.

Прямо сказать, что Мануйло отдался суеверию, как старая баба, конечно, нельзя, но и не такой он шел, как прежде во всю жизнь хаживал на своем путике: ему стало теперь, как будто этот старый путик отцовский у него теперь был не свой, как будто он ошибся и попал не туда, куда так хотелось.

И оттого стало ему как-то тесно на своем путике и неприятно, что все на месте как-то стоит и не изменяется.

Вот они опять те самые два постоянные дерева стоят на своем месте, уступая друг другу дорогу, делают вид, а сами все стоят и стоят.

Но что это такое?

Мануйло замер в тревожном изумлении.

Между деревьями было два белых пятна, как будто человек шел с мешком муки на спине и зацепил.

Помочив палец слюной, Мануйло собрал с одного дерева того чего-то белого, попробовал, и оказалась мука.

Между деревьями был брусничник, примятый немного следами большими в теплый сапог, и по листикам темно-зеленым, перележавшим зиму под снегом, с листика на листик вилась белая змейка.

Мануйло тоже и тут собрал немного белого, попробовал.

– Живые помочи!

На брусничнике была тоже мука.

Теперь все открылось: медведь шел, как человек на двух задних ногах, нес в обнимку мешок с мукой, а из дырочки, наверно, пробитой когтем того же медведя, тонкой струйкой по брусничнику бежала мука, на встрясках побольше, на ровном ходу поменьше.

Бежала мука и бежала, мука колхозная, мука заслуженная!

Мануйло хотел было броситься туда вслед за мукой и уже опустил на дробовой заряд пулю и пристукнул ее шомполом, но вдруг весь быстрый план его переменялся и он

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru даже отпрыгнул в сторону от своего путика.

Нельзя затирать след своим следом.

Только пришлось, обойдя стороной, приглядеться к следу: один ли раз недобрый сосед прошел или, утащив один мешок, вернулся за другим и еще раз прошел.

След показал – медведь один раз прошел и унес только один мешок, сразу два захватить он не мог.

Теперь все стало ясно: медведь куда-нибудь недалеко отнес мешок, поел, сколько хочется и закопал во мху про запас. А ночью вернется своим следом за вторым мешком, и тут надо встретить его на лабазе, а между деревьями, где остались белые мучные пометки, нужно сделать на случай петлю из мягкой проволоки.

Так Мануйло, обходя след соседа, вернулся в свою станковую избу.

Может быть, не у себя самого, а в суземе, всем великом суземе, все бывало и, как по ветру, от человека к человеку переходило на память с самых далеких времен, от прадедов и прапрадедов.

Чего, чего не было!

Даже такое бывало, что недобрый человек забирался в клеть с пушниной и уносил с собой все. Но чуткий сузем выдал беззаконника, и тут же на следу он был казнен. В чутком суземе и это страшное дело стало известно, и когда люди проходили по общей тропе, то показывали, озираясь на великую кокору, опрокинутую, как страшный памятник, над телом казненного.

Эта кокора от ветродуйного дерева когда-то стояла ребром, замшела от времени и была похожа на огромного медведя, стоящего с поднятыми лапами на задних ногах. Таких опрокинутых деревьев с корнями и огромной землей между ними было много на пути общей тропы, но, такого медведя огромного не было, и все его знали. Как вдруг кокора эта заметная опрокинулась, а засохшее дерево, перерезанное, осталось лежать на земле.

Каждый прохожий, конечно, спрашивал, кто это дерево перепилил, кто опрокинул кокору, и зачем он ее опрокинул.

Чуткий сузем каждому отвечал, что это закон сузема: под кокорой лежит человек, захвативший труд другого человека. И каждому, кто поступит против такого закона сузема, будет неизменная судьба тоже так лежать под кокорой.

Чего, чего на веках не бывало в суземе, но чтобы медведь по человеческой лестнице забрался в клеть и, обняв мешок с мукой, пронес в свое логово, этого как будто в суземе совсем не бывало!

Недаром же полщок прокашлял всю ночь: вся скатная крыша была разобрана по бревнышку, накат был выброшен тоже. Но что всего больше задело Мануйлу, – это, что сам-то он забыл убрать лестницу, но медведь не забыл. Сосед оказался умней человека и лестницу не только повалил, но еще и оттащил ее в сторону и разломал.

Больше она была ему не нужна: второй мешок лежал под неодетым кустом: тут-то недобрый сосед чуть-чуть и промахнулся, он думал, что раз он вышел из берлоги, так уже и деревья должны одеваться. Было же так, что мешок белый далеко был виден в неодетом кусту.

Простительно было медведю поглупеть от богатой находки, но человеку, охотнику забыть убрать за собой лестницу и самому понять себя глупее зверя было непереносимо.

Счастье Мануйлы как будто убежало с его путика, и он рассердился пуще всякого зверя.

Глава тридцать четвертая

Даже и в наших домашних лесах, составленных больше из поросли, всегда радуется чем-то при встрече рябина. Весною они встречается, как невеста в белых цветах, – осенью, с красными ягодами, как добрая мать в ладном доме.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

А что ягоды у рябины горькие, так ведь и вся-то наша жизнь, когда долго поживешь, по правде говоря, не очень-то сладкая.

Вот отчего скорей всего нас так и радует в лесах при встрече рябина, что мы в ней себя самих узнаем.

Первые морозы ударят, налетят со всех сторон на рябину птицы, дрозды всякие, москвички, синички, клесты.

И люди тоже, спугнув птиц, подходят, берут ягоду и говорят между собой одно и то же всегда с удовольствием:

– Какой славный морозик! вот и рябина стала – какая сладкая!

А уж какая там сладкая рябина! Но люди не унимаются и делают из горькой рябины по-своему сладкую.

Скорей всего этому так и радуешься при встрече с рябиной в лесу: что уж очень-то что-то сходится, как подумаешь, почему-то и цвет и ягода у рябины с цветом и ягодой нашей человеческой жизни.

Но еще куда сильнее, чем рябина, говорит нашему человеческому сердцу в северном диком суземе, в тяжелом еловом долгомошнике неожиданная встреча с березкой.

Мы не о той березе сейчас говорим, что вырастает самосевом корявая и даже не белая где-нибудь в болотах на кислой земле.

Мы о той березе белой говорим, прекрасной нашей березе, вырастающей непременно там, где был и над чем-нибудь потрудился человек.

Вот эта-то самая береза всегда нам кажется при встрече каким-то по-человечески живым существом, кажется, будто какой-то человек в горе своем, что нельзя свою тайну никому сказать, шепнул ее земле, и оттого выросла березка и, белая, ждет кого-то, чтобы перешепнуть ему свою тайну.

Был человек очень хороший, проходил он когда-то берегом реки Лоды в немеряные леса на Мезени, и очень он тогда умирался и захотел отдохнуть.

Сел прохожий человек и задумался. Вдруг из дупла высокого дерева вылетает пестрая, белая с черным утка и выносит на воду из дупляного гнезда одного маленького утеночка.

Эта утка Гоголь перетаскала всех своих двенадцать утят на воду, собрала всех тесно возле себя и вдруг – прощайте! – исчезла под водой. Тогда все ее мальчишки и девочки тоже вниз, под воду искать мать, и что было так удивительно сидящему на берегу человеку: довольно долго никого из-под воды не показывалось. Конечно, долго показалось человеку: он судил по себе и свою добрую человеческую душу по-своему как-то переселял в бедных утят в поисках под водой родной матери. У них же у самих все выходило бодро и весело: в свое утиное время мать показала и утята все по одному в разных местах. Все увидели, узнали друг друга, мать подала сигнал по-утиному, ребяташки засвистели, все сплылись. А потом, окунув всех еще раз, мать всех перетаскала обратно в дупло.

– Хорошо тут! – вслух сказал человек.

И начал работать.

Срубив несколько деревьев, он сделал длинную скамейку со спинкой. Хороший человек не поленился устроить славный отдых для всех на том месте, где ему так понравилось.

Такие скамейки для отдыха прохожих на общей тропе называются на севере всюду беседками.

Нелегко бывает идти в суземе по долгомошнику, но это уже известно вперед, где можно будет отдохнуть. Не один по общей тропе идет человек: впереди, назад, конечно тоже кто-то идет. Один сядет отдохнуть и пока разберется, пока соберется

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru кипятку согреть, другой подходит, может быть и не один, а там еще...

Вот почему и называются на севере эти длинные, во все дерево скамейки в суземе беседками, что люди, отдыхая на них, начинают между собою беседовать.

Так вот когда-то давно срубил эту беседку на Лоде человек из немеряных лесов с голубыми глазами и светлой бородой.

После многих лет с седеющей бородой пришел на это место, узнал его, порадовался, и что особенно удивило его – это, что на месте срубленных им елок теперь выросли хорошие белые березы.

Так бывает всегда, и все на севере это знают хорошо: в еловых лесах после человека вырастает на смену березка. Но одно дело это знать, а другое – после трудного пути в долгомошнике встретиться с родною березкой.

И вот эта древняя сказка о том; что у царя были ослиные уши и никто никому не смел это сказать, но один слуга не утерпел, наклонился к земле и шепнул ей тайну великую: «У нашего царя ослиные уши». Вот на этом-то месте и выросло дерево, оно наклонилось к царю и шепнуло ему: «У нашего царя ослиные уши».

Много странствовала от человека к человеку, от народа к народу эта сказка, известная еще в Древней Греции, и когда пришла к нам, то в нашей сказке дерево, выросшее от человеческого шепота, обернулось в березку.

Да и как ему не обернуться, если у всех на глазах это бывает, что срубишь в хвойном лесу сосну или елку, а вместо них потом вырастает березка.

Как не сделаться дереву березкой, если она и вправду в суземе вырастает всегда возле человека и во всем шепоте чуткого сузема, у всех беседок на общей тропе принимает участие.

Какой-то человек не утерпел и шепнул земле тайну, и вот она стоит, березка, склонившись к беседке и шепчет что-то своим.

Чуткий сузем, какой чуткий! Когда еще было дело с уткой, а теперь каждый прохожий знает о ней и, сидя в беседке, всегда поглядывает на то же дупло в надежде, что вылетит Гоголь и будет купать своих маленьких.

Дивно было прохожему встретиться в жизни своей со своей беседкой, и, поглядев с удивлением на березки, он подумал о том, сколько за тридцать-то лет эти березки переслушали всяких тайн человеческих.

И только подумал об этом, вдруг с той стороны, где Коми, с тропы слышится голос: – Онисим!

Оглянулся – и тоже с радостью ответил:

– Здравствуй, Сидор! Ты куда?

И люди стали шептаться.

Нам не надо узнавать, кто был этот Сидор: был он один из старых охотников на Мезени, и, когда ветер какой-нибудь проходил сквозь сузем, он тоже, как веточка на ветру, качался в разные стороны, чтобы перешепнуться с другой веточкой.

Так бывает, когда сам смотришь через стеклянное окошко избы, и тебе ветра не слышно и кажется, эти ветви живые и качаются, наклоняются, поднимаются высоко и падают все сами в какой-то оживленной беседе.

А когда люди так простые передают друг другу вести, нам и вовсе кажется, будто они все сами.

Нет! в чутком суземе насквозь из конца в конец есть дыхание человеческое, и люди-пешеходы участвуют в нем, как на ветру деревья качают свои веточки.

Было в свое время, порубил человек елки на лавочку, и из-под топора человека

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru выросли березки.

Стоят теперь березки позади лавочки и слушают. Не все ли им равно, кто говорит? Слышали березки разговор, будто в суземе появились какие-то маленькие люди.

– Ты помнишь, Сидор, незакрытый колодец возле беседки с часовенкой?

– Скворешник поставлен и скворец за дьякона служит.

– Вот та самая беседка.

– Как же не помнить, а что уже скворец сейчас туда прилетел?

– Скворец поет, но дело не в этом, а что кто-то прикрыл колодец: кто-то сшил из коры крышку. Кто-то колодец прикрыл, а внизу маленькие ножки.

– Я тоже видел на лапе обход общей тропы, двое перешли речку, и на той стороне на песке отпечталось: мальчик и девочка.

– Да, да, ходят какие-то маленькие люди.

– Ну, – сказал Сидор, – это что!

И наклонился к Онисиму и, оглядываясь во все стороны, стал шептаться с ним о какой-то тайне.

Не о том ли опять шептались полесники, что у царя выросли ослиные уши?

Березки все слышали.

Еще по весне, еще по снегу пришел военный человек с подвязанной правой рукой.

Он показал свои бумаги и утвердился на месте, как человек партийный и с правами.

Был великий спор с ним о Чаще, он требовал Чашу срубить на фанеру для авиации.

– Тут, – мы говорим, – наши деды богу молились, и мы, дети, обещались перед богом Чашу не рубить.

Он же отвечает нам:

– Не в дедах сила, а в правде.

Мы ему:

– А что есть правда?

Он отвечает:

– Правда не в словах, а в делах, наше дело сейчас врага победить, и дело это требует от вас жертвы.

И отпустил свою руку, и она качнулась.

– Я не один, – говорит, – такой, а нас многие тысячи: кто руку, кто ногу, кому посчастливилось и всю жизнь отдать. А вы оберегаете завет ваших дедов. Мы руки, ноги жертвуем и всю жизнь, а вы оберегаете дерево.

Еще он говорил:

– Наши страны все большие и маленькие соединятся крепко и скажут на весь свет слово правды, то будет настоящее слово, а не наши пустые слова.

Его спросили:

– А что это слово?

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
И он ответил:

– Мы еще не дожили, но мы доживем. Какое это будет слово, мы еще не можем сказать: мы только должны помогать правдой жизни нашей выйти на свет слову правды.

Против таких слов наши не могли устоять и, скрепя сердце, хочешь не хочешь, подписали бумагу. Люди всякие были, но бумага одна, и ее подписали.

– И ты подписал?

– Милый мой! Вон вьется тропа человеческая, скажи, кто ее вытропил?

– Тысячи!

– И среди тысяч мы с тобой тоже делали!

– Видно, делали.

Вот то-то не видно нас, где шел ты, где шел я: человек шел и все наши отдельные следы выправлял. Так и в этом деле: не ты, не я, а человек шел и, конечно, я подписал.

– Ты подписал!

– Это не закрывало мне путь к спасению Чащи.

Мне шепнули, что охотник Мануйло ходил к Калинину, искал заступиться за свой путик. И Калинин ему разрешил оставаться на своем путике. Я подумал: у меня тоже свой путик, я вроде сторожа в нашей чаще. Мне Калинин позволит тоже остаться на своем путике. И пошел к Калинину.

– И что ж, чем кончилось?

– Только вышел из сузема, только добрался до Пинеги и сказал о своем деле, все стали смеяться надо мной: живые люди на свете миллионами гибнут, а он за мертвых дедов идет просить в Москву.

И один мудрый человек сказал мне такую притчу:

– Вы, – говорит, – там в Коми, оленеводы и мою притчу поймете. Когда стадо домашних оленей проходит и на пути им встречается дикий... Ты знаешь, что тогда бывает?

– Знаю, – говорю, – домашние олени приводят хозяину дикого, и он делается своим.

– А знаешь ли ты, что бывает, когда стадо диких оленей встречает одного домашнего?

– Знаю, – говорю, – домашнего оленя дикие уводят к себе, и он с ними вместе дичает.

– Вот, – говорит мудрец, – ты сам дикий олень, одинокий, и ты хочешь, чтобы целое стадо, и еще больше – великие стада оленей на свете бросили свою службу человеку и за тобой бы пошли в сузем служить дереву.

Вот как они стали понимать веру наших дедов и прадедов: как службу и поклонение дереву. Так и сказали: «Это у вас остатки язычества».

После этого разговора мне стало вдруг понятно все, и я даже о Калинине так подумал: «Раз все кругом память о заветах наших дедов потеряли, то, может быть, и Калинин меня поймет как дикого шального оленя». Я сам над собой посмеялся и пошел прежней дорогой обратно в Коми.

Струсил я и повернул назад, печальный, и мнится мне: чем же мы победим, если забудем правду наших отцов: не в дереве же дело наше, а в правде. Так иду в большом смущении, прохожу последнюю деревню.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Прохожу я последнюю деревню и вот вижу: старуха с огоньком обходит деревню. Я подождал; когда она со мной поравнялась, и спрашиваю:

– Бабушка, что это?

– Сынок, – отвечает, – радуйся: война кончилась. Мы победили.

Тут сердце мое забилось. Не знаю, конечно, правда – ли, верить или не верить, но все равно мне стало все ясно.

– А ты знаешь, за что мы воюем? – спросил Сидор.

– Знаю, – ответил Онисим, – мы – олени, служим хозяину, и дикие олени хотят увести нас в дикое стадо. И еще больше, много больше знаю, всю даже правду знаю, но сказать не могу: слов таких у меня нет, я немой.

– А кто знает слово такое?

– погоди! – шепнул Онисим и обернулся назад к березкам: за березками там слышались шаги человека.

Этот новый человек полесник, и его сразу узнали: это был Тимофей из села Мати-гора; отдыхая, рассказал новость в суземе: медведь вышел на путик Волчий зуб и выкрал из клетки у Мануйлы целый мешок муки. Мануйло же повесил петлю между деревьями из мягкого металла, и медведь попался.

– Сам видел? – спросили Тимофея.

– А как же, – ответил полесник, – медведь висит мертвый между деревьями, и у медведя нос в муке. И Мануйло, весь зеленый от злости, и беспокойный, читает ему:

– Ты медведь, и у тебя есть дом: твоя теплая шкура.

Я тебя не трогал и не хотел трогать.

Шкура твоя дешевая.

И ты опасен.

Зачем же ты хотел взять у меня муку?

Ты недобрый сосед!

И говорит мне:

– Возьми его себе, Тимофей, дарю тебе. Мне он не нужен.

– А куда, – говорю, – мне с медведем в суземе?

И не взял.

Сидор спросил:

– А не слышал ли ты о том, что война кончилась?

– Нет, – ответил полесник, – чего не слышал, о том говорить и не буду: не слышал о войне, а медведя видел своими глазами – висит между деревьями в петле, сам неживой, а нос в муке весь белый.

Посидев немного еще, все гости расстались: Сидор пошел в Коми, Тимофей, сам пинжак, пошел на Пинегу, неизвестный полесник, сказав Сидору: «Догоню на Вороньей пяте», – принялся варить себе чай.

А неоконченный разговор о правде остался березкам, они будут ждать: может быть, придут люди новые и скажут новое слово о правде истинной.

Глава тридцать пятая

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Не первого на своем веку довелось Мануйле взять медведя петлей на своем путике. Но никогда не было такого медведя, чтобы весь его нос и до самых глаз был в муке.

В этот раз Мануйло был очень зол на медведя, но когда увидел белый нос, то сразу чем-то смутился. И сразу же начал читать медведю свои слова, как видно ему в наставление, а себе в оправдание. Он говорил ему, что ей один полесник слова не скажет, если голодный медведь возьмет себе на еду сколько-нибудь дичи на путике. Говорил, что добрый сосед все равно добрый гость – будь он человек или медведь, но как можно простить медведю дерзкое похищение дареной колхозом муки?

Мануйло не забыл напомнить медведю, что никак не хотел он его трогать, да и какой расчет затевать ему спор с медведем: шкура его дешевая, и, добывая дешевую шкуру, можно лишиться своей собственной.

«Так зачем же ты, – спросил Мануйло, – взял и разломал мою клеть?»

Медведь мертвый в петле ничего не мог ответить Мануйле. Полесник внимательно и в глубоком раздумье поглядел на него и опять это заметил, что нос у мертвого медведя был белый, в муке до самых глаз.

Так бывает у иного охотника: ползет он к зверю против ветра, защищенный от глаза частым кустарником. Зверь сидит на полянке и до того ничего не слышит и не видит, что скучно ему станет: ноготок жизни остается, а он, как человек, возьмет и от скуки зевнет.

Скорей всего жалость к зверю рождается, когда человек поймет его по себе.

Это самое, наверно, чуть-чуть и смутило Мануйлу, что зверь в гости к нему зашел, не застал хозяина, вздумал полакомиться мукой человеческой: какое же в том преступление!

И почему он называется зверем, когда вид его такой добродушный, и так он погиб ни за что, и как будто белый нос его улыбается?

Доходил ли Мануйло в своем раздумье до жалости и слабости, или его смутило что-то другое?

Мы так понимаем, что жалость немного была, но слабости в полеснике никакой не было, и когда пришел гость, Тимофей, и отказался взять себе медведя, Мануйло хорошо выточил нож, привычной рукой снял шкуру, распялил ее на просушку, перетопил жир весь, сколько осталось после зимней спячки, закоптил окорока.

После работы пришло время уснуть в своей избушке на своем путике, но как ни вертелся полесник с боку на бок, как ни устраивался на узкой лавочке, сна никакого не было и даже совсем напротив: казалось ему, будто он до сих пор всю жизнь проспал, а сейчас проснулся и вспоминает сон. И так ему казалось, будто во сне он шел по своему путику, и все, что было с ним во сне на своем, путике, умно и правильно расстанавливается на большом, настоящем пути человеческом.

А может быть, это что-то совсем новое пришло Мануйле не от слабости, а, напротив, от силы, как бывает с младенцем, когда мать, охраняя себя на каждом шагу, носит его в своей темной утробе? Конечно, младенцу неплохо у матери, но дитя растет, тесно становится, и оно рождается.

Так и Мануйло жил, и ему всегда казалось, будто нет счастья больше, как ловить птиц на своем путике и рассказывать людям всем удивительную правду о том, что жить – это радость.

И вот вдруг почему-то не спится, и все, что было во сне на своем, путике, переходит в новом значении на какой-то большой путь, и сам Мануйло, как младенец, выходит из темной материнской утробы на свет...

Прежде всего ему вспомнились те детские следы на лапе и потом на речном песке: один след пошел прямо, а другой завернул к смородине с набухшими почками. Понятно было и тогда, что девочка сломала ветку смородины, отдала ее идущему впереди мальчику, а тот ветку бросил.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Теперь же вдруг стало понятно, какие были эти мальчик и девочка. Это были те самые Митраша и Настя, которых он оставил в разливе рек на Красной Гриве: они не вернулись, а разошлись с ним, и теперь шли. А куда они шли, тоже стало понятно: это были дети его друга Веселкина, и они шли к отцу в Корабельную Чашу.

Словно какой-то черный туман, застилавший глаза, вдруг разошелся, и стало все понятно на пройденном пути и даже видно, как те же самые дети, всякие зверушки, затесы на своем путике переходят на большой путь и там обращают на себя по-новому внимание в новом значении, в новых догадках и понимании.

То же было с «государственной тайной», тем самым, о чем он раньше запретил себе думать, вдруг только теперь стало ясно, что запрещать себе думать о чем-нибудь никак нельзя и дума об этом никому не мешает.

Взялась же эта самая тайна в нем в то время, когда перед ним открылась необыкновенная дверь в кабинете Михаила Ивановича Калинина. Мало ли было чего в Кремле, чтобы заметить простому человеку, и Мануйло, конечно, тоже все такое заметил, но самое главное и больше всего он обратил свое внимание на эту дверь.

Толщиной эта дверь была раз в десять, а то даже и в двадцать толще какой-нибудь самой толстой амбарной двери, но открывалась и ходила на петлях легко и без всякого скрипа. Первая глупая мысль у полесника при виде такой двери была о себе самом, что тебя теперь запрут навсегда. Вторая же мысль была о государственной тайне: дверь для того, чтобы ничего из-за нее никому не было слышно. Вот эта мысль о государственной тайне и ушибла Мануйлу. А это с ним и случилось: если нужно бывало запретить себе что-нибудь, то Мануйло мог сказать себе твердо свое нельзя, и голова об этом сама переставала думать. Мануйло не один у нас такой человек, умеющий беречь грозный запрет, и это так удивительно! Поди запрети текущей воде размывать каменный берег, а человек сам себе запретит что-нибудь и больше об этом и не думает, и не думает...

Конечно, кто знает? может быть, своим особенным способом и он тоже думает, но что об этом можно сказать, если сам ничего он не знает?

Так она и легла, эта дверь, в душе Мануйлы, как предупреждение о государственной тайне, и так оно действительно было, что потом все мысли, все сказки Мануйлы летели, как поземок, в лесу, обходя встречное дерево. Так во всей своей болтовне он чуял государственную тайну вперед и все свои слова обносил.

– Теперь же, когда он вышел со своего путика на какой-то великий путь, запрет думать о встрече с Калининным в Кремле вдруг слетел. Почему, правда, здесь в суземной глуши, про себя и по-своему не подумать особенно о всем, что говорилось в кабинете Калинина, с тех пор как закрылась за ним тяжелая дверь на легком ходу?

Было все с виду так просто в этом кабинете и Мануйле не удивительно: с малолетства никаких знатных людей, никакой роскоши на севере Мануйло не знал. И что просто у Калинина, то это так и везде, и так это и надо. Вдали большой комнаты, у той задней стены, стоял на ступеньках высокий стол, и за ним сидел маленький Михаил Иванович, и точно такой, каким его постоянно печатают в газетах. При виде входящего Мануйлы он поднялся, но не сделался от этого много выше. Сразу поняв, кто пришел, Калинин стоя кончал какие-то свои бумажные дела, что-то подвернул, что-то завернул, сунул в портфель, завязал накрест веревочкой и стал спускаться с лесенки. У старого человека, наверно, в этот день было запрещено работать, и для еды на весь день внизу, на другом столе стояла ваза с яблоками. Этим яблочным днем скорей всего и объяснялось, что президент имел возможность тратить время свое на беседу с полесником.

Когда Калинин навстречу гостю начал спускаться по лесенке, Мануйло остановился на середине пути, и Калинин, поманив его рукою к столу, где стояли яблоки, сказал просто, как будто дело было где-то на гумне!

– Иди, Мануйло, не робей!

И, подав ему руку, усадил против яблок, сам же сел напротив, за яблоками.

– Удивляюсь, Мануйло, – сказал Михаил Иванович, – везде у нас в государстве стала знаменем зажиточная жизнь, а ваш колхоз называется «Бедняком». Нашли

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пинжаки, чем гордиться, своей бедностью. Что ты скажешь на это?

– Я же все говорил Егору Ивановичу, – ответил Мануйло, – и он все записывал. «Бедность, – говорил я, – приходит сама собой: от сумы и тюрьмы не отказывайся. Но хвалиться бедностью, выставлять как знамя, – это, говорю, никуда не годится». – «А у тебя, – говорят, – свой путик, тебе хорошо, отдай в колхоз свой путик и будешь понимать бедняков». – «Все отдам, – говорю, – в колхоз, что получаю с путика, но путика отдать не могу, с путиком моим никто обращаться не может, этому меня деда, прадеды учили, путик – это мое нутро».

– Молодец! – ответил Михаил Иванович. – Я сам тоже такой и тоже в наш колхоз вошел со своим путиком.

Тут Мануйло, наторевший в своих сказках, сразу понял, что Михаил Иванович о себе эту притчу сказал: что и он, как и всякий человек, с чем-нибудь, а не с пустыми руками на службу пришел.

Еще заметил Мануйло и тоже не придал этому никакого значения, что Михаил Иванович незаметно вынул из кармана своего серого простого пиджака горсточку семечек и раздумчиво начал их шелушить.

– Как же так? – подумал Мануйло. – К чему же выводит эта притча о своем путике?

И только хотел попросту об этом спросить, вдруг Михаил Иванович сам его спрашивает:

– Расскажи мне, Мануйло, как вы там на севере живете, какие леса, много ли в лесах птицы и зверя?

– Зверя, – ответил Мануйло, – ходит в лесах довольно, и птица гремит, только лесам и людям от войны плохо: лес захламлен, а жизнь заела пила.

Такое счастье выпало Мануйле, что Михаил Иванович вздумал в беседе с ним отдохнуть. Мануйло завел длинную историю о том, каким мастером на севере был прежний лесоруб. Великий мастер, истративший всю жизнь на мастерство топора, может в день свалить и отработать сто кубометров. Но вот явилась на Пинегу пила, и две неученые женщины, без всякого особенного даже виду, могут в день отмахнуть семьдесят пять. А мало ли теперь из-за войны явилось свободных женщин. А еще и то надо в расчет взять, что принялись хороших работников из мужчин и женщин награждать: наградят мужика – он портится, наградят бабу – она еще лучше работает. Так вот пила и заела все мастерство топора.

– Ну, а чем лесу из-за пилы плохо? – спросил Михаил Иванович.

– Тем плохо, что все одинаково, мужики и бабы, топор и пила, спешат, выбирают только хлысты, а верхушки бросают. Хлам этот гниет, закоруши поедают здоровые деревья.

– Что же делать? – спросил Михаил Иванович.

– Вам лучше знать, Михаил Иванович, – ответил Мануйло, – если можно, скажите мне, вы знаете.

– Да, я знаю, – сказал Калинин, – нужно войну кончать!

Услышав эти слова, Мануйло, дрогнув, оглянулся на дверь.

И Михаил Иванович, поняв простого человека со всей его «государственной тайной», тем самым голосом, каким с простыми людьми говорят о тайнах этих, тихонько сказал:

– Ты пока немного поддержи язык за зубами...

И сказал тихим голосом «тайну».

Вот из-за этого-то Мануйло и запретил себе думать о своей встрече в Кремле. Он знал хорошо: если дать мысли свободу, она неминуемо обратится в сказку, а там непременно явится друг, кому одному только на свете все можно сказать, и тогда

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сказку в себе не удержишь.

Сказал же Михаил Иванович только одно, что через какой-нибудь месяц война кончится, и немца мы победим окончательно, что тогда об охране лесов заговорят совсем другим голосом.

– Ты вот, Мануйло, – спросил Михаил Иванович, – скажи мне, есть ли еще там в ваших местах такие леса, чтобы вовсе еще не видали топора. Я сам вырос в лесах, но какие наши тверские леса! А теперь я: полжизни в тюрьме, полжизни в делах правлю, и другой раз тянет куда-то в невиданный лес. Сам не знаю, чего это тянет, кажется, будто далеко ушел, а что-то самое дорогое, самое нужное человеку там оставил. Вот и тянет и тянет в такой лес, чтобы зверь непуганый ходил и птица на свободе гремела.

– У нас на Пинеге, – ответил Мануйло, – леса все обобраны и захламлены. Но подальше в немеряных лесах есть Корабельная Чаща.

– погоди! – остановил Михаил Иванович.

И, взяв трубку, распорядился, чтобы чай был и еда. Опять Мануйло покосился на дверь, как она открылась и как она закрылась, – такая дверца!

– Ну хорошо, ты сказал Корабельная Чаща, а скажи, как же в нее попадать и какая она? Кушай, друг мой, рассказывай, сколько ты хочешь.

И Мануйло, забыв совсем про государственную дверь, начал рассказывать, как всегда; чтобы выходило правдивее, по-своему, мерно раскачиваясь.

Издали начал Мануйло:

Речка Черная и речка Белая – две сестры,
Черная речка скорее сбегает в Пинегу,
И оттого Белая сестра сильно спешит.
Есть маленькая птичка на севере, и у птички маленькие лапки.
По берегу Черной речки бегают птички.
Речка сбегает, и на песке остается от лапок строчка,
За целый день на берегу Черной речки целая страница.
А на Белой речке вода прибывает, и тоже бегают птички.
Но каждая строчка на Белой уходит под воду.
И все оттого, что Черная сестра спешит.
И Белая еще больше спешит и хочет нагнать сестру свою.
– Можно дальше, Михаил Иванович? – спросил Мануйло, – вы слушаете?

– Очень хорошо, – ответил Калинин, – очень люблю. Ты, Мануйло, поэт! Только скажи, куда ты ведешь?

– Веду я, – ответил Мануйло, – сначала на Пинегу.

Там на слуде стоит монастырь.
Пятнадцать верст не доедешь –
И видко!
И пятнадцать верст переедешь –
Все видко!
Под высокий берег уходит вода,
И под землей идут карбасы,
А наверху зеленые пожни,
На пожнях люди косят, –
До чего высокий берег!
Обрывы и скалы!
Красные и белые гривы:
Из белого жгут известь,
Из красного детям свистульки.
А в воде много рыбы.
И есть рыба лох, икра у лоха крупная.
– Вы слушаете, Михайло Иванович?

– Милый мой, – ответил Михаил Иванович, – ты настоящий сказочник, и мне после нашей правды так хорошо отдохнуть.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Мануйло от этой похвалы чуть-чуть смутился и сказал:.

– Нет, Михаил Иванович, – ошибаетесь, это у меня так выходит, а я сам всей душой хочу сказать правду истинную, для того и говорю, чтобы слушали и верили.

– Правду истинную! – повторил Михаил Иванович, – а ты знаешь, что это есть правда истинная?

– Знаю, – ответил Мануйло, – это есть слово такое.

И, увидав, как изумился Михаил Иванович, стал подробно рассказывать, как лежал он в лазарете с Веселкиным и как Веселкин в отрывном календаре прочитал, что сказано там о будущем: Россия всему миру скажет новое слово, и слово это будет правдой.

– Вон оно что! – обрадовался чему-то Михаил Иванович и, вернув семечки себе в карман, взялся за яблоки. – Ты-то сам, – спросил он, – знаешь это слово?

– Нет, – ответил Мануйло, – знать – где мне? А попытка не пытка: вдруг как-нибудь придется – и скажу. А вы как, знаете?

– Сам, – ответил Михаил Иванович, – не знаю, – а слышу со всех сторон: к этому все идет, все говорят о мире во всем мире.

– Это и есть слово правды?

– Какая же это правда – о мире во всем мире говорят всюду, а во всем мире война. Наше слово придет, когда настоящая жизнь сложится.

– А что есть настоящая?

– Коммунизм! – ответил Михаил Иванович. – Но мы еще к этому вернемся. А сейчас расскажи мне о той Корабельной Чаще, где зверь ходит и птица гремит.

– Кто знает! – смутился Мануйло. Чащи теперь, может быть, и нет, и я тому сам виной.

– Как же это?

– А так было, что Веселкин этот, человек без правой руки, и душа его горит огнем, хочет нашему делу и без руки послужить, и я ему про эту рощу в немеряных лесах и сказал, что люди там ее почитают как святыню. Он же ответил, что кому богу молиться надо, тот может везде молиться, а дерево все равно пропадет от червя или от пожара. Вот он это и взял себе в ум: такое дерево, говорит, нам до зарезу нужно на фанеру для авиации..

– Эх, ты! промахнулся, Мануйло! В наше время такие заповедные чащи надо охранять и, где нет лесов, – насаждать, а мало ли чего можно у нас найти на фанеру! Скажи, чем же уж так особенно хороша эта корабельная чаща?

– Чем хороша? – сказал Мануйло. – А вот чем. – В народе говорят, что в еловом лесу надо трудиться, в березовом лесу – веселиться, а в сосновом бору – богу молиться.

– Ну, и что же?

– А вот это и есть в Корабельной Чаще, что деревья стоят там часто, даже и стяга не вырубишь. Одно дерево к одному и все как в золоте: до самого верху ни одного сучка не увидишь, все вверх, вверх, и тебя тоже тянет отчего-то вверх, только бы дали собраться – и улетел бы. А внизу белый-белый олений мох и так чисто-чисто. Руки вверх на полет поднимаются, а ноги подкашиваются. И как станешь на белый ковер на коленки – сухо-сухо! И мох даже хрустнет. Стоишь на коленках, а земля тебя сама вверх поднимает, как на ладони.

– Эх, Мануйло, – покачал головой Михаил Иванович, – зачем же ты говорил об этом Веселкину?

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru – Я же сказал сейчас: лететь хочется, а приходится стать на коленки. Посмотрели бы вы сами на Веселкина, и вы бы не устояли, до того он дышит правдой. Мне же самому больше всех туда хочется, в эту Чашу. А как я услышал Веселкина, так и Чаша стала мне вроде сказки. И я Чашу свою за правду отдал, и вы бы, Михаил Иванович, тоже отдали.

– О мне-то и говорить нечего, – сказал Михаил Иванович, – я с жизнью своей повел себя, как ты с Чащей: половину в тюрьме отсидел, половину – в делах. Только все-таки, если не поздно, найди ты Веселкина и шепни ему от меня...

– Слово? – спросил Мануйло.

– Не то самое, о чем ты думаешь, а близко. Мы говорим: «мир во всем мире». Вот война кончится, и начнет это слово «мир» воевать. Ты еще не совсем верно понимаешь меня, но сейчас поймешь. У вас на путиках вырубает каждый полесник свое знамя. Какое знамя оставил тебе отец на своем путике?

– Наше знамя – Волчий зуб.

– Так вот поставь знамя на всем человеческом пути не Волчий зуб, а слово «Мир во всем мире», и это будет знамя всего нашего Союза.

На этом разговор бы и кончился, Мануйло заметил: Михаил Иванович стал думать о чем-то другом. Но как уйти, раз уж зарубил себе это, чтобы спросить на расставанье. И Мануйло спросил:

– О нашем разговоре, Михаил Иванович, мне на всю жизнь хватит думать. А только осмелюсь спросить вас, как вы тогда сказали о своем путике: притча это, или же и у вас в старое время полесники тоже промышляли на путиках?

– Притча, – ответил Михаил Иванович, вставая. – Я был деревенский мальчишка, ну, и подружился с господскими ребятами: хорошие были ребята, народники, и тоже все о правде говорили, искали путей, как жить по правде, а сами жили в усадьбе – и спорили тоже о том, что есть правда. Очень они мне полюбились, но их правда с моей как-то не сходилась. Мне просто хотелось, чтобы все наши деревенские мужики могли бы так хорошо, как они сами, книги читать, о правде спорить, на досуге. Вот я на этот самый простой путь для человека и стал и всю жизнь этого путика своего держался: полжизни в тюрьме провел, полжизни – в делах. А когда мне доложили, что ты в Москву прибыл на защиту своего путика, я вспомнил этот свой путик,

Так и было с Мануйлой, что пришел его час в становой избушке на лавке под густым пологом черного дыма. Все вспомнилось и сразу же перешло в дело: надо немедленно идти спасать Корабельную Чашу, по пути найти маленьких людей и доставить их к отцу.

Часть одиннадцатая

Корабельная чаша

Глава тридцать шестая

Бывают ли еще где-нибудь в мире такие разливы весной, как у нас? И что главное в таких огромных переменах – это, что каждое живое существо, даже крот какой-нибудь, даже мышь, вдруг становится вплотную перед своей судьбой. Казалось каждому раньше, что шел по жизни с песенкой, и вдруг все кончено, песенка спета. Теперь хватайся за ум и спасай свою жизнь!

Так было в ту ночь, когда вдруг из лесов бросились реки и вся присухонская низина сделалась морям. Тогда из Сокола в Котлас на всех парах мчался буксирный пароходик с начальниками, хорошо знавшими Мануйлу по прежним сплавам.

Какой тут мог быть разговор о каких-то своих маленьких частных делах, когда реки поднимают и выпирают лес в глубинных заламах, когда даже все служащие в той же Верхней Тойме, бывало, и сам прокурор с баграми в руках спешат на помощь бурлакам.

Поняв общее положение, Мануйло быстро стащил ялики товарищей охотников в свой незатопляемый шалаш, и начальники без всяких разговоров увезли Мануйлу на Верхнюю Тойму спасать запонь от нажима глубинного залама.

А дети остались на широком разливе, как сироты, на милость народа. Когда же они на своем плоту с потоком круглого леса попали в прорыв запони на Двине, ночью их подобрал пароход «Быстров» и передал в контору лесной биржи на Тойме Нижней, а не на Верхней, где был Мануйло. Тут-то и раскрылось, что месяц тому назад их отец, Василий Веселкин, сержант с подвязанной, рукой, с особыми полномочиями по части выбора леса для авиационной фанеры, направился в немеряные леса вблизи Мезени, в заповедную Корабельную Чашу.

И сошлось дальше, что в то самое время, когда Мануйло шагал по сузему к своему путику за Пинегой, Митраша и Настя ехали туда же на Пинегу, на одной лошадке-«ледяночке». Их хорошо снабдили продовольствием, дали указания с точными приметам, как им найти заповедный лес. В верховьях Пинеги они сдали куда следует свою «ледяночку» и пошли вперед, в Коми, где по общей тропе, где охотничьи – лутиками, оставляя в чутком суземе загадки своими следами.

Поначалу казалось им просто идти по общей тропе: лес и лес: в лесу же они выросли. Но вдруг оказалось, сузем совсем не то, что у нас называется лесом.

Взять каждое дерево, каждую птицу – и оказывается: в суземе все живет по-своему, все растет и поет не как где-то еще в детстве мы слышали и по-детски как бы раз навсегда поняли.

Кукушка в нашей природе печальная птица, и особенно это чувствуют люди, когда прилетает кукушка на неодетый лес.

Кажется, ей у нас не хватает чего-то самого дорогого, из-за чего, может быть, и существуют на свете кукушки.

У нас «ку-ку!» звучит безответно, и оттого сам вникаешь в эту птичью печаль и, когда песня кукушки кончается, думаешь: «Улетела кукушка туда, – где все кукушки живут».

А теперь тут вот она и есть, та самая страна, где все кукушки живут.

Каждая кукушка заманивает куда-то и тут же обманывает: идешь, идешь, а там нет ничего – все те же елки страшные, колючие, и нога утопает в долгом мху.

Идешь, идешь, и вот засветилось окошечко, подумаешь: сейчас отдохну на поляне. А это, оказывается, с бугорка показался на небе просвет. Не удастся даже и поглядеть с бугорка на море лесов, темными лесами, ничего не видя, так и спустишься в низину, и там опять другая кукушка заманивает, обещает и все обманывает и обманывает.

Вот отчего скорей всего и дивились прохожие загадочным детским следам в долгомошнике: каждого, наверно, хватала за сердце мысль о том, что вот бы так свой собственный ребенок да попал бы тоже в сузем и ходил бы в нем в поисках выхода.

Может быть, и так повертывалась мысль человека военного времени, что иным детям и выйти-то некуда, если отец был убит, а мать умерла с горя.

Но уж, конечно, никому в голову не могло прийти, разглядывая следы, где на песочке у ручья, а где в моховых примятинах, что это следы детей, идущих действительно в суземе к своему родному отцу.

Было раз, кто-то из пешеходов захотел напиться в стороне от общей тропы в «Незакрытом колодце» и крикнул оттуда:

– Подите, подите сюда!

Прохожие завернули к колодцу и сами тоже удивились: «Незакрытый колодец» теперь был закрыт.

А внизу, на размытой водою земле, были отпечатки маленьких ног.

– Хорошие дети! – согласились между собой все прохожие.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru И еще было раз тоже, тропа шла тропой вперед, а ножки детей свертывали. Этому никто не подивился: мало ли зачем по нужде надо бывает свернуть человеку с общей тропы. Но когда потом те же следы опять вместе вышли на тропу, кому-то захотелось понять, зачем это нужно было свернуть детям с общей тропы.

И вот что, разобрав жизнь в лесу, понял следопыт.

У каждой тропы общей в суземе есть своя особенная жизнь. Конечно, если густо кругом и видишь тропу только у себя под ногами, то ничего не заметишь. Но бывает, давно на веках сбежала вода, лес как бы разорвался, заболоченная низина сохла, и на ней осталась на далекое видимое пространство тропа человеческая.

Какая же это красивая, сухая, белая тропа, сколько на ней чудесных изгибов. И вот что всего удивительнее: тысячи людей, может быть, в тысячах лет шли среди них, может быть, не раз проходили и я и ты, мой друг дорогой, но не я и не ты один являемся творцами этой тропы. Один шел, другой обсекал этот след с носка или с пятки. То удивительно, что весь прошедший человек не вывел общую свою тропу, как рельсу, прямо. Но у общей тропы, извилисто красивой и гибкой, сохранился особый характер, и это не мой характер и не твой, мой друг дорогой, а нового какого-то, созданного нами всеми человека.

Мы все, кто ходил по еловому лесу, знают – корни у елки в землю не погружаются, а прямо плоско, как бы на блюде, лежат. От ветровала обороняются рогатые елки только тем, что одна оберегает другую. Но как ни оберегай, ветер свой путь знает и валит деревья без счету. Часто падают деревья и на тропу. Перелезть дерево трудно, мешают сучья, обходить не хочется: дерево долгое. Чаще всего прохожие вырубают то самое в дереве, что мешает прямо идти всем по тропе. Но был случай, дерево легло слишком большое, и возиться с ним никому не захотелось. Тропа завернула и обошла кругом дерево. Так это и осталось на сто лет: люди привыкли делать необходимый крюк.

Теперь скорее всего вышло так: кто-нибудь из детей шел впереди и сделал этот крюк, а другой увидел его прямо перед собой на другой стороне и спросил себя: «Зачем же люди делают крюк?» Поглядев вперед, он увидел: след на земле пересекает тропу, как тень огромного дерева, хотя вокруг нигде не было таких великанов. Когда же он подошел к этой тени, то увидел, что это не тень, а труха от сгнившего дерева. А люди ходят по привычке: сто лет ходили по тени и труху принимали за преграду. Ребята теперь перешли через труху и своими-следами вернули всех на прямой путь.

– Ребята не простые, – сказали прохожие, – это умственные ребята идут.

Загадка, о детях, идущих куда-то далеко в суземе, росла еще и потому, что все, кто шел и вперед и назад, следы детские видели, но никто из идущих ни с той стороны, из Коми, ни отсюда, с Пинеги, самих детей не видал, не встречал.

А все было оттого, что Митраша и Настя внимали совету добрых людей: всяких встреч избегали, и, чуть слышат шаги или голоса, уходят с тропы, и, невидимые, затихают.

Так они все и шли и шли потихоньку, ночуя, когда доведется, в лесной избушке, а то и у нудьи, как здесь говорят: «На сендухе».

Раз было пришли они к речке какой-то, и очень ей обрадовались, и решили тут ночевать, у нудьи.

По эту сторону реки на берегу высоко был какой-то старый огромный лес, переспелый, там с табачными суками, там полугрудник, и в трещинах. Небольшое строение, почти разваленное и с большими нездешними окнами, показывало, что тут начиналась лесорубка когда-то и даже устроена была эта контора. Но лес оказался порочным, и рубка была брошена. Так он и, остался цел, этот девственный лес, из-за того, что был испорчен трещинами мороза и расклеван птицами в поисках червей.

На той же стороне реки была бесконечно светлая рада с мелкой сосной по болоту, и оттуда доносились первые чуфыканья и бормотанья вечеряющих тетеревов.

Митраша сказал Насте:

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Давай, Настя, не будем заводить нудью: мы сегодня очень устали, не хочется что-то возиться. Погляди, везде тут перья: утром сюда прилетят тетерева, тут скорей всего ток. Давай нарубим лапнику и сделаем себе шалаш. Может быть, утром я убью черныша, и мы себе сварим обед.

– Только, лапнику нарубим, – ответила Настя, – на подстилку, и не нужно нам шалаша: переночуем в домишке.

Так и решили.

К тому же в домике оказалось много прошлогоднего сена, а в сене можно спать и в мороз.

Как раз против окошка пришелся закат, и красное солнце садилось в сурадьа, а внизу все перенимала по-своему река, и отвечала на все перемены цветущего неба вода...

Как и думал Митраша, перед закатом прилетел стой стороны токовик сел на ветку против самой избушки и, сделав свое обычное приветствие природе по-тетеревиному, пригнул голову в красном платочке к самой ветке и надолго забормотал.

Можно было понять, что токовик звал с той стороны сюда весь тетеревиный народ, но, вероятно, они чуяли возможность мороза, не хотели тревожить самок, сидящих на яйцах.

Весь тетеревиный народ вразброд по великому сурадью оставался на местах. Но каждый косач с места ответил токовику, и от этого началась в суземе своя особенная для всех прекрасная колыбельная песнь.

Тысяча людей в тысячах лет слушали эту колыбельную песнь природы, и все понимали, к чему эта песнь, но никто о ней не сказал твердого слова.

Но вот пришла война такая ужасная, каких не бывало от начала века, и теперь, на войне, умирая Или радуясь тому, что жив остался на свете, многие поняли колыбельную природы и в ней ее вечный и главный закон.

Мы все знаем этот великий закон всей жизни: жить всем хочется, и жизнь хороша, и надо, непременно надо жить хорошо, жизнь стоит того, чтобы жить и даже страдать за нее.

Песня эта не новая, но, чтобы по-новому принять ее в себя и об этом подумать, нужно послушать, как в северных лесах на заре красивые птицы, увенчанные красным огоньком на голове, на утренней заре встречаются с солнцем.

В этой колыбельной песне суземных сурадий есть для человека намек на то время, когда в молчании растительной жизни шумел только ветер, но еще не было никаких живых голосов.

Время проходило в молчании живых существ. Стихая, ветер иногда передавал свой безобразный шум задумчивому журчанию бесчисленных родников и ручьев. И совсем незаметно когда-то и мало-помалу родники и ручьи передали свои звуки живым существам, и они сотворили из этого звука колыбельную песнь.

Кто хоть раз в своей жизни слышал, ночуя на воздухе, эту колыбельную песнь, тот и спать будет так, будто и спит, и все слышит, и сам тоже поет.

Так было и с Митрашей. Устроив Насте из сена и елового лапника хороший ночлег, он сел на что-то у окна. Когда прилетел токовик, он, конечно, не стал его стрелять: если не сегодня, то завтра непременно этот токовик созовет сюда множество птиц из сурадий.

Солнце, небо, заря, река, синее, красное, зеленое – все по-своему принимали участие в колыбельной песне всего горизонта бесконечных сурадий. А кукушка вела свой счет времени, но не мешала и оставалась неслышной, как маятник в комнате.

Это была светлая северная ночь, когда солнце не садится, а только на время затаивается, чтобы только переодеться в утренний наряд.

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Солнце долго шурилось, как бы не решаясь оставить даже на короткое время этот мир без себя. Даже когда оно и совсем скрылось само, на небе от него остался свидетель жизни: большое малиновое пятно. Река небу ответила таким же малиновым пятном.

Небольшая заревая птичка на Самом верху высокого дерева пересвистнула нам о том, что солнце там, где она видит, переодевается и просит всех помолчать.

– Прощайте!

И все кукушки, и все сурадя замолчали, и от всех звуков на воде осталось только малиновое пятно, соединяющее вечер и утро.

Сколько времени так прошло в молчании, с одним только малиновым пятном на реке, никто бы не мог сказать: все, наверно, немного вздремнули.

И вдруг Митраша услышал с той стороны, со всех сурадий, великий, торжествующий крик журавлей:

– Победа!

Сорвался с оживающего солнца первый золотой луч.

– Здравствуйте! – чуфыкнул токовик..

Со всех сурадий в ответ токовику чуфыкнули черныши, захлопали крылья, и, появляясь каждую минуту, все новые и новые птицы представлялись токовику и всем подпрыгивали и выговаривали по-своему одно и то же свое:

– Здравствуйте!

Холодней всего во всей ночи и дне бывает, когда солнце восходит, и, наверно, это бывает просто от холода; но нам кажется, будто тетерева из особого трепета птичьего перед царем природы склоняют свои головы, украшенные красным цветком до самой земли. Они не прыгают, не чуфыкают, а ту же самую вечером баюкающую песнь теперь повторяют, как почтительное приветствие солнцу.

Встреча солнца кончается сигналом токовика, призывающего к бою:

– Крэке!

Тогда сотни красных огней на головах, белых хвостовых и черных, лирами, – радужно отливающих в свете восходящего солнца перьев, соединились в живом радостном трепете.

«Разбудить бы Настю, – подумал Митраша, – у нас таких токов не бывает».

И, прошептав ей что-то на ухо, приподнял и показал.

Настя никогда не видала токов и тихонько спросила:

– Что они делают?

Митраша, усмехнувшись девочке, ответил:

– Кашу варят.

И как мы, бывает, чуть подумав, сказал про себя: «Ничего особенного».

Тетерева мало испугались Митрашиного выстрела и принялись опять не то солнцу, как богу молиться, не то кашу варить.

Трудно было оторваться от зрелища боя, но время пришло, и в солнечном тепле у своего костра брат и сестра начали хозяйствовать: щипали птиц, потрошили, жарили и кашу варили из своего пшена.

Глава тридцать седьмая

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Когда долго в суземе идешь, о чем-то своем думаешь, и вдруг захочется выйти из себя и поглядеть, что же делается на свете без меня. Тогда первое, чему удивишься, это что не ты, а деревья идут мимо тебя.

Да и как идут-то бойко!

– Настя! – сказал Митраша, когда завечерело, – тебе не кажется так, будто не мы идем, а деревья сами идут мимо нас.

– А как же, – ответила Настя, – это всегда кажется. – Да и как еще кажется, – сказал Митраша, – эти деревья, что к нам поближе, скоро идут, а подальше от нас – потише, и чем дальше от нас, все тише и тише.

– А вон звезда, и я смотрю на нее, она все на месте, и, сколько мы ни пройдем, она все останется на своем месте.

– Кажется, – она впереди нас идет и путь нам показывает.

Подумав немного, Митраша еще сказал:

– Как это может быть, чтобы сейчас показалась звезда: здесь, на севере, небо всю ночь остается светлое. Это скорей всего не звезда. Где она, покажи!

Насте показывать было нечего: звезды больше не было, звезда потерялась.

– Это ты выдумала, – сказал Митраша.

И в то же самое время вдруг сильный порыв ветра зашумел по деревьям, и в лесу стало темно.

Тогда все стало понятным: тучи кругом закрыли небо, стало настолько темно, что в какое-то окошечко на небе показалась звезда. А пока о ней разговаривали, окошечко закрылось и зашумел ветер.

И как еще зашумел!

Никто не знает в наших обыкновенных лесах, как шумит ветер в суземе.

Но почему же так вышло, что наши маленькие странники вздумали выйти на ночь глядя куда-то еще дальше в дремучем суземе?

Это несчастье случилось оттого, что по плану, начертанному еще в Нижней Тойме, последняя росошина реки Коды должна была уйти под лето.

Так оно и было. Пришла последняя росошина, ее проводили под лето, через это странники уверились в близком достижении цели и поспешили идти на северо-восток.

В пятистах шагах по общей тропе стоит белый столб, и черным по белому на нем начертан крест. Это означает, что с этого места начинается область Коми, – область немеряных лесов, и все реки отсюда текут не в Двину, а в Мезень.

Так оно и пришлось: был белый столб, и родники струились из-под ног в ту сторону. Общая тропа отсюда уходила влево, и надо было дойти до зарубки на дереве, изображающей знамя старинного путика – Воронья пята.

Пришли к Вороньей пяте в пять рубышей и свернули на путик.

Теперь по плану надо было идти по путiku до тех пор, как не послышится голос речки, текущей в Мезень, речки Порбыш.

Вот тогда-то завечерело, и начался спор о звезде: была она или это так показалось.

Сказано еще было в плане, что как послышится говор речки, то не надо больше держаться тропы – зачем она? Надо бросить путик, идти прямо на говор к реке и берегу до кладочек, перейти их, и тут близко от берега будет тот самый прудик, где живут народные любимцы – вьюн и карась. У прудика этого чистого лежит даже плица, чтобы зачерпнуть воды напиться или сварить себе что-нибудь. На горе стоит

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru избушка, и в ней всегда прохожий оставляет сухие дрова, лучинку и спички. И эта избушка – последняя на пути в Корабельную чащу. С этого места надо подняться на три горы (три речные террасы), и наверху будет заповедная Корабельная Чаща.

Когда стало вечереть, Митраша и Настя шли и силились слушать тишину: не услышат ли они звуки редки.

Правда, не ночевать же на сендуже, когда остается только чуть-чуть пройти. Вот отчего в напряженном ожидании говора речки и стало показываться, будто деревья навстречу идут и звезда где-то вдаль указывает путь.

Еще бы совсем немного, только бы услышать говор реки, направленный к нашей душе, но ветер перехватил голос воды и разбросал мирные звуки в шуме лесном.

Тогда-то вот в лесу наступила тьма кромешная, из-под ног исчезла тропа и хлынул дождь.

А что это северный лес, если нет у тебя под ногой тропы человеческой? Эти огромные выворотни, замшелые от времени, обращаются в медведей, и каждый ревет.

Попробуй крикнуть, друга позвать чудесным нашим родным словечком: «Ау!»

И словечко сейчас же вернется к тебе, бессильное, ничтожное и смешное.

Мало того, что вернется, оно раскроет тебе, что в ту сторону, куда ты позвал, на двести верст тундра, и на ней разберешь только какие-то кустики, самородные грядочки, и на грядочках этих морошка, и больше нет ничего. А в другую сторону будет еще глуше.

Только, только упусти из-под ног тропу человеческую, и ты пропал.

И дети ее упустили...

Глава тридцать восьмая

Высокий берег реки был везде высокий и поднимался над водой и лесами тремя речными террасами. Но там, где заканчивался путик Воронья пята, над охотничьей избушкой берег выделялся особенной высотой перед всеми горами реки, и вся эта местность вокруг называлась всегда у полесников Три горы.

Первая ступень террасы, или первая гора, называется Теплой. Можно подумать, она из-за того называлась Теплой, что росли по ней больше все березы и отсюда полесники брали себе дрова и обогревались. Но скорей всего не за это гора была названа Теплой, а что самой роще на этой горе было тепло: тут ветер северный, ударяясь в стену, останавливался, деревья росли в теплом угреве.

Вторая гора речной террасы называлась Глухой – все из-за того же самого, что ветер у той стены замирал. Неплохая тут, в заветрии, поднималась роща, но несравнима она была с дивной Корабельной Чащей на широком открытом плоскогорье Третьей горы. Тут-то вот старики полесники наставляли сыновей и внуков примером из жизни природы: в теплом заветрии вырастали деревья кое-какие, а на Третьей горе, на свободных ветрах, выросла неслыханной мощи Корабельная Чаща.

– Так вот, детки, – говорили старики, – не гонитесь поодиночке за теплым счастьем: эта погоня за теплой жизнью не всегда приводит к добру.

Ребята из-за резвости своих лет плохо слушали стариков, делали, однако, вид – соглашались. И, только чтобы голос подать, от себя говорили:

– А ежели не гоняться за теплой жизнью, то чего же нам еще достигать?

Старики и этому вниманию радовались, им бы только за что-нибудь ухватиться и выложить перед молодыми правила их жизненного опыта.

И показывали опять на Три горы, где в теплом заветрии выросли хилые рощи, а на большой горе, на свободных ветрах, поднялась первая в мире Корабельная Чаща.

– Смотрите, – говорили старые люди, – такая тесная Чаща стоит, в ней стяга не вырубись, и дереву тут даже и упасть нельзя: прислонится и стоит. Такая Чаща

Глаза земли. Корабельная чаща. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru выстоит против всякого ветра и сама себя обороняет.

– Дерево нам не пример, – защищались молодые, – дерево стоит, а мы достигаем.

– Ну да, – отвечали старшие, – достигаете! дерево тоже достигает: растет. И мы, люди, не только гоняемся, а тоже за что-то стоим.

И, подумав немного, так еще говорили:

– Мы тоже не против хорошей жизни, только мы стоим за то, чтобы жить хорошо и трудиться, а не гоняться в одиночку за счастьем: вон глядите, одинокое дерево продувает и в заветрии за Теплой горой, а в Корабельной Чаще каждое дерево стоит за всех, и все деревья стоят за каждое. Поняли?

– Поняли, – отвечали молодые, скрывая улыбку.

Конечно, молодые люди тоже понемногу старели, и многие вспоминали потом слова отцов и дедов своих, но вспоминали все реже и реже.

И так, мало-помалу все задремало в суземе. Вот отчего, может быть, и чудится в каждом великом суземе при первом взгляде на море лесов: кажется, будто когда-то сам тоже вышел отсюда и здесь где-то свое самое дорогое и задушевное забыл.

И тянет туда снова пойти, поискать забытое.

Приходит новый человек в Корабельную Чащу – и все ему дивно кругом и кажется: вот он когда-то давно тут был и что-то забыл, а теперь все нашел и будет жить по-новому. Даже и слова вспомнит старинные: «Не гонитесь поодиночке за счастьем, а стойте дружно за правду».

Вспомнит, обрадуется и тут же, в тепле своего огонька, забывается и дремлет.

А Корабельная Чаща стоит и стоит.

И каждый новый, кто приходит сюда, непременно, взглянув на нее, что-то вспомнит свое прекрасное и через короткое время тут же все забывает.

Об этом поет тетерев на заре, ручьи – все об этом: чудесно в природе!

У Мануйлы были в памяти такие тропочки, пробитые оленями, и такие особенные свои затесы на деревьях, что он мог ходить по сузему много скорей, чем все ходят в суземе до общей тропе. Ему бы только хлеб за спиной в мешке, а ветер, и холод, и зверь ему были не страшны.

Теперь ему казалось, будто идет он совсем каким-то новым путем и к чему-то еще небывалому, а когда встречал свои же собственные затесы и замеченные оленьи тропочки, то сам себя спрашивал:

– Как же это я тогда, еще глупый, не видя ничего впереди, мог верно замечать свой будущий путь?

И, очнувшись, сам себе улыбался, как маленькому, и повторял сам себе, как ребенку:

– Вот оно что!

В том смысле скорей всего он повторял эти слова, что, как бывало, на своем пути, дедовские приметы складывались с чем-нибудь своим, замеченным только сейчас и небывалым. Так радостно было себя самого новым человеком находить в заветах отцов, что он всегда дивился и говорил сам себе, как ребенку:

– Вот оно что!

Теперь было тоже так: шел он к чему-то совсем новому и небывалому, а свои же заметки были все старые, о чем-то очень далеком, и как будто в прошлом он был совсем другим человеком.

Как бы там ни было, но этими своими заметками, затесами и оленьими тропками под

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru сильным дождем и в буре он пришел к реке в то самое время, когда дети потеряли свою звезду и с ней выпустили из-под ног тропу человеческую.

По знакомым кладочкам он перешел речку, поднялся к пруду, где жили вьюн и карась, поднялся еще повыше, к избушке, окруженной березками.

В темноте, даже не высекая огня, он нашел в печном челе лучинки и спички, оставленные, как полагается на севере, последним, кто здесь ночевал, для того неизвестного, кто придет после него.

Тут были и сухие дрова заготовлены все для неизвестного, и теперь он, сам неизвестный, пришел и зажигает дрова, и добро того человека обращается в огонь для другого, и он, голый, развесив мокрую одежду, обогрывается.

Хорошо на душе! И кажется, откуда-то слышится голос другого хорошего человека:

– Это я оставил тебе после себя пучок сухих лучинок и спички. Я же там, возле пруда, срубил тебе беседку. Теперь возле лавочки выросли березки.

Черный дым валит из чела, поднимается вверх и там останавливается, и мало-помалу избушка наполняется плотным дымом сверху все ниже и ниже.

Когда дым спускается так низко, что черное небо его висит над самой головой голого человека и еще бы немного – и он в нем задохнется, голый человек с распаренным телом снимает одежду и, укрываясь ею, ложится на лавку против печного чела.

Черное небо теперь больше не низится, нет больше и пламени, но раскаленный камень глядит на человека большим красным глазом, и от него дышит тепло, и человек тепло этого камня принимает себе, как добро.

Тогда кажется на земле все так просто.

Никакого другого и нет добра на земле, как что один человек сделал для неизвестного друга, и этот, благодарный, принимает и завтра тем же самым отблагодарит какого-то другого, ему не известного.

Человеку пожилому трудно сразу заснуть, да и не хочется. Черным теплым одеялом висит над собой дым, а глазам никак не хочется сомкнуться, – до того привлекает темно-красное пятно в темноте и великое дыхание добра.

Может быть, и покажется иному человеку из большого города, что он там где-то, в большом городе, блуждал и тут, спасенный рукою другого у этого огня, нашел свой дом, и ему бы захотелось вернуть человека к этому добру первоначальному...

Мануйло не закидывался такими мыслями, он глядел на огонь, и жизнь в большом городе глядела на него тем же огнем добра человеческого: этот огонь ему представлялся огромным костром, и на нем, как в большой кузнице, железо от руки человека переходило в добро.

И если бы ему показать то, от чего мы страдаем в большом городе и от чего нас иногда тянет к огню первобытному, он бы очень удивился, но, скоро вспомнив, как он радовался сухим лучинкам и спичкам в курной избе, сказал бы: «Вон оно еще когда началось!»

Спать в охотничьей избушке – это почти что спать на воздухе: все слышно, и сон, конечно, сном идет, а что слышится – рядом идет, и понятно: то сон, а то жизнь.

Были крики, были стоны в лесу, и одно время было совершенно так, будто ребенок звал маму, а в ответ ревели медведи. И до того было явственно, что, ночуй человек впервые в суземе, он бы неминуемо подумал – ему скорей надо встать, искать младенца в лесу и биться с медведями.

Но все это, как привычное для Мануйлы, проходило рядом с чем-то другим. Когда же буря начала стихать, Мануйло и этого не упускал в своем сне. После полуночи и ближе к рассвету лес передал свой голос реке.

Этот переход от голоса леса к голосу реки для спящего человека был все равно,

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как спал бы он на колючих и подвижных вершинах темного леса и вдруг улегся на светлое, покойно-ленивое летнее облако. И слышно оттуда, как в тихом лесу люди переключаются своими голосами и как река внизу с кем-то переговаривается на стороне человека.

До того явственно отделялись слова человека, что Мануйло вскочил, оделся, взял ружье, вышел.

Заря занималась, река отвечала заре, а по черным кладочкам реку переходили знакомые Мануйле мальчик с длинным ружьем и за ним девочка со складной палаткой.

Но возврата нам нету, и дом наш не у костра в заповедном лесу, не позади, а весь – впереди.

Глава тридцать девятая

Земля под Корабельной Чашей не стояла плоским – полом, а катилась зеленовато-белыми, похожими на лунный свет увалами. На ходу эти увалы оленьего моха для ног были почти незаметны, но глазам казалось, будто перед тобой одна в одну переходят волны лунного света. Смотришь на эти увалы, и тебя тоже тянет, идти, куда они сами катятся. Оттого каждый незнакомый с местностью приходит этими увалами непременно к Звонкой сече по открытой на всю даль Третьей горе.

Тут кто-то жил в незапамятные времена, и, наверно, это он для своей избушки срубил какой-нибудь десяток деревьев.

Как это постоянно бывает в суземе, на месте срубленных деревьев-пионеров выросли березы и своим березовым шепотом о делах человеческих стали привлекать сюда новых гостей, вольных сторожей Корабельной Чаши.

Так повелось в области Коми, что кто-нибудь очень пожилой, потерявший силу работать в семье, уходил на Звонкую сечу и там жил. Та первоначальная избушка на Звонкой сече, конечно, с тех далеких времен истлела, но каждый новый сторож подновлял ее для себя, и она оставалась и дожила до нашего времени, сохраняя свою обычную форму курной охотничьей избы.

Ни одного прежнего дерева, наверно, не оставалось в этой избе, но после нового сторожа прибывало на смену истлевшим несколько новых деревьев, а на поляне выросло несколько новых берез.

Лавочка была возле избушки, и если сесть на нее, то как раз перед глазами то окошко с Третьей горы, откуда синими грядами, голубея, переходит лесная даль в голубой туман.

Вся поляна между огромными соснами была похожа на доньшко лесного ведра, открытого к небу.

Свет великий, могучий, огромный, непереносимый для растений, выросших в тени, охватывал всю Сечу и вызывал к жизни светолюбивые травы.

Только одна-единственная из тенивыносливых растений елка стояла на середине поляны.

Сколько же вынесла борьбы сама с собой эта елка, чтобы все свои клеточки, приготовленные для борьбы с тенью, перестроить на клеточки, способные принять новый великий свет.

Помогал ли этой елочке сколько-нибудь человек в борьбе ее за правильную форму, или она-то как раз и пробудила в древнем человеке создать свое стремление к нравственной форме, называемое у нас правдой?

Кто знает?

Теми ли словами, как мы, но каждый простой человек, сидевший на лавочке у избушки, против елки необычайно правильной формы, как-нибудь доходил же до таких слов: «Не гонитесь, деточки, за счастьем в одиночку, а гонитесь дружно за правдой».

Сеча, наверно, и названа Звонкой за то, что весной на заре все песни болотных

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru птиц врываються через окошко сюда и в неопределенном урчании разносятся колыбельной песнью по всем лунным увалам. Ты идешь по сухому, хрусткому белому мху, и с тобой идет эта песнь – самая древняя и забытая.

А уж если сесть на лавочку и слушать, то тут-то вот и случается одно и тоже со всеми. Сначала каждый бывает уверен в том, что в этих нетронутых рукой человека лесах сохраняется какое-то наше великое добро, великое счастье, забытое нами, манящее.

Силу в себе чувствует каждый, будто только вот взяться, и все вокруг поднимется к новой, чудесной, небывалой жизни. Но проходит малое время, и каждый свое первое чувство при встрече с лесами забывает и сам остается со всеми, как все: замирает, не вспомнив чего-то, и так оно остается до прихода кого-нибудь нового: вспыхнет при встрече с «природой» в новом, как что-то прекрасное, забытое, и опять замирает.

Последним сторожем Корабельной Чаши пришел в эту Звонкую сечу Онисим, тот самый, кому досталось стеречь Чашу в наше новое время.

Сюда же, к Онисиму, по самой ранней весне пришел солдат с перевязанной рукой и назвался Василием Веселкиным из города Переславля-Залесского.

Он не скрывал, зачем он пришел: для того, чтобы Корабельную Чашу сделать полезной для человека.

И подробно рассказал, какая нужда сейчас в авиационной фанере.

Выходило из рассказа: Чашу непременно надо срубить.

Была у Онисима любимая не одна только лесная Чаша, он проводил на своем веку и всех своих любимых людей: все ушли.

Но мысль у него своя оставалась, спокойная и сердечная. Скорей всего Веселкин ему даже чем-то понравился.

– Сделать Чашу полезной для человека, – сказал он спокойно, – из каждого дерева сделать дубинку и хлестать ею по головам?

– Затем и хотим срубить Чашу, – ответил Веселкин, – чтобы взять самим в свои руки дубинку и не допустить нашего врага.

– Хорошее дело, – ответил Онисим, – только неужели же негде фанеры достать, как только из нашего леса? Так, пожалуй, и нас с тобой на дубинки возьмут.

– Лес этот, – ответил Веселкин, – перестоялся, он должен без пользы для человека пропасть от червя или пожара.

– От пожара мы стережем, – сказал Онисим, – а червя в этом лесу нет.

– Все равно, какое же добро в том, что такой лес готовый и стоит без пользы?

– А он не так стоит, – ответил Онисим, – он у нас вроде школы для молодых людей. Нынче так повелось между молодыми, чтобы в одиночку дерзкими путями достигать своего счастья. Вот мы им указываем: одинокое дерево валится даже и от легкого ветра, а в Чаше даже какому дереву упасть надо, и то падать некуда. И на веках уже так у нас было, что показываем на Корабельную Чашу и учим: «Одинокое дерево продувает и в заветрии за Теплой горой, а в Корабельной Чаше дерево стоит за всех и все деревья стоят за каждое. Не гонитесь же в одиночку за счастьем, – а стойте дружно за правду».

На эти слова Веселкин ничего не ответил.

Утром, на заре, он услышал пение птиц и, вспомнив свое детство в лесах, вышел.

Он хорошо знал, как чудесно поют тетерева на заре, – но того, что было на Звонкой сече, он не знал никогда. Каждая голова красивой птицы, похожая на красный цветок, склоняется перед восходящим солнцем к земле.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так и Веселкин, слушая колыбельную песню лесной пустыни, начал склоняться, и еще, бы немного, может быть, и он бы стал и замер, как все. Но взгляд его упал на одну елку среди березовой сечи, всю покрытую красными маленькими шишками, и на них летела уже золотая пыльца.

Тут ему вспомнилась своя далекая елочка, когда свет великий, могучий упал на нее и по-своему она зацвела. Веселкин вдруг вскочил со хвоей лавочки и увидел, что Онисим с порога, с палкой в руке и сумкой с продовольствием за спиной, смотрит на него и, будто насквозь понимая, улыбается.

– Ты думаешь, дедушка, – сказал он, – мне легче твоего расставаться с лесом?

Старик еще больше улыбнулся, как будто слова Веселкина подтвердили его догадку.

Онисим подошел к Веселкину, поласкал его плечо и ответил:

– Тебе, дружок, много легче: ты еще молод. Но кто знает, может быть, мы с Корабельной Чашей еще и не расстанемся.

Так они и разошлись своими путями: Веселкин – в село набирать рабочих, а Онисим надумал себе в эту ночь, как многие в таких трудных случаях, пойти к Калинину и просить его постоять за Корабельную Чашу.

Глава сороковая

Перед тем как рубить и пилить спелый сосновый бор, лесорубы на высоте своего собственного роста вырубают на каждом дереве канавки, как они называют, усы. По этим усам из дерева течет ароматный сок и с усов попадает в особый, подвязанный к дереву стаканчик.

Вскоре после вырубки усов для стока густой ароматной смолы порезанные на дереве участки коры начинают краснеть, и кажется, будто из дерева не смола вытекает, а кровь.

Такая подготовка леса, перед тем, как его рубить, называется подсочкой на смерть.

Так было и в Корабельной Чаше, когда Веселкин добился своего и привел на Звонкую сечу десятки мальчиков для подготовки Корабельной Чаши на сруб.

Под наблюдением Веселкина мальчики устроили себе тут же, на Звонкой сече, в соседстве с избою сторожа, легкие бараки, а потом приступили по молодости без всякого колебания к подсочке на смерть.

Не сразу из-под ножа вытекает смола у сосны. Ничего бы Мануйло снизу и не заметил, не попадись ему на глаза один мальчишка на дереве. Было это рано поутру, когда, уложив детей, Мануйло вышел к пруду захватить воды, одуматься после бури, в чем согласиться с природой, на что попенять, увериться тоже, все ли еще по-прежнему живут в прудике дружные рыбы – вьюн и карась.

Хорошо после бурь и дождей согреться под черным пологом курной избушки, но хорошо тоже, выспавшись, выйти из-под черного тепла на белый свет.

Утро после весенней бури задалось самое мирное, и только-только бы человеку порадоваться, как вдруг, потянувшись кругом, Мануйло что-то необычное заметил, встревожился и пригляделся к деревьям Корабельной Чаши на Третьей горе.

Тут-то вот и оказалось, что на Третьей горе возились какие-то мальчишки с блестящими на солнце ножами в руках.

Приглядевшись получше, пораздумав, Мануйло весь потемнел в лице и сказал сам себе вслух:

– Это подсочка на смерть.

Оставалось только надеяться, что подсочка только что началась и ее еще можно остановить.

Откуда ни возьмись, к этому времени подоспел и Онисим со своей запоздалой вестью

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru о конце войны. Упираясь в кладочки на реке росошинкой своего твердого посоха, старик перешел мостик, пригляделся к Мануйле...

Сколько лет прошло! и вдруг все-таки почему-то вспомнилось что-то.

– Ушкало помнишь? – спросил Онисим.

– Онисим! – узнал тоже Мануйло и тоже вспомнил разговор о палочке, найденной когда-то возле прудика, где исстари жили вьюн и карась.

И вот какой был Мануйло, что шестьдесят лет человеку минуло, все на свете видел, даже Москву и Калинина, а как вспомнил ушкало и о том, как он в простоте своей указал товарищу в лазарете Корабельную Чашу, и теперь встретился с ясными глазами старого Онисима, то не мог глядеть, как на солнце, потупился, смешался.

– Видишь ли ты? – спросил он, указывая на мальчиков со сверкающими ножами в руках.

– Я это знаю, – ответил Онисим, – они только начали подсочку, я спешу: война кончилась, и это дело надо бросать.

– Нет, – ответил Мануйло, – ты не понимаешь всей беды с вашей Корабельной Чашей...

– Не знаю? – повторил Онисим. – Как же так не знаю, что ты говоришь?

И сел на ту самую лавочку-беседку, где и сто и больше лет присаживались люди, и сами собой, не спрашиваясь, выросли четыре березки.

Мануйло, конечно, тут же подсел к старику.

Все рассказал Онисим о том, как пришел к ним солдат с подвязанной рукой и уговорил пожертвовать на войну с врагами Корабельную Чашу. И что он собрался было идти к Калинину, но на дороге, в первой же от сузема деревне, узнал большую радость для всех и тут же вернулся: если кончилась война, то зачем же рубить Корабельную Чашу?

Выслушав Онисима, Мануйло сказал ему только одно:

– Не понимаешь ты, дед, в чем тут наша сказка.

Онисим улыбнулся и поглядел прямо в глаза Мануйлы и ласково сказал ему:

– Могу, конечно, и не понять, друг мой, а ты не гордись и сказку свою обрати в правду.

– Правда, – ответил Мануйло, – дедушка, как была правдой, так и теперь она остается.

– А я про что же сам говорю постоянно молодым? Правда! Да и не я один, а и все деды и прадеды наши учили: «Не гонитесь, деточки, за счастьем в одиночку, гонитесь дружно за правдой».

– Вот так точно мне и Калинин сказал: мало ли найдется у нас лесов для войны, чтобы сделать дубинку из дерева и хлестать ею врага. А есть такие леса, откуда вытекает великая река. Начало такой реки вот и надо хранить. Во всем мире так ведется, что сначала все леса изведут, а потом хватятся, да уж поздно: леса извели, а без лесов на солнце вся правда наша и высохла.

– Тебе это Калинин сказал? – спросил Онисим. И сразу весь помолодел.

– Калинин это сказал, – ответил Мануйло, – и велел мне скорее идти сюда и спасти Корабельную Чашу: есть и бумага от него. Он сказал еще, что по таким заповедным лесам мы будем учиться выращивать новые небывалые леса на защиту мира во всем мире.

– И как же ты понимаешь, – спросил Онисим, – войн теперь на земле вовсе не будет?

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru – Вот и я тоже так спросил Калинина, и он мне ответил: война будет еще довольно, да мысль наша будет не туда устремляться: пусть война, если нужно, да люди будут сближаться между собой не для войны, а для мира.

– Это правда истинная, – ответил Онисим. – Пойдем теперь на гору.

И, оставив детей в избушке досыпать свое время, Онисим с Мануйлой поднялись, на Третью гору. Лунными увалами оленьего моха они прошли на Звонкую сечу.

Сказать, чтобы так уж очень-то обрадовался Веселкин своему другу, нельзя: он был весь чем-то занят и видно было: эту подсочку на смерть делать было ему – нелегко.

Слушая Мануйлу и все, что сказал Калинин, Веселкин долго молчал и, выслушав, крепко задумался.

А тут-то прибежали сюда Митраша с Настей и остановились, как дикие зверьки, на поляне под елочкой необыкновенно правильной формы.

Они узнали отца, и он догадался, спросил:

– А мать?

Ему ничего не сказали.

И он вдруг все понял, и весь изменился.

Еще пели тетерева утреннюю свою колыбельную песню – едва ли сейчас слышал песню Веселкин. Он сел на лавочку и крепко задумался. Несколько коротких мгновений прошло, а как показалось долго!

Вдруг он вздрогнул, очнулся, оглянулся вокруг на поляне, встретился глазами с елкой необычайно правильной формы в красных шишках, осыпаемых золотой пылью. Увидев елочку, Веселкин видимо сделал над собою усилие.

В эту минуту солнце вышло из облаков, и свет великий, могучий, огромный бросился на поляну.

– Ну, герои, здравствуйте! – сказал отец, и дети бросились к нему.

За это время все мальчики, работавшие на опушке Корабельной Чаши, собрались на Звонкой сече.

Увидав их, Веселкин приказал им закончить подсочку на смерть и положить пластыри на все раны.

Так и была Спасена Корабельная Чаша, хорошими простыми людьми она была спасена.

Выходные данные
Михаил Михайлович Пришвин

ГЛАЗА ЗЕМЛИ. КОРАБЕЛЬНАЯ ЧАЩА

Составитель Валерия Дмитриевна Пришвина

Редактор Г. Н. Скобликов

Оформление Я. Н. Мельника.

Техн. редактор О. Я. Понятовская

Корректоры Р. М. Цветкова, С. А. Кулакова, А. И. Адрианова, С. М. Кадошникова

Текст печатается по изданию: М. М. Пришвин. Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1972.

Глаза земли. Корабельная чаша. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

В данном издании повесть-сказка «Корабельная Чаша или Слово Правды» печатается по изданию: М. М. Пришвин, Избранные произведения в двух томах, т. 2, М., Художественная литература, 1972 г., сверенному с авторской машинописью, хранящейся в архиве М. М. Пришвина.

ИБ № 694

Сдано в набор 10.07.80. Подписано к печати 28.01.81.

Формат 84 x 108/32. Бумага тип. № 3.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. п. л. 22.68. Уч. – изд. л. 21,75.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 2301. Цена 2 руб.

Южно-Уральское книжное издательство,
454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Областная типография Челяб. обл. управления издательств, полиграфии и книжкой торговли,

454000, г. Челябинск, ул. Творческая, 127

Примечания

1 Черновик неотправленного письма к А. А. Фадееву.

2 Под знаком вечности (лат.).

3 Запоздалая реакция (франц.).

4 Правда и вымысел (нем.).

5 Едомной избой, в отличие от начальной становой, называется подсобная изба на конце путика в лесу. (Прим. автора).

6 Плиция – ковшик из бересты. (Прим. автора)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!